

ISSN 2409-8744 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 31-12-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Азарова Валентина Владимировна, доктор искусствоведения,
azarova_v.v@inbox.ru

ISSN: 2409-8744

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 31-12-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Azarova Valentina Vladimirovna, doktor iskusstvovedeniya, azarova_v.v@inbox.ru

ISSN: 2409-8744

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Азарова Валентина Владимировна – доктор искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет искусств, профессор кафедры органа, клавесина и карильона, главный редактор журнала "Человек и культура", 199034, г. Санкт-Петербург, 9-я линия Васильевского острова, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российская академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, главный научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа Отдела зрелищных и медийных искусств, nihrenov@mail.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наалья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55.
sverhtitan@rambler.ru.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5,
darapti@mail.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Петров Владислав Олегович – доктор искусствоведения, доцент Астраханская государственная консерватория кафедра теории и истории музыки, 414000, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Советская, 23

Шульгина Ольга Владимировна – доктор исторических наук, кандидат географических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, кафедра географии, 129226, Россия, г. Москва, проезд 2-й Сельскохозяйственный, 4,

Айермахер Карл — профессор, основатель Института русской культуры им. Ю. М. Лотмана Рурского университета (г. Бохум, Германия) и Международного учебно-научного центра «Высшая школа европейских культур» Российского государственного гуманитарного университета, художник. Universitätsstraße, 150. 44801, Bochum, Deutschland.

Вашик Клаус — доктор философии, профессор, директор Международного учебно-научного центра «Высшая школа европейских культур» Российского государственного гуманитарного университета, управляющий делами Института русской культуры имени Ю. М. Лотмана Рурского университета (г. Бохум, Германия). Universitätsstraße 150. 44801 Bochum, Deutschland

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diabls Bleus, 06101 Nice, France.

Жос Франсуа — PhD, профессор Университета Париж-III (Новая Сорбонна), руководитель Научного центра по изучению аудиовизуальной культуры, писатель, режиссер (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Тарковска Эльжбета — профессор социологии, заведующая Группой исследования

бедности Института философии и социологии Польской академии наук, и. о. директора Института философии и социологии Академии специальной педагогики им. М. Гжегожевской, главный редактор журнала «Культура и общество» (г. Варшава, Польша). Instytut Filozofii i Socjologii PAN, ul. Nowy Swiat 72, 00-330 Warszawa, Poland.

Фейгельсон Кристиан — доктор социологии, профессор факультета кинематографии Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Алпатов Владимир Михайлович — член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института языкознания РАН. 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер. 1/12.

Арутюнов Сергей Александрович — член-корреспондент Российской академии наук, иностранный член Национальной академии наук Армении, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Головнев Андрей Владимирович — член-корреспондент Российской академии наук, директор Этнографического бюро, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского Отделения РАН, президент Российского фестиваля антропологических фильмов. 620026, Россия, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56. Институт истории и археологии УрО РАН.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жабский Михаил Иванович — доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии экранного искусства Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А. Герасимова. 125009, Россия, г. Москва, Дегтярный переулок, 8, строение 3.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан

Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Мартынова Марина Юрьевна — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН по науке, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а.

Репина Лорина Петровна — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории Российской академии наук, руководитель Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а.

Топорков Андрей Львович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы имени М. Горького РАН. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Трубочкин Дмитрий Владимирович — доктор искусствоведения, профессор Российской академии театрального искусства, директор Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Швидковский Дмитрий Олегович — академик и вице-президент Российской академии художеств, академик Российской академии архитектуры и строительных наук и Академии реставрации, доктор искусствоведения, профессор, ректор Московского архитектурного института, председатель Общества историков архитектуры, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Лондонского общества древностей Английской исторической академии. 107031. Россия, г. Москва, Рождественка, 11.

Шестаков Вячеслав Павлович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором теории искусства Российского института культурологии. 119072, Россия г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Штейнер Евгений Семенович — доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Российского института культурологии, профессор-исследователь Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета (г. Лондон, Великобритания). 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Якимович Александр Клавдианович — академик Российской академии художеств, доктор искусствоведения, заместитель председателя Ассоциации искусствоведов, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств РАХ. 119034, Россия, г. Москва, Пречистенка, 21.

Швыдкой Михаил Ефимович - доктор искусствоведения, профессор, научный руководитель Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, МГУ имени М.В.Ломоносова, 27, корпус 4 (Шуваловский корпус). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Халипова Елена Вячеславовна - доктор юридических наук, доктор социологических наук, профессор, декан Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; E-mail: khalipova.ev@gmail.com

Астафьева Ольга Николаевна — доктор философских наук, профессор, заведующая сектором стратегий социокультурной политики Российского института культурологии, председатель Московского культурологического общества. 119072, Россия, г. Москва, Берсенеvская набережная, 18-20-22, строение 3.

Буданова Вера Павловна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт всеобщей истории РАН.

Васильев Алексей Григорьевич — заместитель директора Российского института культурологии, кандидат исторических наук, доцент. 119072, Россия, г. Москва, Берсенеvская набережная, 18-20-22, строение 3.

Кондаков Игорь Вадимович — доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета. 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул. Чайнова, 15.

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенеvская набережная, 18-20-22, строение 3.

Шемякин Яков Георгиевич — доктор исторических наук, заведующий отделом энциклопедических изданий Института Латинской Америки Российской академии наук. 115035, Россия, г. Москва, ул. Большая Ордынка, 21.

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, профессор Институт Славянской культуры РГУ им А.Н. Косыгина. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Заховаева Анна Георгиевна - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ивановская государственная медицинская академия» Минздрава России. 153012, Российская Федерация, Ивановская область, г. Иваново, Шереметевский проспект, 8. E-mail: ana-zah@mail.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpo@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, 16, кв. 32, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, кв. 43, Oskar46@mail.ru

Пархоменко Татьяна Александровна - доктор исторических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, Руководитель отдела культурологии - главный научный сотрудник, нет, нет, 125315, Россия, г. Москва, ул. ул. Часовая, д. 12, кв. 27, ParchomenkoT@yandex.ru

Петров Владислав Олегович - доктор искусствоведения, ФГБОУ ВО "Астраханская государственная консерватория", профессор кафедры теории и истории музыки, г. Астрахань, ул. Волжская, 43, кв. 9, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. ул. Волжская, 43, кв. 9, petrovagk@yandex.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних веком института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Azarova Valentina Vladimirovna – Doctor of Art History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Faculty of Arts, Professor of Organ, Harpsichord and Carillon Department, Editor-in-chief of the magazine "Man and Culture", 199034, St. Petersburg, 9th line of Vasilievsky Island, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Igor V. Berezchnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronovskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stavitsky.v@yandex.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Khrenov Nikolay Andreevich – Doctor of Philosophy, Professor, State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Chief Researcher of the Sector of Artistic Problems of Mass Media of the Department of Entertainment and Media Arts, nikhrenov@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irphen67@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Petrov Vladislav Olegovich – Doctor of Art History, Associate Professor Astrakhan State Conservatory Department of Theory and History of Music, 414000, Russia, Astrakhan region, Astrakhan, Sovetskaya str., 23

Shulgina Olga Vladimirovna – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University, Department of Geography, 129226, Russia, Moscow, 2nd Agricultural Passage, 4,

Karl Ayermacher - Professor, founder of the Lotman Institute of Russian Culture of the Ruhr University (Bochum, Germany) and the International Educational and Scientific Center "Higher School of European Cultures" of the Russian State University for the Humanities, an artist. Universit?tsstra?e, 150. 44801, Bochum, Deutschland.

Vasik Klaus is a Doctor of Philosophy, Professor, Director of the International Educational and Scientific Center "Higher School of European Cultures" of the Russian State University for the Humanities, Managing Director of the Lotman Institute of Russian Culture of the Ruhr University (Bochum, Germany). Universit?tsstra?e 150. 44801 Bochum, Deutschland

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Jos Francois — PhD, Professor at the University of Paris-III (New Sorbonne), Head of the Scientific Center for the Study of Audiovisual Culture, writer, director (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Tarkovska Elzbieta — Professor of Sociology, Head of the Poverty Research Group of the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of Sciences, Acting Director of the Institute of Philosophy and Sociology of the Academy of Special Pedagogy named after M. Grzegorzewska, Editor-in-chief of the journal "Culture and Society" (Warsaw, Poland). Instytut Filozofii i Socjologii PAN, ul. Nowy Swiat 72, 00-330 Warszawa, Poland.

Feigelson Christian - Doctor of Sociology, Professor at the Faculty of Cinematography of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue

Santeuil, 75005 Paris, France.

Alpatov Vladimir Mikhailovich — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 125009, Russia, Moscow, B. Kislovsky lane 1/12.

Arutyunov Sergey Alexandrovich — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, foreign member of the National Academy of Sciences of Armenia, Head of the Caucasus Department of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia.

Gerold Ivanovich Vzdornov - corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Golovnev Andrey Vladimirovich — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Ethnographic Bureau, Chief Researcher of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, President of the Russian Festival of Anthropological Films. 56, R. Luxemburg Str., Yekaterinburg, 620026, Russia. Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Zhabsky Mikhail Ivanovich — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology of Screen Art of the All-Russian State University of Cinematography named after S.A. Gerasimov. 125009, Russia, Moscow, Degtyarny lane, 8, building 3.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Martynova Marina Yurievna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences for Science, Head of the Center for European and American Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia.

Repina Lorina Petrovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Intellectual History of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 119991, Russia, Moscow, Leninsky Prospekt, 32a.

Toporkov Andrey Lvovich — Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Folklore Department of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. 121069, Russia, Moscow, Povarskaya, 25a.

Trubochkin Dmitry Vladimirovich — Doctor of Art History, Professor of the Russian Academy of Theater Arts, Director of the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Dmitry O. Shvidkovsky is an academician and Vice—President of the Russian Academy of Arts, Academician of the Russian Academy of Architecture and Building Sciences and the Academy of Restoration, Doctor of Art History, Professor, Rector of the Moscow Architectural Institute, Chairman of the Society of Architectural Historians, Honored Artist of the Russian Federation, honorary member of the London Society of Antiquities of the English Historical Academy. 107031. Russia, Moscow, Rozhdestvenka, 11.

Vyacheslav Pavlovich Shestakov — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Art Theory Sector of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Evgeny S. Steiner — Doctor of Art History, Chief Researcher at the Russian Institute of Cultural Studies, Research Professor at the School of Oriental and African Studies at the University of London (London, UK). 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Yakimovich Alexander Klavdianovich — Academician of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Deputy Chairman of the Association of Art Historians, Chief Researcher of the Research Institute of Theory and History of Fine Arts, RAKH. 119034, Russia, Moscow, Prechistenka, 21.

Shvydkoi Mikhail Efimovich - Doctor of Art History, Professor, Scientific Director of the Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanities (Faculty) Lomonosov Moscow State University; 119991, Russian Federation, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, Lomonosov Moscow State University, 27, Building 4 (Shuvalov Building). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Elena V. Khalipova - Doctor of Law, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanities (Faculty) Lomonosov Moscow State University; E-mail: khalipova.ev@gmail.com

Astafyeva Olga Nikolaevna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Sector of Socio-cultural Policy Strategies of the Russian Institute of Cultural Studies, Chairman of the Moscow Cultural Society. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Budanova Vera Pavlovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences.

Vasiliev Alexey Grigorievich — Deputy Director of the Russian Institute of Cultural Studies, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya

Embankment, 18-20-22, building 3.

Kondakov Igor Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of the Russian State University for the Humanities. 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul. Chayanova, 15.

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Shemyakin Yakov Georgievich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Encyclopedic Publications of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences. 21 Bolshaya Ordynka str., Moscow, 115035, Russia.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Portnova Tatiana Vasilyevna - Doctor of Art History, Professor at the Institute of Slavic Culture of the Kosygin Russian State University. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Zakhovaeva Anna Georgievna - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities of the Ivanovo State Medical Academy of the Ministry of Health of Russia. 8, Sheremetyevo Avenue, Ivanovo, Ivanovo region, 153012, Russian Federation. E-mail: ana-zah@mail.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Nadezhda Oskarovna Bleikh - Doctor of Historical Sciences, K.L.Khetagurov North Ossetian State University, Professor of the Psychology Department of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Vladikavkaz, ul. Vladikavkazskaya, 16, sq. 32, 362043, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, nadezhda-blejkh@mail.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, sq. 43, Oskar46@mail.ru

Tatiana Parkhomenko - Doctor of Historical Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Head of the Department of Cultural Studies - Chief Researcher, no, no, 125315, Russia, Moscow, ul. Chasovaya, 12, sq. 27, ParchomenkoT@yandex.ru

Petrov Vladislav Olegovich - Doctor of Art History, Astrakhan State Conservatory, Professor of the Department of Theory and History of Music, Astrakhan, Volzhskaya str., 43, sq. 9, Russia, Astrakhan region, Astrakhan, Volzhskaya str., 43, sq. 9, petrovagk@yandex.ru

Sivkina Natalia Yurievna - Doctor of Historical Sciences, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Professor of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of International Relations and World History, 603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Lenin Avenue, 63, sq. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Shevtsova Anna Aleksandrovna - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow Pedagogical State University", Professor of the Department of Cultural Studies, 127018, Russia, Moscow, Moscow, Streletskaya str., 14k1, sq. 164, ash@inbox.ru

Shulgina Olga Vladimirovna - Doctor of Historical Sciences, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University" (GAOU IN MGPU), Head of the Department of Geography and Tourism, 119192, Russia, Moscow, Moscow, Michurinsky Prospekt, 56, sq. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Семенова О.В., Адам Ю.И. Речь и половой диморфизм: история вопроса в свете современных теорий происхождения речи и экспериментальных данных	1
Одегова К.И., Быкова Е.В. Синкретичность язычества и православия в марийской и удмуртской культурах: конфессиональные маркеры в природном ландшафте	19
Шоличева А.Г. Интертекстуальность визуальных и вербальных произведений наивной художницы Надежды Спириной	29
Ху В. Влияние художественных обществ Шанхая на развитие изобразительного искусства начала XX века	51
Хэ Я. Практические аспекты использования чат-ботов для обучения русскому языку в рамках межкультурной коммуникации	60
Круглова Е.В. Выразительные свойства украшений в вокальной музыке первой половины XVIII века	76
Сулейманов А.А. «Доместикация» холода русским населением Якутии во второй половине XIX – первой половине XX вв.	85
Котляр Е.Р., Хлевной В.А. Модерн в архитектуре южнобережных вилл и дворцов как вклад выдающихся личностей их владельцев и архитекторов в культурный ландшафт Крыма	96
Федорова А.Р., Гоголев А.И. Трансформация зимнего костюма в Якутия в эпоху модернизации конца XIX – середины XX вв.	114
Гоголев А.И., Федоров С.И. «Дефицит холода» и деградация многолетнемерзлых грунтов как фактор трансформации охотничьей деятельности у якутов	130
Качай И.С. Онтологическое, гносеологическое и антропологическое измерения творчества в контексте классической европейской философии	137
Абрамкин И.А. Роль аксессуара в женском интерьерном портрете М.-Э. Виже-Лебрен	153
Шашнева Е.Н., Валькевич С.И., Маслов В.Г., Михайлов А.А., Ершова Л.В., Астахов О.Ю., Романова К.Е., Океанская Ж.Л. Восточные мотивы и образы в творчестве К.Д. Бальмонта: культурологический аспект.	164
Гоголев А.И., Егоров А.Ф., Руфов Д.Е. Хомус в исторической памяти Якутии	177
Добрынин О.В. Трансформация режиссерского замысла применительно к построению структуры виртуального пространства в кинематографе	184
У Ц. Изобразительное искусство как фактор развития современной художественной анимации Великобритании	199
Англоязычные метаданные	210

Contents

Semenova O.V., Adam Y.I. Speech and sexual dimorphism: the history of the issue in the light of modern theories of the origin of speech and experimental data	1
Odegova K.I., Bykova E.V. Syncretism of Paganism and Orthodoxy in the Mari and Udmurt Cultures: Confessional markers in the natural landscape	19
Sholicheva A. The intertextuality of visual and verbal works by naive artist Nadezhda Spirina	29
Hu W. The influence of Shanghai Art societies on the development of fine arts in the early twentieth century	51
He Y. Practical aspects of using chatbots for learning the Russian language in intercultural communication	60
Kruglova E. Expressive properties of embellishment in vocal music the first half of the 18th-century	76
Suleymanov A.A. The "domestication" of cold by the Russian population of Yakutia in the second half of the XIX – first half of the XX centuries.	85
Kotliar E.R., Khlevnoi V.A. Art Nouveau in the architecture of South-coast villas and palaces as a contribution of outstanding personalities of their owners and architects to the cultural landscape of Crimea	96
Fedorova A.R., Gogolev A.I. Transformation of winter costume in Yakutia in the era of modernization of the late XIX – mid XX centuries.	114
Gogolev A.I., Fedorov S.I. "Cold deficiency" and degradation of permafrost soils as a factor of transformation of hunting activity among the Yakuts	130
Kachay I.S. Ontological, epistemological and anthropological dimensions of creativity in the context of classical European philosophy	137
Abramkin I.A. The role of the accessory in a female interior portrait by E. Vigée Le Brun	153
Shashneva E.N., Val'kevich S.I., Maslov V.G., Mihailov A.A., Ershova L.V., Astakhov O.Y., Romanova K.E., Okeanskaya Z.L. Oriental motifs and images in the works of K.D. Balmont: a cultural aspect.	164
Gogolev A.I., Egorov A.F., Rufov D.E. Khomus in the historical memory of Yakutia	177
Dobrynin O.V. The transformation of the director's vision in relation to the structure of virtual space in cinema	184
Wu Z. Fine art as a factor in the development of modern art animation in the UK	199
Metadata in english	210

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Семенова О.В., Адам Ю.И. — Речь и половой диморфизм: история вопроса в свете современных теорий происхождения речи и экспериментальных данных // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 1 - 18. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.68961 EDN: ZLFFIR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68961

Речь и половой диморфизм: история вопроса в свете современных теорий происхождения речи и экспериментальных данных

Семенова Ольга Владимировна

ORCID: 0000-0002-0015-243X

доктор исторических наук

Институт этнологии и антропологии (РАН).

117556, Россия, г. Москва, ул. Ленинский Проспект, 32 а, оф. 1902

✉ m4248296@yandex.ru

Адам Юлия Игоревна

ORCID: 0000-0003-3839-8360

кандидат исторических наук

независимый исследователь

119334, Россия, г. Москва, ул. Ленинский Проспект, 32 а

✉ julia.apalkova@gmail.com

[Статья из рубрики "Этнология и культурная антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.6.68961

EDN:

ZLFFIR

Дата направления статьи в редакцию:

13-11-2023

Дата публикации:

01-12-2023

Аннотация: В данной теоретической статье авторы обращаются к анализу

исследований, объясняющих происхождение и выявляющих функции и значение устной речи человека в рамках эволюционного подхода. Прежде всего авторов интересует влияние полового отбора на развитие вербального мастерства в разных половозрастных группах. В этой связи особый интерес представляют данные истории жизненного цикла человека, которые указывают на то, что овладение языком как инструментом воздействия и манипулирования мнением окружающих приближается к продвинутому уровню владения лишь к моменту полового созревания, и речь, таким образом, начинает играть важную роль в межполовой конкуренции. Стремительно развивающиеся с наступлением половой зрелости способности к перформативным ярким выступлениям, отстаиванию своей позиции, а также к ведению дебатов на публике, по всей видимости, могут быть направляемы силами полового отбора, в связи с чем, они должны проявляться ярче у мужчин, нежели у женщин. Предполагается, что вербальное мастерство может служить средством активного привлечения внимания в целях саморекламы и повышения социального статуса оратора. Методологической основой нашей работы во многом стал анализ этнографических источников. В статье авторы приводят обширный этнографический материал, подтверждающий связь высокого социального статуса с ораторскими способностями. Авторы также обращаются к новейшим исследованиям, которые анализируют различия в перформативной речи между мужчинами и женщинами. Экспериментальные работы показывают, что в беседе с привлекательной женщиной, мужчины, как правило, более творчески подходят к выбору слов и выражений. Некоторые работы рассматривают связь различных аспектов речи с привлекательностью оратора, его маскулинностью и адаптивностью. Большой интерес вызывают исследования, изучающие связь музыкальных способностей и привлекательности, а также работы, анализирующие артикуляционные особенности устной речи и их связь с принадлежностью к определенной социальной среде или социальному классу. Все приведённые в обзоре особенности речи с большой вероятностью могли быть сформированы давлением сил полового отбора. В связи с этим, изучение полового диморфизма представляется одним из важнейших направлений в исследованиях перформативной речи.

Ключевые слова:

эволюция человека, история жизни, язык, речь, половой отбор, взросление, маскулинность, высота голоса, лидерство, красноречие

Не секрет, что любые наши социальные взаимодействия имеют постоянный речевой аккомпанемент, они сопровождаются бесконечными разговорами, обменом мнениями, комментариями к происходящим событиям, обсуждениями прошлого и будущего, а часто и вовсе малосодержательными диалогами и дежурными фразами. Говорим мы действительно много, даже когда нам кажется, что не так уж и много, в сущности, было сказано [\[1\]](#). В среднем мы произносим около 16 тыс. слов в день [\[2\]](#). Это примерно 1 тыс. слов в час или около 16 слов в минуту — и это только наша повседневная устная речь. Но если учесть еще прослушивание разговоров, чтение, письмо, текстовые сообщения, социальные сети, телевидение и внутренний диалог, становится очевидно, что язык и речь полностью пронизывают все аспекты нашего существования [\[3; 4\]](#).

Таким образом, человеческая речь имеет две ключевые особенности: во-первых, постоянство ее использования и, во-вторых, постоянно же наблюдаемая ее малосодержательность. Не удивительно, что эти свойства речи легли в основу теории

груминга, базирующейся на одной из ключевых современных гипотез происхождения языка в эволюционной биологии. В рамках этой теории предполагается, что звуковой компонент взаимодействий на почве груминга (англ. *vocal grooming*) играл существенную роль в эволюции речи в прошлом человека [5; 6]. В этом смысле стремление людей к постоянному социальному вербальному общению соответствует способам ухаживания у животных, выраженных в форме регулярного контактного взаимодействия [7].

Однако с биоэволюционной точки зрения иметь такой богатый лексический аппарат и изощренность (англ. *complexity*) синтаксиса только для социальной интеграции и для поддержания социальных контактов было бы слишком расточительно. К тому же большинство специалистов признает, что в вербальной коммуникации человека важна, прежде всего, информационная составляющая. Так, сторонники функционализма считают основной коммуникативную функцию языка. «Коротко говоря, язык — это средство коммуникации. Способность делиться мыслями с помощью языка предоставляет людям разнообразные возможности эффективного взаимодействия, недоступные другим биологическим видам» [8, стр. 61]. При этом все же отмечается, что наш язык не является оптимальным средством для точной передачи информации [9]. Ведь язык — это знаковая система [10], и он содержит множество лишней кодификации: в любом языке имеются элементы (они могут быть фонетическими, лексическими, морфологическими, синтаксическими), которые в рамках высказывания можно заменить друг на друга без существенного изменения передаваемого смысла, имеются и средства дублирования информации [11]. Характерно также и то, что наша речь содержит массу идиоматических выражений, метафор, гипербол и фраз, зачастую допускающих двусмысленные интерпретации, при этом мы не стремимся к их избеганию, а напротив, активно используем такую неоднозначность в социальной беседе и в косвенной речи. Например, когда один человек за столом спрашивает другого: «Вы можете подать соль?», он, ожидаемо, получает соль, а вовсе не ответ, на поставленный вопрос. Подобного рода вопросы и фразы «неэффективны, вызывают частое недопонимание и кажутся неуместными», но они используются повсеместно [9]. Н. Хомский в этой связи отмечал, что: «Языковой дизайн как таковой во многих отношениях оказывается дисфункциональным». По его мнению, язык разработан как система, которая красива, но, в целом, не столь пригодна для использования. Язык не утилитарен, а создан скорее для красоты, хотя и обладает функциями, позволяющими полноценно его использовать для повседневных целей нашей жизни. Н. Хомский таким образом утверждает, что языковая система элегантна, но плохо спроектирована, в то время как, биологические системы устроены совсем не так. Они в значительной степени избыточны по причинам, которые имеют правдоподобное функциональное объяснение. Вопрос же о том, почему язык должен так сильно отличаться от других биологических систем, является научной проблемой, и в некотором роде даже загадкой [12].

В научной литературе, посвящённой проблеме эволюции языка, на сегодняшний день представлено большое количество различных теоретических концепций. Однако в этой статье мы планируем обратиться к эволюционному подходу, активно применяемому зарубежом при исследовании этой проблематики. Общеизвестно, что для того, чтобы в эволюции возникли и закрепились любые новые биологические признаки они должны давать избирательное преимущество, даже если оно небольшое и непоследовательное, и такие преимущества обычно связаны с питанием, защитой, размножением или с их комбинацией. В парадигме эволюционной биологии, вне всякого сомнения, отбор

является единственным способом объяснения происхождения языка и других уникальных способностей, свойственных нашему виду [13; 14; 15]. В этой связи одной из наиболее перспективных эволюционных концепций развития речевых навыков у человека является теоретическая модель Джеффри Миллера, предполагающая эволюцию культуры ухаживания, где культуру можно рассматривать как сцену, на которой и происходило развитие вербального мастерства, творчества, юмора и речи [3]. Стоит отметить, что влияние культуры ухаживания на эволюцию речи остается недостаточно освещенной темой в российской научной литературе, при этом практически отсутствуют эмпирические работы, исследующие данную тематику на русском языке.

Ключевое место в модели Джеффри Миллера занимают вопросы влияния полового отбора на речь. Половой отбор, как известно, представляет из себя совершенно особенный эволюционный процесс, а качества, которые он формирует, тоже имеют особые свойства. В своей книге «Соблазняющий разум» Джеффри Миллер [3] указывает на то, что важным отличительным признаком действия сил полового отбора является тот факт, что особые качества, привлекательные для противоположного пола, обычно хорошо развиты у половозрелых особей, но не у молодняка. И как правило представители мужского пола демонстрируют их ярче и(или) громче. Эти приспособления бывают довольно вычурны и «дорогостоящи»: всем известен классический пример результата действия сил полового отбора — павлиний хвост — красивое, но вряд ли способствующее незаметности, скорости и маневренности его обладателя приспособление. Такие, не всегда утилитарные, но поддержанные половым отбором, особенности, следуя принципам Фишеровского усиления, становятся очень привлекательны для особей противоположного пола [16]. Как правило, эти признаки привлекательности свидетельствуют о хороших генах их обладателя, потому что вряд ли их бремя осилит особь болезненная, истощенная, раненая или отягощенная вредными мутациями. Кроме того, половой отбор делает некоторые элементы брачного поведения такими сложными и дорогостоящими, что не слишком «качественные» особи о них не могут даже помышлять. Выраженность привлекательных черт сильно различается у разных индивидов, при этом во время ухаживаний все возможные маркеры индивидуальных различий в здоровье, интеллекте, языковых способностей и даже в моральных качествах, а значит и в приспособленности, играют самую важную роль [3; 17]. Таким образом, Миллер приходит к выводу: все самые яркие возможности человеческого ума — способности к овладению языком, занятиям искусством, построению мировоззрения, развитию чувства юмора и креативного интеллекта — вполне подходят под описание продуктов эволюции, возникших под действием сил полового отбора.

Данные истории жизненного цикла человека также соответствуют ключевым представлениям теории полового отбора. И хотя базовая структура и функции языка закладываются в детстве, овладение языком как социальным инструментом — беглым и гибким средством устного общения, инструментом воздействия и манипулирования мнением окружающих, а также перформативным средством общения — не приближается к своему продвинутому уровню владения до подросткового возраста и юности. Именно на этой стадии развития средства перформативной речи могут обеспечить преимущество в конкурентной борьбе за половых партнеров/партнерш и стать активным инструментом повышения собственной привлекательности и собственного статуса. Предполагается, что эволюционная сила отбора, давление которой достигает своего пика именно в юношеском возрасте, по всей видимости, закрепила такое сложное речевое поведение. Согласно предположению исследователей особенностей жизненного цикла человека, вполне возможно, что в нашем эволюционном прошлом индивиды с более длительными

интервалами между младенчеством и половой зрелостью и большим речевым прогрессом на промежуточных стадиях взросления достигали более высокого уровня речевого и вербального поведения и, следовательно, становились более конкурентоспособными в социальных взаимодействиях [\[18\]](#).

Вопросы проявления речевых функций в позднем юношеском и взрослом возрасте подробно исследованы в работе 2006 года Джона Локка и Барри Богина «Язык и жизненная история: новый взгляд на развитие и эволюцию человеческого языка» [\[19\]](#). Авторами отмечается, что именно в подростковом возрасте происходит начало расцвета лингвистического разнообразия речи, наблюдается стремительный рост словарного запаса, проявляются более тонкие грамматические конструкции, в речь входят идиоматические выражения, сленговые фразы и слова [\[20\]](#). Другая важная область развития речи подростков связана с увеличением ее скорости, речь становится беглой. В этом возрасте происходит значительное усовершенствование функций дыхательной системы, что может влиять на некоторые аспекты речи и голоса [\[21; 22\]](#). Впервые в коммуникации появляется социальная беседа — преимущественно реляционное использование речи, в котором темой общения являются другие люди [\[22\]](#). Эта предрасположенность к обсуждению других людей (к сплетням) неуклонно возрастает в подростковом возрасте, особенно у девочек [\[23\]](#), тогда как склонность поддразнивать сверстников более очевидна у юношей. Также выявляются некоторые функции речи, выходящие за рамки семантической и прагматической ее стороны, которые традиционно связаны с передачей информации: обычно эти новые, лишенные прагматики элементы включают шутки, лесть, обман, умелое ведение переговоров, убеждение и сарказм [\[24; 25\]](#). Эти навыки, как правило, остаются без внимания учителей и лингвистов, которые придают большее значение грамматике и логике изложения мысли [\[26\]](#). Однако именно эти языковые новшества способствуют достижению двух важнейших целей, стоящих перед молодыми людьми: повышению личного статуса и успеху в отношениях с противоположным полом. При этом акцент на использовании разнообразных речевых оборотов приобретает особое значение довольно поздно, так как навык овладения такими средствами выразительности речи, как идиомы, метафоры, речевой сарказм и рифма приближается к продвинутому состоянию только в период позднего подросткового возраста и юности.

Подростки не просто изучают дополнительные возможности родного языка — они активно практикуют новые правила его использования. Именно в этом возрасте подростки модифицируют материал, изученный на более ранних стадиях, тем самым меняя родной язык в некоторых его аспектах [\[27\]](#). П. Эккерт пришел к выводу, что относительно высокая степень фонологических инноваций в подростковой возрастной группе свидетельствует о том, что именно своеобразная субкультура подростков является той почвой, на которой и закрепляются важные фонологические и стилистические изменения речи [\[28\]](#). На фонологическом уровне языка изменения, часто связанные с увеличением сложности артикуляции, служат целям идентификации членов молодёжных социальных групп [\[29\]](#). При этом отмечается, что такие нестандартные формы произношения возникают преимущественно у молодых людей, а не у девушек.

Известно также, что дети и подростки, меняющие свою языковую среду, прекрасно усваивают диалекты и фонетические маркеры, типичные для их новой группы сверстников [\[30; 31; 32; 33\]](#). В то время как первый выученный родной язык, используемый исключительно в семье, страдает неполным усвоением в иммигрантских семьях (англ.

incomplete acquisition [34]) и становится де-факто лишь вторым языком [35]. Эти данные несколько не согласуются с предположениями о ведущей силе родственного отбора и родственной коммуникации в глотогенезе [36], но они же подчёркивают первостепенную важность репродуктивного периода в речевой самоидентификации и самовыражении индивида [3].

Наиболее ярко действие сил полового отбора начинает проявляться во время флирта, при этом вербальные знаки внимания играют колоссальную роль в привлечении партнёра. И хотя речевые проявления сексуального флирта во время ухаживания включает лишь небольшой процент языковых возможностей индивида, именно эта малая доля речевой активности дает наиболее сильный эволюционный эффект. Ведь во время знакомства и обмена первыми фразами принимаются самые важные решения, влияющие на репродуктивное поведение: собеседник одобряется или отвергается в качестве возможного сексуального партнера в том числе и на основании того, что он (или она) говорит [3]. Анализируя процесс эволюции языка, именно этот начальный период общения молодых людей отдельно выделял Вилиям Дикон [37]. В его представлении репродуктивная дилемма, стоящая перед нашими предками, потребовала от людей создания систем символической коммуникации и дальнейшего обмена ими; передачи абстрактных понятий, символов, своего рода «социальных договоренностей» (например, обещания или обязательства перед кем-либо). По сути дела, первые знаки-символы были чем-то вроде брачных контрактов, свидетельствами факта долгосрочной моногамии между конкретными мужчиной и женщиной. Они должны были быть зафиксированы, одобрены и проведены в жизнь как этими индивидами, так и группой в целом. Таким образом, рассуждения Вильяма Дикона, в том числе логически, сходятся в понимании эволюции языка, как и средства соблазнения, о котором говорит Миллер: то есть инструмента, позволяющего символично и красочно описать свои будущие обязательства, и способного таким образом произвести должный эффект на индивида противоположного пола и его (ее) окружение.

Действительно, в широком смысле все, что мы говорим на публике, колоссально влияет на наш социальный статус и на личную привлекательность в глазах потенциальных партнеров и общества. Таким образом, речь может играть существенную роль и во внутривидовой конкуренции, так как ораторские качества соперников подвергаются строгой оценке слушателей. В этом вопросе традиционные и бесписьменные общества могут представлять для исследования эволюции речи особый интерес, поскольку такие общества, по-видимому, в большей степени соответствуют обществам далекого прошлого, в которых и протекала наша эволюция [38]. Обращение к этнографическим данным может дать нам более ясное представление о первоначальном адаптивном значении речевого и вербального поведения у человека. Современным исследователям эволюции речи повезло, что именно бесписьменные общества были популярной целью исследований для антропологов прошлого. Анализ этнографического материала показывает, что буквально повсеместно в традиционных обществах антропологами отмечалась вера в «магическую» силу слова [39]. При этом в изученных и описанных обществах истинная сила слова чаще всего была доступна тем членам группы, которые могли использовать исключительно широкий диапазон слов и фраз, «украшенных» вкраплениями своеобразных выражений и оборотов, не входящим в более ограниченный лексикон слушателей [40; 41; 42]. Содержание такой речи включало архаический или эзотерический язык, метафоры, метонимические обороты, загадки и специальные просодические элементы, а также звучные фразы [43; 44; 45]. Эти особенности речи

лидеров групп были отмечены этнографами в Меланезии, Амазонии, Африке и Северной Америке.

Во многих бесписьменных обществах речь, статус и власть тесно связаны. Так, у маори «ораторское искусство является главным условием для участия в борьбе за власть» [46, стр. 50]; в центральном Перу народ амнеша (*the Amuesha people*) описывает настоящего лидера как человека, который обладает властью благодаря своим словам [47], Эфиопия, где среди мурси (*the Mursi*) «наиболее часто упоминаемым атрибутом влиятельного человека является его способность хорошо выступать на публике» [48, стр. 176], Центральная Бразилия, где «выступление на площади описывается как «политически важный поступок» [49, p. 185], в Северном Трансваале, среди народа венда наибольшая честь оказывается тем, кто может манипулировать словами и предложениями; на Тробрианских островах вожди племен, или «большие мужчины», также назывались «риторическими громилами» [50], в Южной Африке народ чиди (*the Tshidi people*) считает ораторское искусство — важной составляющей политического успеха и средством, с помощью которого политики демонстрируют свою проницательность [51], в Южной Америке полагали, что публичное выступление — это больше, чем привилегия, это обязанность вождя. Именно на него ложится бремя владения словами. [52].

Интересен и тот факт, что многие ораторы в традиционных обществах именно мужчины. Например: у народа лимба в Сьерра-Леоне умение хорошо говорить является специфически мужским качеством [53]. В эфиопской деревне, изученной Тертоном [48], говорить было прерогативой взрослых мужчин. Ораторы на Южном Бали, согласно М. Хобарту (1975), были, как правило, взрослыми мужчинами в возрасте от тридцати до шестидесяти лет, пользующимися репутацией благодаря своим знаниям закона и ораторской убедительности [54].

У выступающих мужчин обычно есть своя аудитория, и результат словесной победы или поражения может повлиять на их статусы [55]. В эту аудиторию входят как женщины, так и мужчины. Руфь Финнеган [53] писала, что у народа лимба в ситуации, когда говорит мужчина, от женщины ожидается, что она будет внимательно слушать, выражать свое уважение и признательность.

Исследования взаимосвязи особенностей речи и пола имеют долгую и непростую историю. И, хотя половые различия в речи наиболее часто связывают с культурой [24], имеется ряд характерных для каждого пола речевых особенностей, одинаково проявляющихся в разных культурах. Прежде всего психологами отмечается повсеместная тяга юношей к словесным дуэлям, которая безусловно связана с физиологией. И в этом смысле наиболее очевидна ассоциация тестостерона с физической агрессией у мужчин [56; 57]. Предполагается, что для юношей, у которых в силу молодого возраста высок уровень тестостерона, использование словесных перепалок, угроз и сарказма вместо прямых физических столкновений, грозящих причинением значительного вреда, может быть весьма удачным адаптивным выходом [58; 59]. С этой гипотезой согласуется и тот факт, что словесные дуэлянты «теряют свое лицо» в глазах окружающих, и состязания всегда прекращаются, если участник начинает «не на шутку злиться и переходит к кулакам» [60]. Конец формы

Однако же, когда девочки-подростки агрессивны настроены друг против друга, они чаще используют сплетни, путём которых они часто хотят заручиться поддержкой сверстников,

в то же время сплетни позволяют девушкам вредить репутации своих соперниц. Стоит отметить, что девушки значительно превосходят в этом «мастерстве» юношей. Подобно участию мужчин в публичных выступлениях, эти различия в речевом поведении между полами проявляются в позднем подростковом возрасте, охватывают ряд различных культур и сохраняются до взрослого возраста [\[61; 62; 63\]](#). В качестве примера можно привести этнографические заметки Гарри Госсена [\[64; 65\]](#), который обнаружил, что среди народа чамула (*the Chamula people*) в Мексике способность вести хороший словесный поединок служит одним из самых ранних признаков социальной зрелости мужчины, его интеллекта и лингвистического мастерства. Наши этнографы XIX века также отмечали эти половые различия. Так в белорусских деревнях «в обществе женщин женщины забавляются песнями, загадками, да рассказами тогда, когда мужчины ведут испытание физической силы, корыстная игры только в компашки мужчин.» [\[66\]](#).

Но что наиболее существенным для нашей статьи является тот факт, что повсеместно наблюдаемые этнографами половые различия выявляют диссоциацию между языком и перформативной речью. И хотя, приближаясь к зрелости, мужчины и женщины обладают примерно одинаковыми знаниями о структуре и лингвистическом и грамматическом содержании родного языка, они, очевидно, используют это знание по-разному. Предполагается, что выступления и перформативная речь играют определенную роль именно в юношеском становлении. Стремление юношей к активному привлечению внимания к своей персоне, по всей видимости, свидетельствует о целом наборе вновь приобретенных маскулиных качеств. Ведь существует достоверная прямая взаимосвязь между склонностью к публичным выступлениям и уровнем тестостерона в крови. Тестостерон, например, коррелирует со смелостью, с которой люди входят в комнату, а также со предрасположенностью к работе на публике, например на театральной сцене или в зале суда. Вполне возможно, что именно этот гормон может способствовать выбору такой профессии. Так, в некоторых исследованиях у актеров действительно был обнаружен довольно высокий уровень тестостерона [\[67\]](#), а у адвокатов на 30% был выше уровень этого гормона, чем в среднем по популяции [\[68; 69\]](#).

Характерно, что относительно более высокое содержание тестостерона имеют мужчины с низким, глубоки тембром голоса, и слушательницы обычно считают их более доминантными и привлекательными [\[70; 71\]](#). Ряд экспериментальных работ показывал, что женщины предпочитают низкие мужские голоса, особенно когда они их воспринимают в условиях флирта и близкого общения [\[72; 73\]](#). При этом предпочтение партнера с более глубоким и низким тембром голоса усиливается в периоды, в которых женщины находятся в пиковые фазы овуляторного цикла, когда уровень эстрогена наиболее высок [\[74; 75; 76\]](#). Экспериментальные работы показали, что, как и следовало ожидать, более низкий тембр голоса достоверно ассоциирован с репродуктивным успехом у мужчин [\[77; 78; 79; 80\]](#). Сообщалось также и то, что рейтинги голосовой привлекательности противоположного пола довольно точно предсказывали возраст начала половой жизни и количество сексуальных партнеров [\[81; 82\]](#). Авторы исследования 2021 года приходят к выводу, что голос мог быть важным параметром выбора партнера в эволюции человека [\[72\]](#), что согласуется с предыдущими работами [\[83\]](#).

Еще одним важным параметром, доказывающим важность перформативной речи для представителей сильного пола, стали работы, оценивающие лексический компонент речи испытуемых. Так, Брэдли Франкс и Кейт Ригби показали, что именно мужчины, как

правило, более творчески подходили к подбору словосочетаний в их устной речи, когда их тестировала привлекательная молодая женщина или же когда тестирование проходило в обстановке соревнования с другими мужчинами [84]. Также было обнаружено, что молодые люди использовали больше редко встречающихся слов в условиях теста, имитирующего свидании с более молодой, нежели с более зрелой женщиной [85; 86]. Еще в одном эксперименте испытуемые девушки предпочитали партнера с привлекательной манерой общения, как в контексте краткосрочных, так и долгосрочных отношений. Свой выбор они делали на основе анализа лексического разнообразия, грамматической сложности и беглости речи предполагаемого партнера [87; 88].

Любопытное явление действия сил полового отбора было выявлено международным коллективом исследователей [89], показавшим явное предпочтение партнера с чувством юмора. Как известно, юмор требует креативности и интеллекта — то есть, тех же способностей, которые необходимы для создания произведений искусства, музыки или литературы [90]. Было показано, что, хотя и женщины, и мужчины отдают предпочтение партнеру с чувством юмора, женщины отдают предпочтение партнерам, обладающим активным чувством юмора, тогда как мужчины, по-видимому, отдают предпочтение партнершам, восприимчивым к их юмору [89]. Действительно, было подтверждено, что речь, полная юмора и шуток, ассоциирована с интеллектом оратора, и именно эти качества речи довольно точно предсказывают репродуктивный успех у мужчин [91].

Перспективными представляются также исследования, изучающие ассоциации музыкальных способностей и привлекательности, учитывая тот факт, что как языковые навыки, так и музыкальные способности тесно переплетены с целым комплексом нейрокогнитивных систем человека [92]. В этой связи Ванесса Сламнинг и Джон Майнинг [93] предположили, что высокое пренатальное воздействие андрогенов, о чем, по их мнению, свидетельствует низкий пальцевой индекс (меньшее значение соотношения длины второго и четвертого пальцев 2D:4D), являющийся довольно хорошо изученным маркером психологической и физической маскулинизации, также напрямую соотносится с индивидуальными музыкальными способностями. А эти способности в свою очередь могут служить маркерами высокой приспособленности (то есть качества партнера) при его оценке женщинами. Интересно в этой связи отметить, что в ряде работ было показано, что женщины в период овуляции действительно склонны выбирать исполнителей сложных музыкальных композиций [94]. Таким образом, авторы исследования предполагают, что в прошлом музыкальные способности наряду с развитыми вербальными навыками и юмором могли быть активно поддержаны половым отбором [93].

Богатство и красота речи также напрямую связаны и с социальным классом оратора [95]. В нашумевшей в свое время работе Харта и Рисли [96] было подсчитано количество слов, которые слышали дети в домашней обстановке, что фиксировалось посредством записи и расшифровки еженедельных разговоров в домах испытуемых детей. Результаты были неутешительны: дети из неблагополучных семей слышали в среднем около 616 слов в час, ребенок из рабочего класса 1251 слов в час, в то время как дети из семей специалистов порядка 2153 слов в час. Таким образом, за один год, экстраполируя собранные данные, можно было бы ожидать 11 миллионов слов, обращенных к детям в семьях специалистов, 6 миллионов слов, обращенных к детям рабочего класса и лишь 3 миллиона слов, обращенных к детям из семей, живущих на пособия. Но помимо

количественных различий языковой среды, окружающей нас с самого раннего детства, было также обнаружены и многочисленные качественные различия, влияющие на речь ребенка и на ее будущие характеристики. Эти качественные различия языковой среды связаны с множеством аспектов окружающего ребенка языка — это его фонология, лексика, синтаксис, семантика и прагматика языка, богатство словарного запаса, средняя длина высказываний, частота повторений, просодии, стимулирование совместного общения, семантическая случайность, деконтекстуализированное использование языка, такое как повествования, и многое другое. Большинство выявленных стимулирующих речь ребенка характеристик взаимосвязаны, но что наиболее важно, все они напрямую коррелируют с социально-экономическим статусом семьи, который обычно соотносится с родительским образованием. При этом показатели специфических особенностей ближайшей к ребёнку языковой среды значительно влияют на будущие языковые способности ребёнка. А лонгитюдные исследования с использованием дневных записей разговорной домашней речи подтвердили, что языковой массив, который слышат дети в возрасте 16 или 18 месяцев, довольно точно предсказывает рост лексики и скорость усвоения языка в более старшем возрасте [\[97; 98; 99\]](#).

В юношеском же возрасте для освоения ораторского искусства требуются практические занятия по риторике [\[100\]](#). Например, для студентов важны занятия, «включающие тренинги по технике речи, разнообразные коммуникативно-речевые тренинги (на развитие спонтанной речи, моделирование и разыгрывание различных ситуаций общения и др.), риторические игры... самопрезентации, торжественные (развлекательные), информирующие, убеждающие речи и их дальнейший анализ; а также анализ ораторских речей в кинофильмах и телепрограммах» [\[101\]](#). В этом смысле поддержание речевых навыков на высоком уровне предполагает, не только насыщенную с раннего детства языковую среду, но и наличие достаточного времени по достижению взрослого возраста, которое можно посвятить обучению, письму, а также общению, светской беседе, и все это также может служить косвенным признаком принадлежности к определенному социальному кругу, как минимум располагающему достаточным временем, свободным от поиска, что называется, хлеба насущного.

Помимо богатства, красоты и лексической сложности, индивидуальная речь содержит множество иных вербальных сигналов, в том числе определяемых посредством оценки особенностей произношения и через иные фонологические маркеры, присутствующие в ней. Так в недавнем английском исследовании было показано, что мужчины, которые произносили некоторые фонемы более отчетливо, оценивались женщинами как более привлекательные для долгосрочных отношений, а другие мужчины воспринимали обладателя такой хорошо артикулированной речи как более статусного. По мнению авторов исследования полученные результаты свидетельствуют о том, что аспекты произношения, влияющие на восприятие престижа и долгосрочной привлекательности партнера, могут указывать на высокий социально-экономический статус их обладателя, вероятно, из-за кристаллизации определенных артикуляционных паттернов в критический период языкового развития [\[102\]](#). Исследование же китайских коллег показало связь между двумя стилистическими языковыми особенностями столичного китайского языка мандарин (англ. *Mandarin Chinese*). В работе 2005 года речь менеджеров иностранных финансовых компаний сравнивалась с речью менеджеров государственных компаний. Менеджеры в иностранном финансовом секторе представляют зарождающуюся культуру «яппи» и, будучи высокооплачиваемыми работниками по общемировым стандартам, олицетворяют авангард происходящих

социальных перемен в Китае. По утверждению автора, работники таких международных компаний выделяются своими космополитическим взглядами, что характеризуется, в том числе, и стилем речи, который резко контрастирует с речью менеджеров более традиционных государственных предприятий. Таким образом, автор исследования показал существенную разницу в использовании языка в исследованных двух социальных стратах в Пекине [\[103\]](#).

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что половой отбор — это мощный эволюционный механизм, способный формировать определенные признаки, которые могут быть как полезны, так и не очень важны для выживания особи. При этом, наиболее существенен для направленной эволюции половых предпочтений тот факт, что привлекательный для противоположного пола признак не должен обходиться слишком дешево его носителю, ведь в этом случае его можно будет легко «подделать» [\[104\]](#). А потенциальные обманщики, демонтирующие привлекательный, но «дешёвый» признак, в действительности могут быть лишены сопутствующих качеств в приспособленности. В результате важный биологический механизм избирательности теряет весь свой смысл, ведь при выборе партнёра становится невозможным ориентироваться на присутствие такого ненадёжного признака. Однако, если признак является действительно обременительным, «слабый» индивид не сможет его симулировать [\[104\]](#). И, возвращаясь к определению полового отбора, которое мы дали в начале нашего теоретического обзора, можно с предположить, что некоторые элементы ораторского искусства действительно являются сложными и «дорогостоящими», так что социально неуспешные индивиды о них не могут даже помышлять [\[3\]](#). Мы полагаем, что определенные языковые маркеры наличия высокого социального статуса вполне могут быть подхвачены и усилены половым отбором. Таким образом красноречие, тембр голоса, манера вести беседу могут служить не только показателем креативности и сообразительности оратора, маркерами маскулинности и приспособленности, но и важными признаками, указывающими на принадлежность к определенной социальной среде, социальному классу.

Библиография

1. Locke, J. L. The de-voicing of society: Why we don't talk to each other anymore. New York: Simon & Schuster, 19982.
2. Mehl, M. R., Vazire, S., Ramírez-Esparza, N., Slatcher, R. B., & Pennebaker, J. W. Are women really more talkative than men?// *Science*. 2007. No. 317(5834). Pp. 82-82.
3. Miller, G. F. The mating mind: How sexual choice shaped the evolution of human nature. New York: Random House, 2000.
4. Reece, A., Cooney, G., Bull, P., Chung, C., Dawson, B., Fitzpatrick, C., ... & Marin, S. The CANDOR corpus: Insights from a large multimodal dataset of naturalistic conversation // *Science Advances*. 2023. No. 9(13). Pp. 3197.
5. Wallentin, M. Gender differences in language are small but matter for disorders // *Handbook of clinical neurology*. 2020. No. 175. Pp. 81–102.
6. Dunbar, R. I. M. Structure and function in human and primate social networks: Implications for diffusion, network stability and health // *Proceedings of the Royal Society A*. 2020. No. 476(2240). Pp. 20200446.
7. Girrard-Buttoz, C., Surbeck, M., Samuni, L., Boesch, C., Fruth, B., Crockford, C., et al. Variable use of polyadic grooming and its effect on access to social partners in wild chimpanzees and bonobos // *Animal Behavior*. 2020. No. 168. Pp. 211–224.
8. Arlet, M., Jubin, R., Masataka, N., & Lemasson, A. Grooming-at-a-distance by

- exchanging calls in non-human primates. *Biology letters*. 2015. No. 11(10). Pp. 20150711.
9. Chafe, W. Toward a thought-based linguistics // *Functional Approaches to Language. Trends in Linguistics*. 2013. No. 248. Pp. 107-130.
 10. Pinker, S., Nowak, M. A., & Lee, J. J. The logic of indirect speech // *Proceedings of the National Academy of sciences*. 2008. No. 105(3). Pp. 833-838.
 11. Бурлак, С. *Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы* [Origin of language: Facts, research, hypotheses]. М.: Альпина Пабlishер, 2018.
 12. Хомский, Н. Избранное. Ноам Хомский / пер. з англ. С. Александровский, В. Глушаков. М.: Энциклопедия-ру, 2016.
 13. Dawkins, M. S., & Beardsley, T. Reinforcing properties of access to litter in hens // *Applied Animal Behaviour Science*. 1986. No. 15(4). Pp. 351-364.
 14. Maynard Smith, J. The status of neo-Darwinism // *Towards a theoretical biology*. 1969. No. 2. Pp. 82-89.
 15. Pinker, S., & Bloom, P. Natural language and natural selection // *Behavioral and Brain Sciences*. 1990. No. 13. Pp. 707-784.
 16. Fisher, R. A. *The Genetical Theory of Natural Selection*. Oxford University Press, 1930.
 17. Karamihalev, S. Why Creativity is Sexy: A Review of the Evidence of Sexual Selection for Creative Abilities in Humans // *Journal of European Psychology Students*. 2013. No. 4(1). Pp. 78-86.
 18. Locke, J. L. Emancipation of the voice: Vocal complexity as a fitness indicator // *Psychonomic bulletin & review*. 2017. No. 24(1). Pp. 232-237.
 19. Locke, J. L., & Bogin, B. Language and life history: A new perspective on the development and evolution of human language // *Behavioral and Brain Sciences*. 2006. No. 29(3). Pp. 259-280.
 20. Nippold, M. A., & Taylor, C. L. Judgments of idiom familiarity and transparency // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2002. No. 45. Pp. 384-391.
 21. Cook, C. D., & Hamann, J. F. Relation of lung volumes to height in healthy persons between the ages of 5 and 38 years // *The Journal of pediatrics*. 1961. No. 59(5). Pp. 710-714.
 22. Gottman, J. M., & Mettetal, G. Speculations about social and affective development: Friendship and acquaintanceship through adolescence / Ed. by J. M. Gottman & J. G. Parker. Cambridge University Press, 1987.
 23. Raffaelli, M., & Duckett, E. "We were just talking...": Conversations in early adolescence // *Journal of Youth and Adolescence*. 1989. No. 18(6). Pp. 567-582.
 24. Mey, J. L. *Whose language?: a study in linguistic pragmatics*. Philadelphia : J. Benjamins Pub. Co., 1985.
 25. Nippold, M. A. *Later language development: The school-age and adolescent years* / Ed. by A. Nippold. Shoal Creek Blvd., Austin, 1998.
 26. Gavin, M. P. *Teacher-Student Relationships and the Effects on Academic Achievement with a Focus on High School Students as They Prepare for College and Career*. Doctoral dissertation, San Diego State University, 2020.
 27. Eckert P. Variation and the indexical field // *Journal of sociolinguistics*. 2008. No. 12(4). Pp. 453-476.
 28. Eckert, P. (1988). Adolescent social structure and the spread of linguistic change. *Language in society*, 17(2), 183-207.
 29. Labov, W. *Principles of linguistic change, volume 3: Cognitive and cultural factors*.

- John Wiley & Sons, 2011.
30. Schleef, E., Meyerhoff, M., & Clark, L. Teenagers' acquisition of variation: A comparison of locally-born and migrant teens' realisation of English (ing) in Edinburgh and London // *English world-wide*. 2011. No. 32(2). Pp. 206-236.
 31. Adamson, H. D., & Regan, V. M. The acquisition of community speech norms by Asian immigrants learning English as a second language: A preliminary study // *Studies in Second Language Acquisition*. 1991. No. 13(1), Pp. 1-22.
 32. Gass, S. M., Behney, J., & Plonsky, L. Second language acquisition: An introductory course. New York: Routledge, 2020.
 33. Kennedy, K. M. At the intersection of SLA and sociolinguistics: The predictive power of social networks during study abroad. *The Modern Language Journal*. 2022. No. 106(1). Pp. 245-266.
 34. Polinsky, M. Incomplete Acquisition: American Russian // *Journal of Slavic Linguistics*. 2006. No. 14 (2). Pp. 191-262.
 35. Перотто, М. Двухязычие русских детей в Италии: новые перспективы исследования / Сборник материалов Международной научной конференции. Н.И. Степыкин (отв. ред.) [и др.]. Кур. : Юго-Зап. гос. ун-т., 2019.
 36. Фитч, У.Т. Эволюция языка. М.: Языки славянской культуры, 2013.
 37. Deacon, T. W. The symbolic species: The co-evolution of language and the brain. New York : W.W. Norton, 1997.
 38. Бутовская, М. Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции. М. : ДМК-Пресс, 2022.
 39. Tambiah S. J. The magical power of words // *Ritual*. 2017. Pp. 323-343.
 40. Abrahams, R. D. (1964). *Deep down in the jungle: Black American folklore from the streets of Philadelphia*. Transaction Publishers.
 41. Garrett, M. M. Wit, power, and oppositional groups: A case study of "pure talk" // *Quarterly Journal of Speech*. 1993. No. 79(3). Pp. 303-318.
 42. Strathern, A. The rope of Moka: Big-men and ceremonial exchange in Mount Hagen New Guinea. Aberdeen University Press, 1971.
 43. Bauman, R. Verbal art as performance // *American Anthropologist*. 1975. No 77. Pp. 290-311.
 44. Comaroff, J. Talking politics: Oratory and authority in a Tswana chiefdom / Political language and oratory in traditional society. Ed. by M. Bloch. Academic Press, 1975.
 45. Malinowski, B. Coral gardens and their magic. Indiana University Press, 1965.
 46. Salmond, A. Mana makes the man: A look at Maori oratory and politics / Political language and oratory in traditional society. Ed. by M. Bloch. Academic Press, 1975.
 47. Santos-Granero, F. The power of love: The moral use of knowledge amongst the Amuesha of Central Peru. Routledge, 2020.
 48. Turton, D. The relationship between oratory and the emergence of influence among the Mursi / Political language and oratory in traditional society. Ed. by M. Bloch. Academic Press, 1975.
 49. Seeger, A. Nature and society in Central Brazil: The Suyu Indians of Mato Grosso. Harvard University Press, 1981.
 50. Rey, M. The Kuma: Freedom and conformity in the New Guinea Highlands. Melbourne University Press. 1959, 260.
 51. Comaroff, J., & Comaroff, J. *Ethnography and the historical imagination*. Routledge, 2019.

52. Castres, P. (1987) *Society against the state: Essays in political anthropology*. Zone Books.
53. Finnegan, R. *Limba stories and storytelling*. Oxford University Press, 1967.
54. Hobart, M. Orators and patrons: Two types of political leader in Balinese village society / *Political language and oratory in traditional society*, ed. M. Bloch. Academic Press, 1975.
55. Abrahams, R. D. *Talking Black*. Rowley, Mass. : Newbury House Publishers, 1976.
56. Grebe, N. M., Del Giudice, M., Thompson, M. E., Nickels, N., Ponzi, D., Zilioli, S., ... & Gangestad, S. W. Testosterone, cortisol, and status-striving personality features: A review and empirical evaluation of the Dual Hormone hypothesis // *Hormones and behavior*. 2019. No. 109. Pp. 25-37.
57. Bashir, S., Alexander, V., Jiao, P., Johnson, C., Nadler, A., & Zak, P. J. Supraphysiologic testosterone increases proactive aggression in the power-to-take game // *Journal of neuroscience, psychology, and economics*. 2022. No. 15(4). Pp. 179-194.
58. Benítez-Burraco, A., & Progovac, L. A four-stage model for language evolution under the effects of human self-domestication. *Language & Communication*. 2020. No. 73. Pp. 1-17.
59. Raviv, L., & Kirby, S. *Self-domestication and the Cultural Evolution of Language* / Ed. by Tehrani, J., Kendal, J., & Kendal, R. Oxford University Press, 2023.
60. Hawkins, P. R. *Social class, the nominal group and verbal strategies*. Boston: Routledge & Kegan Paul, 2022.
61. Björkqvist, K. Gender differences in aggression // *Current opinion in psychology*. 2018. No. 19. Pp. 39-42.
62. Fahlgren, M. K., Cheung, J. C., Ciesinski, N. K., McCloskey, M. S., & Coccaro, E. F. Gender differences in the relationship between anger and aggressive behavior // *Journal of interpersonal violence*. 2022. No. 37. Pp. 13-14.
63. McKeown, A., Kennedy, P. J., & McGrath, J. *Female Perpetrators of Intimate Partner Violence /The Wiley Handbook on What Works with Girls and Women in Conflict with the Law: A Critical Review of Theory, Practice, and Policy*. Ed. by S. L. Brown. Wiley-Blackwell, 2022.
64. Gossen, G. H. *Chamulas in the World of the Sun*. Cambridge, Mass, 1974.
65. Classen, C. *Worlds of sense: Exploring the senses in history and across cultures*. London, England: Taylor & Francis, 2023.
66. Никифоровский Н. Я. Очерки Витебской Белоруссии. VI. Игры и игроки // *Этнографическое обозрение*. 1897. No 3. Pp. 21-66.
67. Dabbs Jr, J. M., de La Rue, D., & Williams, P. M. Testosterone and occupational choice: actors, ministers, and other men // *Journal of personality and social psychology*. 1990. No. 59(6). Pp. 1261.
68. Dabbs Jr, J. M., Alford, E. C., & Fielden, J. A. Trial Lawyers and Testosterone: Blue Collar Talent in a White Collar World 1// *Journal of Applied Social Psychology*. 1998. No. 28(1). Pp. 84-94.
69. Malkin, A., & Sharma, P. Are Lawyers Really That Bad? A Qualitative Assessment of Psychological "Lawyer Traits". *Journal of Student Research*. 2022. No. 11(3). Pp. 1-18.
70. Aung, T., & Puts, D. Voice pitch: a window into the communication of social power // *Current opinion in psychology*. 2020. No. 33. Pp. 154-161.
71. Sorokowski, P., Puts, D., Johnson, J., Żółkiewicz, O., Oleszkiewicz, A., Sorokowska, A.,

- ... & Pisanski, K. Voice of authority: professionals lower their vocal frequencies when giving expert advice // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2019. No. 43. Pp. 257-269.
72. Suire, A., Raymond, M., & Barkat-Defradas, M. Voice, sexual selection, and reproductive success / Voice Attractiveness, Prosody, Phonology and Phonetics. Ed. by B. Weiss et al. Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2021.
73. Barkat-Defradas, M., Raymond, M., & Suire, A. Vocal preferences in humans: A systematic review. Voice, sexual selection, and reproductive success / Voice Attractiveness, Prosody, Phonology and Phonetics. Ed. by B. Weiss et al. Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2021.
74. Feinberg, D. R., Jones, B. C., Smith, M. L., Moore, F. R., DeBruine, L. M., Cornwell, R. E., ... & Perrett, D. I. Menstrual cycle, trait estrogen level, and masculinity preferences in the human voice // *Hormones and behavior*. 2006. No. 49(2). Pp. 215-222.
75. Rosenfield, K. A., Sorokowska, A., Sorokowski, P., & Puts, D. A. Sexual selection for low male voice pitch among Amazonian forager-horticulturists // *Evolution and Human Behavior*. 2020. No. 41(1). Pp. 3-11.
76. Suire, A., Raymond, M., & Barkat-Defradas, M. Male vocal quality and its relation to females' preferences. *Evolutionary Psychology*. 2019. No. 17(3). Pp. 1474704919874675.
77. Pisanski, K., & Bryant, G. A. The evolution of voice perception. *The Oxford handbook of voice studies*, 2019.
78. Tiolina, S. The influence of male voice tone on women's perception of attractiveness // *Acta Psychologica*. 2022. No. 1(2). Pp. 54-62.
79. Locke, J. L. The indexical voice: communication of personal states and traits in humans and other primates // *Frontiers in Psychology*. 2021. No.12. Pp. 651108.
80. Puts, D. A., Hill, A. K., Bailey, D. H., Walker, R. S., Rendall, D., Wheatley, J. R., ... & Ramos-Fernandez, G. Sexual selection on male vocal fundamental frequency in humans and other anthropoids // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2016. No. 283(1829). Pp. 20152830.
81. Valentova, J. V., Tureček, P., Varella, M. A. C., Šebesta, P., Mendes, F. D. C., Pereira, K. J., ... & Havlíček, J. Vocal parameters of speech and singing covary and are related to vocal attractiveness, body measures, and sociosexuality: a cross-cultural study // *Frontiers in psychology*. 2019. No. 10. Pp. 2029.
82. Hughes, S. M., Dispenza, F., & Gallup Jr, G. G. Ratings of voice attractiveness predict sexual behavior and body configuration // *Evolution and Human Behavior*. 2004. No. 25(5). Pp. 295-304.
83. Wolff, S. E., & Puts, D. A. Vocal masculinity is a robust dominance signal in men // *Behavioral Ecology and Sociobiology*. 2010. No. 64. Pp. 1673-1683.
84. Franks, B., & Rigby, K. Deception and mate selection: some implications for relevance and the evolution of language / *Language origins: Perspectives on evolution*. Ed. by M. Tallerman. Oxford University Press, 2005.
85. Benítez-Burraco, A., & Progovac, L. The role of early expressive uses of language in brain and language evolution / Ed. by F. Ferretti and Ines Adornetti. London: Routledge, 2023.
86. Rosenberg, J., & Tunney, R. J. Human vocabulary use as display // *Evolutionary Psychology*. 2008. No. 6(3). Pp. 147-149.
87. Lange, B. P., Zaretsky, E., Schwarz, S., & Euler, H. A. Words won't fail: Experimental evidence on the role of verbal proficiency in mate choice // *Journal of Language and Social Psychology*. 2014. No. 33(5). Pp. 482-499.

88. Novaes, F. C., & Natividade, J. C. The sexual selection of creativity: A nomological approach // *Frontiers in Psychology*. 2023. No. 13. Pp. 874261.
89. Bressler, E. R., Martin, R. A., & Balshine, S. Production and appreciation of humor as sexually selected traits // *Evolution and Human Behavior*. 2006. No. 27(2). Pp. 121-130.
90. Kaufman, S. B., Kozbelt, A., Bromley, M. L., & Miller, G. F. The role of creativity and humor ability in human mating / Ed. By G. Geher & G. Miller. New York : Lawrence Erlbaum, 2008.
91. Greengross, G., & Miller, G. Humor ability reveals intelligence, predicts mating success, and is higher in males // *Intelligence*. 2011. No. 39(4). Pp. 188-192.
92. Patel, A. D. Music, Language, and the Brain. NY: Oxford University Press, 2008.
93. Sluming, V. A., & Manning, J. T. Second to fourth digit ratio in elite musicians: Evidence for musical ability as an honest signal of male fitness // *Evolution and Human behavior*. 2000. No. 21(1). Pp. 1-9.
94. Charlton, B. D. Menstrual cycle phase alters women's sexual preferences for composers of more complex music // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2014. No. 281(1784). Pp. 20140403.
95. Block, D. Social class in applied linguistics // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2015. No. 35. Pp. 1-19.
96. Hart and Risley Hart B, Risley TR. Meaningful Differences in the Everyday Experience of Young American Children. Baltimore MD: Brooks Publishing CO, 1995.
97. Adams K, Marchman V, Loi E, Ashland M, Fernald A, Feldman H. Caregiver Talk and Medical Risk as Predictors of Language Outcomes in Full Term and Preterm Toddlers // *Child development*. 2017. No. 89(5). Pp. 1674-1690.
98. Marchman, V. A., Weisleder, A., Hurtado, N., & Fernald, A. Accuracy of the Language Environment Analyses system for estimating child and adult speech in laboratory settings // *Journal of child language*. 2021. No. 48(3). Pp. 605-620.
99. Rowe, M. L., & Weisleder, A. Language development in context. *Annual Review of Developmental Psychology*. 2020. No. 2. Pp. 201-223.
100. Зубанова, С. Г. О повышении языковой культуры и риторических компетенций студенчества: анализ риторического наследия прошлого и задачи современной практики обучения // *Роль и место иностранных языков и связей с общественностью в развитии аэрокосмической сферы Российской Федерации*. 2015. Pp. 191-200.
101. Абрашина, Е. Н. Риторическая подготовка студентов педагогического вуза в условиях дистанционного обучения [Rhetorical training of pedagogical university students in distance learning conditions]// Педагогическая риторика и речеведение в цифровую эпоху: Материалы XXIV Международной научно-практической конференции (11–12 февраля 2021 г.) / Под общ. ред. Е. Л. Ерохиной, З. И. Курцевой, Ю. В. Щербининой. – М.: Языки Народов Мира ; НВИ, 2021.
102. Karthikeyan, S., Puts, D. A., Aung, T., Link, J. K., Rosenfield, K., Mackiel, A., ... & Geher, G. Articulatory effects on perceptions of men's status and attractiveness // *Scientific reports*. 2023. No.13(1). Pp. 2647.
103. Zhang, Qing. A Chinese yuppie in Beijing: Phonological variation and the construction of a new professional identity // *Language in Society*. 2005. No. 34. Pp. 431-466.
104. Марков, А. В. Происхождение человека и половой отбор // *Историческая психология и социология истории*. 2011. No. 4(2). Pp. 30-55.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Древнейшая история человечества насыщена различными тайнами и загадками, ее «белые пятна» являются предметом многочисленных поисков различных исследователей. Сегодня человеческая речь выступает в качестве неотъемлемой составляющей нашей повседневности, но так было далеко не всегда. Трудно переоценить значение речи для человека, в связи с чем представляется важным обратиться к теориям возникновения речи.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является влияние полового отбора на речь. Автор ставит своими задачами проанализировать литературу по указанной теме, показать роль речи во внутривидовой конкуренции, а также раскрыть основные теории эволюции языка.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе многочисленных источников стремится охарактеризовать проблему речи и полового диморфизма.

Рассматривая библиографический список статьи прежде всего как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 100 различных источников и исследований, что уже само по себе свидетельствует о том объеме подготовительной работы, которой проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что безусловно усиливает не научную новизну. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды Дж. Миллера, М. Валлентайна, Р. Данбара, Б. Малиновского и других специалистов, в центре внимания которых различные аспекты изучения антропологии. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как антропологией, в целом, так и эволюцией речи человека, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «влияние культуры ухаживания на эволюцию речи остается недостаточно освещенной темой в российской научной литературе, при этом практически отсутствуют эмпирические работы, исследующие данную тематику на русском языке». Говоря о теории Дж. Миллера, автор отмечает, что «все самые яркие возможности человеческого ума — способности к овладению языком, занятиям искусством, построению мировоззрения, развитию чувства юмора и креативного интеллекта — вполне подходят под описание продуктов эволюции, возникших под действием сил полового отбора». Автор приводит интересную информацию о том, что согласно одному из исследований «мужчины, которые произносили некоторые фонемы

более отчетливо, оценивались женщинами как более привлекательные для долгосрочных отношений, а другие мужчины воспринимали обладателя такой хорошо артикулированной речи как более статусного». Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «во многих бесписьменных обществах речь, статус и власть тесно связаны»,

Главным выводом статьи является то, что «определенные языковые маркеры наличия высокого социального статуса вполне могут быть подхвачены и усилены половым отбором».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, насыщена богатым фактологическим материалом, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках антропологических исследований.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Человек и культура».

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Одегова К.И., Быкова Е.В. — Синкретичность язычества и православия в марийской и удмуртской культурах: конфессиональные маркеры в природном ландшафте // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 19 - 28. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69176 EDN: WLJGSI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69176

Синкретичность язычества и православия в марийской и удмуртской культурах: конфессиональные маркеры в природном ландшафте

Одегова Ксения Игоревна

ORCID: 0000-0003-4745-6032

лаборант кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет

610000, Россия, Кировская область, г. Киров, ул. Московская, 36

✉ NakatsuSobi@yandex.ru

Быкова Екатерина Васильевна

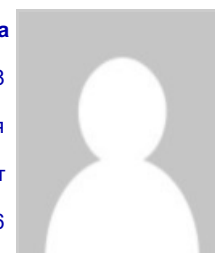
ORCID: 0000-0002-6024-5398

кандидат искусствоведения

доцент, кафедра культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет

610000, Россия, Кировская область, г. Киров, ул. Московская, 36

✉ ev2_74@mail.ru

[Статья из рубрики "Этнология и культурная антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.6.69176

EDN:

WLJGSI

Дата направления статьи в редакцию:

27-11-2023

Дата публикации:

04-12-2023

Аннотация: Для России как многонациональной страны, с богатой историей и традициями, а также специфическим укладом жизни, актуальной и по сей день является

тема двоеверия. Предметом исследования являются конфессиональные маркеры двоеверия в марийской и удмуртской культурах в современных поселениях южных районов Кировской области. Цель работы – анализ репрезентации и визуализации синкретичности язычества и православия в марийской и удмуртской культурах через конфессиональные маркеры в природном ландшафте южных районов Кировской области. Эмпирической базой исследования служат материалы экспедиций 2017-2023 гг. в Кизьмезский и Малмыжский районы Кировской области, где проживают марийцы и удмурты, которые занимают третье и четвертое место по численности населения Кировской области. Основываясь на методах анализа особенностей религиозных и этнокультурных взаимодействий этих народов и анализа сакральных объектов, вписанных в природный ландшафт, авторы применяли методы историко-культурного сравнения и анализа текстовых материалов. Были выявлены новые объекты сакрального природного ландшафта у марийцев и удмуртов, в которых существует обожествление природы. Оно проявляется в таких конфессиональных маркерах как священные рощи и поля, где поклонялись языческим божествам, духам леса. Кроме того, сакральный смысл несли в себе святилища героев и места, связанные с душами умерших, вписанные в природный ландшафт местности. Новизна исследования заключается в уточнении особенностей проведения некоторых обрядов, дополнении информации о верованиях удмуртов и марийцев, введением в научный оборот новых объектов сакрального культурного ландшафта, который обозначен как нематериальное культурное наследие народов Вятского края. Авторы приходят к выводу, что некоторые фрагменты языческих верований и обрядов у марийцев и удмуртов бытуют поныне и тесно связаны с природным ландшафтом и воспоминаниями о культовых местах, исторической памятью народа. При этом глубокие корни и прочные корни пустило православие среди этих народов. Но историко-сравнительное изучение религиозных верований и обрядов показывает, что самобытная синкретичность православия и язычества марийцев и удмуртов южных районов Кировской области служат средством этнической идентификации в формировании сакрального культурного и природного ландшафта.

Ключевые слова:

язычество, христианство, двоеверие, синкретизм, марийцы, удмурты, природный ландшафт, священные рощи, святилища, Кировская область

Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00908 «Визуальный контент в современных конфессиональных общинах России», <https://rscf.ru/project/23-28-00908/>.

Введение.

Кировская область уникальна по своему полиэтническому и поликонфессиональному составу, также по особенностям формирования современного состава этнического населения. Южные районы Кировской области граничат с Республиками Удмуртии, Татарстан и Мари Эл. Вятская губерния формировалась на землях проживания финно-угорских народов: вотяков, черемисов. Историки до 1917 года часто описывали эти земли с марийским и удмуртским населением, подчеркивая синкретичность их мировоззрения, сохранение ими своих языческих традиции в сочетании с христианскими верованиями [1; 2]. Эмпирической базой исследования служат материалы экспедиций 2017-2023 гг. в Кизьмезский, Малмыжский районы Кировской области, где проживают марийцы и удмурты, занимающие, согласно итогам Всероссийской переписи населения

2020 года, третье и четвертое место по численности населения Кировской области после русских и татар.

Цель исследования – анализ репрезентации и визуализации синкретичности язычества и православия в марийской и удмуртской культурах через конфессиональные маркеры в природном ландшафте на основе современных экспедиционных исследований 2017-2023 гг.

Методы и методология исследования.

Теоретической основой изучения проблемы двоеверия в культурах удмуртов и марийцев стали методы анализа особенностей религиозных и этнокультурных взаимодействий этих народов, предложенные в работах А. В. Вискалина, В. Е. Владыкина, И. К. Кудрявцевой, М. В. Куцаевой и др. [3-15]. Работы О. В. Десяtkовой, М. А. Михайлова, А. И. Михеева и др. [16-22] использовались как методологическая основа анализа сакральных объектов, вписанных в природный ландшафт. Литература о христианизации Удмуртии и Марийского края дала возможность рассмотреть работу миссионеров и механизмы приспособления и слияния язычества и христианства. Историко-культурное сравнение – один из методов, который позволил обратиться к традициям и выявить уровень их сохранности и трансформации [23-25]. Анализ эмпирических данных, полученных в результате неформализованного опроса (интервью) в рамках экспедиций [26], проводился на методологических принципах анализа текстовых материалов. Сделано описание сакральных культовых объектов, а также фотофиксация.

Результаты работы.

Обожествление природы: священные рощи и поля. Особое место в полиэтнической среде Кировской области занимают марийцы и удмурты, первые из которых проживают в Уржумском, Малмыжском, Кикнурском, Яранском, Пижанском и Кильмезском районах, вторые же преобладают в Вятско-Полянском, Малмыжском, Слободском, Кильмезском и Омутнинском районах. Оба эти народы издревле были приверженцами язычества. В своих верованиях они придерживались политеизма, тотемизма, шаманизма и анимизма, обожествляя природу, принося богам и разным существам жертвы в священных рощах, поклоняясь идолам. [12, с. 7, 65]. Несмотря на введение христианства и борьбу с двоеверием, марийцы и удмурты, приняв православную веру, сочетали ее со своими исконными языческими представлениями [13, с. 502; 16, с. 346].

Большинство современных марийцев и удмуртов по преимуществу являются православными, т.е. они посещают Русскую Православную Церковь, соблюдают православные традиции (молятся, постятся, отмечают праздники). Но у них также сохраняются некоторые элементы двоеверия, например, марийцы верят в Кугу-Юмо – некое верховное божество их языческого пантеона, прародителя всего сущего [12, с. 153].

Одним из мест, где поклонялись этому божеству была священная роща Юмо Ото, которая находится в деревне Азиково Кильмезского района. В этой роще среди полей проводились языческие обряды, жертвоприношения, семейные и общинные моления. Накануне жертвоприношения люди мылись в банях и надевали чистые белые одежды. Жертвоприношения совершались один или два раза в год, где молящиеся обращались к Небу, прося о мирной жизни. В жертву приносили таких домашних животных как телята, овцы, козлы, домашняя птица и т.д.

Жительница д. Малая Кильмезь Марина Александровна Т. (1970 г. р., марийка, православная) вспоминает: *«На мольбище то там лес, а посреди – поляна. Она зарастает уже, но лес, он такой светлый, там маленьких деревьев мало. И в этой-то поляне приносили жертвоприношения. Так, заходили только женщины, у которых месячных нету и прежде, чем идти туда, надо помыться, чистыми, надо в чистую одежду одеться...мужчины основное, они жертвоприношение делали и молились. Мужчина в обязательном порядке убивал животного. Остальные помогали, готовились, молились тоже. Вообще, после обеда туда ходят, вроде не по определенным дням. Тот, кто молится 3 дня, там и ночуют. Сначала готовятся, потом молились, потом барана... над бараном обряд проводят. И потом говорят, человек, который жертвоприношение делает, ему больно хорошо становится».*

По воспоминаниям жителей, такие массовые моления проходили с 1941-1945 гг., во время Великой Отечественной войны. В послевоенные годы они идут на спад из-за преследований верующих и заменяются частными жертвоприношениями, где участниками становились только близкие родственники и соседи. Такие обряды совершались зимой в новолуние, тайно, иногда в домах у некоторых жителей. Жертвенное животное заводили в дом, где обливали его водой. Считалось, что когда животное с себя стряхивает воду, то небеса готовы принять жертву. После этого животное забивали, всю кровь собирали, шкуру заворачивали и клали под стол. Мясо готовили, к нему пекли лепёшки и варили каши. От каждой части животного марийцы срезали маленькое кусочки и, молясь, бросали в огонь. Остатки праздничного стола после трапезы собирали и сжигали.

Со священной рощей связана легенда, что там зарыт клад. Если в октябре, перед Покровом, на этом месте прочитать молитву, то загорится огонь. Если горит белым светом, то значит серебро зарыто, если желтым, то золото. Но, несмотря на то, что Юто Ото священо для марийцев, у них существуют некие опасения на счет этих мест. Так Ольга Николаевна Р. (1929 г. р., д. Малая Кильмезь, марийка, православная) говорит: *«Когда косить ходили, дак и то...я даже смотреть боюсь... страшно... всяко творится».* Связано это с тем, что роща окутана множеством легенд, связанных с необычной смертью людей, которые случайно оказывались на этом мольбище. Некоторые просто сходили с ума, некоторые не могли найти выход, теряясь в этом маленьком пролеске, а других оттуда выгоняла невидимая сила. Поэтому, просто так, без особого повода, люди к этим местам не приближаются.

В XXI веке некоторые жители деревни пытаются возродить традицию всеобщих молений. Например, в 2006 году перед юбилеем д. Малая Кильмезь (225 лет) у рощи провели всеобщее моление, пригласив Верховного карта из Марий Эл, но местных жителей было немного. В 2007 году для проведения обряда были приглашены местные старожилы, помнящие об истории этого места. За таинством наблюдало уже 18 человек, что говорит о некоторой заинтересованности местных марийцев к сохранению исторической памяти своего народа.

Еще одним местом, где и в наши дни проводятся моления, является языческая роща в деревне Каменный Ключ Малмыжского района. Она была посвящена летнему празднику Сурем. По традиции обряд сопровождается разведением костра, приношением в жертву кусочки блинов и другой пищи, подношениями к священной березе монет и привязыванием на ветки платков и лент. Суть летнего праздника Сурем заключается в изгнании нечистой силы. Также с помощью религиозных и магических ритуалов старались задобрить богов и заручиться их поддержкой в хозяйственной и семейной жизни. Сейчас марийцы это делают для того, чтобы моления не прерывались, не

забывались древние марийские обряды. Необходимо отметить, что в деревнях и их окрестностях, где находятся моленные рощи, отсутствуют православные церкви и часовни.

В отличие от марийцев, у удмуртов Кировской области нет такого распространения культовых рощ, чаще всего они молились в поле или на полянах возле леса. Так, согласно исследованиям И. К. Кудрявцевой и Н. И. Шутовой^[6; 13], часто у многих удмуртских деревень недалеко от них были мольбища, например, Шапка в д. Сибирь Унинского района. Сейчас многие мольбища заброшены. Но когда-то туда ходили местные жители вместе с попами и иконами на моления в православные праздники, а также самостоятельно – для задабривания различных божеств, например, Имма вожшуда. На мольбищах удмурты разводили костры, с собой приносили хлеб, иногда приносили в жертву животных (уток, гусей, овец и др.), варили каши. Также местные жители взывали к милости богов, просили хороший урожай, здоровья, благополучия. Здесь же на мольбищах праздновали традиционные праздники, связанные с природными циклами, например, праздник листвы, который постепенно слился с православной Троицей^[6, с. 123-124; 13, с. 493-496]. Все это отражает сохранение языческих традиций и сочетание их с христианскими обрядами.

Обожествление природы: Хозяин леса. В силу одухотворения марийцами природы, вся их жизнь была связана с лесом. Поэтому именно там совершались богослужения, религиозные торжества и жертвоприношения. Лес, согласно марийским верованиям, населен волшебными существами – богами и злыми демонами. Одним из подобных существ, о котором помнят до сих пор, является Хозяин леса. Считается, что *«Хозяин леса ростом с овраг, одет в большой длинный плащ, у него шляпа на голове и борода длиннющая»* (Антонина Михайловна К., 1959 г. р., д. Малая Кильмезь, марийка, православная). Проявляется он в появлении сильного ветра и качании деревьев. Именно он не позволяет заходить обычным людям в священные для марийцев рощи.

Поэтому каждый мариец при походе в лес за грибами или ягодами соблюдает традицию: берет с собой «унагиндим» – гостинец Хозяину леса, предназначенный для того, чтобы его задобрить. Данная традиция передается из поколения в поколение. Антонина Михайловна К. (1959 г. р., д. Малая Кильмезь, марийка, православная) вспоминает: *«У меня даже дед он тоже всё время любил в лес ходить и меня как бы в помощники. [...] У него такая была привычка, заходит в лес, и я теперь этой привычкой давно пользуюсь, как деда не стало. Заходит в лес – на пенёк ложит кусок хлеба, солью посыпанный, и говорит: "сам набери и нам помоги"»*. Учат этой традиции своих детей и современные марийцы, отдавая тем самым дань прошлому и сохраняя уникальность своей культуры: *«Сейчас вот даже дети приучены. По ягоды ходят, да, обязательно с собой берут хлеб. Когда заходят или в поле пусть даже, вот ложат хлеб, а потом, или перед уходом ложат, ну как это принято было испокон веков»* (Марина Александровна Т.).

Верования о Хозяине леса есть и у удмуртов. Они его называют «гондыр», что в переводе означает медведь. Нина Матвеевна Б. (1960 г.р., д. Паска, удмуртка, православная) говорит, что *«его можно считать культовым животным»*. Чтобы задобрить Хозяина леса, удмурты, собирая грибы и ягоды, постоянно проговаривают: «Гондыр кутоз», что можно дословно перевести как «медведь берет/собирает». Также запрещалось шуметь в лесу, чтобы не разгневать Гондыра.

Еще одной ипостасью божества природы являлся хозяин Дикой Природы Луд. В д. Малый Полом Унинского района совершался удмуртами обряд жертвенного подношения хозяину

Дикой природы и умершим предкам, в процессе которого молодые люди оставляли под березой угощения. К хозяину Дикой природы также могли обратиться, если в семье были неприятности, задабривая его лепешками. При этом часто моление Луду проходило на Троицу при участии православных священников [\[13, с. 493-494\]](#). Т. е. в рамках борьбы церкви с языческими верованиями происходит адаптация последних под православные реалии.

Почитание героев: святилища. Помимо священных рощ и верований в Хозяина леса, у марийцев существуют святилища, посвященные различным героям. Одним таким популярным памятником сакрального культурного ландшафта язычества, по мнению Н. С. Попова [\[21\]](#), является святилище Чембулатова гора, находящееся на реке Немда в Советском районе. На берегу стоит высокий камень, напоминающий издали человека. По преданию, именно здесь был похоронен марийский князь, военный предводитель и руководитель укрепленного городка Чембулат. Марийцы верили, что он был не только быстрый, сильный и ловкий, но и мудрый, так как умел находить нужные слова, чтобы умиловать божества. Согласно легенде, дух героя после проведения моления с соответствующими жертвоприношениями может являться марийцам и помогать им [\[21\]](#). В православии герой Чембулат превратился в «Ивана-воина».

Недалеко от святилища, в д. Долбилово была построена часовня на месте святого источника, куда приходили молиться и русские, и марийцы. В 1930-х годах часовню разрушили, но сакральный культурный ландшафт сохраняет место выхода ключа на поверхность, построив навес и облагораживает территорию вокруг ключа. Религиозное значение места усиливается молвой о целительной силе ключа, который помогает от всех болезней.

Еще одним героем, почитаемым марийцами, является целитель Акпатыр, святилище которого находится у д. Большой Китяк Малмыжского района. По народным преданиям, он организовал первую марийскую деревню, обладал недюжинной силой и смекалкой. После смерти героя люди приходили к нему на могилу, где была посажена береза, и просили помочь с лечением родных и близких, домашних животных, решением сложных жизненных обстоятельств и т. д. Например, призывники в солдаты приходили к могиле Акпатыра с подношениями – монетами, зажигали свечи и просили, чтобы служба в армии прошла благополучно. Если солдат благополучно возвращался со службы, то проводили жертвоприношение в честь Акпатыра. В доме накрывали стол и приглашали дух Акпатыра погостить на одну ночь. За столом читали молитвы, благодарили святого. Утром душа героя провожалась, а кости жертвенных животных сжигали недалеко от священной березы. Ежегодно в августе проводится праздник почитания святого Акпатыра, сопровождаемый древнемарийскими молениями [\[21\]](#).

Дань мертвым: похороны, молебны, жертвоприношения. Важное место в религии марийцев и удмуртов занимают представления о загробном мире и существовании душ умерших после смерти. По поверьям марийцев душа умершего обладает всеми свойствами живого человека. Души умерших незримо присутствуют среди родных, и некоторые жители способны почувствовать такое присутствие. О подобном случае рассказала Антонина Михайловна К. (1959 г. р., д. Малая Кильмезь, марийка, православная): *«Сидела я как-то поздно в клубе, и слышу, как дверь скрипнула, шаги, пришла ко мне, дышит мне в спину, я говорю ей, что ничего плохого не сделала, чтобы она с Богом уходила. Это приведение бабушки часто появляется, когда в клубе молодежь долго засиживается»*. Помимо наделения души качествами живого, так же марийцы считают, что на том свете человека ожидает такая же жизнь, как и в этом мире:

«че там, пух и прах все что ли, там тоже наверно вкалывают как и здесь вот» (Александр Анатольевич И., 1946 г. р., д. Малиновка, мариец, православный). Марийцы уверены и в том, что на том месте, где в Кильмези проходил Сибирский тракт, ходят неупокоенные души погибших там заключенных.

В похоронных обрядах марийцев, которые хоть и проходят в основном по русским православным обычаям, присутствуют элементы язычества. Усопшего кладут в гроб в национальном марийском костюме, туда же к нему, как рассказывает Антонина Михайловна К. (1959 г. р., д. Малая Кильмезь, марийка, православная), кладут ниточки трех цветов для того, *«чтобы в раю на качелях качаться»*, и веточку *«чтобы собак от себя на пути отгонять»*. Усопшего же отпевает батюшка, но иногда после всех православных ритуалов, марийцы также совершают и жертвоприношение, что характерно исключительно для языческой традиции.

Ярким проявлением языческой веры у удмуртов является обряд жертвоприношения покойникам. Например, Нина Матвеевна Б. (1960 г.р., д. Паска, удмуртка, православная) рассказывает о том, как это происходило: *«Хороводы, песни, разжигаем костер, прыгаем через него. Затем кладем в ведро кости, в тряпочки цветные, у меня, например, зеленая, у вас красная, заворачиваем деньги, и все ведро потом бросаем в костер. Кто-то потом уж собирает, денежки-то. Часто это, когда овец режут, коров, поросят-то нет, овец больше, рогатый скот»*.

Выводы. Таким образом, длительный процесс христианизации удмуртского и марийского населения Кировской области не смог противостоять прочности их этноконфессионального самосознания и приверженности языческим традициям и верованиям. В настоящее время в культуре этих народов в гармоничном синкретичном единстве сосуществуют элементы, как православных, так и дохристианских верований. Стереотипы двоеверия можно обнаружить в проведении особых ритуалов, в особенностях поминального обряда, в отношении к природе, в представлениях о душе, а также в искренней вере в правдивость некоторых легенд и мифов. Некоторые воспоминания о культовых местах уходят в прошлое вместе с представителями старшего поколения, а некоторые передаются от родителей детям, обеспечивая тем самым определяющую развитие общества поликультурность. При этом, самобытная синкретичность православия и язычества марийцев и удмуртов южных районов Кировской области служат средством этнической идентификации в формировании сакрального культурного и природного ландшафта.

Библиография

1. Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века: исследование. Вятка: Губ.тип, 1911. 318 с.
2. Островская, М. Д. Из истории вятских инородцев. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1912. 31 с.
3. Вискалин А. В. Об этнокультурных процессах на Средней Волге и в Прикамье в мезолите – неолите // Российская археология. 2011. №3. С. 25-32.
4. Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов: крат.историогр. очерк с библиогр. Ижевск: Удмуртия, 1984. 142 с.
5. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.
6. Кудрявцева И. К. Проблемы этнического соседства и конфессиональной идентичности нижнечепецких удмуртов (по материалам полевых исследований) //

- Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11, № 2. С. 121-132
7. Куцаева, М. В. Православно-языческий синкретизм в религиозной жизни марийской диаспоры московского региона // Живая старина. 2023. № 1(117). С. 46-50.
8. Марийская Традиционная Религия: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году культурного наследия народов России, Йошкар-Ола, 09-10 июня 2022 года. Йошкар-Ола: государственное бюджетное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл "Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева", 2022. 504 с.
9. Пермиловская А. Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск; Екатеринбург: Правда Севера: УрО РАН, 2010. 549, [2] с.: цв.ил.
10. Попова Е. В. Удмурты в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: тенденции и механизмы этнокультурного взаимодействия // Мы и как удмурты, и как чуваш... Взаимная социально-культурная адаптация в этнически смешанных селениях / Ответственный редактор А. Д. Коростелев. М.: Российский университет дружбы народов, 2007. С. 112-144.
11. Садиков Р. Р. На перекрестке трех религий: керемет, мечеть и церковь в этноконфессиональном пространстве удмуртского селения // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, № 4. С. 109-121.
12. Степанов А. Ф. Сотворение мира: о марийской народной вере (язычестве) в контексте возникновения и эволюции человеческого общества. Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, 2008. 160 с.
13. Шутова Н. И. Обряды и верования удмуртов-калмезов Унинского района Кировской области // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14, № 3. С. 491-504. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-491-504.
14. Этнокультурное наследие Вятско-Камского региона: проблемы, поиски, решения: сборник материалов региональной научно-практической конференции, посвященной 120-летию Д. К. Зеленина / Киров. обл. ин-т усовершенствования учителей; Киров. обл. краеведч. музей; Редкол.: В. А. Коршунков, И. Ю. Трушкова, А. Г. Шурыгина. Киров: КОГУП Кировская областная типография, 1998. 128 с.
15. Werth W. P. Tsarist Categories, Orthodox Intervention, and Islamic Conversion in a Pagan Udmurt Village, 1870s-1890s // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations. Berlin, 1998. P. 385-415.
16. Десяткова О. В. Священные рощи: граница земного и потустороннего в этнокультурном ландшафте вятских марийцев // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2016. Т. 15. С. 346-350.
17. Капитонов В. И., Попова Е. В., Шутова Н. И. Почитаемые объекты марийцев Удмуртии // Марийцы Удмуртии: история, традиции и современность. Ижевск, 2015. С. 37-49.
18. Михайлова, М. А. Дерево в сакральном пространстве удмуртов и его охрана // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 136-141. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.4.136.141.
19. Михеева А. И., Перевозчиков Ю. А. Священные рощи марийцев как объекты культурного наследия // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов, Ижевск, 04-07 июня 2019 года. Ижевск: Анны Зелениной, 2019. С. 514-517.

20. Перевозчиков Ю. А. К проблеме государственной охраны священных рощ финно-угорских народов в Удмуртии: этнологические аспекты // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. № 1. С. 141–153.
21. Попов Н. С. Марийские культовые памятники Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 1994. 64 с.
22. Приказчикова Ю. В. Священные деревья и столбы-часовни в культурном ландшафте юга Вятского края // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования: Сб.ст. / Отв. ред., авт. предисл. Н. И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 178-191.
23. Ивонин Ю. М. Христианизация в Удмуртии. История и современность. Ижевск, 1987. 112 с.
24. Шумилов Е. Ф. Христианство Удмуртии. Ижевск, 2001. 430 с.
25. Попов Н. С. Православие в Марийском крае. Йошкар Ола: Марийское кн. изд-во, 1987. 111 с.
26. Полевые материалы автора, 2017-2023 г. Кильмезский и Малмыжский районы Кировской области, Малая Кильмезь.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Человек и культура» автор представил свою статью «Синкретичность язычества и православия в марийской и удмуртской культурах: конфессиональные маркеры в природном ландшафте», в которой проведено исследование социокультурных и этноконфессиональных особенностей народов Кировской области.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что Кировская область уникальна по своему полиэтническому и поликонфессиональному составу, также по особенностям формирования современного состава этнического населения. Несмотря на введение христианства и борьбу с двоеверием, марийцы и удмурты, приняв православную веру, сочетали ее со своими исконными языческими представлениями. Большинство современных марийцев и удмуртов по преимуществу являются православными, т.е. они посещают Русскую Православную Церковь, соблюдают православные традиции (молятся, постятся, отмечают праздники), но у них также сохраняются некоторые языческие элементы. По мнению автора, самобытная синкретичность православия и язычества марийцев и удмуртов южных районов Кировской области служат средством этнической идентификации в формировании сакрального культурного и природного ландшафта.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения культурной идентичности как глубинной основы всего многообразия направлений, видов и форм современной культуры. Научную новизну исследования составляет научный подход к описанию и классификации мест сакральных культовых объектов на основе современных экспедиционных исследований.

Цель исследования – анализ репрезентации и визуализации синкретичности язычества и православия в марийской и удмуртской культурах через конфессиональные маркеры в природном ландшафте.

Теоретической основой изучения проблемы двоеверия в культурах удмуртов и марийцев стали методы анализа особенностей религиозных и этнокультурных взаимодействий этих народов, предложенные в работах А.В. Вискалина, В.Е. Владыкина, И.К. Кудрявцевой, М.В. Куцаевой и др. Работы О.В. Десяtkовой, М.А. Михайлова, А.И. Михеева и др.

использовались как методологическая основа анализа сакральных объектов, вписанных в природный ландшафт. Литература о христианизации Удмуртии и Марийского края дала возможность автору рассмотреть работу миссионеров и механизмы приспособления и слияния язычества и христианства. Историко-культурное сравнение – один из методов, который позволил автору обратиться к традициям и выявить уровень их сохранности и трансформации. Анализ эмпирических данных, полученных в результате неформализованного опроса (интервью) в рамках экспедиций, проводился автором на методологических принципах анализа текстовых материалов. Автором сделано описание сакральных культовых объектов, а также фотофиксация.

Эмпирическую базу составили материалы экспедиций 2017-2023 годов в Кизьмезский, Малмыжский районы Кировской области, где проживают марийцы и удмурты, занимающие, согласно итогам Всероссийской переписи населения 2020 года, третье и четвертое место по численности населения Кировской области после русских и татар.

Для достижения цели исследования автором проведен анализ, описание и классификация культурных феноменов, наиболее ярко иллюстрирующих синкретизм язычества и православия народов, проживающих в Кировской области: всеобщие моления в священных рощах, религиозные торжества в честь Хозяина леса, святилища, посвященные различным героям, похоронные обряды, жертвоприношения покойникам.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение отдельной этнической группы, традиций обычаев и объектов культурного наследия, формирующих ее культурную идентичность, представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 26 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал, показал глубокое знание изучаемой проблематики. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Шоличева А.Г. — Интертекстуальность визуальных и вербальных произведений наивной художницы Надежды Спириной // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 29 - 50. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69131 EDN: XEAMBD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69131

Интертекстуальность визуальных и вербальных произведений наивной художницы Надежды Спириной

СВФУ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

Шоличева Анастасия Геннадьевна

ORCID: 0009-0002-3260-993X

магистрант кафедры культурологии Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ
Северо-Восточного Федерального университета

677013, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 226

✉ dpi_okmckt@mail.ru

[Статья из рубрики "Изобразительные искусства"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.6.69131

EDN:

XEAMBD

Дата направления статьи в редакцию:

27-11-2023

Дата публикации:

04-12-2023

Аннотация: В современной гуманитаристике принято рассматривать наивное искусство и наивную литературу как два отдельных явления. Исходя из этого подхода исследование наивного изобразительного искусства отдается на откуп искусствоведению, а изучение

наивной литературы остается в рамках филологии и лингвистики. Культурология исследует культуру как исторический и социальный опыт людей, который может проявляться в их творчестве и истолковывается в «культурных текстах» искусства. В данной статье актуализирована потребность в переходе от узконаправленных исследований к комплексному подходу: контекстному изучению визуальных и вербальных произведений наивных художников. Объектом данного исследования являются картины и стихотворения наивной художницы Надежды Ивановны Спириной (Ивановская область, город Южа). Предмет исследования – эстетика и поэтика интертекстуальности работ наивного художника. Целью работы является анализ стилистики и композиции картин в комплексе с поэтическими текстами автора. Задачи – поиск интертекстуальных отсылок и реминисценций в произведениях Н. И. Спириной, раскрытие в ее произведениях различных практик авторской саморефлексии, проверка гипотезы о расширении статуса произведения наивного художника в качестве культурного текста, с учетом смысловых особенностей вербального высказывания для восприятия и прочтения визуального текста, то есть интертекстуальности произведений наивного искусства. Методы исследования базируются на комплексном анализе культурно-исторических явлений и комплексном междисциплинарном подходе. Используются синхронистический, сравнительно-сопоставительный, биографический, психологический, семиотический, культурно-исторический анализ. Научная новизна исследования заключается в анализе стилистики и композиции картин наивного художника в комплексе с поэтическими текстами автора, что дает возможность точнее интерпретировать миссию художника, которая формирует его наивное высказывание. Выдвинутая гипотеза о расширении статуса произведения наивного художника с учетом интертекстуальности его работ частично подтверждена. Нами проанализирована стилистика и композиция нескольких картин в комплексе с поэтическими текстами автора. Удалось решить ряд задач, обозначенных в начале работы. Перспектива исследования, начатого в данной статье, видится нами в обширном изучении биографий, личностей и творчества наивных художников Ивановской области 1990-2020-х годов в контексте исторических, общественно-политических и социокультурных явлений в регионе и стране на рубеже XX-XXI веков.

Ключевые слова:

наивное искусство, наивный художник, наивная литература, наивный автор, нарратив, вербальные тексты, визуальные тексты, интертекстуальность, Надежда Ивановна Спирина, Игнатий Федорович Чапкин

Автор выражает благодарность за помощь в написании статьи:

- научному руководителю кандидату культурологических наук, доценту кафедры культурологии Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации ФГАОУ ВО «СВФУ им. М. К. Аммосова» С. В. Никифоровой,
- заведующему сектором наивного искусства Екатеринбургского музея изобразительных искусств, куратору Музея наивного искусства, кандидату философских наук А. А. Бобрихину,
- мастеру МБУ «Южский Дом ремесел», художнице Е. Б. Генераловой,
- сотрудникам Южского районного архива,

- автору Youtube-канала «Дере-Венский Сундучок фараонки Светланы» Светлане Фоминой,
- авторам проекта документального фильма «Сказка» кинорежиссерам Владимиру Чуприкову, Екатерине и Олегу Галактионовым,
- автору Youtube-канала о путешествиях художнику Владимиру Быкову,
- редактору сообщества «Музыковеды» в социальной сети «ВКонтакте» Василисе Александровой и участнице сообщества Елене Придановой.

Введение. Среди множества произведений, относящихся к наивной литературе, тексты, написанные наивными художниками, — это наиболее перспективная для изучения группа, поскольку создаваемые ими тексты и картины, как правило, часто дополняют друг друга по смыслу, содержанию, художественному контексту и нарративу. Таким образом, анализ художественных методов наивного изобразительного искусства с применением нарративного подхода позволяет исследовать его сюжет, фабулу, прецедентные тексты, композицию и пространство повествования, раскрывая уникальность этого жанра. Создавая картины, наивные художники оказываются погружены в культуру языковых и письменных форм, которые позволяют их творческой и социальной идентичности найти выход и выражение. Однако до сих пор всесторонний анализ вербальных и визуальных творений наивных художников в научной литературе был представлен слабо.

В данном исследовании мы намерены систематизировать и проанализировать поэтику вербальных и визуальных текстов наивной художницы Надежды Ивановны Спириной (Ивановская область, город Южа) для получения возможности лучше вникнуть в миссию художника, которая оказывает прямое влияние на творческий и идейный посыл его наивного высказывания. Нами актуализируется потребность в контекстном изучении визуальных и вербальных текстов наивных авторов. Объект данного исследования - картины и стихотворения наивной художницы Надежды Ивановны Спириной (Ивановская область, город Южа). Предмет – эстетика и поэтика интертекстуальности работ Н. И. Спириной. В исследовании использованы синхронистический, сравнительно-сопоставительный, биографический, психологический, семиотический, культурно-исторический методы исследования. Анализ стилистики и композиции картин в комплексе с поэтическими текстами автора дает возможность точнее интерпретировать социальную миссию художника, которая формирует его наивное высказывание. Кроме того, эта методика позволяет проверить гипотезу о расширении статуса произведения наивного художника в качестве культурного текста, с учетом смысловых особенностей вербального высказывания для восприятия и прочтения визуального текста, то есть интертекстуальности произведений наивного искусства.

Обратимся к определению термина «наивное искусство». В самом широком смысле так обозначается изобразительное искусство, отличающееся простотой (или упрощенностью), ясностью и формальной непосредственностью изобразительно-выразительного языка, с помощью которого выражается особое, не обремененное цивилизационными условностями видение мира. Понятие появилось в новоевропейской культуре на рубеже XIX–XX веков, поэтому отражает профессиональные позиции и представления этой культуры, считавшей себя высшей ступенью развития. С этих позиций под наивным искусством понимается и архаичное искусство древних народов (до египетской или до древнегреческой цивилизаций), например, первобытное искусство; искусство народов, задержавшихся в своем культурно-цивилизационном

развитии (коренного населения Африки, Океании, индейцев Америки); любительское и непрофессиональное искусство в самых широких масштабах (например, знаменитые средневековые фрески Каталонии или непрофессиональное искусство первых американских переселенцев из Европы); многие произведения так называемой «интернациональной готики»; фольклорное искусство; наконец, искусство талантливых художников-примитивистов XX в., не получивших профессионального художественного образования, но ощутивших в себе дар художественного творчества и посвятивших себя самостоятельной его реализации в искусстве [\[5\]](#).

Под наивной литературой следует понимать один из видов народной словесности, а именно образцы письменного литературного творчества (поэтические и прозаические, публицистические, околонуточные, философские тексты), которые создаются непрофессиональными авторами.

К вопросам наивного искусства в художественной культуре России впервые обратились авторы фундаментальных исследований В. Н. Прокофьев, Л. И. Тананаева, А. В. Лебедев [\[29\]](#), начав с изучения примитива как целостного явления отечественной культуры XVIII–XX веков и рассмотрения отдельных его видов в начале 1980-х годов. Творчеству наивных художников посвящена книга Н. С. Шкаровской [\[42\]](#), которая представляет собой обширный информационно-фактический материал о наивном искусстве в СССР. В ней автор, впервые обособляя наив и маркируя его как «самодетельное народное искусство», вводит это художественное явление в отечественную искусствоведческую практику. Данному факту во многом способствовала вступительная статья крупнейшего историка искусства М. В. Алпатова [\[15\]](#). В конце 1980-х – начале 1990-х годов публикуются исследования П. Д. Корнилова [\[28\]](#), Г. Г. Поспелова [\[34\]](#), Д. В. Сарабьянова [\[35\]](#), А. В. Повелихиной [\[33\]](#), Г. С. Островского [\[32\]](#), О. Д. Балдиной [\[16\]](#), К. Г. Богемской [\[21\]](#), посвященные проблемам взаимосвязи профессионального искусства начала XX века с примитивом, с городским изобразительным фольклором и другими видами «низового» искусства. Кроме вышеупомянутых авторов, проблематику наивного искусства исследовали такие авторы как О. В. Дьяконицына [\[24\]](#), С. Д. Тарабаров [\[38\]](#), А. А. Бобрихин [\[20\]](#), Н. А. Мусянцева [\[31\]](#), Т. А. Синельникова [\[36\]](#), Л. Д. Ртищева, И. П. Вовк, А. А. Суворова и другие специалисты. Вместе с тем фактически вне поля зрения исследователей остались вопросы наивного искусства в региональной художественной культуре XX века. Наивное изобразительное искусство Ивановской области рубежа XX–XXI веков ранее не становилось предметом самостоятельного изучения (за исключением житнетворчества художника П. П. Леонова, которому был посвящен ряд исследований О. В. Дьяконицыной, К. Г. Богемской, А. А. Суворовой). Поэтому дальнейшая перспектива исследования, начатого в данной статье, видится нами в обширном изучении биографий, личностей и творчества наивных художников Ивановской области 1990–2020-х годов в контексте исторических, общественно-политических и социокультурных явлений в регионе и стране на рубеже XX–XXI веков.

Если говорить о степени научной разработанности проблемы наивной литературы и наивного письма, то среди значимых трудов следует назвать работы Н. Н. Козловой, И. И. Сандомирской [\[27\]](#) и С. Ю. Неклюдова [\[30\]](#), а также выпуск журнала «Живая старина» (2000, № 4) с публикациями текстов наивных авторов и комментариев к ним и сборники ««Наивная литература»: исследования и тексты» под редакцией С. Ю. Неклюдова, «До и после литературы: тексты «наивной словесности»» [\[23\]](#), «Кирпичики: Культурная антропология и фольклористика сегодня» [\[26\]](#). Авторы приходят к выводу, что разделять

по сферам научного интереса и противопоставлять наивную живопись и наивную литературу (живопись – искусствоведам, литературу – филологам и лингвистам) нецелесообразно и неперспективно и говорят о необходимости их комплексного анализа. Но при этом в своих работах не занимаются таким анализом. Одна из немногих работ, касающихся комплексного исследования вербальных и визуальных нарративов наивных авторов, написана А. А. Бобрихиным и Н. Б. Грамматчиковой^[20] на примере анализа творчества нескольких уральских наивных художников.

С. Ю. Неклюдов в статье «Наивная литература»: исследования и тексты» пишет: «По-видимому, целесообразно определять искомый феномен [«наивную» литературу – прим. авт.] как литературное творчество (или сочинительство) «литературно неквалифицированных» авторов. В этом случае встает вопрос, чем измерять степень этой квалифицированности» [30:18]. «...на мой взгляд, «наивным» писателем становится именно «не читатель», что определяется не столько количеством потребляемой культурной информации, сколько качеством потребления. Иначе говоря, «наивную» литературную продукцию (и речь не только о художественных текстах) создают только «дискурсивные дилетанты» [30:20].

Тот факт, что нами ведется научная деятельность в рамках дисциплины «Культурология. Визуальная культура», развязывает нам руки и не запрещает рассматривать наивное искусство и наивную литературу как смежные, взаимодополняющие явления, так как культурология изучает наиболее общие закономерности развития культуры как системы и обнаруживает культурологические знания в качестве разделов философии, истории, эстетики, литературоведения, искусствоведения, семиотики и др. Именно поэтому в данной статье мы собираемся провести исследование художественного воображения человека и образного (вербального) искусства в комплексе.

Опыт исследования творчества нескольких наивных художников Ивановской области (Н. И. Спириной, И. Ф. Чапкина, Н. И. Медведева, С. В. Волкова, П. П. Леонова) позволяет утверждать о существовании множества интертекстуальных отсылок и реминисценций в их произведениях. Интертекст – это основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам. Имеются в виду не только вербальные тексты, но тексты любых искусств (живописи, музыки, кино, театра, современных арт-практик)^[4]. Можно говорить об интертекстуальности не только в отдельно взятых картинах или стихотворениях наивного автора, но и о взаимном дополнении одних другими, когда стихотворный текст может являться пояснением к картине либо картина играет роль иллюстрации к тексту. Но при этом сюжет вербального и визуального текстов неразрывно связан с реминисценцией к более ранним источникам.

Понятие интертекстуальность было изобретено, а затем прочно прижилось в литературоведческой науке с легкой руки одного из влиятельных теоретиков постструктурализма Юлии Кристевой. Исследовательница обобщила популярные идеи о мировой литературе (шире — культуре) как универсальном интертексте, все составные части которого находятся в условиях непрерывного диалога. Здесь, естественно, не обошлось без модернизированной трактовки известного положения М. М. Бахтина, согласно которому в диалогических отношениях находятся практически все литературные произведения, взаимодействующие не только с отраженной в них действительностью, но и с автором, читателем и литературным процессом прошлого и настоящего^[11]. Такого же мнения придерживается Р. Барт, называя любой текст «раскавыченной цитатой» [17: 428].

Эстетика и поэтика текста наивного художника. В этой статье будет рассмотрена интертекстуальность эстетики визуальных и поэтики вербальных работ наивной художницы Н. И. Спириной, показывающих, каким образом ее подходы к созданию произведений искусства дают сложное представление о самовыражении, социальной структуре и личном нарративе. Анализ интертекстуальных элементов наивного искусства дает возможность получить более глубокое представление о художественном процессе и разнообразии выразительных средств, которые он порождает.

Рис. 1 Спирина Н. И. на открытии персональной выставки в Южском Доме ремесел, октябрь 2018 г., фото из архива МБУ «Южский Дом ремесел»

Надежда Ивановна Спирина родилась 3 января 1952 г. в городе Южа Ивановской области. Отец Иван Андреевич родом из Казани был художником-самоучкой, зарабатывал расписыванием ковриков. Мать Клавдия Иосифовна родилась в Юже и всю свою трудовую жизнь проработала на Южской фабрике. Надежда – третья по старшинству из 14 детей в этой большой семье. Окончив 8 классов школы, она, после обучения в фабрично-заводском училище, стала работать ткачихой на Южской фабрике. Затем нянечкой в больнице, дояркой на колхозной ферме, прачкой на хлебозаводе, швеей в кооперативе. У нее трое сыновей. В середине 1990-х, истомившись от вынужденной безработицы и от ощущения собственной невостребованности, стала читать книги, которые брала в библиотеке. Так ей в руки попала книга «Утро богов» (антология фантастики, авторы – Владимир Щербаков, Андрей Дмитрук, Игорь Ларионов, Андрей Фальков и другие). Книга произвела на нее большое впечатление. Неожиданно для себя Н. И. Спирина переосмыслила свою жизнь, свое предназначение и неожиданно для себя увлеченно занялась творчеством. Сначала стала лепить из глины и раскрашивать акварельными красками игрушки для внучки, но уже тогда, по ее словам, чувствовала сильное желание делать более крупные скульптуры. Через некоторое время другой южский художник-самородок Игнатий Чапкин, с которым Н. И. Спирина была в дружеских отношениях, познакомил ее с техникой работы масляными красками [\[13\]](#).

«Первые краски мне дал Чапкин. И еще у моего брата есть сын. Он сказал: «Теть Надь, я привезу вам краски из Иванова» [\[6\]](#).

Игнатий Федорович объяснил ей, что разбавлять пигмент необходимо льняным маслом, рассказал, как работать кистью, наносить мазки, как хранить краски. Это сподвигло ее начать поиски способов работы по холсту. Первую кисточку она сделала из пучка волосков собачьего хвоста, привязав их к шариковой ручке.

«У меня тогда и кисточки-то не было. Вобщем, можно сказать, из собачьего хвоста сделала, сама накрутила, нет бы догадаться в магазин сходить купить, мне как-то было не ума» [\[2\]](#).

Не зная технологии подготовки холста к работе, художница зачастую нарушала последовательность действий. Иногда холст прикреплялся к рамке, прокрашивался базовой масляной краской (часто обычной масляной краской для отделочных работ – тем, что мог достать и принести муж), и после этого расписывался красками для живописи. Предварительно делался легкий набросок карандашом. А бывало, желание написать возникший в голове сюжет было настолько сильным, что она пропускала этап подготовки и писала прямо на ткани, разложенной на полу.

«Я, бывало, писала на ненатянутой ткани, картины получались неровными, а потом уже моя сестра их вытягивала и приклеивала клеем [к подрамнику – прим. ред.]. Как правильно-то, мы не знали. Поэтому картины у меня на доске, на фанере, на материале, на чем попало, лишь бы только писать» <...> «Мама, помню, давала мне даже свою простынь почти новую, чтобы я написала картину». <...> «Мой муж Валера, он приносил откуда-то банки с масляной краской. А мой сын торговал разливным маслом [подсолнечным – прим. авт.], и остатки этого масла (темного, с осадком) он приносил домой, и я им разбавляла краску и красила ткань. А уже потом рисовала кисточкой. А кисти мне дала сестра» [\[6\]](#).

Надежда Спирина никогда не выезжала за пределы Ивановской области, не была ни в одном в музее, не видела настоящих скульптур, ничего не знает о способах работы, которыми пользуются профессиональные скульпторы и живописцы. Из книг, оказавших на нее большое влияние, она называет стихи Фета, Тютчева, Ахматовой, сборник рассказов «Утро богов», «Встречи с Богородицею» В. Щербакова и религиозно-мистическое произведение Д. Андреева «Роза мира». [\[13\]](#)

Первые персональные выставки Н. И. Спириной были организованы в культурном центре «Ювента» Ивановской Государственной текстильной академии (сегодня это Ивановский Государственный политехнический университет) профессорами ИГТА С. Г. Смирновым и Ф. А. Каганом под названиями «Земное и небесное» (1998) и «Семя истины» (2000). Ее работы дважды выставлялись на международном фестивале наивного искусства «Фестнаив» в Москве.

Можно предположить, что именно такие факторы как низкий уровень образования, низкий социальный статус, слабо развитое критическое мышление, экономическая неустроенность семьи на фоне событий в стране в 90-е годы XX века, и в то же время внутренний поиск ответов на вопросы повлияли на внезапную увлеченность Надежды Ивановны фантастическими рассказами, посвященными астральному миру богов, и документально-художественными очерками о якобы состоявшихся встречах Богородицы и богов с людьми, о цивилизации богов и ее отличии от цивилизации инопланетян [39:2].

И в этом контексте необходимо вспомнить определение С. Ю. Неклюдова «дискурсивный дилетант». Это человек, не являющийся квалифицированным потребителем литературной продукции, и находящийся в разных социокультурных пространствах с производителями этой продукции [\[30\]](#). Поэтому, по Неклюдову, Надежду Спиринову можно определить как «дискурсивного дилетанта», который способен стать наивным писателем.

«Песню - ее не напишешь, она родится... Сюжеты работ не придумываешь. Их, когда начинаю делать, то не знаю, что у меня получится. Ну, скажем так. Как руками идет, -

размышление, состояние мое в данный момент» [\[2\]](#).

Картины и скульптуры наивной художницы визуализируют главным образом эзотерические и символические сюжеты. Угадываются в них размышления автора о христианстве, о буддизме, о современных поисках «вселенской религии», о мистике, восходящей к древнеегипетской жреческой традиции. Есть в этих работах «диалог культур» - стремление выразить свое отношение к культурному наследию прошлого. И это убедительно свидетельствует, что «примитивное» по форме искусство автора отнюдь не примитивно по своей сути, а преисполнено глубинных смыслов и изобилует интертекстуальностью.

Создатели выпуска телевизионной программы «Письма из провинции» о жителях Южи запечатлели момент, когда Надежда Ивановна включает виниловую пластинку с записью арии «*Quia respexit*» из Магнификата Иоганна Себастьяна Баха: «Вот эта мелодия мне дает настрой. Я ее прослушаю, и как бы растворяюсь вся, и уже полностью в работе» [\[2\]](#).

Обратившись к сайту «Каталог советских пластинок» [\[3\]](#), мы выяснили, что у фирмы грамзаписи «Мелодия» с 1964 по 1990 годы вышло 7 пластинок с музыкой И. С. Баха, содержащих арию «*Quia respexit*». Можно предположить, что за работой Н. И. Спирина слушала одну из этих пластинок, вдохновляясь музыкой великого композитора. Символично, что в арии речь идет о согласии Девы Марии на подвиг Богоматеринства. «Смирение избранной рабы передается спускающимися мотивами, изображающими преклонение; получается сопровождение неопишуемого очарования — подлинный образ Мадонны в музыке» [\[12\]](#). Содержание арии и перевод слов с латыни, скорее всего, были незнакомы южской малообразованной художнице. Но, обладая тонкой душевной организацией, она легко попадала под влияние органных произведений Баха, гармонизирующих пространство и ее внутреннее состояние, дающих настрой на творчество.

По рассказам самой художницы, писала она в основном по ночам, когда приходила с работы и заканчивала все домашние дела.

«Дети тогда были подрастающие парни. Ну и они говорили: «Ерундой мамка занимается». А муж пьяный. Вмажет и спит. Я говорю: «Тише, тише, Валера». И пока он спит, я пишу» [\[6\]](#).

Дыханье ночи для меня

Милей дыханья дня

Шум какой то суэта

Капли капают зла

С терпением сношу

Удары по щекам

Любить хочу

Не отвечать ударом на удар.

(Из записных тетрадей Н. И. Спириной, год написания неизвестен, орфография и пунктуация сохранена).

Есть ли генетические корни у такой способности отключаться от внешнего мира, у такой отрешенности? Другой южский художник-самоучка Игнатий Федорович Чапкин, чьи гравюры, офорты, графику и дневниковые записи нам еще предстоит изучить в комплексе, оставил такую запись в своем дневнике от 3 марта 1998 г.: «На обратной дороге зашел к Наде Спириной. Она оказалась дома, заканчивала новую картину. Еще раз посмотрел ее ранее сделанные вещи, вот уж самобытность, так точно. А как она их объясняет словами и чувствами, ну ничем не хуже, чем воспетый Честняков. [Е. В. Честняков (1874–1961, Костромская область) – профессиональный художник, работавший в жанре псевдонаив – прим. автора]. По ее рассказу я нашел связь человеческих судеб. Когда-то давным-давно я был знаком с ее отцом, держал с ним дружбу и считал его очень интересным и умным человеком, хотя по городу его считали «мужиком с приветом». Он мне перед своей смертью подарил первый том «Декамерона» из «Золотой библиотеки» под редакцией Горького. Пол-Южи нашей интеллигенции и слыхом не слыхали тогда об этой книге, а «мужик с приветом» имел их целый сундучок. Наде тогда было три года, когда их семья и жизнь развалилась, ну какая женщина будет жить с «дураком»... И пошли тогда Надины скитания по жизни, которые и вылились теперь в этих религиозно-мистических картинах и скульптурах, которые ее захватили полностью и не дают ей покоя... Придя домой, я стал смотреть свои картины. Увы, мои менее интересны, более надуманны и сухи, хотя тоже от души и для души, однако ж ясно вижу, ее творчество значительно выше, значительно глубже моего...» [37:214].

Было замечено, что каждый зритель картин Н. И. Спириной интерпретирует их по-своему, в соответствии со своей картиной мира и обширностью контекстуальных знаний. На это напрямую влияют особенности зрительного восприятия. Советский теоретик дизайна Е. Черневич разделял понятия «смотрение» и «видение». Простым смотрением он называл пассивное восприятие, когда глаз фиксирует нечто само по себе, без определенной задачи. Под видением же понимал процесс активного восприятия, который предполагает соотнесение изображения с предметом и его осмысление. По Е. Черневичу, «видеть изображение – значит прочесть его, как текст, специально настроившись на раскрытие всевозможных символов и отношений, которые в нем заключены, т. е. обнаружить тот контекст, в котором это изображение выступает» [41:19].

Интертекстуальные связи работы «Богородица (Птица Сва)».

Рис. 2 Спирина Н. И. Богородица (Птица Сва) год неизвестен, 41х55, фанера/масло, в частной коллекции, фото Генераловой Е. Б.

Н. И. Спирина – о картине «Богородица» (см. Рис. 2): «Писалась-то она на полу на коленках. И она выглядела как будто стоит на земле лапами. А когда я ее поставила –

смотрю, а она летит! А по бокам от нее – это пламя, пожар. А она спасает Землю. Это Богородица над Россией. Я писала ее как Птицу Сва» [\[6\]](#).

В качестве интертекстуальной отсылки здесь выступает рассказ Андрея Фалькова «Птица Матерь Сва» из сборника «Утро богов»: «Птица Матерь Сва – одно из имен Великой Богини. Об этом я догадывался. Сванур — по-исландски лебедь. Корень «сван» входит в другие слова, которые связаны с именем белоснежной птицы. Сва — лебедушка, лебедь на древнем наречии. Исландский ученый Снорри Стурлусон писал о стране Великая Свитьод, которая расположена на юго-востоке Европы. В древнескандинавском сочинении XIII века «Какие земли лежат в мире» Великая Свитьод названа самой восточной частью Европы» [\[10\]](#).

Есть в стихотворном сочинительстве Надежды Спириной также стихи, которые могут быть интерпретированы как смысловое или интертекстуальное продолжение упомянутой картины. Приводим его ниже (орфография и пунктуация автора сохранена):

Песней лебедя танцую

Танец пляски бытия

Звуки бубна

Позвали меня

Вижу образ

Танцует на просторе

Под музыку небес

Гдето там далёко

Чувствую здесь.

Реквием

Реквием звучит во вселенной

Словно воздух пропитан им

Эхом о бедствиях планетных

Тайно звучит

Стоит прислушаться чутко

Услышет душа

Взмахнет крылами

Как мать Ева

Реквием звучит то тихо тихо

То вновь рассекает высь

Стоном, рыданием надрывным

Эхом уносит ввысь
Словно музыкой неслышной
Землю к себе зовет
Она то уж бедная знает
Как больно ей
Слушать музыку эту
Невыносимо ей.

(Из записных тетрадей Н. И. Спириной, январь 2000, орфография и пунктуация сохранена).

Использование символики и метафор в наивном искусстве добавляет сложности и смысла этому виду искусства. Наивные художники часто используют эти способы художественной выразительности, заимствованные из их личного или культурного контекста (и чаще они используют символы и метафоры совершенно неосознанно, не имея предварительного замысла украсить таким образом свое визуальное или вербальное произведение). Эти символы служат для зрителя воротами к более глубоким темам, социальным проблемам или духовным идеологиям, заложенным в искусстве, создавая обширное интертекстуальное поле.

Интертекстуальные связи работы «Вечная мать мира».

Рис. 3.

Спирина Н. И. Вечная мать мира 1998, фанера/масло, 50x85, в частной коллекции, фото Генераловой Е. Б.

Рассмотрим картину «Вечная мать мира» (см. Рис. 3). Мы более чем уверены, что символика цветов, принятая в христианстве, здесь выбрана бессознательно. На вопрос, почему в ее картинах преобладают теплые тона, Н. И. Спирина отвечала: «Это уж я не знаю, какие они у меня – теплые или горячие, меня этому не учили» [\[9\]](#).

В христианской культуре символика основных цветов имеет свои особенности, связанные с такими источниками как Ветхий Завет и Святое Евангелие, церковное предание и традиции. Зеленый цвет – жизнь, земной путь; желтый – солнечный свет и золото, божественность и царственность; белый – чистота, свет, нетление; красный – жизнь,

сила, энергия; голубой – святость и вечность [14]; коричневый – смирение, податливость глины, из которой был божественной рукой вылеплен первый человек. [40:312]

В руках у младенца – цветок с восемью лепестками, который зрительно разделен на четыре красных и четыре желтых. Число 8 в христианстве – воплощение гармонии, равновесия, порядка и стабильности, число вечности [25:70], числом 4 определяется течение времени – суточное и годовое [22:384]. Можем предположить, что цветок символизирует здесь Вифлеемскую звезду, возвестившую миру о рождении Спасителя. Одежда Матери мира – современная, не похожа на мафорий, в котором принято изображать Богородицу в православной традиции и на тунику, в которой она изображается в традиции католической. Она одета во что-то похожее на вязаную шерстяную кофточку и, возможно, красное платье. Это говорит о вневременности этого образа.

Ниже приводится стихотворение Надежды Ивановны, имеющее очень похожие интертекстуальные отсылки (орфография и пунктуация автора сохранена):

Виделась Богородица

С младенцем на руках

Вся одета из лебединого пуха

Нежно прижимая дитя прикрытого белым пухом,

звезды сияя их ночной синевой окружая.

Мысленно им поклонилась,

Незаметила даже как она удалилась.

(Из записных тетрадей Н. И. Спириной, 18 сентября 2001, орфография и пунктуация сохранена).

Интертекстуальные связи работы «Наследник».

Рис. 4 Спирина Н. И. Наследник год неизвестен, 42х82, фанера/масло, в частной коллекции, фото Генераловой Е. Б.

Н. И. Спирина о картине «Наследник» (см. Рис. 4): «Вот картина называется «Наследник». А почему? Почему небесный купол дугой? И египтяне, и пирамиды? И что за окно посередине? Я повторяю, что картины рассказывать нельзя. Их надо чувствовать». [6]

Мы видим, что художница намеренно не дает зрителям готовых ответов, неохотно идет на разъяснения сюжетов своих картин и приветствует, когда зритель сам предлагает свой вариант интерпретации, основываясь на своем культурном опыте. Так, можно допустить, что картина «Наследник» отсылает к представлению об Иисусе Христе как о библейском воплощении сына солнца, характерном для многих древних религий, в том числе и для египетской.

Работая с вербальными текстами наивного автора, следует прилагать «все усилия к тому, чтобы никоим образом не нарушить ход оригинального письма, не поставить, например, по дурной интеллигентской привычке запятую там, где ею пренебрег загадочный автор» [27:11], и тогда с большой вероятностью удастся отыскать «тот шурупчик, выкрутив который можно посмотреть, как устроена вся машинка» [27:12].

Грань небытия

Совсем рядом

Не нужно никуда идти

И вижу третьим глазом

Туда так хочется уйти

Может, там далёко

Не будут злобою махать

Не будет забот о хлебе

Где денег достать

Жить на подаянье

Давно не в мочь

Знаю это испытанье

Надо превозмочь.

(Из записных тетрадей Н. И. Спириной, год написания неизвестен, орфография и пунктуация сохранена).

«Обозначим, что мы понимаем под визуальным текстом. Визуальный текст – это зримая (воспринимаемая глазом) структурно-функциональная модель, в которой ценности и нормы определенной культуры носят кодовый характер и представлены в виде знаков, символов и образов, взаимосвязанных между собой различными контекстуальными связями; модель визуально воспринимаемой реальности «строится» по субъект-субъектному/субъект-объектному принципу с помощью экстралингвистических средств. Визуальный текст не дает возможности человеку игнорировать его: в преобладающем большинстве случаев человек «обречен» на прочтение визуального текста. Данный вид текста уже имплицитно рассчитан на читателя особого типа» [8:183]

Наивные художники часто в значительной степени полагаются на повествовательные элементы в своих визуальных и вербальных работах. Их искусство служит средством для рассказывания историй, народных сказок и мифов, для изображения культурных традиций и выражения личного опыта. Этот акцент на повествовании способствует

интертекстуальному качеству наивного искусства и глубокой связи между художником, аудиторией и более широким человеческим опытом.

Интертекстуальные связи работы «Сафо». Рассмотрим картину Н. И. Спириной «Сафо» (см. рис. 5 и 6).

Рис. 5 Сафо. Фреска из Помпей. 1 в. н. э. Неаполь. Национальный археологический музей, фото с сайта «История Древнего Рима» [\[7\]](#)

Рис. 6 Спирина Н. И. Сафо 1995, фанера, масло, 41x55, в частной коллекции, фото Генераловой Е. Б.

Очевидно, что образ Сафо срисован с одноименной фрески из Помпей, датируемой 1 в. н. э. (об этом говорит и поза героини, и окружность, которой обрамлен ее портрет, по аналогии со скругленной формой фрески). Восковые таблички и стилус превратились на картине наивной художницы в блокнот и карандаш. Также рука автора добавила к картине дополнительные детали, которые впечатлили ее при знакомстве с творчеством и биографией древнегреческой поэтессы: колонны, ваза из белого мрамора и скалистый

берег моря. Сама автор говорит о картине кратко: «Сафо – это древняя поэтесса. Талантливая очень была, но несчастная. Она утонула в море. Вот здесь пятно такое, вода то есть [показывает на верхний правый угол] – вот здесь она утонула. Жалко мне ее, конечно. Но я думаю, нечего голову было задурять» [\[6\]](#). Стихотворение художницы словно продолжает визуальный текст картины:

Поэтессою была

Сафо из греческой трагедии

От любовного зерна

Ушла на дно морской пучины

Стихи читали в упоенье

Влюбленные далекой стороны

И вот о ней дошла история

До нашей дальней стороны.

(Из записных тетрадей Н.И. Спириной, год написания неизвестен, орфография и пунктуация сохранена).

Наивный художник часто использует словесные повествования для сопровождения своих визуальных работ. Описания, пояснения, названия картин, написанные рукой автора прямо на лицевой части картины, а также стихи и проза служат интерпретациями визуальных художественных произведений, дают зрителям дополнительное представление о намерениях наивного художника. Они помогают зрителю понять сюжет, изображенный на картине, «разгадать» ее интертекстуальность и установить более глубокую связь с видением художника. (Автокомментариям в творчестве наивных художников и аутсайдеров были посвящены двухдневные научные чтения памяти К. Г. Богемской, проведенные Государственным институтом искусствознания в марте 2023 года). Тогда как визуальные повествования относятся к историям или посланиям, передаваемым исключительно через само художественное произведение.

Интертекстуальные связи картины «Покаяние. Грешница». Таким примером служит эмоционально нагруженная картина Н. И. Спириной «Покаяние. Грешница» (см. Рис. 7)

Рис. 7 Спирина Н. И. Покаяние. Грешница год неизвестен, 50x85, фанера/масло, картина утеряна, фото Генераловой Е. Б.

Это портрет молодой женщины, стоящей на летнем лугу на фоне грозового неба, в отчаянии заломившую руки и смотрящую вверх. Цветовая гамма, в которой изображена героиня картины, перекликается с цветами березы: зеленое платье и белый платок написаны теми же простыми пигментами, что и ствол, и листва. Это делает героиню зрительно схожей с березой, которая была священным деревом у славян (а также почти у всех угро-финских и тюркских народов), символом девичьей чистоты, и культ поклонения березе носил исключительно женский характер. Вероятно, именно поэтому художница изобразила кающуюся грешницу не в храме, а в поле, под грозовым небом, возле березы, которая семантически является ее вторым «я». Кроме того, культ березы, имеющей чистый небесный белый цвет коры, издревле связывался с Берегиней или Великой Богиней, праматерью всего сущего. «А слово «берегиня» означало «земля». Таким образом, Богиня Земли, которая в вышивках часто заменяется изображением Березы, называлась Берегиней, т. е. Землей. У восточных славян ее еще называли Житной Бабой, Рожаницей, Землей, Ладой, Славой» [19:77]. Символом отклика высших сил на мольбу женщины выступает на картине едва заметный луч солнца, пробивающий тучу.

Далее приведем стихотворение Н. И. Спириной, в котором она расшифровывает изображенный на картине сюжет:

Женщина на поле стояла
Она проснулась от дождя
Как больно душа ее кричала
О том, что сотворить она могла.
Как доживать ей с этой болью
Как предстанет перед Ним?

Не любила она рая
Видно ад ей был любим
И дождь не смоеет те грехи,
И ей не станет легче
До чего же тяжелы
Ноши души грешной.

(Из записных тетрадей Н. И. Спириной, год написания неизвестен, орфография и пунктуация сохранена).

Любой текст (вербальный или визуальный) – это система с множеством входов и выходов. «Интерпретировать текст — вовсе не значит наделить его неким конкретным смыслом (относительно правомерным или относительно произвольным), но, напротив, понять его как воплощенную множественность» [18:33].

Наивный художник обладает удивительной способностью с помощью несложных художественных методов передавать свои идеи зрителю не через логику, а с помощью чувственного восприятия. Эта способность говорит о глубоком, бессознательном понимании силы образов и искусства взаимодействия.

«Каждый наивный художник – это, скажем, не фламандцы, которые в общем и целом похожи друг на друга, они все наособицу, потому что у них нет художественного образования, нет методического, технологического каркаса, профессиональные навыки они берут из общеобразовательной школы, из подсмотренного, работают или пишут интуитивно» [\[11\]](#).

Надежда Спирина – яркий пример наивного художника, но ее наив состоит лишь в том, что она самостоятельно ищет пути к овладению искусством лепки, живописи маслом и поэтического слога, в остальном ее творчество исполнено глубины, постоянного поиска смысла бытия, реминисценций к эзотерическим текстам и к ее собственному жизненному опыту.

Заключение.

Визуальные повествования относятся к историям или посланиям, передаваемым исключительно через само художественное произведение. Используя яркие цвета, динамичные композиции и символические элементы (зачастую бессознательно), наивный художник может вызывать у зрителя сильные эмоции и эффективно передавать свои послания.

Наивный художник обладает удивительной способностью превращать сложные концепции в простые, но вызывающие ассоциации композиции. Простота их визуальных повествований обеспечивает мгновенную эмоциональную связь, избавляет от лишних деталей и с помощью интертекстуальности передает идеи автора непосредственно в сердце зрителя. Эта простота свидетельствует о глубоком понимании силы образов и искусства коммуникации.

В данном исследовании выдвинутая нами гипотеза о расширении статуса произведения наивного художника с учетом интертекстуальности его работ оказалась частично подтверждена. Поставленная цель достигнута - проанализирована стилистика и

композиция нескольких картин в комплексе с поэтическими текстами автора. Удалось решить ряд инструментальных задач, обозначенных в начале исследовательской работы: поиск интертекстуальных отсылок и реминисценций в произведениях Н. И. Спириной, раскрытие в ее произведениях различных практик авторской саморефлексии, междисциплинарное исследование вербальных и визуальных работ наивного автора. Перспектива исследования, начатого в данной статье, видится нами в обширном изучении биографий, личностей и творчества наивных художников Ивановской области 1990-2020-х годов в контексте исторических, общественно-политических и социокультурных явлений в регионе и стране на рубеже XX-XXI веков.

Библиография

1. Боженко Р. «Люди привыкли к готовому продукту». Что такое уральское наивное искусство (интервью с заведующим сектором наивного искусства Екатеринбургского музея изобразительных искусств, куратором Музея наивного искусства, кандидатом философских наук Андреем Бобрихиным) // «Аргументы и Факты» № 3. «АиФ-Урал» 19/01/2022.
https://ural.aif.ru/culture/lyudi_privykli_k_gotovomu_produktu_chno_takoe_uralskoe_naivnoe_iskusstvo (дата обращения – 29.10.2023)
2. Выпуск программы «Письма из провинции». Автор сценария Н. Сабельникова. Реж. М. Катушкин. ГТРК Санкт-Петербург, 2006. https://www.youtube.com/watch?v=yP_79LAdgO0 (дата обращения – 15.10.2023)
3. Каталог советских пластинок. <https://records.su> (дата обращения – 09.11.2023)
4. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. / Под ред. В. В. Бычкова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 607 с. (Серия «Summa culturologiae»).
https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/844/ИНТЕРТЕКСТ (дата обращения – 18.10.2023)
5. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / Под ред. В. В. Бычкова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 607 с. (Серия «Summa culturologiae»).
https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1064/Наивное (дата обращения – 18.10.2023)
6. Рабочая съемка документального фильма «Сказка» о наивной художнице Надежде Ивановне Спириной в городе Южа. Кинорежиссер В. Чуприков (актер театра и кино, 1964–2020), Е. и О. Галактионовы, автор съемки – С. Фомина.
https://www.youtube.com/watch?v=mc8aAd_EEfc&list=PLIt1hGisUy0FuHgGnM5F2hkkR8aHAsPpM&index=4 (дата обращения – 14.10.2023)
7. Сайт «История Древнего Рима». <https://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=6558> (дата обращения – 20.10.2023)
8. Симбирцева Н. А. Визуальный текст как явление современной культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. <http://www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/48.html> (дата обращения – 19.10.2023)
9. Сюжет В. Быкова «Неизвестная Надежда» от 30.07.2021.
<https://www.youtube.com/watch?v=Z4mz7Feb0Hg&list=PLIt1hGisUy0FuHgGnM5F2hkkR8aHAsPpM&index=11> (дата обращения – 11.11.2023)

10. Фальков А. Птица Матерь Сва. // Утро богов / Под ред. В. Щербакова – М.: Молодая гвардия, 1992. – 560 с. <https://pub.wikireading.ru/993> (дата обращения – 26.10.2023)
11. Федотов О. И. Интертекстуальность. // Литература. №23, 2005. <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200502313> (дата обращения – 14.10.2023)
12. Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах. Пер. с нем. Я. С. Друскина. – М: Издательство «Музыка», 1965. – 726 с. <https://djvu.online/file/1vQxcTbG1Y2nb> (дата обращения – 11.11.2023)
13. Полевые исследования: Шоличева А. Г. Интервью с Е. Б. Генераловой об Н. И. Спириной. Ивановская обл., п. Холуй, 06.03.2023.Использованная литература:
14. Аверинцев С. С. Иисус Христос. // Мифологический словарь. – М.: 1991.
15. Алпатов М. В. Непосредственно и чистосердечно // Творчество. – 1966. – № 10. – С. 14–15.
16. Балдина О. Д. Историко-культурные аспекты взаимодействия профессионального и самодеятельного художественного творчества // Проблемы взаимодействия самодеятельного и профессионального художественного творчества: Сб. науч. трудов НИИ культуры. Вып. 11. М., 1982.
17. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
18. Барт Р. S/Z. Пер. с фр. 2-е изд., испр. Под ред. Г. К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
19. Белякова Г. С. Славянская мифология. – М.: Просвещение, 1995 г. – 168 с.
20. Бобрихин А. А., Граматчикова Н. Б. Вербальные и визуальные нарративы наивных художников. // Шаги. Steps. Т. 5, №2, 2019. – С. 211–239.
21. Богемская К. Г. Самодеятельное изобразительное творчество и декоративно-прикладное искусство. – М., 1988.
22. Бычков В. В. Aesthetica Partum. Эстетика Отцов Церкви. – М.: Ладомир, 1995. – 593 с.
23. До и после литературы: тексты наивной словесности. – М.: РГГУ, 2009. – 488 с.
24. Дьяконицына О. В. Мастер сюжетной картины Павел Леонов и социальная утопия XX века. // Философия наивности. / Сост. А. С. Мигунов – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 236–242.
25. Кириллин В. М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). – СПб: Алетейя, 2000. – 320 с.
26. Кирпичики: Культурная антропология и фольклористика сегодня. – М.: РГГУ. – 2008 г. – 278 с.
27. Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. «Я так хочу назвать кино». Наивное письмо»: Опыт лингвосоциологического чтения. – М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996 г. – 256 с.
28. Корнилов П. Арзамасская школа живописи первой половины XIX века. – Ленинград-Москва, Искусство, 1947. – 218 с.
29. Лебедев А. В. Художественный примитив в контексте культуры русской провинции. Вторая половина ХУШ первая половина XIX века. Автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения. – М., 1995.
30. «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. М., 2001 (Московский общественный научный фонд. Научные доклады, 129 р.). С. 16–28.
31. Мусянкова Н. А. Художники и институции: самодеятельное творчество в СССР 1920-1930-х гг. – Дисс. канд. искусствоведения: 17.00.04: Москва, 2008. – 269 с.

32. Островский Г. С. О природе городского изобразительного фольклора // Советская этнография. – 1974. – № 1. – С. 92–124.
33. Повелихина А. В. Возврат к природе. Органическое направление в русском авангарде XX века // ORGANICA I. – Studia Slavica Finlandensia, 1999. – С. 11–29.
34. Пospelов Г. Г. Искусство городских низов // Декоративное искусство СССР. – 1990. – № 11. – С. 30–31.
35. Сарабьянов Д. В. История русского искусства конца XIX – начала XX века. – М.: АСТ-Пресс, 2001. – 284 с.
36. Синельникова Т. А. Право на творчество // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. – №4, 2022. – С. 89–94.
37. Смирнов С. Г. Бедный гений. Документальная повесть / Ред. Т. Н. Бавыкина – Иваново: Издательство «Иваново», 1999. – 224 с.
38. Тарабаров С. Д. К вопросу о термине «наивное искусство» // Философия наивности / Сост. А. С. Мигунов. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 203–206.
39. Утро богов. – М.: Мол. гвардия, 1992. – 560 с. – (Антология «Фантастика, чудеса и тайны»).
40. Флоренский П. А. Иконостас: Избр. тр. по искусству / Павел Флоренский; [Сост., предисл. и библиогр. справка А. Г. Наследникова]. – СПб: ТОО «Мифрил»: Рус. кн., 1993. – 365 с.
41. Черневич Е. Язык графического дизайна: материалы к методике художественного конструирования / ВНИИТЭ. М., 1975. 437 с.
42. Шкаровская Н. С. Вступительная статья к альбому «Самодетельное народное искусство». – Лен.: Аврора, 1975.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Человек и культура» автор представил свою статью «Интертекстуальность визуальных и вербальных произведений наивной художницы Надежды Спириной», в которой проведено исследование творческой деятельности современной российской художницы.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что визуальные повествования относятся к историям или посланиям, передаваемым исключительно через само художественное произведение. Используя яркие цвета, динамичные композиции и символические элементы, наивный художник может вызывать у зрителя сильные эмоции и эффективно передавать свои послания. Наивный художник обладает удивительной способностью превращать сложные концепции в простые, но вызывающие ассоциации композиции. Простота их визуальных повествований обеспечивает мгновенную эмоциональную связь, избавляет от лишних деталей и с помощью интертекстуальности передает идеи автора непосредственно в сердце зрителя.

Актуальность исследования обусловлена тем, что среди множества произведений, относящихся к наивной литературе, тексты, написанные наивными художниками, — это наиболее перспективная для изучения группа, поскольку создаваемые ими тексты и картины, как правило, часто дополняют друг друга по смыслу, содержанию, художественному контексту и нарративу. Таким образом, анализ художественных методов наивного изобразительного искусства с применением нарративного подхода

позволяет автору исследовать его сюжет, фабулу, прецедентные тексты, композицию и пространство повествования, раскрывая уникальность этого жанра.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении феноменов наивного искусства и наивной литературы как смежных, взаимодополняющих явлений, так как культурология изучает наиболее общие закономерности развития культуры как системы и обнаруживает культурологические знания в качестве разделов философии, истории, эстетики, литературоведения, искусствоведения, семиотики и др.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ стилистики и композиции картин Н.И. Спириной в комплексе с поэтическими текстами автора. Для достижения поставленной цели автором поставлены следующие задачи: поиск интертекстуальных отсылок и реминисценций в произведениях Н.И. Спириной, раскрытие в ее произведениях различных практик авторской саморефлексии, междисциплинарное исследование вербальных и визуальных работ наивного автора. Объект данного исследования - картины и стихотворения наивной художницы Надежды Ивановны Спириной (Ивановская область, город Южа). Предмет - эстетика и поэтика интертекстуальности работ Н.И. Спириной.

В исследовании использованы синхронистический, сравнительно-сопоставительный, биографический, психологический, семиотический, культурно-исторический методы исследования. Анализ стилистики и композиции картин в комплексе с поэтическими текстами автора дает возможность точнее интерпретировать социальную миссию художника, которая формирует его наивное высказывание. Кроме того, эта методика позволила автору статьи проверить гипотезу о расширении статуса произведения наивного художника в качестве культурного текста, с учетом смысловых особенностей вербального высказывания для восприятия и прочтения визуального текста, то есть интертекстуальности произведений наивного искусства.

Эмпирическую базу составили произведения Н.И. Спириной: картины «Богородица», «Вечная мать мира», «Наследник», «Сафо», «Покаяние. Грешница», а также стихотворения и воспоминания художницы.

Проведя детальный анализ научной обоснованности проблематики, автор отмечает наличие большого количества трудов, раскрывающих вопросы наивного искусства в художественной культуре России.

Автором проведен тщательный анализ произведений Н.И. Спириной с позиции их интертекстуальности и возможности интерпретации визуальных художественных произведений с помощью словесных повествований.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение особенностей формирования уникального художественного стиля и многогранности представителей творческой профессии представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 42 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал, показал глубокое знание изучаемой проблематики. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Ху В. — Влияние художественных обществ Шанхая на развитие изобразительного искусства начала XX века // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 51 - 59. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69198 EDN: XDEQOU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69198

Влияние художественных обществ Шанхая на развитие изобразительного искусства начала XX века

Ху Вэньвэнь

ORCID: 0009-0003-1011-7704

кандидат искусствоведения

докторант, кафедра искусствоведения, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского

660049, Россия, Красноярский область, г. Красноярск, ул. Ленина, № 22, кв. Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского

✉ 644533389@qq.com

[Статья из рубрики "Социология культуры, социокультура"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.6.69198

EDN:

XDEQOU

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2023

Дата публикации:

05-12-2023

Аннотация: Объектом исследования статьи является художественная жизнь Шанхая начала XX века, в которой наиболее пристальное внимание уделяется изучению деятельности художественных обществ с целью научной реконструкции творческого процесса Шанхая прошлого столетия. Темой исследования является вклад художественной ассоциации в культурную жизнь города. Их деятельность направлена на внедрение европейских техник живописи и модернистских тенденций в визуальную культуру страны. Особое значение в статье придается уникальному характеру города, толерантному и открытому к экспериментам в области изобразительной культуры. В работе описывается три вектора развития искусства через деятельность художественных

обществ: отстаивание основ традиционной живописи Китая, активное включение европейского изобразительного языка и синтез этих двух, казалось бы, взаимоисключающих потоков. С помощью исторического метода автор анализирует деятельность художественных обществ, которые значительно повлияли на формирование нового сценария развития изобразительной культуры Шанхая первой трети XX века. Во-первых, в начале прошлого столетия этот мегаполис стал крупнейшим экономическим и культурным центром Китая. Во-вторых, большинство местных художников, вступавших в общественные организации, получили западное образование. В-третьих, деятельность художественных обществ значительно обогатила и расширила творческие возможности мастеров, привлекла внимание населения к изобразительному искусству, модернизировала живописные традиции Китая. Автор статьи осмысляет влияние русских художников на культурную жизнь Шанхая, а также делает акцент на появление и развитие «женского» искусства в китайской культуре в изучаемый период. Эти сведения, некоторые из которых впервые вводятся в научное пространство, обладают не только теоретической ценностью, но и практической значимостью, позволяя определить сценарий развития китайского изобразительного искусства на современном этапе.

Ключевые слова:

художественные общества, Шанхай, изобразительное искусство, традиционная живопись, художественные выставки, художник, западное искусство, мигрант, Китай, XX век

Китайский город Шанхай расположен в центре береговой линии страны, растянувшейся с севера на юг. Такое удобное географическое положение в XIX веке определило мегаполис стратегическим узлом для внутренних речных перевозок. В 1843 году в Шанхае был открыт первый международный морской торговый порт, обеспечивающий взаимодействие Поднебесной с внешним миром. Благодаря этому Шанхай за короткое время стал экономическим центром страны, привлечшим большое количество иностранной элиты для открытия бизнеса. Крупнейшим державам было предоставлено разрешение на работу с государственным имуществом и в городе были основаны британская, французская, американская и японская концессии. Город стал точкой притяжения иммигрантов из разных стран, которые способствовали не только процветанию экономики Китая, но и его культурному развитию. Шанхай «захлестнула» волна западного искусства. Особое внимание этому процессу уделил британский теоретик искусства М. Су Ливен. Его книги «Художественный обмен между Востоком и Западом» (1989) и «Китайское искусство и художники в XX веке» (2013) рассказывают о влиянии западного искусства на традиционную китайскую живопись и фиксируют основание художественных клубов, выставок и художественные инновации китайских и западных художников в Шанхае, и ясно указывают на то, что развитие шанхайского искусства занимало лидирующие позиции в Китае. Кроме того, «Исследование по нескольким темам истории китайского искусства в XX веке» (2006) и «История китайского искусства в XX веке» (2013) под редакцией китайского теоретика современного искусства Лу Чэна также подробно описали развитие художественных инноваций и художественной жизни Шанхая. Данные книги дают развернутое представление о том, что местные и иностранные мастера, работавшие в мегаполисе в начале XX столетия, сыграли ведущую роль в развитии изобразительной культуры Поднебесной. Однако, при всей ценности существующего исследовательского

материала, собранного по теме, касающейся художественной жизни Шанхая начала прошлого века, существуют научные лакуны, требующие более глубокого наполнения.

В начале XX века мегаполис стал одним из самых популярных мест проживания мировой творческой богемы. Одновременно из Шанхая на запад отправлялись китайские художники в поисках новых знаний. Первые записи об подобных поездках относятся к 1896 году, когда молодые мастера уезжали учиться в Европу, Америку, Японию. В 1907 году число китайцев, обучающихся в стране Восходящего Солнца, достигло 20000 человек [1.с.37]. Например, Ван Ячен учился в Токийской академии изящных искусств, Ни Идэ окончил школу живописи Кавабата в Японии. Не менее мощный приток молодых творческих сил испытала Европа и Соединенные Штаты Америки. Так живописец Ли Тефу осваивал художественное творчество в Академии изящных искусств Нью-Йорка, Ли Иши учился в Академии изящных искусств Глазго в Великобритании, Ли Чаоши обучался живописи во Франции и Англии. Эти мастера, вернувшись домой, привезли на родину идеи западного искусства и стали основателями таких художественных обществ, как «Движение западной живописи» (1913-1937), «Новое культурное движение» (1915-1923). Живописцы, участвующие в создании и деятельности подобных объединений, опирались на европейский опыт в разработке уставов творческих союзов, проведении собраний и организации выставок. Для китайского искусства подобные нововведения стали революционными для изобразительного творчества, постепенно трансформировав систему художественного образования, активизировав художественную жизнь города, что в последствии качественно повлияло на формирование нового сценария искусства в масштабах страны.

Под воздействием западных изобразительных традиций, ставших для Китая в начале XX века совершенно новыми, в стране происходило постепенное изменение эстетических ценностей, определивших формирование трех идейных потоков в изобразительной культуре, связанных, во-первых, с пропагандой западного искусства. Во-вторых, с возрождением мировоззренческих основ традиционной национальной культуры и, в-третьих, с продвижением мысли о важности интеграции китайской и зарубежной живописи. В течение первых трех десятилетий начала XX века местные мастера, отстаивающие творчеством эти, порой разнополярные мнения, основали более ста художественных групп и союзов для более массированного продвижения своих убеждений в обществе. Ими было проведено большое количество городских мероприятий, имевших большой общественный резонанс: художественных выставок, творческих встреч, публичных лекций. Живописцы активно включались в процесс открытия периодических печатных изданий об искусстве и книг, посвященных изобразительной культуре запада и востока.

В начале XX века европейское искусство стало очень популярным в Шанхае. Однако, были творческие силы, препятствующие этому явлению. Так, с 1900 по 1911 годы в городе было основано не менее 8 художественных объединений, работа которых была направлена на подъем национального духа и популяризацию традиционной китайской живописи, среди них: профсоюз Шанхайской живописи и каллиграфии; ассоциация сохранения Китайской академии наук; китайский конкурс живописи и каллиграфии Цзиньши; благотворительная ассоциация живописи и каллиграфии Юйюань; ассоциация живописи и каллиграфии Ванми Шаньфан; Шанхайская ассоциация живописи и каллиграфии; исследовательская ассоциация; ассоциация живописи и каллиграфии Шанхайской надписей Цзинши; ассоциация живописи и каллиграфии музея Цинь.

В период с 1912 по 1928 год в Шанхай стали возвращаться китайские мастера, обучавшиеся за границей. Их мировоззрение часто входило в противоречие с

носителями традиционной китайской изобразительной культуры. Чтобы «закрепить» свою роль в художественной картине города, молодые художники стали кооперироваться в творческие союзы. Одним из самых ярких объединений того времени стало «Общество Вэньмэй», основанное в 1912 году и пытавшееся найти компромисс между западной и восточной основами живописи. Ведущими представителями этого товарищества были художники Ли Шутон и Цзэн Сяогу, получившие образование в Токийской академии изящных искусств вместе с писателем Е Чусуном, политиком Лю Язи и Чжу Шаопином, главный исполнительным директором Всемирного китайского студенческого союза. Хотя члены данного объединения пропагандировали в основном отечественное искусство, они не отказывались и от западных художественных техник, первыми пытаясь синтезировать основы восточного и европейского изобразительного творчества, так, как в то время делали японские мастера. С деятельности «Общества Вэньмэй» началась интеграция западной модели искусства в китайскую культуру.

В 1919 году было основано объединение «Небесные лошади», являвшимся «самым влиятельным художественным обществом в Шанхае до 1929 года. Созданная им модель проведения художественных выставок имела историческое значение во время культурного и художественного переворота» [2.с.157], происходившего в городе в начале прошлого столетия. «Небесные лошади» оказали существенное влияние Цай Юаньпэя, который сформулировал идеи эстетического воспитания китайской молодежи. Известный шанхайский живописец Ли Хайсу, который также занимался педагогической деятельностью в системе художественного образования, входил в состав «Небесных лошадей». Он глубоко изучал историю китайской живописи, азы западной изобразительной культуры, включая скульптуру и декоративно-прикладное искусство. Этот художник вместе со своими товарищами по объединению, участвовал в проведении 9 экспозиций, на которых были представлены такие произведения, как «Радуга» Лю Хайсу (1923) и «Водопад» Ван Ячена (1923). Обе эти работы были приобретены в 1923 году коммерческой прессой по высокой цене и сегодня являются сокровищницами художественного фонда библиотеки города Шанхая.

В 1915 году преподаватели Шанхайской академии графических искусств Ву Шигуан, Ван Ячень, Чэнь Баои, Юй Цзифань, Лю Хайсу, Шен Бошен и Динь Сун организовали «Общество восточной живописи», которое первое в истории Китая было полностью ориентировано на западный сценарий развития искусства. Представители этой группы стремились сплотить в своих рядах апологетов европейской живописи. Они пропагандировали такие техники, как скетчинг (быстрые зарисовки без проработки деталей) и пленэр (работу на открытом воздухе), с которыми ранее не были знакомы китайские мастера. Деятельность этого общества «всколыхнула» художественный мир Шанхая и в городе стали активно создаваться различные товарищества, среди них: «Утренний свет» (1921-1927), «Белая гусь» (1923-1936), «Шанхайское художественное общество» (1926) и другие.

Период 1929-1937 годов является временем процветания творческой жизни мегаполиса, во многом благодаря активной деятельности многочисленных художественных союзов. В их рядах самыми влиятельными были «Общество живописи пчел» (1929), «Живописное общество Таймэнь» (1930), художественный клуб «Моше» (1932), «Китайское общество живописи» (1932-1948), в которые входили все известные шанхайские художники, в том числе Чжан Даянь, Сюй Бэйхун, Чжан Югуан, Цянь Шоуте, Хуан Биньхун и более 300 других мастеров. Они организовали выпуск профильных журналов «Ежемесячник китайской живописи» и «Коллекция современной китайской живописи», участвовали в создании книг по искусству, проведении публичных лекций по вопросам развития

отечественного искусства, организации творческих вечеров и поездок, а также художественных экспозиций [3.с.296]. Мастера сыграли активную роль в интеграции традиционной китайской живописи с мировым современным искусством того времени.

С 1932 по 1935 годы в городе работало общество «Шторм», вписавшее яркую страницу в художественную жизнь Шанхая. Члены «Шторма», созданного известными творцами, как Пан Сюньцин и Ни Идэ были сторонниками западной масляной живописи и неистово убеждали общество в необходимости творческой революции в современном китайском искусстве, которая, подобно шторму, должна привести отечественное искусство к новому этапу развития. Членами «Шторма» было проведено четыре экспозиции, против которых выступили многие художники-консерваторы, называя работы реформаторов «научообразными». Сторонники традиционного искусства считали, что члены «Шторма» уделяют чрезмерное внимание западным техникам в ущерб содержанию. Вопреки давлению со стороны профессионального цеха, Пан Сюньцин настаивал на изучении новых художественных направлений. Позже, вспоминая об этом противостоянии, он полагал, что четыре выставки, проведенные обществом «Шторм», «были похожи на бросание небольших камней в пруд, затянутые тиной. Можно было услышать легкий звук от падающих тел и увидеть несколько мелких брызг на поверхности воды. Но вскоре камни погружались на дно пруда и поверхность воды возвращалась к своему первоначальному состоянию» [4.с.140]. И хотя члены общества «Шторм» сталкивались с непониманием современников, а порой и с открытой враждебностью в свой адрес, их бесстрашный исследовательский путь в творчестве способствовал внедрению традиций западного модернизма в Шанхае.

Новаторство в искусстве не обошло стороной и гендерного вопроса. В 1934 году в Шанхае было учреждено «Китайское женское общество живописи и каллиграфии», просуществовавшее до 1948 года. Это начинание стало самым первым и невиданным до этого явлением в художественной культуре страны [5.с.129]. Объединение было учреждено художницами Фэн Вэньфэн, Ли Цюцзюнь, Чэнь Сяоцуй, Гу Циняо, Ян Сюецзю, Гу Мофэй и очень быстро нашло поддержку среди жительниц Шанхая, профессионально занимающихся изобразительным искусством. В июне 1934 года «Китайское женское общество живописи и каллиграфии» объединило 52 участницы, а накануне Войны сопротивления Японии (1937-1945) насчитывало около 200 членов [6.с.106]. В начале июня 1934 года состоялась первая выставка общества, после которой его общественное влияние росло день ото дня. Различные средства массовой информации Шанхая постоянно раскачивали эту тему. Так, журнал «Шэнь Бао», а вслед за ним и другие, опубликовал статью об этом явлении, называя работы современниц «беспрецедентной коллекцией женского мира искусства», «фестивалем культуры в мире женского искусства» [7.с.12]. В итоге «Китайское женское общество живописи и каллиграфии» сыграло не только новаторскую роль в развитии художественной культуры страны, но и способствовало профессиональной подготовке женщин-художниц, а также почти полной модернизации китайского искусства, значительно повысив статус женского творчества в Поднебесной [8.с.56].

В 1930-х годах русские художники, эмигрировавшие в Китай, стали съезжаться в Шанхай – самый толерантный город страны к различным традициям искусства. Вскоре русская изобразительная культура стала очень популярной в мегаполисе у местного населения. Процветанию способствовала деятельность многочисленных русских художественных групп, самой первой из которых являлось «Содружество художников» (1929), созданное живописцем Соколовским Н.К. Члены общества проводили заседания в начале каждой недели, что повлияло на название журнала «Понедельник», который основал союз. В

этом начинании художникам помогали писатель В.С. Валь, драматург П.А. Сенерский, поэты Л.В. Гроссе и М.Ц. Спург, вошедшие в группу. Издание публиковало не только статьи о художественной жизни Шанхая, но и произведения российских писателей, репродукции работ художников, отвечая духовным запросам русской диаспоры, живущей в Китае. В 1934 году должность председателя «Содружества художников» занял знаменитый живописец Кичигин Михаил Александрович – один из самых авторитетных мастеров «русского» Китая. По его инициативе общество регулярно проводило художественные и литературные вечера.

Вскоре инициатива русских художников была подхвачена их русскими эмигрантами и в 1933 году было создано «Содружество художников, литераторов, артистов и музыкантов», просуществовавшее до 1936 года. Общество объединило творческие устремления известных деятелей в области искусства, включая журналистов, став самым влиятельным российским товариществом первой половины XX века, работавшим в Китае [9.с.611]. За три года деятельности члены данной кооперации, которое в профессиональных кругах называли «Среда», поскольку их заседания проходили в третий день недели, провели более 70 заседаний, в которых участвовали до 1500 человек ежегодно [9.с.610].

Подходя итог краткому исследованию, направленному на реконструкцию истории деятельности художественных обществ Шанхая первой половины XX века, сделаем ряд выводов. Во-первых, в начале прошлого столетия этот мегаполис стал крупнейшим экономическим и культурным центром Китая. Известный в мировой истории как «Восточный Париж», Шанхай стал своего рода «землей обетованной» для крупнейших мировых художественных сил. Мастера со всех стран устремились в город, который позволил им раскрыть свои таланты, приумноженных в профессиональных кооперациях. Зарубежные, в частности русские художники, которые активно работали в Шанхае, привнесли в творческую жизнь города изобразительные традиции своей страны. «Культурный котел» различных художественных школ, которые были интересны горожанам, синтезировал новый язык искусства, повлияв в дальнейшем на формирование современного китайского искусства. Во-вторых, большинство местных художников, вступавших в общественные организации, получили западное образование. Это позволило им аналитически оценивать традиционный сценарий развития отечественного искусства, настаивая на внедрении европейских живописных техник и модернистских направлений в изобразительную культуру страны. Подобно известному в то время мастеру Хуньи, многие художники считали, что «Китайская система живописи несовершенна. Китайская живопись не обращает внимания на перспективу, а рисование не учитывает анатомии персонажей, в отличие от западного искусства» [10.с.20]. В профессиональных сообществах донести до общества важность этой мысли было легче, эффективней и убедительней. В-третьих, деятельность художественных обществ значительно обогатила и расширила творческие возможности мастеров, привлекла внимание населения к изобразительному искусству, модернизировала живописные традиции Китая. Однако, существование каждого общества сопровождалось большим количеством проблем, среди них самыми значимыми были финансовый голод и политическая нестабильность в стране, связанная с японской интервенцией 1937 года. Это драматическое событие, с которым китайский народ мужественно сражался до 1945 года, ограничивало развитие художественных обществ, поставив их деятельность на вынужденную паузу или заставив вовсе прервать свою работу. Однако усилия профессиональных коопераций дали мощный импульс для развития китайского искусства, вписав яркую страницу в летопись китайской культуры [11.с.30].

Библиография

1. Лу Пэн. История китайского искусства в XX веке. М.: Новая звездная пресса; Пекин.: 2013. С. 912.
2. Сюй Пэн. Художественный клуб «Небесные лошади» в период Китайской Республики. Мир Ландаи. 2014. № 4. С. 157-158.
3. Чжу Боксионг, Чен Жуйлинь. Пятьдесят лет китайской западной живописи(1898–1949). М.: Издательство Народного изобразительного искусства; Пекин.: 1989. С. 64.
4. Пан Сюньцин. Вот как я попал в Шанхай. М.: Совместное издательство; Шанхай.: 2005. С. 340.
5. Тао Юнбай, Ли Ши. Утраченная история – история китайской женской живописи. М.: Хунаньское издательство изящных искусств; Чанша.: 2006. С. 129.
6. Сюй Чжихао. Периодический обзор китайского изобразительного искусства. М.: Шанхайское издательство живописи и каллиграфии; Шанхай: 1992. С. 297.
7. Автор неизвестен. Выставка женской живописи и каллиграфии // Шэньбао. 1913. № 5 Июнь. С. 18.
8. Ван Жэнь. Ношение колец с бессмертными талантами – Ассоциация китайских женщин в области живописи и каллиграфии. Китайская живопись и каллиграфия. 2007. № 5. С. 52-56.
9. Ван Чжичэн. История мигрантов в Шанхае. М.: Шанхайское совместное издательство; Шанхай: 1993. С. 832.
10. Гу Лю, Пэн Фэй. Мастер Хуньи говорит об искусстве. М.: Хунаньское издательство изящных искусств; Ухань: 1998. С. 203.
11. Син Хао. Исследование Шанхайского общества живописи в Китайской Республике (1912-1937). М.: Хэбэйский университет; Шицзячжуан: 2020. С. 180.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Человек и культура» автор представил свою статью «Влияние художественных обществ Шанхая на развитие изобразительного искусства начала XX века», в которой проведено исследование процесса влияния творческих объединений Шанхая на формирование социокультурной ситуации.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что в начале прошлого столетия мегаполис стал крупнейшим экономическим и культурным центром Китая. Известный в мировой истории как «Восточный Париж», Шанхай стал своего рода «землей обетованной» для крупнейших мировых художественных сил. Мастера со всех стран устремились в город, который позволил им раскрыть свои таланты, приумноженных в профессиональных кооперациях. Зарубежные, в частности русские художники, которые активно работали в Шанхае, привнесли в творческую жизнь города изобразительные традиции своей страны. «Культурный котел» различных художественных школ, которые были интересны горожанам, синтезировал новый язык искусства, повлияв в дальнейшем на формирование современного китайского искусства.

Актуальность исследования определяет увеличивающийся масштаб тесных культурных контактов, развивающихся между Россией и Китаем, в том числе и в художественной сфере.

Методологическую основу составил комплексный подход, включающий общенаучные методы анализа и синтеза, а также описательный, социокультурный и культурно-исторический анализ. Теоретической основой исследования выступают труды таких китайских искусствоведов как Лу Пэн, Чжу Боксионг, Чен Жуйлинь, Ван Чжичэн и др.

Цель работы заключается в реконструкции истории деятельности художественных обществ Шанхая первой половины XX века. Автор поясняет выбор предмета исследования тем, что художественные силы, сосредоточенные в Шанхае в первой четверти прошлого столетия, обладающие высоким уровнем концентрации профессиональных знаний, инициативностью, готовностью к экспериментам, развитию и кооперации, сформировали сценарий развития изобразительного искусства Китая, и повлияли на формирования его образа в XXI веке.

На основе библиографического анализа автор делает заключение о достаточном количестве научных трудов, освещающих изучаемую им проблематику. Однако, при всей ценности существующего исследовательского материала, собранного по теме, касающейся художественной жизни Шанхая начала прошлого века, автор отмечает наличие научных лакун, требующих более глубокого наполнения. Детальное освещение данного вопроса и составляет научную новизну исследования.

Автором детально изучены и описаны исторические этапы появления художественных объединений: «Небесные лошади», «Общество восточной живописи», «Общество Вэньмэй», «Штурм», «Китайское женское общество живописи и каллиграфии».

Автором отмечены социокультурные предпосылки возникновения в Шанхае многочисленных художественных сообществ, а именно: под воздействием западных изобразительных традиций, ставших для Китая в начале XX века совершенно новыми, в стране происходило постепенное изменение эстетических ценностей, определивших формирование трех идейных потоков в изобразительной культуре, связанных, во-первых, с пропагандой западного искусства, а во-вторых, с возрождением мировоззренческих основ традиционной национальной культуры и, в-третьих, с продвижением мысли о важности интеграции китайской и зарубежной живописи. Деятельность художников и их объединений имела большой общественный резонанс: проводились художественные выставки, творческие встречи, публичные лекции. Живописцы активно включались в процесс открытия периодических печатных изданий об искусстве и книг, посвященных изобразительной культуре запада и востока.

Автором отмечен вклад русских художников в становление художественной образовательной системы Шанхая.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение предпосылок создания процессов и особенностей формирования художественной среды крупного города представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Однако библиографический список исследования состоит всего лишь из 11 источников, что является недостаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять

интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании после устранения указанного недостатка.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Хэ Я. — Практические аспекты использования чат-ботов для обучения русскому языку в рамках межкультурной коммуникации // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 60 - 75. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69151 EDN: WHNTHFU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69151

Практические аспекты использования чат-ботов для обучения русскому языку в рамках межкультурной коммуникации

Хэ Яньли

ORCID: 0009-0004-6792-4352

Аспирант, Кафедра региональных исследований, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Менделеевская, 1

✉ linda.he@yandex.ru

[Статья из рубрики "Теория коммуникации и медиалогия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.6.69151

EDN:

WHNTHFU

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2023

Дата публикации:

07-12-2023

Аннотация: Чат-бот на основе искусственного интеллекта является комплексным научно-исследовательским и учебным инструментом для преподавателей русского языка и китайских студентов, изучающих русский язык и культуру. Данная статья посвящена вопросу интеграции чат-бота в учебный процесс в рамках изучения русского языка китайскими студентами. Рассматриваются возможности использования чат-бота в аспекте РКИ в очном и дистанционных форматах, а также выявляются его преимущества и недостатки в приобретении конкретных практических навыков, в частности, при изучении русских чисел. Цель данного исследования заключалась в изучении возможностей использования чат-бота для выявления значения языковых единиц и корректности грамматических конструкций, а также культурных особенностей в процессе

обучения русскому языку как иностранному. Методом исследования является анализ корректности и полезности ответов чат-бота (ChatGLM) на вопросы, связанные с русским языком и культурой. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении практических аспектов использования чат-бота для изучения русского языка и культуры. Результаты данного исследования показывают, что чат-бот является полезным инструментом и позволяет осуществлять языковую практику, задавать вопросы на русском и китайском языках и получать ответы от системы. Чат-бот в ограниченной степени может исправлять ошибки, подсказывать правильные фразы и помогать студентам улучшать свои навыки межкультурной коммуникации на иностранном языке. Методы и технологии машинного обучения, такие как чат-бот, при разумном к ним отношении могут быть использованы для улучшения навыков владения иностранным языком и знакомства с культурой в контексте межкультурного общения. Результаты могут быть использованы при создании методических разработок в сфере русско-китайской межкультурной коммуникации, а также в процессе обучения соответствующим языкам.

Ключевые слова:

Чат-бот, языковая модель, обучение русскому языку, китайские студенты, РКИ, межкультурная коммуникация, практические аспекты, русские китайские числа, международное образование, язык и общение

Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей. (This work was funded by China Scholarship Council.)

Введение

В современном мире межкультурная коммуникация стала неотъемлемой частью международного образования, а также предметом активных исследований российских и зарубежных исследователей — как на общем, так и на более детальном уровне. Например, профессор Тер-Минасова С. Г. глубоко исследовала язык и межкультурную коммуникацию в образовании [\[12\]](#). Сафонова В. В. разработала социокультурный подход в рамках межкультурной коммуникации [\[10\]](#). Голами Х. с соавторами указали трудности, с которыми сталкиваются студенты-иностранцы при изучении русского языка в сфере русско-китайской межкультурной коммуникации [\[2\]](#). Небольшой вклад в изучение межкультурной коммуникации был сделан также и автором данной статьи в ряде прошлых работ, затрагивающих проблемы исторического развития [\[14\]](#), культурного шока [\[15\]](#), сравнения русской и китайской образовательных концепций [\[20\]](#), [\[21\]](#), сравнения семантических особенностей выражений русского и китайского языков [\[16\]](#).

Для осуществления межкультурной коммуникации необходимо знание языка носителей другой культуры. Как профессор Павловская А. В. указала место и роль иностранных языков в русской культуре [\[9\]](#). Язык — это и систематизированная совокупность средств выражения мыслей, и способ коммуникации между людьми, и система, состоящая из фонетической и графической частей [\[2, с. 530\]](#). Столь сложная структура языка приводит к трудностям при его освоении.

Языковые барьеры в образовании могут стать основным препятствием для полноценного взаимодействия учащихся, разговаривающих на разных языках. Возникновение языковых барьеров между людьми, связаны с недостаточной лингвистической компетенцией — недостаточным владением разными уровнями языка: фонетическим, лексическим, грамматическим, синтаксическим [3, с. 69]. К недоразумениям в процессе общения могут приводить ошибки или незнание в любой из этих сфер.

Помимо проблем, непосредственно связанных с освоением иностранного языка, люди, которые хотят участвовать в межкультурной коммуникации, неизбежно сталкиваются с существенными различиями в обычаях, традициях и иных культурных реалиях. Знание наиболее важных культурных нюансов позволяет обучаемому избежать недоразумений или даже конфликтных ситуаций при общении с иностранцами. Кроме того, погружение в культуру способствует и более уверенному владению иностранным языком, так как смысл некоторых языковых единиц (например, выражений, связанных с числами) неразрывно связан с особенностями национального мировосприятия.

В настоящее время важную роль в решении проблемы межкультурного общения могут сыграть современные информационно-технологические средства. Одним из таких средств является чат-бот - языковая модель на основе искусственного интеллекта, которая способна эффективно переводить и генерировать тексты на разных языках. Важным преимуществом чат-бота является его способность правильно интерпретировать культурные особенности, которые специфичны для носителей каждого языка. Это позволяет избежать возможных недоразумений, которые могут возникнуть из-за неправильного восприятия чужой культуры. Поэтому данная технология является прекрасным инструментом для изучения языка и культуры, преодоления языкового барьера и улучшения взаимного понимания в процессе межкультурного общения.

Важно отметить, что чат-бот не заменяет живого общения, но является ценным инструментом для улучшения межкультурного взаимодействия. Ведь с одной стороны, изучение мира носителей языка помогает понять особенности употребления тех или иных единиц языка и речи, дополнительные смысловые нагрузки, политические, культурные, исторические и тому подобные коннотации [12, с. 101]. Но с другой стороны, чат-бот способствует развитию толерантности и активности студентов [21, с. 48], позволяет лучше понять другие культуры и дает новые возможности для общения на глобальном уровне.

Использование чат-ботов в межкультурной коммуникации затрагивалось в работах российских ученых. Например, Гаркуша Н. С., Городова Ю. С. исследовали педагогические возможности чат-ботов для развития когнитивной активности студентов в рамках межкультурной коммуникации [4], Лавриненко И. Ю. изучала теоретические аспекты использования чат-ботов GPT в процессе обучения английскому языку в неязыковом вузе [6], Артамонова М. В. с соавторами рассмотрели перспективы применения чат-бота в качестве инструмента в работе переводчика [1], Тоцкая И. В., Недоспасова Л. А. затрагивали образовательный потенциал чат-ботов в изучении иностранных языков в социолингвистическом, дидактическом и коммуникативном аспектах [13].

На наш взгляд на данный момент практические аспекты использования чат-ботов (т.е.

возможности их применения для изучения конкретных языковых и культурных вопросов) для обучения русскому языку и культуре в рамках межкультурной коммуникации недостаточно освещены. Поэтому в данной статье мы хотим восполнить этот пробел в научном знании.

Предметом является вопрос интеграции чат-бота в учебный процесс в рамках изучения русского языка китайскими студентами. Цель данного исследования заключалась в изучении возможностей использования чат-бота для выявления значения языковых единиц и корректности грамматических конструкций, а также культурных особенностей, связанных с темой русских чисел, в процессе обучения русскому языку как иностранному. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении практических аспектов использования чат-бота в качестве инструмента для изучения русского языка и культуры.

Материалы и методы

Методом исследования являлся анализ ответов чат-бота (ChatGLM) на вопросы, связанные с русским языком и культурой.

ChatGLM (см. <https://ChatGLM.cn/main/detail>) был выбран по следующим причинам. Наиболее популярным чат-ботом на данный момент, по-видимому, является ChatGPT, созданный компанией OpenAI. Однако бесплатное использование данной языковой модели дает пользователю возможность задавать всего лишь три вопроса в день, что недостаточно для нашего исследования. В тоже время, ChatGLM позволяет бесплатно отправлять любое количество вопросов. Другое преимущество данной языковой модели состоит в том, что она была создана китайскими учеными, и ее обучение проводилось на материалах, написанных на китайском и английском языках. Это означает, что ChatGLM лучше учитывает специфику китайского языка и поэтому должен давать объяснения, которые более понятны китайским студентам.

Применение чат-бота в сфере международного образования

Чат-бот может использоваться в сфере международного образования для создания интерактивных обучающих программ, которые будут помогать студентам изучать различные предметы. Они смогут предоставлять информацию, отвечать на вопросы и разъяснять простые концепции. В частности, чат-бот может быть полезен для изучения иностранных языков, так как дает возможность имитировать языковую практику, задавать вопросы на изучаемом языке и получать ответы от системы. Данная языковая модель может исправлять ошибки, подсказывать правильные фразы и помогать пользователю улучшить свои навыки в общении на иностранном языке. Например, чат-бот может помочь студентам с языковыми и культурными вопросами, грамматическими сложностями, переводом слов и фраз с китайского на русский и наоборот.

Далее мы рассмотрим 6 примеров, иллюстрирующих возможности использования чат-бота для освоения новой лексики, проверки правильности грамматических конструкций и понимания культурных особенностей при изучении русского языка как иностранного.

(1) Языковые нормы советы по изучению русских чисел

Пример 1. На вопрос «Как изучить русские числа и овладеть ими? Отвечайте на русском языке.»

Текст, сгенерированный ChatGLM, показал, что «LEARN THE NUMBERS: Начать с изучения основных цифр от 1 до 10 (один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять). Затем продолжить с 11 до 100 (одиннадцать, двенадцать, тринадцать и т. д.) и более высоких чисел.

UNDERSTAND THE SYMBOLS: Изучить знаки для цифр с 11 по 99, чтобы объединить цифры вместе. Например, 18 (девятнадцать) состоит из 1 и 8, а 25 (двадцать пять) из 2 и 5.

PRACTICE COUNTING: Создавайте различные предложения и повторяйте их, чтобы усилить свои навыки счета. Например, "тридцать два" (32), "пятьдесят шесть" (56) или "семьдесят три" (73).

LEARN TO READ AND WRITE NUMBERS: Изучить, как писать русские цифры и читать их в тексте. Например, написание числа 72 (72) или 89 (89).

PRACTICE WITH EXERCISES: Выполняйте различные упражнения по счету, чтобы убедиться в своей компетенции. Это могут быть упражнения на счет до 100, упражнения на сумму двух цифр или упражнения на добавление и subtraction of numbers.

LISTEN AND SPEAK: Изучить русские цифры в произношении и стандартных фразах. Слушайте записи и повторяйте последние, чтобы освоить правильное произношение.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ: Включите русские цифры в свою повседневную жизнь, используя их в разговорах, записывая или выполняя вычисления. Это поможет вам освоиться с ними и улучшить общий уровень владения языком.

CONSISTENT PRACTICE: Поддерживайте регулярную практику в течение недель и месяцев, пока не станете компетентными в русских цифрах.

ASK FOR HELP: Если вы столкнулись с трудностями, попросите помощи у своих учителей, друзей или членов семьи, которые говорят на русском языке.

PATIENCE AND PERSEVERANCE: Развитие компетенции в русских цифрах требует терпения и упорства. Развивайте свои навыки медленно и станьте профессиональными.

Выполнив описанные выше шаги, вы сможете лучше понять российские номера и научиться их использовать. Помните, что освоение нового навыка требует времени и терпения, но если вы будете настойчивы, вы в конечном итоге добьетесь успеха. Желаю вам удачи в учебе!» (ChatGLM, 2023).

Пример 1 показывает способность чат-бота распознавать контекст и выполнять сложные задачи. Языковая модель может понять, какой вопрос задает студент, и скорректировать свой ответ в зависимости от ситуации. В ответе чат-бота учащимся преподаются различные правила и методы изучения чисел на русском языке, что способствует более осознанному и эффективному общению.

Безусловно, ответ чат-бота является удовлетворительным. В нем помимо русских слов используются также и английские. Это связано с тем, что ChatGLM был разработан университетом Цинхуа в Китае и предназначен в основном для китайско-английского диалога, поэтому ответ на русском языке требует дальнейшей корректировки.

Хотя чат-бот не выполнил просьбу, сформулированную в вопросе о том, что нужно отвечать на русском языке, однако в существующей системе образования в Китае почти всем учащимся английский язык преподается в школе перед поступлением в

университете [\[17, с. 308-309\]](#). Поэтому автор считает, что использование английских слов в ответе чат-бота является несущественным недостатком и, более того, иногда может помочь в обучении русскому языку и культуре за счет создания дополнительных смысловых ассоциаций.

Кроме того, данный пример показывает, что чат-бот может диспользовать в ответе фразы с эмоциональным подтекстом такие как пожелание удачи. Это повысит мотивацию учащихся при изучении языка, так как коммуникация не ограничивается только передачей информации, но и включает в себя понимание и взаимодействие на эмоциональном уровне.

(2) Русские числа и грамматика

Пример 2. На вопрос «Китайцы любят число 6 и 8, есть ли грамматические ошибки в этой фразе? Отвечайте на русском языке.»

Текст, сгенерированный ChatGLM, показал, что*«Да, есть грамматическая ошибка в этой фразе. На русский язык она должна быть переведена следующим образом: "Китайцы любят шесть и восемь."*

Во первый раздел должен быть использован глагол "любят", а не "любить", потому что он в предложном падеже (для согласования с "числом")» (ChatGLM, 2023).

На данном примере мы хотели проиллюстрировать способность чат-бота исправлять ошибки, подсказывать правильные фразы и помогать студентам улучшить свои навыки при обучении русскому языку. Мы видим, что языковая модель подобрала правильное окончание глагола, которое соответствует его лицу и числу, однако привела неверное объяснение. Очевидно, что падеж является свойством существительного, а не глагола.

Следовательно, данный чат-бот способен исправлять фактические грамматические ошибки по требованию студента, однако за объяснениями по поводу происхождения ошибки учащемуся лучше обратиться к более достоверному источнику информации.

(3) Культура чисел в России и Китае

После того, как китайские студенты выучат русские числа, самое главное — научиться их применять на практике. Для этого им необходимо узнать, чем отличается значение разных чисел в России и Китае. Студенты смогут уловить культурный подтекст русских чисел посредством сравнения. Соотнесение с родным языком повысит интерес учащихся и позволит им приобрести более глубокое знание о русских числительных.

Пример 3. На вопрос «Как отличается символика чисел в Китае и России? Почему китайцы любят числа 6 и 8? а русские любят число 7? »

Текст, сгенерированный ChatGLM, показал, что*«Символика чисел в Китае и России имеет некоторые различия, которые связаны с культурными традициями и историей каждого народа.*

В Китае существует древняя символика чисел, которая берет свое начало в Китайской классической литературе и народных традициях. Китайцы считают, что различные числа обладают положительными или отрицательными связями с удачей, процветанием, счастьем и покойным существованием. Например, число 8 считается счастливым, потому что в римской цифре оно выглядит похоже на слово "все" (八), которое означает благополучие и успех. А число 4 считается несчастливym, потому что в римской цифре

оно выглядит похоже на слово "смерть" (四), которое означает расставание и убытки.

Китайцы любят число 6 и 8 по нескольким причинам, которые связаны с их культурными традициями и значением цифр в их языке и народных поверьях.

Значение числа 6 в китайском: Слово "шесть" (六, liù) в китайском языке состоит из жесткого звука "ли" (六), который имеет много силы и жизненной энергии. Китайцы считают, что этот номер приносит удачу и процветание.

Значение числа 8 в китайском: Слово "восемь" (八, bā) также имеет сильный звук "ба" (八), который ассоциируется с балансом, стабильностью и процветанием. Китайцы считают, что этот номер приносит счастье и удачу.

Китайская традиция лунарных знаков зодиака: Китайский календарь зодиакальных знаков основан на 12-летнем цикле, и шесть и восемь являются двумя важными марками этого цикла. Шесть знаков зодиака связаны с животными, а восемь - с элементами. Эти цифры считаются удачными и сильными.

В китайской астрологии эти шесть животных и восемь элементов связаны с различными качествами и достижениями в жизни. Китайцы верят, что появление какого-либо животного или элемента в их жизни может оказать влияние на их поведение, характер и успех. Например, особенности характера и поведения человека, который родился под знаком тигра, могут быть похожими на сильный и уверенный характер, а человек, родившийся под знаком земли, может быть умелым и надежным.

Итак, шесть знаков зодиака, связанных с животными, представляют собой группу по два знака, каждый из которых символизирует определенные качества и достижения. Восемь элементов зодиака, связанных с элементами природы, также символизируют различные аспекты жизни и поведения.

Народные поверья и суеверье: Китайцы часто связывают шесть и восемь с покровительством духов и богов. Многие считают, что номерами можно привлечь счастье, удачу и защиту.

В результате этих традиций и поверьей, китайцы стараются украсить свою жизнь шестью и восьмёрками, чтобы привлечь удачу, счастье и стабильность. Они носят украшения с цифрами 6 и 8, строят дома и номера в так называемых "шести- и восьминадцатках" (например, 608, 806 и т. д.), и используют эти цифры в своей ежедневной жизни.

В России также существует символика чисел, которая во многом опирается на христианскую традицию и связана с понятиями добра и зла. Например, число 7 считается счастливым в христианской традиции, потому что оно ассоциируется с семью Святыми (семь добрых дел и семь грехов). А число 13 считается несчастливym, потому что ассоциируется с 13 посланниками Христа и Деве Марией, которых апостол Иуда Искариотес предал.

В обеих культурах также существует символика цветов и других природных элементов, которые соответствуют различным числам и им выделяются особые значения.

В отношении предпочтения числа 7 у русских нет определенного исторического или религиозного объяснения. Вероятно, положительное отношение к числу 7 связано со смысловыми ассоциациями, которые оно вызывает. Во множестве культур и религий число 7 ассоциируется с совершенством, духовным ростом или удачей. Затруднительно утверждать, что все русские люди любят число 7, поскольку предпочтения могут быть

субъективными и индивидуальными.

Русские, напротив, любят число 7, которое связано с идеей удачи и счастья. Число 7 считается счастливым в русской культуре, потому что оно представляет собой сочетание чисел 3 и 4, которые также считаются счастливыми. Число 3 символизирует триумф(triumph), а 4 — стабильность(stability). Поэтому, русские считают, что число 7 сочетает в себе удачу и стабильность, что делает его счастливым.

Также следует отметить, что эти навыки и ценности, связанные с числами, различаются между культурами и могут варьировать в разных регионах. Несмотря на это, основные принципы, которые лежат в основе этих предпочтений, связаны с идеей удачи, благополучия и стабильности.

В целом, символика чисел в Китае и России отличается тем, что в Китае она более уникальна и связана с древними культурными традициями, а в России она более похожа на христианские мотивы и связана с добром и злом» (ChatGLM, 2023).

Пример 3 показывает, что использование инструментов на основе искусственного интеллекта, таких как чат-бот, является одним из способов изучения языка и культуры. Чат-бот, обучаемый на множестве текстов из разных культур, может выявить и зафиксировать определенные образцы речи, обычаи и нормы поведения, связанные с конкретной культурой. Это позволяет алгоритму предугадывать возможные различия в коммуникации и помогает студентам адаптироваться к ним заранее. Кроме того, чат-бот может предлагать студентам рекомендации по адаптации к культурным нюансам, основываясь на опыте миллионов других людей.

Относительно содержания ответа можно сказать следующее. Очевидно, что китайцы отдают предпочтение числам 6 и 8, что связано с традиционной китайской культурой, важными компонентами которой являются представления о 12 знаках китайского зодиака и 8 природных явлениях. Конечно, в традиционной китайской культуре есть фольклорные и суеверные элементы, связывающие древние божества с числами 6 и 8. С точки же зрения современного сленгового языка, китайцы в повседневной жизни предпочитают числа с цифрами 6 и 8 потому, что произношение этих чисел имеет значение удачи и богатства. С другой стороны, 7 в русском языке отчасти используется по религиозным причинам, а отчасти потому, что 7 является суммой чисел 3 и 4, которое из которых имеет независимое значение в русской культуре.

Конечно, чтобы точно знать, соответствуют ли ответы, данные чат-ботом, культурной реальности, лучше всего попросить российского преподавателя подтвердить это. Искусственный интеллект помогает учащимся приобретать знания, но студент всегда должен проверять достоверность получаемой информации.

(4) Культура чисел и китайско-русский перевод

Пример 4. На вопрос «怎么理解中文和俄语中的数字所代表的文化?为此应该注意什么?比如,送礼物,请用俄语回答(Перевод: Каковы различия в понимании цифровой культуры между Китаем и Россией? На что мне следует обратить внимание? Например, как мне подарить подарок)?»

Текст, сгенерированный ChatGLM, показал, что«Различия в понимании цифровой культуры между Китаем и Россией в основном отражаются в следующих аспектах:

Значения чисел: в китайском языке некоторые числа имеют определенное значение, например, «8», обозначающее «фа», что означает богатство и процветание; в то время

как в русском языке число «7» считается счастливым и похоже на китайское «8». похожий. Однако в обеих культурах существует привычка избегать определенных чисел. Например, число «4» в китайском языке считается несчастливym, поскольку оно гомофонно слову «смерть», в русском языке число «13» также считается несчастливym.

Обычаи дарения: Китай и Россия имеют разные привычки дарить подарки. В Китае люди обычно дарят подарки с четными номерами, чтобы выразить благословение и удачу, тогда как в России подарки с нечетными номерами считаются более подходящими, поскольку они олицетворяют уникальность и неповторимость. Кроме того, при вручении подарков обратите внимание на упаковку: изысканная и красивая упаковка часто отражает уважение и внимание к собеседнику.

Значение подарков: При выборе подарков Китай и Россия имеют разное значение. Например, в Китае красный считается благоприятным цветом, символизирующим радость и удачу, а в России синий считается счастливым цветом, олицетворяющим чистоту и верность. Поэтому, даря подарки, важно понимать предпочтения и культурные привычки друг друга.

Чтобы обратить внимание на эти различия в культурном обмене между Китаем и Россией, можно принять следующие меры:

Поймите культурное происхождение другой стороны: прежде чем общаться, постарайтесь понять культурные привычки и обычаи другой стороны, чтобы лучше уважать другую сторону.

Проконсультируйтесь с друзьями или экспертами, знакомыми с китайской и русской культурой. Даря подарки или выбирая номера, вы можете проконсультироваться с друзьями или экспертами, знакомыми с культурами двух стран, чтобы убедиться, что ваше поведение соответствует ожиданиям другой стороны.

Следуйте этикету: во время отношений соблюдайте этикет и привычки другой стороны. Например, даря подарки, обращайте внимание на упаковку и цвет и избегайте использования несчастливых чисел.

Оставайтесь открытыми и уважительными. Во время культурного обмена будьте непредвзяты, уважайте обычаи и убеждения друг друга и избегайте непреднамеренного нарушения культурных табу друг друга.

Научитесь идти на компромисс: в некоторых случаях вы можете попытаться пойти на компромисс и объединить обычаи обеих сторон, чтобы продемонстрировать уважение к культурам обеих сторон.

С помощью этих методов вы сможете лучше обращать внимание на количественные различия и культурные значения в китайско-российских культурных обменах и гарантировать, что ваши действия будут поняты и уважены другой стороной. Желаю вам всего наилучшего в культурном обмене между Китаем и Россией!» (ChatGLM, 2023).

Язык как барьер к межкультурному общению проявляется при проблемах перевода [\[5, с.73\]](#). Как показывает пример 4, чат-бот позволяет отчасти преодолеть этот барьер, поскольку одним из важных его преимуществ является способность к автоматическому переводу. Студенты могут писать свои сообщения на родном языке, а искусственный интеллект автоматически переводит их на язык собеседника. Таким образом, чат-бот в значительной степени помогает студентам овладеть русским языком в процессе

обучения. Вероятно, в ближайшем будущем это позволит студентам разных стран и культур эффективно общаться друг с другом, не задумываясь о языковых проблемах, и сосредоточиться на других важных вещах — обмене идеями, учебе, культурном обмене и т.д.

Таким образом, благодаря использованию чат-бот в межкультурном общении, можно значительно уменьшить число недоразумений и конфликтов, устранить языковой барьер и превратить его в преимущество. Чат-бот помогает студентам лучше понимать друг друга, воспринимать информацию точно и эффективно и устранять недоразумения, связанные с различиями культур и языков.

(5) Китайский и русский числовой сленг

Важным аспектом межкультурного общения является способность учащегося улавливать тонкости языка — сленговые выражения [\[22\]](#) (88, 520, 666, 888, 1234...), игру слов и культурные нюансы. Посмотрим насколько с этой задачей справляется чат-бот.

Пример 5. На вопрос «Сленговые выражения в русском и китайском цифрах , например 88, 666, 888, 5201234...) и другие цифры?»

Текст, сгенерированный ChatGLM, показал, что «В русском языке и китайском языке существуют некоторые сленговые выражения, связанные с цифрами. Вот несколько примеров:

В русском языке:

88 (восьмёрочка) - в интернет-сленге используется для обозначения поздравления, прощания или пожелания удачи. Отталкивается от того, что число 8 ассоциируется с богатством и удачей.

666 (шесть шестёрок) - в интернет-сленге часто используется для обозначения злобы, зловещести или дьявольских ассоциаций. Это связано с ассоциацией числа 666 с Библейским числом зверя.

1234 (один два три четыре) - в жаргоне может использоваться для обозначения простоты или легкости чего-либо. Зачастую употребляется в фразах типа "сделать что-то на одном дыхании", "пошаговая инструкция" и тому подобное.

В китайском языке:

88 (八八 bābā) - также используется для поздравлений и пожеланий удачи. Ассоциируется с богатством и благополучием.

666 (六六六 liùliùliù) - в интернет-сленге используется как похвала или выражение восхищения. В китайском языке звучит созвучно с "溜溜溜" (liūliūliū), что означает что-то "гладкое" или "потрясающее".

520 (五二零 wǔ'èrlíng) - ассоциируется с "я тебя люблю". В китайской произносительной системе 520 (wǔ èr líng) звучит похоже на фразу "我爱你" (wǒ ài nǐ), что означает "я тебя люблю".

Это лишь несколько примеров сленговых выражений, связанных с цифрами. В каждом языке могут существовать и другие ассоциации, которые зависят от контекста и культурных нюансов» (ChatGLM, 2023).

Чат-бот правильно объяснил значение только для трех из шести сленгизмов (666 в русской культуре, 666 и 520 в китайской культуре). Из ответа языковой модели следует, что нельзя использовать число 666 в России с тем же значением, что и в Китае. Это соответствует действительности.

Однако с другими сленгизмами дело обстоит хуже. На самом деле, 88 и 1234 вообще не имеют устоявшегося значения в русском сленге. В тоже время, 1314 используется в китайском сленге в значении "на всю жизнь", как правило, вместе с 520 (я люблю тебя).

88 используется в китайском языке, но означает «пока» или «прощай». Это связано с тем, что bābā похоже по звучанию на báibái (拜拜), которое является калькой английского bye-bye. Для пожелания же удачи в китайской культуре используется число 888. Похоже, чат-бот перепутал значение двух этих сленгизмов.

Мы видим, что в одних случаях чат-бот может сообщать знание нюансов, которые критически важны в межкультурной коммуникации (например, почти противоположное символическое значение числа 666 в России и Китае). В тоже время, часто языковая модель способна выдавать недостоверную информацию. Поэтому перед использованием на практике ее необходимо уточнить.

(6) Еще один вопрос о числах

Пример 6. На вопрос «Как китайские студенты могут избежать числовых языковых и культурных барьеров в рамках межкультурной коммуникации?»

Текст, сгенерированный ChatGLM, показал, что «Китайские студенты могут избежать цифровых языковых и культурных барьеров в рамках межкультурной коммуникации следующим образом:

Изучение иностранных языков: Будучи компетентными в иностранных языках, студенты могут лучше понять и общаться с представителями других культур. Изучение языков поможет им овладеть цифровыми языковыми нормами и стандартами, которые могут быть различными от их родного языка.

Культурные студии: Студенты могут посещать культурные студии и семинары, где они изучают различные аспекты культур других стран. Это поможет им лучше понимать и адаптироваться к нравам и традициям других культур.

Интернет исследования: Китайские студенты могут использовать Интернет для исследования цифровых языковых и культурных барьеров в других странах. Онлайн-исследования помогут им получить представление о различных культурах и их нравах, чтобы более эффективно общаться с представителями этих культур.

Межкультурные обмены: Студенты могут принимать участие в межкультурных обменах, таких как стажировки за границей, обменные программы или короткие визиты. Это их позволит познакомиться с культурами других стран на практике и избежать цифровых и культурных барьеров в коммуникации.

Навыки межкультурной коммуникации: Китайские студенты могут развивать навыки межкультурной коммуникации, такие как создание социальных контактов, умение понимать и принимать различные точки зрения и мнения, а также уважение к культурным различиям. Эти навыки помогут им эффективно общаться с представителями других культур и избежать цифровых и культурных барьеров.

Обучение моделям коммуникации: Студенты могут получить уроки в области коммуникации, чтобы научиться более эффективному общению. Это поможет им лучше понять и общаться с представителями других культур, избежав цифровых и культурных барьеров.

Форумы и клубы: Китайские студенты могут участвовать в форумах и клубах, где проводятся дискуссии и мероприятия по межкультурному пониманию. Это позволит им познакомиться с различными точками зрения и обмениваться идеями с представителями других культур.

Китайские студенты могут использовать эти стратегии для избежания цифровых и культурных барьеров в рамках межкультурной коммуникации. Готовность к познанию и взаимному уважению культурных различий (ChatGLM, 2023).

Пример 6 показывает, что чат-бот дал слишком общий ответ на поставленный вопрос. Однако автор считает, что данный ответ все же содержит рациональное зерно. Важность многих из упомянутых чат-ботом стратегий подчеркивалась ранее в исследованиях разных ученых. Так, соотношение межкультурной коммуникации и обучения иностранным языкам было рассмотрено в работах Тер-Минасовой С. Г. [12], Ходжаевой С. С. [18] и других русских исследователей. Милосердова Е. М., Самородова Т. В. написали статью под названием так: «русский клуб» как метод лингвокультурной адаптации иностранных студентов в условиях языковой среды [8]. Липатова М.Е. и Богатырева А.А. проанализировали роль интернет-исследований в межкультурном диалоге [7]. Тен Ю. П. указала, что межкультурные обмены способствуют минимизации барьеров в межкультурных коммуникациях [11].

Чернышева А. И., Леонова Е.В. высказали мнение, что «знание языка не является достаточным условием для избежания межкультурных конфликтов. Только при адекватном и положительном отношении к реалиям изучаемого языка, принятии чужой культуры как равной своей, изучающие иностранный язык смогут эффективно осуществлять межкультурную коммуникацию, что ведет впоследствии к формированию межкультурной компетенции» [19, с.324]. Тем самым, данные авторы подчеркнули важность навыков межкультурной коммуникации.

Таким образом, стратегии, предложенные чат-ботом для преодоления числовых языковых и культурных барьеров, действительно важны. В то же время, в них слишком мало конкретных советов, специфических именно для темы русских чисел.

Возможно, что чат-бот дал слишком общий ответ на последний вопрос, потому что сам вопрос неоднозначен или сформулирован недостаточно ясно.

Итак, анализ ответов чат-бота позволяет сделать следующие выводы.

1. В любом случае числа являются частью языка, а язык и культура, содержащиеся в числах, — это тема, с которой китайские и российские преподаватели и студенты часто сталкиваются в процессе межкультурной коммуникации в сфере международного образования. Поэтому необходимо изучать языковые и культурные барьеры как тему русского языка и культуры, в частности, тему чисел.
2. Чат-бот ChatGLM может исправлять ошибки, подсказывать правильные фразы и помогать студентам улучшить свои навыки при изучении русского языка. Благодаря использованию больших объемов данных эта языковая модель может давать студентам

разнообразные советы по освоению тех или иных тем, а также прояснять различия между родной и изучаемой культурами.

3. Чат-бот ChatGLM имеет ряд недостатков, таких как передача недостоверной информации при объяснении правил грамматики и выявлении значения отдельных языковых единиц; неправильное написание или неправильный перевод русских слов; использование английских слов в русских предложениях; наличие лишней информации, не связанной с вопросом.

Заключение

Все вышесказанное позволяет утверждать, что чат-бот, языковая модель на основе искусственного интеллекта, может давать ответы на общие вопросы, исправлять грамматические ошибки, помогать в других видах языковой практики и сообщать новые знания о особенностях изучаемой культуры. Данная модель является всего лишь рабочим инструментом, и ее ценность в сложных видах интеллектуальной деятельности, например, в написании научных статей остается под вопросом. В некоторых случаях чат-бот не имеет достаточного набора данных или же некорректно их обрабатывает, и в таком случае он может давать неверные ответы, подобно тому, как автомобильный навигатор в определенных условиях способен указать водителю неверную дорогу. Для правильной работы искусственный интеллект требует больших объемов данных и надежных методов их обработки, тогда он станет похож на усовершенствованный корпус языка и сможет предоставить качественную информацию, которая будет приносить пользу человечеству.

Для китайских студентов, изучающих русский язык, чат-бот может быть полезен при овладении базовыми языковыми знаниями и культурными концепциями. Когда учащиеся не понимают нюансов семантики, они могут использовать языковую модель, чтобы разобраться в этих вопросах. Однако студенты не должны бездумно полагаться на чат-бот. Скорее, им следует научиться использовать его как один из важных современных инструментов для изучения русского языка и культуры, в то же время проявляя разумную осторожность и помня о возможности получения недостоверной информации.

Библиография

1. Артамонова М. В., Мамбетов А. А., Тулина Е.В. — Чат-бот как инструмент в работе переводчика // Litera. – 2023. – № 8. – С. 235 - 253. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43875 EDN: VMTZYT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43875
2. Голами Х., Бейги М., Пулаки П. Трудности студентов-иностранцев при изучении русского языка // МНКО. 2018. №2 (69).
3. Ганина Н. Н. Обучение основам межкультурного общения в процессе преподавания иностранного языка // Вестник ЧелГУ. 2013. №33 (324).
4. Гаркуша Н. С., Городова Ю. С. Педагогические возможности чат-бот для развития когнитивной активности студентов // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. №1 (52).
5. Добрикова К. А. Язык как барьер к межкультурному общению // Вестник ЧелГУ. 2015. №27 (382).
6. Лавриненко И. Ю. Использование чат-ботов GPT в процессе обучения английскому языку в неязыковом вузе: теоретический аспект // Вестник СИБИТа. 2023. №2.
7. Липатова М. Е., Богатырева А. А. Актуализация межкультурного диалога в

- современном интернет-пространстве // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. №1.
8. Милосердова Е. М., Самородова Т. В. «Русский клуб» как метод лингвокультурной адаптации иностранных студентов в условиях языковой среды // Вестник ТГУ. 2021. №192.
9. Павловская А. В. Место и роль иностранных языков в русской культуре. // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. с.79–91
10. Сафонова, В. В. Социокультурный подход: ретроспектива и перспективы / В. В. Сафонова // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2013. – № 4(4). – С. 53-72. – EDN SEYAHV.
11. Тен Ю. П. Модель минимизации барьеров в межкультурных коммуникациях // Вестник ПАГС. 2022. №1.
12. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация // Вестник культурологии. 2002. №2.
13. Тоцкая И. В., Недоспасова Л. А. Образовательный потенциал чат-ботов в изучении иностранных языков: Социолингвистический, дидактический и коммуникативный аспекты // Концепт. 2023. №6.
14. Хэ Яньли. Межкультурная коммуникация в России: анализ исторического развития (в сфере международного образования) // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. № 8А. С. 90-97. DOI: 10.34670/AR.2023.79.31.018
15. Хэ Я. Проблема межкультурного общения в образовании: культурный шок и адаптация к нему // Человек и культура. – 2023. – № 5. – С. 17 - 28. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.5.43838 EDN: XRVSUM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43838
16. Хэ Я. Семантические особенности приставочных глаголов с приставкой пере-в крылатых выражениях русского и китайского языков[J]. Славянские чтения, 2021, 22(16-17): 110-117.
17. Хрисанова Е. Г., Ма Ися Иноязычное образование в средних школах Китая // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2018. №2 (98).
18. Ходжаева С. С. Межкультурная коммуникация и обучение иностранным языкам // Наука и образование сегодня. 2021. №6 (65).
19. Чернышева А. И. , Леонова Е. В. Формирование навыков межкультурной коммуникации на уроках иностранного языка // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2020. №XII.
20. Яньли Х, Шишкин А. Н. Различия в концепциях и методах преподавания и обучения языку между китаем и Россией в области межкультурной коммуникации1[M]//Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. 2023: 231-235.
21. Яньли Х. Сравнение китайских и российских концепций образования с точки зрения теории межкультурных измерений Герт Хофстеде[J]. Миссия конфессий, 2023, 12(69): 45-52.
22. Яньли, Х. Специфика перевода русских сленгизмов на китайский язык1 / Х. Яньли // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения : Материалы II Междисциплинарной научно-практической конференции, Москва, 31 мая 2022 года. – Москва: «КДУ», «Добросвет», 2022. – С. 331-336. – EDN ZYYHJO.
23. Zhipu AI. (2023). ChatGLM (версия от 25 августа) [большая языковая модель]. <https://chatglm.cn/main/detail>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Человек и культура» автор представил свою статью «Практические аспекты использования чат-ботов для обучения русскому языку в рамках межкультурной коммуникации», в которой проведено исследование потенциала средств искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам и навыкам межкультурной коммуникации.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что языковые барьеры в образовании могут стать основным препятствием для полноценного взаимодействия учащихся, разговаривающих на разных языках. Помимо проблем, непосредственно связанных с освоением иностранного языка, люди, участвующие в межкультурной коммуникации, неизбежно сталкиваются с существенными различиями в обычаях, традициях и иных культурных реалиях. Знание наиболее важных культурных нюансов позволяет обучающимся избежать недоразумений или даже конфликтных ситуаций при общении с иностранцами. В свою очередь, погружение в культуру способствует и более уверенному владению иностранным языком, так как смысл некоторых языковых единиц неразрывно связан с особенностями национального мировосприятия.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном мире межкультурная коммуникация стала неотъемлемой частью международного образования, а также предметом активных исследований российских и зарубежных исследователей как на общем, так и на более детальном уровне.

Цель данного исследования заключается в изучении возможностей использования чат-бота для выявления значения языковых единиц и корректности грамматических конструкций, а также культурных особенностей, связанных с темой русских чисел, в процессе обучения русскому языку как иностранному. Предметом является вопрос интеграции чат-бота в учебный процесс в рамках изучения русского языка китайскими студентами.

Методологическую основу составил комплексный подход, включающий общенаучные методы анализа и синтеза, а также методологический и социокультурный анализ.

В качестве инструмента автором выбран чат-бот ChatGPT, созданный компанией OpenAI. Преимущество данной языковой модели состоит в том, что она была создана китайскими учеными, и ее обучение проводилось на материалах, написанных на китайском и английском языках. Это означает, что ChatGLM лучше учитывает специфику китайского языка и поэтому должен давать объяснения, которые более понятны китайским студентам.

Проведя детальный анализ научной обоснованности проблематики, автор отмечает наличие большого количества трудов, раскрывающих вопросы как межкультурной коммуникации, так и применения средств искусственного интеллекта в педагогических целях, что позволило создать основательную теоретическую базу для изучения данной проблематики. Однако автор отмечает недостаточность освещения практических аспектов использования в учебном процессе чат-ботов и возможности их применения для изучения конкретных языковых и культурных вопросов. Разработка данного аспекта и составила научную новизну исследования.

Автор отмечает важную роль современных информационно-технологических средств в решении проблемы межкультурного общения. Одним из таких средств является чат-бот - языковая модель на основе искусственного интеллекта, которая способна эффективно переводить и генерировать тексты на разных языках. Преимущество чат-бота автор

видит в его способности правильно интерпретировать культурные особенности, которые специфичны для носителей каждого языка, что позволяет избежать возможных недоразумений, которые могут возникнуть из-за неправильного восприятия чужой культуры.

В статье автором проанализированы шесть примеров, иллюстрирующих возможности использования чат-бота для освоения новой лексики, проверки правильности грамматических конструкций и понимания культурных особенностей при изучении русского языка как иностранного, а именно: языковые нормы и советы по изучению русских чисел, способность чат-бота исправлять ошибки при построении фраз на русском языке, культурный подтекст русских чисел посредством сравнения с китайским языком, различия в понимании цифровой культуры между Китаем и Россией, китайский и русский числовой сленг, стратегии для избегания цифровых и культурных барьеров в рамках межкультурной коммуникации.

Автор дает высокую оценку возможности применения средств искусственного интеллекта в педагогических и методических целях, однако предостерегает от чрезмерного полагания на данный инструмента, так как чат-бот не может заменить живого общения с носителем языка и на данный момент содержит недостаточное количество данных для формирования единственно верных решений.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение методического потенциала современных технологий для преодоления межкультурного и языкового барьеров представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 23 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал, показал глубокое знание изучаемой проблематики. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Круглова Е.В. — Выразительные свойства украшений в вокальной музыке первой половины XVIII века // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 76 - 84. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69245 EDN: VFNAVS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69245

Выразительные свойства украшений в вокальной музыке первой половины XVIII века

Круглова Елена Валентиновна

ORCID: 0000-0001-6565-2083

кандидат искусствоведения

профессор, кафедра академического пения, Государственный музыкально-педагогический институт имени ММИпполитова-Иванова

109147, Россия, г. Москва, ул. Марксистская, 36

✉ elenakruglowa@mail.ru

[Статья из рубрики "Музыка и музыкальная культура"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.6.69245

EDN:

VFNAVS

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2023

Дата публикации:

07-12-2023

Аннотация: В современном исполнительстве старинной музыки одной из центральных задач певцов является стремление к самостоятельному декорированию мелодии. Принимая во внимание отсутствие у отечественных исполнителей знаний и навыков барочной импровизации, применяемые украшения зачастую представляют, по сути, только технический элемент, с которым необходимо справиться. В данном случае художественной ценности орнаменты не имеют, звучат блекло, бессодержательно в отношении экспрессии, не соответствуя главному предназначению – подчеркиванию аффекта и усилению его выразительности, о чем настоятельно писали старинные мастера. Предлагаемая статья направлена на решение актуальных проблем в области барочного исполнительства, связанных с вокальной орнаментацией и передачей

аффекта сочинения. В современном отечественном музыкознании данная тема не получила еще своего освещения. Автор статьи приводит исторические данные о характеристике мелизмов и их направленности на выражение определенных аффектов, что и определяет научную новизну исследования. Методология исследования базируется на историческом подходе. Особое значение имеют также методы анализа и синтеза, благодаря которым при изучении разрозненных данных удалось воссоздать историю орнаментального искусства во взаимосвязи с оперными традициями первой половины XVIII века. Позиция автора заключается в том, что любой вид орнаментации в старинных ариях должен применяться в мелодической линии с целью подчеркивания и усиления аффекта исполняемого сочинения. Певцу при исполнении сочинений рассматриваемого времени важно понимать значение декорирования мелодии, как одного из главных средств выразительности и в соответствии с этим руководствоваться выбором украшений. Автор делает выводы о взаимосвязи и взаимовлиянии орнаментики и аффекта в музыке эпохи барокко. Материал статьи и выводы будут полезны певцам, исполняющим старинную музыку, для стилистически верной ее интерпретации, а также в учебных курсах истории вокального исполнительства на исполнительских отделениях в музыкальных колледжах и факультетах вузов.

Ключевые слова:

XVIII век, итальянская оперная традиция, вокальная орнаментация, пассажи, мелизмы, орнаментация и аффект, стиль, аффекты в музыке, украшения в пении, выразительность в пении

В истории вокального искусства эпоха барокко характеризуется расцветом школы *bel canto*, что в переводе с итальянского языка означает «прекрасное пение». В начале XVIII в. наряду с кантиленным пением, наполненным патетикой и выразительностью, царил колоратурный, виртуозный стиль.

Исполнение музыки рассматриваемого времени предоставляло исполнителям достаточную свободу в демонстрации своего колоратурного мастерства. Однако сегодня на этом этапе перед певцами нередко возникают определенные сложности. Как понять, какой орнамент наиболее подходит в конкретном фрагменте мелодии и стоит ли вообще его включать? Ответом на все эти вопросы станет понимание музыки рассматриваемого периода в контексте взаимовлияния аффекта произведения и орнамента.

Среди источников, посвященных изучению данной проблемы, можно выделить трактаты и пособия старинных мастеров [\[6, 9, 14, 15, 16\]](#), которые нередко указывали на связь аффекта и орнамента. Зарубежные авторы [\[7, 8, 10, 11, 13\]](#) отмечают важное значение орнаментации в воплощении аффектов, рассматривают концепцию учения об аффектах, используемую музыкантами и теоретиками в эпоху барокко, и определяют роль музыки как «передачи чувств слушателям». В современном отечественном музыкознании данная тема не получила своего освещения.

С XVII в. главная функция арии заключалась в показе человеческих чувств и страстей. Это напрямую было связано с отношением к поэтическому тексту и оказало огромное влияние на все виды орнаментики. Вместе с тем, в начале XVIII в. прежняя трактовка учения об аффектах вступает в противоречие с исполнительской практикой, отчего подвергается критике со стороны ряда ученых, практиков. Стремление к большей выразительности музыкального материала диктовало необходимость новых решений.

С развитием арии на протяжении XVIII в., в которой все большее значение приобретало выражение аффектов, важным становилось сочетание декламационного начала с собственно музыкальным. Это привело к созданию на основе поэтического образа специфической музыкальной выразительности. Формальное объяснение прежнего учения об аффектах не соответствовало исполнительской культуре того времени и требовало переосмысления, предъявляя необходимость не только в классификации типов аффектов, но также рассмотрение способов их воплощения. Результатом преодоления всех условностей стало разграничение основного аффекта на сменяющиеся внутри его побочные [\[3, с. 22\]](#).

Как указывают исследователи П. Луцкер и И. Сусидко: «Только начиная с героической венецианской оперы 1700-х годов, можно говорить об аффекте в арии» [\[4, с. 288\]](#). Следствием этого стало формирование новой традиции мелодического орнаментирования, связанной с эмоциональной передачей состояния исполняемого героя. Доминирующая в XVII веке связь с риторикой и свойственными ей приемами ослабляется. Вокальные украшения теперь служат не только для изображения слова, но и создают большую эмоциональную приподнятость, приобретая важнейшее эстетическое и смысловое значение [\[5, с. 19\]](#). На огромное значение обширной области украшений указывает исследователь Д. Глюксам, определяя роль орнамента, как неизменного источника лучшего понимания барочной музыки, основанной на аффектах [\[10, с. 29\]](#).

В ариях начала XVIII века усиливается энергичность и патетика выражения. Виртуозность приобретает широкое применение (от героических, до лирических арий), при этом проявляясь как в вокальной, так и оркестровой партиях. В этих условиях от певца требуется владение всем арсеналом технических средств от безупречной ровности кантиленного звуковедения до колоратурной беглости, рассматриваемое как художественное средство выразительности в драматических, кульминационных фрагментах оперы для выявления эмоционального состояния героя. Виртуозное искусство солиста решало важную задачу усиления выразительности для возбуждения в слушателях различных аффектов.

Учитывая природное дарование и технические возможности конкретных певцов, композиторы посвящали им свои арии, в результате чего автор и исполнитель становились сотворцами. В это время сфера применения орнаментации еще более конкретизировалась; увеличивалось количество мелизмов, выписанных обычной нотацией, либо символами.

Способность мыслить и быть разумным – требование к музыкантам того времени. Не случайно переводчик авторитетнейшего трактата П. Ф. Този на немецкий язык, органист и учитель пения И. Ф. Агрикола указывает на разумное употребление орнаментики. Рассматривая варианты исполнения форшлагов, он совершенно ясно формулирует мысль о важности «довериться чувству исполнителя или композитора», не оскорбляя хорошего вкуса, «чтобы исполнитель в наименьшей степени подвергался опасности поступить вопреки замыслу композитора» [\[1, с. 80\]](#).

Таким образом, выбор украшений и способ их исполнения должны основываться на понимании музыки и исполняться так, чтобы отражать аффект, который она выражает. Это становится важнейшим требованием музыкантов рассматриваемого времени.

В вокальном исполнительстве в данный период особое значение приобретает выразительное «согретое» пение. В своем трактате певец-кастрат, композитор и учитель

пения П. Ф. Този постоянно пишет о важности «пения сердцу» («cantare al cuore») [16]. Его мысль продолжает певец-кастрат и учитель пения Дж. Манчини, также используя в своем трактате выражение «петь от сердца» («chanter au coeur») [12]. Неслучайно выдающийся итальянский скрипач Ф. Джеминиани отмечал, что «хорошая музыка не только радует слух, но и выражает движение души, поражает воображение, воздействует на разум и управляет эмоциями» [9, с. 2].

В самих названиях трактатов вокальных мастеров подчеркивается огромное значение фигуративного пения в XVIII в. Так, П. Ф. Този, а впоследствии Дж. Манчини в названиях своих работ употребляют термин «canto figurato». В них авторы рассматривают в основном технические аспекты вокального искусства своего времени. И это не случайно. С одной стороны, еще на рубеже XVII-XVIII веков в сольном пении происходит крупная реформа, связанная с переходом от однорегистровой манеры вокализации к двухрегистровой, что приводило к необходимости выравнивания регистров с минимальным напряжением голосового аппарата. Главная задача заключалась в работе над «певучестью» голоса. В этих условиях регистровая ровность достигалась легче в быстрых колоратурах, нежели в медленных певучих ариях. Композиторы и исполнители ставили перед своим искусством более высокие цели, нежели простое развлечение слушателей. Они хотели глубоко взволновать их посредством передачи голосом различных аффектов.

В утверждении значения художественно-выразительной стороны исполнения украшений значительную роль сыграл немецкий виртуоз-флейтист, композитор и теоретик музыки И. И. Кванц. Его рекомендации в трактате «Опыт наставлений в игре на флейте traverso» («Versuch einer Anweisung die Flöte traversiere zu spielen», 1752) обращают внимание музыкантов, в том числе певцов, на важность применения украшений с целью верного воспроизведения аффектов сочинения. Так, он пишет, что украшения могут улучшить или ухудшить композицию. И далее: «<...> опираясь на основной аффект, (исполнитель) сохранит умеренность и никогда не превратит одну страсть на другую» [14, с. 83].

Таким образом, сущность орнамента способствовала выражению определенного душевного состояния. По словам немецкого композитора, клавесиниста и музыковеда К. Ф. Э. Баха, украшения направлены на раскрытие содержания, будь оно печальное или веселое [6, с. 51]. Следовательно, орнамент должен быть полностью подчинен выражению аффекта.

Что же касается итальянской традиции исполнения, то существенный вклад в понимание выразительности украшений в ней сделал величайший скрипач-виртуоз XVIII века Дж. Тартини, который, акцентируя внимание как инструменталистов, так и певцов на исполнении орнаментации в то время, открывает свой трактат об украшениях («Treatise on Ornamentation», 1771) эпиграфом: «Включая исполнение апподжиатуры, ее значение и место применения, а также разнообразных трелей, вибрато и мордента, способы их использования, естественных орнаментов, бесконечных витиеватых орнаментов, и способов сочинения каденции» [15].

Тартини был противником орнаментирования как чисто декоративного приема, не связанного с внутренней природой самой музыки. Отмечая огромное значение виртуозного искусства, большое внимание он уделял глубине выражения человеческих чувств. Выбор украшений, их количество и характер исполнения он соотносил, прежде всего, с содержанием музыки. Здесь стоит отметить, что традиция воспроизводить аффект сочинения прослеживается также до конца XVIII века. На это указывают слова

немецкого органиста, композитора, теоретика музыки Д. Г. Тюрка, записанные в «Клавирной школе» («Clavierschule», 1789): «исполнение есть выражение аффекта» [\[2, с. 75\]](#).

Примечательно, что при таком внимании к взаимосвязи между украшениями и аффектами в исполнительстве учеными-практиками в эпоху барокко так и не выработалось единой системы, в которой бы определялась принадлежность конкретного мелизма к тому или иному аффекту.

Музыканты того времени осознавали важность эстетической функции украшений, подразумевающей не столько техническую оснащенность в музицировании, сколько применение их в соответствии с характером, аффектом произведения. В стремлении воплотить аффект исполнители нередко трактовали эту связь прямолинейно, связывая определенный мелизм с конкретным аффектом. Этим обусловлено закрепление за тем или иным аффектом исторически сформировавшегося способа его исполнения с возможным применением характерного орнамента.

Трель. На ошибку при использовании пассажей и трелей в сицилиане (танец, репрезентирующий аффект печали) указывает Този [\[1, с. 131\]](#). Кванц присоединяется к его мнению, исключая обращение к трелям и пассажам в выражении аффекта печали, тогда как в аффекте радости и любви их применение возможно [\[14, с. 282-283\]](#).

В воплощении аффекта любви Този считает возможным применение трелей, указывая, что «в приятных и нежных пьесах хороший певец с полным правом может воздержаться от трелей, но это не должно происходить слишком часто» [\[1, с. 185\]](#).

Прогрессивные взгляды Тартини на исполнение украшений проясняют зависимость воплощения аффекта сочинения от различных способов исполнения трелей. «Медленная трель, – пишет он, – (применяется) в серьезных, патетических и меланхолических пьесах, мелодичная – в сдержанно веселых, а быстрая – в оживленных, подвижных (композициях)» [\[15, с. 10-11\]](#).

Мордент. Для воплощения аффектов радости и любви в большей степени подходит мордент, относящийся к трельной группе. Тартини утверждает, что мордент лучше «подходит для подвижной и легкой музыки, но только (с характером) напевного Andante и Allegro», для выражения пылкости и страстности» [\[15, с. 17\]](#). И тут же предупреждает исполнителей, от использования его в серьезных и печальных мелодиях [\[15, с. 17\]](#).

Однако иной взгляд на трактовку мордента находим у Джеминиани, по мнению которого он подходит для репрезентации различных аффектов в зависимости от способа его исполнения: «Он (мордент) уместен для выражения взволнованных страстей, так, если он исполняется с силой и длительно, он выражает ярость, гнев, решимость и т. д. Если играть наоборот (менее сильно и короче), он выражает радость, удовлетворение и т. д. Но, если вы сыграете его довольно мягко и раздувая ноту, он может означать ужас, страх, горе, плач и т. д. Делая его короче и мягко наполняя ноту, вы можете выразить аффект и удовольствие» [\[9, с. 7-8\]](#).

Апподжиатуры (форшлагы) нисходящего движения Тартини разделяет на два типа: короткие или «проходящие» и длинные или «продолжительные», которые тесно связаны с воплощением того или иного аффекта. Так, в выражении аффекта радости и любви используется короткий «проходящий» форшлаг, тогда как длинный форшлаг, по словам

виртуоза, способствует передаче печального и патетического настроения [\[15, с. 9\]](#).

Практически аналогична характеристика значений форшлагов у Джеминиани. Длинные форшлагги предназначены для воплощения аффекта любви, удовольствия и их исполнение занимает более половины длительности ноты, к которой они относятся. Короткие форшлагги выражают «приятный эффект» [\[9, с. 7\]](#).

О *группетто* (*допельшлагах*) К.Ф. Э. Бах пишет, как о «легком украшении, делающем пение одновременно приятным и блестящим» [\[6, с. 85\]](#).

Подобная трактовка простых допельшлаггов (*группетто*) встречается у Агриколы. Согласно его характеристике, они оживят мелодию и создадут бодрое настроение [\[1, с. 121\]](#). А вот *шлейферы* в пении, по его же указанию, исполняются медленно, и, следовательно, соответствуют аффекту печали.

Становится очевидным, что огромная область украшений создает простор для художественной выразительности в музыке барокко. Отсюда и понимание, почему музыканты за редким исключением выписывали мелизмы. Таким образом, любые рекомендации старинных музыкантов важно рассматривать в качестве напутствия, но не как догматические правила.

При исполнении украшений певцу важно понимать, какой орнамент ярче будет соответствовать аффекту. На это обращал внимание исполнителей флейты, композитор И. Г. Тромлиц: «Если кто-то хочет варьировать фигуру или пассаж, следует тщательно обдумать, какой орнамент к нему лучше подходит и выражает главное настроение композитора; или же он будет иметь наилучший эффект от игры по правилам; поскольку каждая отдельная фигура имеет различный эффект в каждой вариации» [\[17, с. 185\]](#).

Музыкальная теория эпохи барокко в качестве основополагающей ставила идею передачи различных человеческих страстей. И если в XVII в. такие страсти сопровождалась определенными эмоциональными состояниями, то в XVIII в. они трактовались в более широком их понимании, как сильные душевные волнения, с которыми была взаимосвязана вся область выразительности исполнения. Поднимая вопросы соотношения орнаментации и аффекта сочинения, Кванц пишет: «Хорошее исполнение должно быть выразительным и соответствовать страстям (сочинения). <...> Следует осторожно подбирать украшения и мелизмы, с помощью которых (исполнитель) хочет усилить впечатление от песни или простой мелодии. Украшения, выписанные или свободные, никогда не должны противоречить главному аффекту мелодии» [\[14, с. 107\]](#).

Любое украшение в старинных ариях необходимо накладывать на канву мелодической линии только после определения главного аффекта и с целью его подчеркивания. Декоративная функция орнамента должна рассматриваться как средство придания выразительности произведению, помогая передавать идеи и характер слушателям. Осознавая это, исполнителям сегодня следует приложить все усилия, чтобы верно определить аффект и верно его воссоздать в пении. Отсюда и вариации одного и того же мелизма в разных его исполнительских прочтениях: от медленного до скорого в зависимости от понимания сущности передаваемого аффекта, представленного в конкретном произведении.

Верное исполнение украшений, соответствующее заложенному композитором аффекту, поможет певцу более полно раскрыть содержание сочинения и создать свою индивидуальную, яркую его интерпретацию.

Библиография

1. Агрикола И. Ф. Наставление в искусстве пения: учебное пособие / Д. Е. Зубов (перевод с немецкого, предисловие). СПб.: Лань: Планета музыки, 2022. – 272 с.
2. Друскин М. С. Клавирная музыка. Л.: Музгиз, 1960. – 284 с.
3. Круглова Е. В. О теории аффектов в вокальном исполнительстве эпохи барокко: учебно-методическое пособие. М.: Литера Скрипта, 2017. – 51 с.
4. Луцкер П. В., Сусидко И. П. Итальянская опера XVIII века. Ч.1: Под знаком Аркадии. М.: 1998. – 440 с.
5. Сусидко И. П. Опера seria: генезис и поэтика жанра: автореферат ... доктора искусствоведения: 17.00.02 / Рос. акад. музыки им. Гнесиных. М., 2000. – 40 с.
6. Bach, C. Ph. E. Versuch über die wahre Art das Ciavier zu spielen. Berlin: Auctoris, 1753. – 504 s.
7. Brittain, K. A. G. A Performer's Guide to Baroque Vocal Ornamentation As Applied To Selected Works of George Frideric Handel. A dissertation (PhD). The University of North Carolina at Greensboro, 1996. URL: <http://libres.uncg.edu/ir/uncg/listing.aspx?id=26996> (дата обращения: 23.11.2023).
8. Donington, R. Baroque Music: Style and performance. New York, London: W.W. Norton & Company, 1982. – 206 p.
9. Geminiani, F. The Art of Playing on the Violin, Op.9. London: Self-published, 1751. – 61 p.
10. Glüxam, D. „Aus der Seele muss man spielen...“. Über die Affekttheorie in der Musik des 17. und 18. Jahrhunderts und ihre Auswirkungen auf die Interpretation. Wien: Hollitzer. 2020. – 950 s.
11. Lee J. An understanding of style of baroque ornamentation in Handel's operatic arias: a study of selected recordings (1950s – 2010s). Dissertation (DMA). University of Kentucky, 2020. URL: https://uknowledge.uky.edu/music_etds/156 (дата обращения: 23.11.2023)
12. Mancini, G. Pensieri, e riflessioni pratiche sopra il canto figurato. Vienna: Ghelen, 1774. – 189 p.
13. Neumann, F. Ornamentation in Baroque and Post-Baroque Music. New Jersey: Princeton University Press, 1978. – 648 p.
14. Quantz, J. J. Versuch einer Anweisung die Flöte traversiere zu spielen. Berlin: Johann Friedrich Voß, 1752. – 384 s.
15. Tartini, G. Traité des agréments de la musique. Manuscript, n.d.(ca.1700s). Public Domain. Copyist G.F. Nicolai. – 43 p.
16. Tosi, P. F. Opinioni de'cantori antichi e moderni, o sieno osservazioni, sopra il canto figurato. Bologna: Forni, 1723. – 118 p.
17. Tromlitz, I. G. The virtuoso flute-player. Cambridge University Press, 1991. – 338 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Выразительные свойства украшений в вокальной музыке первой половины XVIII века» посвящена выразительным свойствам украшений в вокальной музыке рассматриваемого времени.

Методология автора достаточно разнообразна и включает анализ широкого ряда литературных и музыкальных источников. Автором умело используются сравнительно-исторический, описательный, аналитический и др. методы во всем их многообразии.

Как справедливо отмечает сам исследователь: «В современном отечественном музыкознании данная тема не получила своего освещения», поэтому мы подчеркнем бесспорную актуальность этого исследования и его практическую важность для научного сообщества и разноплановой читательской аудитории. Его научная новизна также не вызывает сомнений.

Статья представляет собой небольшое, но вполне достойное научное исследование, в котором стиль, структура и содержание полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к сочинениям такого рода. Оно отличается обилием интересных практических и исторических сведений, свидетельствует о глубоком знании исследуемого предмета и доскональном изучении литературных и музыкальных источников. Отметим также, что в тексте автор делает серьезный обзор использованных источников.

Статья четко и логично выстроена. Она содержит краткий экскурс в историю школы *bel canto* и «концепции учения об аффектах, используемой музыкантами и теоретиками в эпоху барокко», развития арии и употребления орнаментики в вокальном искусстве.

На наш взгляд, весьма интересно изучение рассматриваемого предмета в его историческом развитии. Автор правильно отмечает: «С XVII в. главная функция арии заключалась в показе человеческих чувств и страстей. Это напрямую было связано с отношением к поэтическому тексту и оказало огромное влияние на все виды орнаментики. Вместе с тем, в начале XVIII в. прежняя трактовка учения об аффектах вступает в противоречие с исполнительской практикой, отчего подвергается критике со стороны ряда ученых, практиков. Стремление к большей выразительности музыкального материала диктовало необходимость новых решений.

С развитием арии на протяжении XVIII в., в которой все большее значение приобретало выражение аффектов, важным становилось сочетание декламационного начала с собственно музыкальным. Это привело к созданию на основе поэтического образа специфической музыкальной выразительности. <...> В ариях начала XVIII века усиливается энергичность и патетика выражения. Virtuозность приобретает широкое применение (от героических, до лирических арий), при этом проявляясь как в вокальной, так и оркестровой партиях. В этих условиях от певца требуется владение всем арсеналом технических средств от безупречной ровности кантиленного звуковедения до колоратурной беглости, рассматриваемое как художественное средство выразительности в драматических, кульминационных фрагментах оперы для выявления эмоционального состояния героя».

Исследователь подробно характеризует свойства украшений в вокальной музыке: трелей, мордента, форшлагов. «Апподжиатуры (форшлагы) нисходящего движения Тартини разделяет на два типа: короткие или «проходящие» и длинные или «продолжительные», которые тесно связаны с воплощением того или иного аффекта», - подчеркивает автор статьи. Мы также встречаем подробное описание доппельшлагов (группетто), при этом автор ссылается на различных исследователей: «О группетто (доппельшлагах) К.Ф. Э. Бах пишет, как о «легком украшении, делающем пение одновременно приятным и блестящим» [6, с. 85].

Подобная трактовка простых доппельшлагов (группетто) встречается у Агриколы.

Согласно его характеристике, они оживят мелодию и создадут бодрое настроение [1, с. 121]. А вот шлейферы в пении, по его же указанию, исполняются медленно, и, следовательно, соответствуют аффекту печали».

Библиография данного исследования является более чем достаточной и разносторонней, включает основные источники по теме, в т.ч. иностранные, оформлена корректно. Апелляция к оппонентам представлена в достойной мере и выполнена на должном научном уровне.

Исследователь сделал глубокие и важные выводы, вот лишь часть из них: «Становится очевидным, что огромная область украшений создает простор для художественной выразительности в музыке барокко. Отсюда и понимание, почему музыканты за редким исключением выписывали мелизмы. Таким образом, любые рекомендации старинных музыкантов важно рассматривать в качестве напутствия, но не как догматические правила.

При исполнении украшений певцу важно понимать, какой орнамент ярче будет соответствовать аффекту. <...>

Любое украшение в старинных ариях необходимо накладывать на канву мелодической линии только после определения главного аффекта и с целью его подчеркивания. Декоративная функция орнамента должна рассматриваться как средство придания выразительности произведению, помогая передавать идеи и характер слушателям. Осознавая это, исполнителям сегодня следует приложить все усилия, чтобы верно определить аффект и верно его воссоздать в пении. Отсюда и вариации одного и того же мелизма в разных его исполнительских прочтениях: от медленного до скорого в зависимости от понимания сущности передаваемого аффекта, представленного в конкретном произведении.

Верное исполнение украшений, соответствующее заложенному композитором аффекту, поможет певцу более полно раскрыть содержание сочинения и создать свою индивидуальную, яркую его интерпретацию».

По нашему мнению, статья будет представлять большой интерес и практическую пользу для разнообразной читательской аудитории - вокалистов-исполнителей, студентов и педагогов, историков, различных исследователей, искусствоведов и т. д., а также всех тех, кого интересуют вопросы развития вокального искусства.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Сулейманов А.А. — «Доместикация» холода русским населением Якутии во второй половине XIX – первой половине XX вв // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 85 - 95. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69272 EDN: SXOAGO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69272

«Доместикация» холода русским населением Якутии во второй половине XIX – первой половине XX вв

Сулейманов Александр Альбертович

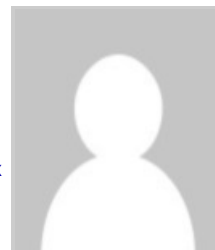
ORCID: 0000-0001-8746-258X

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН

677027, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 403

✉ alexas1306@gmail.com

[Статья из рубрики "Этнология и культурная антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.6.69272

EDN:

SXOAGO

Дата направления статьи в редакцию:

06-12-2023

Дата публикации:

13-12-2023

Аннотация: Целевой установкой статьи является выявление основных направлений и реконструкция практик использования криогенных ресурсов (холод, снег, лед, «вечная мерзлота») и в целом – «одомашнивания» холода русским населением Якутии в течение сер. XIX – сер. XX вв. Источниковой базой для написания работы послужил комплекс разрозненных этнографических сведений, представленных в опубликованных работах и документах из фондов Государственного архива Иркутской области (г. Иркутск), Научного архива Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск), Архива Российской академии наук (г. Москва) и его Санкт-Петербургского филиала. Кроме того, целый ряд сведений был получен в ходе проведения автором в течение 2017-2023 гг. полевых исследований в ряде сельских населенных пунктов Якутии.

Методологически основой подготовки статьи послужили принципы, заложенные в криософию, которые предполагают изучение холодных материй Земли посредством повышенного внимания к их роли в качестве активного элемента мироздания, а также – в антропологию холода. В рамках антропологии холода формирование традиционной культуры аборигенных этносов Арктики и Субарктики рассматривается через призму господства в регионе природного холода, криогенных процессов и явлений, как фундаментальных, средообразующих факторов. В этой связи в статье показаны практики эксплуатации русским населением Якутии криогенных ресурсов в ското- и коневодстве, земледелии, при обеспечении функционирования жилых и хозяйственных построек, организации хранения и приготовлении продуктов питания и др. Отмечено, что они имели определенную специфику внутри различных групп русских поселенцев, вызванных конкретными природно-географическими особенностями ареалов их проживания, а также характеристикой межэтнических связей. В этой связи зафиксирована отличия между, например, приленской и арктической группами русского старожильского населения. Выделены ключевые векторы «одомашнивания» холода русским населением Якутии.

Ключевые слова:

Арктика, Якутия, антропология холода, русское население, криогенные ресурсы, хозяйственная деятельность, бытовые практики, снег, лед, многолетнемерзлые породы

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10088, <https://rscf.ru/project/19-78-10088/>

Введение. Стремительное продвижение Русского государства на восток в XVII столетии привело к включению в его состав обширных пространств Сибири и Дальнего Востока. В 1632 г. в среднем течении реки Лена русскими казаками был основан Якутск, ставший административным центром Якутии. Этот регион в период Российской империи имел разный статус – от уезда до области в составе Иркутской губернии. В 1920-е гг. Якутия получила статус автономной республики и стала крупнейшей административно-территориальной единицей в составе Российской Федерации, которой является по сей день.

Одними из основных проводников интересов центральной власти являлись русские поселенцы, где-то добровольно, а где-то принудительно расселяемые по территории Якутии. Важную роль в этом отношении сыграла организация в XVIII в. Иркутско-Якутского почтового тракта, относительно прочно связавшего далекую окраину с центром страны. Обслуживание тракта осуществляли ямщики, существенная часть которых была отправлена в Якутию в качестве зачета рекрутской повинности. Население созданных ямщицких селений – *станков*, которые были рассредоточены вдоль р. Лены, составили, таким образом, практически тотально русские. В результате с течением времени здесь сформировалась самобытная этническая группа приленских русских старожилов. Другим местом сосредоточения русских поселенцев, помимо также и г. Якутска, стала Амгинская слобода, оказавшаяся первым оазисом развития земледелия в регионе [22, с. 229]. Наиболее же известным ареалом проживания одних из самых ранних русских поселенцев сейчас является северо-восток Якутии, где в низовьях рр. Индигирки и Колымы сохранилось уникальное этническое сообщество русских арктических старожилов, объединяющее походчан и русскоустыинцев [24]. Помимо этого,

русские поселенцы заселяли западные и северо-западные районы Якутии. Однако здесь они достаточно быстро растворились в среде аборигенных этносов [\[2, л. 2-11; 23, с. 294-298\]](#).

В Якутии русское население, хотя и привычное к холодному климату, столкнулось с, очевидно, принципиально иным уровнем экстремальности температур воздуха в зимнее время, который на регулярной основе может достигать $-50-60^{\circ}\text{C}$, а также необходимостью постоянного взаимодействия с комплексом криогенных процессов и явлений, связанных с господством на протяжении большей части года снега, льда и «вечной мерзлоты». При чем, если первые два фактора приходилось принимать во внимание только зимой, которая, тем не менее, в регионе продолжается 6–8 месяцев в году, то потребность в учете наличия сплошной криолитозоны на большей части территории Якутии является перманентной.

Адаптация русского населения к подобным специфическим природно-географическим условиям, как было установлено автором в ходе предыдущих изысканий, осуществлялась в рамках трех магистральных направлений. Прежде всего, шло достаточно интенсивное перенимание соответствующего опыта у аборигенных этносов Арктики – якутов, эвенков, эвенов, юкагиров и чукчей. Другим адаптационным решением стало усовершенствование практикуемых в материнских для поселенцев регионах хозяйственных практик к реалиям Якутии. Наконец, русское население уже на месте активно начало разрабатывать и внедрять в жизнь новые приемы [\[27, с. 37-42\]](#). В результате русское старожильческое население Якутии фактически стало носителем уникальных хозяйственных и социокультурных практик, включающих опыт «одомашнивания» холода, органичного встраивания криогенных процессов и явлений в повседневную жизнь.

Подобное позитивное восприятие естественных низких температур, возрастание степени экстремальности которых приводит и к увеличению потенциала практического использования их свойств, а также свойств сопутствующих им природных явлений – снега, льда и «вечной мерзлоты», т.е. криогенных ресурсов, пришло в историко-антропологические исследования [\[11: 30\]](#) из естественно-научных дисциплин только в прошлом десятилетии и связано, в первую очередь, с разработкой школой академика В.П. Мельникова криософии. В рамках криософии криосфера Земли осознается как активный элемент мироздания, ресурс, источник благ и возможностей для человечества, а не как источник угроз [\[10\]](#).

На материалах Якутии историко-антропологический анализ различных сторон эксплуатации криогенных ресурсов был выполнен автором данной статьи в ходе реализации поддержанного в 2017 г. Российским научным фондом (РНФ) проекта «"Ресурсы холода": значение низких температур в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии». На его основе автор с коллегами в 2019 г. приступили к реализации проекта «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)», также получившего поддержку со стороны РНФ. В русле разработанного нами направления научных изысканий – антропологии холода – формирование традиционной культуры аборигенных этносов Арктики и Субарктики рассматривается через призму господства в регионе природного холода, криогенных процессов и явлений, как фундаментальных, средообразующих факторов.

Вплоть до последнего времени в фокусе внимания исследователей при этом находились

преимущественно проживающие в Якутии коренные народы [\[5; 6; 25; 26; 31 и др.\]](#). Позиции же криогенных ресурсов в сформировавшихся на локальном уровне системах жизнеобеспечения русского населения Якутии ранее не становились предметом специального научного анализа, несмотря на аккумулированный к настоящему времени определенный массив научной литературы по антропологии жизни русских в Якутии [\[4; 22; 24; 27; 29 и др.\]](#).

Целью данной статьи является историко-антропологическая реконструкция эволюции опыта использования русским населением Якутии криогенных ресурсов в период с середины XIX в., когда формируется необходимый для исследования минимум источникового материала, и заканчивая серединой XX столетия. Конечная хронологическая рамка обусловлена, с одной стороны, массовой миграцией в Якутию русского населения из более западных регионов Советского Союза, в значительной степени «размывшей» русский старожильческий пласт, с другой – активным проникновением в жизнь различных технических инноваций (автомобили, тракторы, комбайны, самолеты и т.п.), которые фактически преобразовали среду эксплуатации криогенных ресурсов и соответствующим образом привели к модернизации выработанных ранее традиционных практик.

Материалы и методы. Источниковой базой для написания работы послужил комплекс разрозненных этнографических сведений, представленных как в вышедших в свет научно-исследовательских работах, так и отложившихся в архивохранилищах гг. Иркутска, Москвы, Новосибирска и Санкт-Петербурга. Кроме того, целый ряд сведений был получен в ходе проведения автором в течение 2017–2023 гг. полевых исследований в ряде сельских населенных пунктов Якутии, относящихся к административным районам, которые являлись фактическим очагом формирования «местной» русской культуры в регионе: сс. Исит и Кытыл-Дюра Хангаласского, с. Юнкюр Олекминского и с. Амга Амгинского районов (улусов) Республики Саха (Якутия). Методологически основой подготовки статьи послужили рассмотренные выше принципы криософии и антропологии холода.

Результаты и обсуждение. Как отмечалось, одним из каналов адаптации русских поселенцев к природно-географическим условиям Якутии являлось перенимание опыта у коренных народов и в целом – довольно тесное взаимодействие с ними. Подобное обстоятельство неудивительно, принимая во внимание одну только численность русского населения. Даже по переписи населения 1926 г., не говоря о более раннем периоде, в Якутии было зафиксировано всего 30156 чел. русских или порядка 10,5% от общего числа жителей региона [\[28, с. 119–120\]](#). В результате они, конечно же, не могли не испытывать на себе влияние представителей коренных народов – якутов, эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей.

Приленская группа русских старожилов испытывала на себе, прежде всего, сильное влияние географических соседей – якутов. Несмотря на ограничения, связанные с необходимостью обслуживания Иркутского-Якутского тракта, здесь во второй половине XIX в. значительное развитие получило скотоводство. Например, если в 1821 г. у русского населения Приленья было во владении 93 головы крупного рогатого скота, то в 1850 г. – 958 голов, а спустя еще десять лет – уже 1682 [\[1, л. 57\]](#). Поголовье составляла местная порода скота, заимствованная у якутов. Якутские коровы отличаются высокой степенью адаптации к экстремально низким температурам воздуха. Хотя они значительно меньше и легче распространенных в нашей стране пород скота и дают меньше молока, однако, получаемый в результате продукт содержит больше жира, который очень

полезен в условиях северной зимы. Процесс кормления скота в зимнее время осуществлялся на чистом снегу, который в случае необходимости подбрасывался хозяевами с других участков, т.к. с затоптанного снега потреблялось не все сено [\[12, л. 214\]](#).

В этой же связи необходимо отметить, что широкое распространение в хозяйствах русского населения получили хотоны – якутский тип хлева, построенный в форме усеченных пирамид [\[14, с. 133\]](#). При его эксплуатации широкое применение нашло использование криогенных ресурсов: снега и льда. Снег в течение зимы ложился на наклонные стены хотона и фактически по эффективности утепления был равен последним. Лед же вставлялся в оконные проемы (аналогичным образом он использовался и в значительной части русских изб) [\[12, л. 207\]](#). Часть крестьян при этом также, как и якуты, пристраивало хотоны к своему жилому дому, экономя тепло. Однако в основном русские поселенцы продолжили традиции сооружения хлева на некотором удалении от жилых помещений [\[22, с. 340\]](#).

Несмотря на отсутствие упоминаний в выявленном автором при подготовке статьи комплексе источникового материала об эксплуатации русским населением Приленья криогенных ресурсов в коневодстве, учитывая факт использования ямщиками в своей профессиональной деятельности якутской породы лошадей, логичным представляется предположить, что в процессе их выпаса в зимнее время, как и сейчас источником самостоятельного утоления жажды выступал снег [\[17\]](#).

Получило распространение использование криогенных ресурсов и в земледелии. Так, обмолот зерна русскими крестьянами в Якутии проводился ближе к концу зимнего периода на поверхностном льду окрестных водоемов или во дворе дома, который предварительно заливался водой для создания гладкой, чистой и ровной поверхности [\[22, с. 314\]](#).

Арктическая группа русских старожилов многое переняла у коренных малочисленных народов Севера, в особенности, живущих рядом юкагиров, чукчей и эвенов. Как одно из следствий, основу рациона русского населения в устьевой части Индигирки и Колымы составляли рыбные блюда. Так, по подсчетам А.Г. Чикачева, здесь существовало более 30 наименований блюд, приготовленных из рыбы [\[29, л. 48\]](#). При этом традиционно в большом почете была строганина – тонко наструганная свежемороженая рыба, употребляемая в классическом понимании сырой, однако все же подвергающаяся температурному воздействию, только не термическому, а криогенному [\[7, л. 50\]](#). Спросом пользовалась также макса – обваренная и обжаренная печень налима, которую затем замораживали и употребляли в таком виде. Кроме того, существовали икраные блины, для приготовления которых использовалась мороженая икра [\[29, с. 48-49\]](#). Нашел употребление и заимствованный у аборигенных этносов Якутии способ консервации рыбы – ее хранение в неглубоко вырытых ямах. В отчете проводившего исследования в составе отрядов Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР 1925–1930 гг. Д.Д. Травина в этой связи есть запись, сделанная, вероятно, со слов одного из опрошенных им респондентов: «этой рыбой питались, несмотря на "смердящий дух, что русскому человеку по нужде терпеть мочно"» [\[21, л. 40\]](#).

К сожалению, выявленный к настоящему времени архивный материал, а также слабая степень этнографической проработанности бытовых практик русского населения Якутии, и в первую очередь его приленской группы, не позволяют столь же подробно

рассмотреть употребляемые ими блюда, при приготовлении которых использовалось бы криогенное воздействие.

Вместе с тем, очевидно, что приленская группа русских старожилов во многих аспектах, включая пищу, несмотря на отмеченное выше перенимание ряда хозяйственных практик и лингвистические особенности (якутский язык, по полученным в ходе полевых исследований данным, являлся здесь более близким, как минимум, для поколения, родившегося ранее 1930-х гг.), была существенно закрытее. Причины этого, вероятно, связаны с обстоятельством, отмеченным М.А. Рыбаковым в работе «Государевы ямщики на Лене», которая, к сожалению, остается неопубликованной. Этот автор, как и многие другие, зафиксировавшие свои наблюдения о жизни в Якутии на рубеже XIX – XX вв. в статьях, книгах и рассказах, оказался в регионе по приговору суда, как член эсеровской организации и пробыл здесь с 1906 до 1912 гг. [\[1, л. 3\]](#) Дослужившись в Красной Армии до комбрига он в период «Большого террора» подвергся репрессиям и был расстрелян.

В период своего относительно недолгого пребывания в Якутии М.А. Рыбаков успел, однако, достаточно обстоятельно поработать с документами, относящимися к истории русского населения Якутского тракта. Среди прочего, исследователь сделал следующие наблюдения: «Браки с якутами у крестьян были, но редко; в зятя же себе якутов крестьяне почти не принимали. Последнее обуславливалось нежеланием передачи гоньбы и раздела ее между еще большим количеством душ» [\[1, л. 69\]](#). Дело в том, что казна, оплачивая ямщикам их услуги, выделяла средства крестьянскому обществу на фиксированное число необходимых для гоньбы пар лошадей. В свою очередь, распределение оплаты внутри станков производилось по числу душ наличного населения станка. В этой связи, например, к гоньбе не привлекали также и ссыльных. Свадьбы же старались организовать между представителями разных станков, стремясь не допускать в свой круг никого извне [\[1, л. 25-70\]](#).

Вероятно, в том числе, в результате подобной этнокультурной закрытости, например, в расположенном на р. Лене с. Исит, которое раньше являлось одной ямщицких станций, как минимум вплоть до 60-х гг. XX в. не пользовалась популярностью упомянутая строганина. В принципе, продукты, в основе приготовления которых лежало криогенное воздействие, имели достаточно ограниченное распространение [\[15\]](#).

Более универсальными приемами эксплуатации криогенных ресурсов русским населением Якутии стало достаточно полно представленное в существующей историографии использование поверхностного льда водоемов для питья [\[26, с. 265-270\]](#), а также применение снега для чистки вещей из меха и шерсти. В частности, в снегу обваливали валенки и унты, после чего убирали их на летнее хранение. Кроме того, в аналогичных целях снегом натирались меховые шапки и шубы, которые затем вытряхивались или очищались с помощью веника [\[18; 19\]](#). Подобным способом чистились и ковровые изделия, получившие значительное распространение, главным образом, уже в советский период. Данные изделия размещались на снегу ворсом вниз и затем выколачивались палками [\[15; 17; 20\]](#).

Широко распространенными являлись и практики использования криогенных ресурсов для хранения продовольствия в вырытых в толще «вечной мерзлоты» *ледниках* (в зависимости от локальной традиции ударение может ставиться как на первый, так и на второй слог). Вместе с тем, существовали определенные различия в особенностях и степени их эксплуатации русским населением Якутии, которые были обусловлены, в том числе, природно-географической спецификой ее различных районов. Например,

упоминавшийся Д.Д. Травин уточнял, что «при каждом хозяйстве (русских арктических старожилов – А.С.), есть более или менее хороший погреб для хранения рыбы и мяса» [\[21, л. 374\]](#). Связан данный факт, вероятно, был, в том числе, с тем, что на севере Якутии широкое распространение имеет ископаемый лед, строить в котором погреба значительно быстрее и менее ресурсоемко, чем прорубать ямы в толще «вечной мерзлоты», а зимний период, как отмечалось, достигает 8 месяцев в году. Тогда как, например, А.И. Суханов, будучи в Олекминске, находящемся на юго-западе Якутии, пусть и несколько раньше, но отмечал недостаточность хороших погребов, из-за чего «припасы скоро портились» [\[7, л. 68\]](#).

Интересным и оригинальным примером вариативности использования криогенных ресурсов и их корреляции с конкретными природно-географическими особенностями местности является случай станка Жура (сейчас – с. Кытыл-Дюра). Его житель С.М. Емельянов в начале XX в. открыл и стал использовать в хозяйственных целях природный феномен – выдуваемые из полостей северо-восточного склона близлежащей к Журе сопки Негюрчей потоки холодного воздуха. Умелец пристроил к склону небольшой амбар с таким расчетом, чтобы в него поступали выдуваемые потоки. Вскоре этот не требующий больших затрат опыт позаимствовали и другие жители станка, сооружая амбары (местные жители называют их *подвалы*) и храня в них продовольствие. По свидетельству опрошенных местных жителей, продукты питания могут без потери вкусовых качеств храниться в этих амбарах не менее 5 лет. Температура воздуха в них такова, что в конце летнего периода 2017 г. при посещении автором сопки Негюрчей двери амбаров снаружи были покрыты коркой льда [\[16\]](#).

Наличие на большей части территории региона сплошного распространения «вечной мерзлоты» сделало возможным появление также уникальной отрасли хозяйственной деятельности, ставшей одной из основных для промысловиков ряда арктических территорий Якутии, – добычи мамонтовой кости. Благодаря консервирующей функции многолетнемерзлых грунтов останки плейстоценовой фауны имеют здесь хорошую сохранность [\[9, с. 20–105\]](#). Этим и сейчас активно пользуется местное население [\[8, с. 240–243\]](#), а начиналось все в середине XVIII в. с деятельности русских промысловиков на Ляховских островах. К середине следующего столетия оборот мамонтовой кости на якутских ярмарках достиг 1500 пудов, сохраняясь приблизительно на этом уровне вплоть до начал Первой мировой войны [\[13, с. 36–38\]](#). Находили мамонтовую кость преимущественно в обрывах по берегам рек и прибрежных осыпях.

Кроме того, холод и криогенные ресурсы нашли применение в такой более традиционной для остальной России, но новой для Якутии отрасли деятельности, как золотодобыча, которая получила распространение в регионе во второй половине XIX в. Так, на приисках в Олекминском округе, основную часть старателей которых составляли русские, применялась следующая технология: для извлечения золота со дна речного русла послойным скалыванием поверхностного льда водоема добывались его полного промерзания на интересующем золотодобытчиков участке. Затем грунт отогревался с помощью костров и они приступали к поиску благородного металла [\[3, с. 48\]](#).

Наконец, криогенные ресурсы использовались при транспортировке заготовленной древесины, которая перевозилась с мест вырубki в пункты строительства с установлением стабильных отрицательных температур воздуха, формированием снежного покрова и сковыванием поверхности водоемов льдом, либо же просто, при наличии такой возможности, скатывалась по снегу с окрестных сопok [\[15\]](#). В этой связи

необходимо отметить, что если сооружение традиционных зимних жилищ коренных народов Якутии требовало сравнительно небольшого количества не самой качественной древесины, то строительство традиционных изб, в которых преимущественно и проживали русские, нуждалось в значительно больших объемах ценного кругляка, транспортировка которого требовала более серьезных усилий.

Заключение. Таким образом, выявленные в процессе исследования сведения и приведенные примеры «одомашнивания» холода являются иллюстрацией разнообразия и гибкости адаптивных практик русского населения Якутии к специфическим природно-географическим условиям, благодаря которым его представители смогли освоиться и обжить арктические и субарктические просторы. Выявленные практики эксплуатации криогенных ресурсов имели определенную специфику внутри различных групп русских поселенцев, обусловленную конкретными природно-географическими особенностями ареалов их проживания, а также характеристикой межэтнических связей. Важнейшими направлениями «одомашнивания» холода русским населением Якутии при этом являлись: использование криогенных ресурсов в хозяйственной деятельности, применение криогенного воздействия при хранении и приготовлении продуктов питания, а также решении некоторых санитарно-гигиенических вопросов. Представленный материал свидетельствует также о том, что перенимание опыта использования криогенных ресурсов служит ярким примером плодотворного межэтнического взаимодействия представителей различных народов, проживающих в Якутии.

Библиография

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1577. Оп. 6. Д. 25.
2. РАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 146.
3. Борхвальдт О.В. Словарь золотого промысла Российской Империи. – М.: Русский путь, 1998. – 240 с.
4. Боякова С.И. Русские старожилы Якутии: культура и ландшафт // Арктика и Север. – 2012. – № 9. – С. 73–80.
5. Винокурова Л.И. Зимний труд женщин в сельской Якутии 1920-х – 1970-х гг // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2021. – № 4. – С. 46–53.
6. Винокурова Л.И. Рукопись И. П. Сойкконена в аспекте изучения зимней повседневности якутов первой трети XX в. // Oriental Studies. – 2022. – № 3. – С. 501–518.
7. Государственный архив Иркутской области. Ф. 293. Оп. 1. Д. 553.
8. Григорьев С.А. Добыча останков мамонтовой фауны и локальные сообщества арктических территорий Якутии в конце XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – №3. – С. 239–246.
9. Лазарев П.А., Боескорев Г.Г., Саввинов Д.Д. и др. Якутский феномен: мир мамонтов. В глубь тысячелетий. По залам Музея мамонта Института прикладной экологии Севера (г. Якутск). – Якутск: Якутия, 2004. – 126 с.
10. Мельников В.П., Геннадиев В.Б., Федоров Р.Ю. Гуманитарные аспекты криософии // Криосфера Земли. – 2016. – № 2. – С. 112–117.
11. Мельников В.П., Федоров Р.Ю. Роль природных криогенных ресурсов в традиционных системах жизнеобеспечения народов Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 426. – С. 133–141.
12. Научный архив Сибирского отделения РАН. Ф. 10. Оп. 8. Д. 98.
13. Николаев Д.А. Из истории торговли мамонтовой костью в Якутии (XIX – нач. XX в.) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2019. – № 4. – С. 35–39.

14. Ноговицын В.П., Соломонов Н.Г., Саввинов А.С., Степанов А.В. Естественнo-научный взгляд на якутский балаган // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2015. – № 2. – С. 132–134.
15. Полевые материалы автора, с. Исит, Хангаласский улус, Республика Саха (Якутия), август 2017 г.
16. Полевые материалы автора, с. Кытыл-Дюра, Хангаласский улус, Республика Саха (Якутия), август 2017 г.
17. Полевые материалы автора, с. Амга, Амгинский улус (района), Республика Саха (Якутия), март 2018 г.
18. Полевые материалы автора, с. Юнкюр, Олекминский район, Республика Саха (Якутия), март 2019г.
19. Полевые материалы автора, с. Амга, Амгинский улус (района), Республика Саха (Якутия), сентябрь 2021 г.
20. Полевые материалы автора, с. Юнкюр, Олекминский район, Республика Саха (Якутия), март 2023 г.
21. Санкт-Петербургский филиал АРАН. Ф. 47. Оп 2. Д. 171.
22. Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии: XVII – начало XX вв. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1961. – 495 с.
23. Старков В.Ф. Оленекское зимовье Исторический памятник восточной Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3. – С. 289–298.
24. Строгова Е.А. Этнографические и археологические исследования русских арктических старожилов Якутии // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2017. – № 3. – С. 156–160.
25. Сулейманов А.А. Антропология холода: естественные низкие температуры в традиционной системе жизнеобеспечения якутов (XIX в. – 30-е гг. XX в.) // Oriental Studies. – 2021. – № 1. – С. 115–133.
26. Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в системе питания якутов: традиции и современность // Научный диалог. – 2018. – № 2. – С. 263–274.
27. Сулейманов А.А. Русское старожильческое население сельских районов Якутии: механизмы адаптации хозяйства к условиям зимнего времени // Современная научная мысль. – 2018. – № 2. – С. 35–42.
28. Федорова Е.Н. Население Якутии: прошлое и настоящее (геодемографическое исследование). – Новосибирск: Наука, 1998. – 202 с.
29. Чикачев А.Г. Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки. – Новосибирск: Наука, 2007. – 303 с.
30. Fedorov R. Cryogenic resources: ice, snow, and permafrost in traditional subsistence systems in Russia // Resources. – 2019. – № 1. – P. 8–17.
31. Suleimanov A.A., Vinokurova L.I. Dialogues with the Cold: Natural Low Temperatures in the Everyday Life of Rural Residents of Yakutia (Sakha Republic) in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Anthropology & Archeology of Eurasia. – 2020. – Vol. 59, №. 3-4. – P. 267-290.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Традиционно Россия в восприятии иностранцев ассоциируется с морозами. Между тем, «сибирские морозы» далеко не всегда присутствуют в европейской части России, в связи с чем жителю Русской равнины приходится только сопереживать россиянам, живущим, например, в Якутии. И действительно, именно там находится знаменитый Оймякон, а для жителей этого огромного региона морозы действительно вводят в состоянии экстремальности. В этой связи вызывает интерес изучение различных исторических аспектов восприятия русским населением якутских морозов.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является восприятие холода русским населением Якутии во второй половине XIX – первой половине XX вв.

Автор ставит своими задачами осуществить историко-антропологическую реконструкцию эволюции опыта использования русским населением Якутии криогенных ресурсов в период с середины XIX в., когда формируется необходимый для исследования минимум источникового материала, и заканчивая серединой XX столетия.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать процесс перенимания опыта использования криогенных ресурсов. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов и полевых материалов автора.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований, что уже само по себе говорит о той подготовительной работе, которую проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена прежде всего полевыми материалами автора, а также документами из фондов Архива Российской академии наук и Государственного архива Иркутской области. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды С.И. Бояковой, Л.И. Винокуровой, А.А. Сулейманова, в центре внимания которых различные исторические аспекты изучения повседневной жизни в Якутии. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Сибири, в целом, так и ее природными условиями для населения, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «в Якутии русское население, хотя и привычное к холодному климату, столкнулось с, очевидно, принципиально иным уровнем экстремальности температур воздуха в зимнее время, который на регулярной основе может достигать $-50-60^{\circ}\text{C}$, а также необходимостью постоянного взаимодействия с комплексом криогенных процессов и явлений, связанных с господством на протяжении большей части года снега, льда и «вечной мерзлоты». Автор обращает внимание на то, что «одним из каналов адаптации русских поселенцев к природно-географическим условиям Якутии являлось перенимание опыта у коренных народов и в целом –

довольно тесное взаимодействие с ними», в связи с чем обращается к изучению русских старожилов. В работе показаны такие направления, как «использование криогенных ресурсов в хозяйственной деятельности, применение криогенного воздействия при хранении и приготовлении продуктов питания, а также решении некоторых санитарно-гигиенических вопросов».

Главным выводом статьи является то, что «перенимание опыта использования криогенных ресурсов служит ярким примером плодотворного межэтнического взаимодействия представителей различных народов, проживающих в Якутии».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Человек и культура».

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Котляр Е.Р., Хлевной В.А. — Модерн в архитектуре южнобережных вилл и дворцов как вклад выдающихся личностей их владельцев и архитекторов в культурный ландшафт Крыма // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 96 - 113. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69201 EDN: SFFMWB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69201

Модерн в архитектуре южнобережных вилл и дворцов как вклад выдающихся личностей их владельцев и архитекторов в культурный ландшафт Крыма

Котляр Елена Романовна

кандидат искусствоведения

доцент кафедры декоративного искусства, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295015, Россия, республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8, ауд. 337

✉ allenkott@mail.ru

Хлевной Владимир Александрович

преподаватель, кафедра Изобразительного и декоративного искусства, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295015, Россия, республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8, оф. 337

✉ allenkott@mail.ru

[Статья из рубрики "Архитектура и дизайн"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.6.69201

EDN:

SFFMWB

Дата направления статьи в редакцию:

02-12-2023

Дата публикации:

15-12-2023

Аннотация: Стиль модерн в архитектуре конца XIX-первой трети XX в. отличался синтезом всех предшествующих стилей и свободной вариативностью композиции как

основных архитектурных объемов, так и их декора. В зависимости от преобладания в конкретном здании того или иного стиля его причисляют к подстилям, например, неоготика, необарокко, неоренессанс, нео-рюсс и т.д. Характерной особенностью модерна также является использование архитекторами разнообразных этнических элементов. Предметом статьи является культурологическая характеристика вилл и дворцов Южного берега Крыма и отраженный в них архитекторами индивидуальный характер в соответствии с требованиями заказчиков, их национальной и профессиональной принадлежностью, интересами и увлечениями. Особым вкладом авторов является анализ приведенных примеров архитектуры и ее декора не абстрактно, а в тесной связи с личностью их владельцев и заказчиков. В статье применены методы историзма и компаративистский метод в анализе принадлежности архитектурного объекта к тому или иному стилю; методы анализа и синтеза в характеристиках стилей как отдельных частей архитектурных памятников, так и всего здания в целом. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем авторами впервые описаны виллы и дворцы Южного берега Крыма не только с историко-архитектурной и историко-искусствоведческой точек зрения, а с точки зрения соответствия стилей зданий индивидуальным особенностям личностей их владельцев. Выводы. 1. Стил модерн распространился в Западной и Восточной Европе, в том числе и в Крыму, с конца XIX в., и просуществовал на полуострове вплоть до 1930-х гг. Нарядный характер загородных вилл и дворцов, преимущественно белых, был особенно актуален в Крыму, контрастируя с синим небом и морем и яркой растительностью, создавая типичный южный колорит курортной местности. 2. Культурный ландшафт Крыма составляет пестрое разнообразие этнических культур, наследия государственных образований, а также выдающихся личностей, внесших в него свой вклад. В этом смысле неповторимые здания и их связь с личностями их владельцев представляют собой одну из характерных черт историко-культурного ландшафта Крыма.

Ключевые слова:

культурный ландшафт, Крым, архитектура, модерн, Николай Петрович Краснов, Павел Яковлевич Сэферов, Николай II, Соломон Самуилович Крым, Иван Константинович Айвазовский, Семен Эзрович Дуван

Термин *культурный ландшафт* основан на ряде концептов, выдвинутых учеными, рассматривавшими его с разных сторон. На основе понятия *ноосфера*, выдвинутого российским ученым-энциклопедистом Владимиром Ивановичем Вернадским (1863–1945), Д. С. Лихачев предложил термин *гомосфера*, обозначая его как «сферу влияния и воздействия на окружающий мир человеческой деятельности» [\[12, с. 91\]](#). В исследованиях Д. С. Лихачева, касающихся экологии культуры, описываемый им *исторический ландшафт* характеризуется как природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся вследствие длительного взаимодействия человека и природы, его хозяйственной и социокультурной деятельности [\[12, с. 144\]](#).

Советский и российский ученый, специалист по теории классификации и географ Владимир Леопольдович Каганский (род. 1954) описал культурный ландшафт в качестве архетипа с присущим ему рядом аспектов, к которым помимо географических особенностей региона и преобразования окружающей природы людьми, относятся этический, сакральный, семиотический и эстетический компоненты. «Культурный ландшафт – земное пространство, жизненная среда достаточно большой

(самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и структурировано, содержит природные и культурные компоненты, освоено утилитарно, семантически и символически» [6]. По мнению В. Л. Каганского, культурный ландшафт диалектичен по своей сути, так как при сочетании природных и культурных компонентов, в нем сосуществуют непрерывность и прерывность, сосуществование автономных компонентов и переходных контактных зон. Автором была предложена метафора для культурного ландшафта как «ковра мест», «иконического текста», для постижения которого необходима и динамика в пространстве и смена точек зрения [6].

Следовательно, можно говорить о культурном ландшафте, в частности, поликультурного Крыма, как о мозаике, общая картина в которой создается с помощью множества отдельных разнообразных компонентов (культуры освоения природы, языков, бытовых и религиозных традиций, семиотики искусства, архитектурных традиций и пр.) [11].

Определение термина «культурный ландшафт» невозможно без изучения междисциплинарных исследований, в частности, регионалистики. Предметом таких исследований является анализ развития конкретных направлений культуры в рамках заданного географического пространства, обусловленного климатическими, ландшафтными, территориально-административными границами. Особый интерес для исследований по региональной культуре представляют полилингвальные, полиэтнические, поликонфессиональные регионы.

В работах культуролога и географа, основателя «Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева», Дмитрия Николаевича Замятина (род. 1962) содержится междисциплинарное направление исследований *гуманитарная география*, первоначально развивавшаяся как часть антропогеографии, а позже – в рамках экономической, а также социально-экономической географии. Данное направление науки представляет собой синтез культурного ландшафтоведения, когнитивной географии, сакральной географии, образной (имагинальной) географии, мифогеографии [5]. К понятиям имагинальной географии относится следующая терминология: региональная идентичность (региональное самосознание), культурный ландшафт, ментально-географическое пространство, образно-географическое пространство, локальный миф. Д. Н. Замятин представил «географический образ» в качестве системы архетипов, стереотипов и символов, характерных для обозначенной территории и напрямую зависящих от ее культурного развития.

Функции культурного ландшафта варьируются от определенного места до туристического маршрута, обусловленного значимостью первоисточника. К категориям культурных ландшафтов можно отнести узнаваемость, персонализацию, культурную значимость, локации, актуализацию данного региона в те или иные исторические периоды.

Д. Н. Замятин также обратил внимание на роль в формировании географического образа многообразных *текстов культуры* (термин ввел в тезаурус основных культурологических понятий А. Я. Флиером, на основе работ знаменитого русского культуролога и семиотика Юрия Михайловича Лотмана (1922–1993) [13], а также философа, востоковеда, филолога Александра Моисеевича Пятигорского (1929–2009). Речь идет как о вербальных (письменных источниках), так и невербальных текстах, таких как музыка, архитектура, изобразительное искусство, а также о важном значении в формировании текстов локальных мифов.

Цитата доктора философских наук Дианы Сергеевны Берестовской (1934–2020): «Крым – поликультурное пространство, несводимое к одному основанию, к этнической одномерности» [\[3\]](#). История Крыма, благодаря уникальному географическому расположению на путях «из варяг в греки», на пересечениях торговых путей, с древних времен отличалась постоянной сменой государственных образований, этнических групп, торговых и других профессиональных связей, оставивших свой след в крымской культуре [\[14\]](#).

Таким образом, многообразие представлений, сложившихся в обществе о том или ином культурном ландшафте, представлено в виде совокупности культурных текстов, от вербальных до и сакрально-философских, ценностных, визуально-аудиальных. Крымский текст культуры отличается большим количеством разнообразных признаков, включая как уникальные природные зоны, так и многочисленные исторические события, а также выдающихся личностей, деятельность которых была связана с Крымом.

Диалог культур, признание равноценности «культуры другого» является необходимым условием оптимального развития как каждого из субъектов в рамках собственной идентичности, так и дальнейшего развития культурного ландшафта в целом [\[2\]](#).

Важным аспектом нашего исследования является выделение отдельных текстов и кодов культур среди полилингвального пространства крымской ойкумены, а также фиксация их содержательной и визуальной трансформации в результате неизбежного взаимовлияния в процессе длительного сосуществования в непосредственной близости. К такому полистилистическому явлению безусловно относится архитектурный стиль модерн, представляющий собой образец программной эклектики.

К одному из значимых паттернов культурного ландшафта в целом, и Крыма в частности, относится роль выдающихся персоналий, внесших свой вклад в культуру региона. Личности отдельных деятелей культуры имеют, с одной стороны, ярко выраженный индивидуальный характер, а с другой, их объединяет впечатление как от удивительной природы Крыма, так и от богатства его культурного наследия, которое они дополнили своей культурной и творческой деятельностью [\[11\]](#). К таким безусловно знаковым личностям относятся как архитекторы, работавшие в Крыму в период модерна, так и их знаменитые заказчики дворцов и особняков, яркая индивидуальность которых осталась в истории.

Стиль модерн распространился как в западно- и восточноевропейском, так и в русском декоративно-прикладном и изобразительном искусстве и архитектуре в последней трети XIX–первой трети XX в. Отличительными особенностями «нового стиля» являлись нарядная декоративность, распространившаяся не только в декоративно-прикладном искусстве и интерьере, но и в общей конструкции архитектуры, а также обращение к природным криволинейным формам. Распространенными в эпоху модерна стали изображения стилизованных природных форм, причудливых виньеток из переплетенных стеблей растений, цветов, плодов, создающих общее нарядное впечатление. Как в декоративной росписи, так и в архитектуре преобладал орнаментальный тип композиции. В пластике декора преобладала подчеркнутая декоративность, композиция представляла собой линейный либо сплошной раппорт из растительных элементов, в который были вписаны более крупные композиционные акценты, например, фигуры животных, птиц, людей, вазоны с цветами и т.д., вписанные в арочные, круглые или овальные картуши.

Криволинейные природные формы преобладали не только в прихотливом рисунке

кованных оград, пластике лепнины, витража, деревянной резьбы, гобелена, но также определяли выбор необычной композиции в планировке архитектурных фасадов, с большим количеством омега-образных оконных и дверных проемов, часто расположенных ассиметрично относительно фасада; ранее прямолинейные линии сводов, карнизов, и особенно декор фасадов также часто имели свободный, криволинейный силуэт [16]. Французский критик Шарль Блан (1813–1882) писал об архитектуре модерна: «Архитектура в высшем ее понимании – это не сооружение, которое украшают, а украшение, которое строят» [15]. Архитектор, по мнению Блана, это «строитель украшений». По словам исследователя крымского модерна Александра Ивановича Коваленко (род. 1949), «...рельефная орнаментика (модерна) сливается с формой, становится неотделимой от нее. Невозможно провести грань между орнаментом, символизирующим конструкцию, и реальной конструкцией, получившей орнаментальную трактовку» [8].

Несмотря на ряд общих черт, позволяющих идентифицировать принадлежность того или иного архитектурного сооружения к периоду модерна, все здания, принадлежащие к этому стилю, отличаются ярко выраженной индивидуальностью и эклектичностью элементов, заимствованных из предшествующих исторических стилей мировой архитектуры, а также зачастую и этнонациональным региональным колоритом. Это объясняется тем, что особняки, дворцы, а иногда и общественные здания возводились с учетом пожеланий заказчика, и соответственно, отражали в том числе их этнокультурные особенности. Одним из наиболее ярких примеров являются Алушкинский Воронцовский дворец, возведенный в восточном мавританском стиле, вилла «Виктория» С. С. Крыма в г. Феодосия, изобилующая караимской символикой, и др. В планировке и декоре архитектуры эпохи модерна в Крыму преобладает восточный стиль, представляющий собой сплав из элементов арабского и турецкого зодчества, армянской архитектуры, караимских элементов, крымскотатарских сооружений времени Золотой Орды, и т.п. Одновременно с этническими элементами, в архитектуре модерна в Крыму в зависимости от характера здания и предпочтений заказчика проявляются элементы античного классицизма, готики, барокко. Однако, региональный характер зданий Крыма, по словам А. И. Коваленко [8], почти всегда узнаваем благодаря тому, что: «для Крыма, в данном случае доминантой всегда служил Восток и античная Греция. Вот почему «симбиоз традиций» в архитектурных памятниках Крыма имеет свой неповторимый пластический облик, позволяющий безошибочно опознавать его географическое происхождение».

«Крымский стиль», по определению Е. А. Айбабиной (род. 1947) в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве полуострова формировался на протяжении веков на основе скифо-сарматского искусства, испытывая влияние различных черт, привносимых в период этнических миграций, и более позднего сельджукского искусства, «стилевые принципы которого перенесены на крымскую почву армянскими мастерами». «Ряд исследователей считает, что в условиях Крыма декорирование сооружений не зависит от их конфессиональной принадлежности и однотипный декор встречается на памятниках христианского и мусульманского круга» [11, 17].

Важная роль в формировании архитектурного облика Крыма в период модерна принадлежит знаменитому Архитектору Высочайшего Двора, Николаю Петровичу Краснову (23 ноября (5 декабря) 1864, с. Хонятино, Глебовской волости Коломенского уезда – 8 декабря 1939 года, Белград) – академику архитектуры, главному архитектору г. Ялты, автору проекта знаменитого Ливадийского дворца – одного из самых узнаваемых сооружений Крыма. В 12 лет Н. П. Краснов поступил в Московское училище

живописи, ваяния и зодчества, которое окончил в 1885 г. с Большой серебряной медалью за проект «Гимназия». Это награда позволила архитектору получить звание «классного художника 3-й степени, право самостоятельной работы в составлении проектов и строительстве зданий», а также удостоиться личного почетного гражданства. В 1911 году Н. П. Краснов был пожалован Николаем II званием Архитектора Высочайшего Двора и чином статского советника, а 1913 году он получил звание академика архитектуры. В качестве главного архитектора г. Ялты Н. П. Краснов участвовал в возведении многих знаменитых крымских памятников архитектуры, в частности, таких как костел в Ялте в нео-романском стиле, собор Александра Невского в нео-русском стиле и церковь Св. Нины в Ялте в армянском стиле, банк Общества взаимного кредита в Симферополе, а также дворец «Дюльбер» великого князя Петра Николаевича Романова в Мисхоре в стиле нео-мудехар, вилла «Ксения» В. А. Чуйкевич в Симеизе в нео-романском стиле, особняк «Сельбилляр («Кипарисовая роща»)» княгини Н. А. Барятинской в стиле нео-Ренессанс, И. Н. Загордана, Е. О. Майтопа в Ялте в стиле нео-Ренессанс, охотничий дом князя Ф. Ф. Юсупова в с. Коккоз (Соколиное) в крымскотатарском стиле мусульманского Ренессанса (стиле Ханского дворца), Н. Свиягина в Симеизе и др.

Самое знаменитое сооружение Н. П. Краснова – Ливадийский летний дворец императора Николая II (илл. 1), выстроенный по личному заказу императора в 1909–1911 гг. в стиле итальянского Ренессанса. Дворец был выстроен в традициях загородных летних дворцов Италии и Франции, и, несмотря на свой внушительный размер, производит впечатление легкости и нарядности благодаря своему белому цвету, за что и получил название Белый дворец. Для строительства был выбран местный белый инкерманский камень, пропитанный специальным составом во избежание порчи от плесени. Дворец был выстроен с использованием новых прогрессивных технологий: внутри него был использован железобетонный каркас, придавший зданию сейсмоустойчивость (благодаря чему дворец не пострадал во время землетрясения 1927 г.), также дворец был оснащен двумя видами отопления – каминным и центральным водяным, и электрифицирован от собственной электростанции. Дворец известен также тем, что в 1945 г. стал местом проведения послевоенной Ялтинской конференции союзников антигитлеровской коалиции.

Стиль летнего императорского дворца – нео-Ренессанс – позволил архитектору создать ансамбль, идеально вписывающийся в окружающий южнобережный ландшафт. Легкая конструкция здания, чистая, не перегруженная декором, выделяется локальным силуэтом на фоне синего неба и моря, а также яркой зелени ливадийского императорского парка, а в облачную погоду дополняется силуэтами кучевых облаков, сливаясь с ними. В здании использованы характерные для Ренессанса простые прямоугольные объемы основного здания и башен с плоской крышей, полуциркульные арки, которыми оформлен вход, полукруглые навершия «двойных» и «тройных» окон, а также балюстрады над карнизами.

Иллюстрация 1. Императорский Ливадийский дворец, летняя резиденция Николая II, Крым, Ялта, пос. Ливадия. 1909–1911 г. Арх. Н. П. Краснов.

По проекту архитектора Н. П. Краснова в 1912–1914 г. была построена вилла «Виктория» знаменитого общественного деятеля С. С. Крыма в г. Феодосии (илл. 2).

Соломон Самуилович Крым (1867–1936) – премьер-министр Крымского краевого правительства в 1919 году, филантроп, агроном, инициатор создания Таврического университета. Его отец, Самуил Авраамович Крым (1835–1898), выходец из старинной караимской семьи, городской голова г. Феодосии, также был известен как общественный деятель и педагог. С. С. Крым был членом Государственной Думы и Государственного Совета Российской империи от Таврической губернии, возглавлял Таврическое губернское земство. В 1917 г. был назначен комиссаром Временного правительства по заведованию отделом Министерства земледелия по управлению национальными (национализированными) сельскохозяйственными предприятиями удельного ведомства. В 1917 году стал инициатором создания Таврической научной ассоциации. Один из инициаторов создания Таврического университета в Симферополе. Постоянный член, затем председатель попечительского совета Таврического университета. В 1918 г. был избран премьер-министром (председателем Совета министров) и министром земледелия Крымского краевого правительства, занимал эти посты до 1919 г. В апреле 1919 г. эмигрировал на корабле французской эскадры из Севастополя.

Семейство Крым было самым и влиятельным среди караимской общественности в Феодосии, ему принадлежали пароходная компания, коммерческий банк и другие крупные объекты. Находясь в эмиграции, С. С. Крым был членом правления Крымского землячества в Париже, также основал в Париже Караимское общество во Франции [\[10\]](#).

Здание выстроено в испано-мавританском стиле, нео-мудехар, и состоит из разновеликих асимметрично скомпонованных объемов простых прямоугольных форм. Роль главных акцентов, подчёркивающих центральный объём, играют пятичастные и трёхчастные окна с колонками-импостами ионического ордера. Для стиля модерн в целом характерна декоративная эклектика фасадов, поэтому использование традиционных национальных элементов органично вписывается в общий пластический строй нарядной декоративности.

В целом для декора здания характерно использование в большом количестве сельджукских орнаментов, так называемых «плетенок». В декоре здания «плетенка» в виде жгута повторяется в окантовке дверных проемов, в оформлении полуколонн, в арочных проемах на входе в здание, и арке, соединяющей два объема здания. «Плетенка» на воротах-входе в здание на концах украшена пальметтами – стилизованным изображением пальмовых листьев. Пальметта являлась символом особого почета и уважения, принадлежности к знатному роду. Также к сельджукскому типу относятся расположенные в круге переплетенные звездчатые изображения. Звездчатые 6-ти и 8-ми конечные розетки, имеющие геометрический сельджукский характер переплетенного шнура, украшают переход между двумя объемами здания, соединенными аркой [\[9\]](#).

В центральной части полукруглого фронтона над дверью в медальоне килевидной формы помещен вензель – декоративная буква «К», очевидно указывающая на герб семейства Крым. Пространство вокруг герба занимает переплетенная лоза, следующим рядом помещен толстый полукруглый жгут, выполненный как сельджукская плетенка и выступающий над плоским фронтоном. В центре над фронтоном жгут украшен головой льва, стилизованное изображение которой восходит к скифскому «звериному стилю». В следующем ярусе орнамента помещены изображения льва, грифона и райской птицы, вписанные в растительный орнамент. В сакральном иудейском прочтении эти символы означают мессианские чаяния, их изображения на фоне Древа Жизни, или райского Древа часто встречаются в синагогах [\[11\]](#). Неоднократно повторяющийся в декоре экстерьера символ льва также имеет значение верховной власти, указывая на высокое положение в обществе хозяина усадьбы.

Иллюстрация 2. Вилла «Виктория» С. С. Крыма, г. Феодосия. 1914 г.

Арх. Н. П. Краснов.

Еще один характерный пример использования стиля нео-мудехар в архитектуре Н. П. Краснова – дворец «Дюльбер» великого князя Петра Николаевича Романова (1864–1931) в Кореизе, выстроенный в 1897 г. (Илл. 3). Рисунки и эскизы самого заказчика, П. Н. Романова, много путешествовавшего по арабскому востоку и увлекавшегося

восточной культурой, послужили основой для проекта дворца. В плане дворец напоминает букву «п», в его основе лежат простые прямоугольные формы. Центральный фасад над входом выполнен в виде выступающей вперед башни, завершенной куполом со шпилем, что характерно для дворцов Андалусии. Форма окон отличается ярко выраженным восточным колоритом, от омега-образных до стрельчатых форм. Нарядную красоту и яркую индивидуальность зданию придает восточный орнаментальный декор из мелких сегментов, выполненный в виде неглубоких рельефов. Характерной особенностью является также выступающий в виде зубчиков декор карнизов. Общий вид дворца поражает восточной роскошью и одновременно гармонией пропорций, в сочетании с оригинальностью орнаментальной отделки.

Иллюстрация 3. Дворец «Дюльбер» великого князя Петра Николаевича Романова в Кореизе. 1897 г. Арх. Н. П. Краснов.

К иному стилю, нео-романскому, принадлежит здание виллы «Ксения» Варвары Андреевны Чуйкевич в Симеизе, автором проекта которой также является Н. П. Краснов. Стиль асимметричного здания восходит к североевропейской замковой архитектуре, виллу украшает восьмиугольная башня над входом с перекрытием в виде восьмигранной призмы, увенчанной флюгером. Массивные стены, сложенные из серого неоштукатуренного камня, деревянные подпорки карнизов и детали кровли, остроконечный силуэт башни и второй кровли, мощные сегменты балюстрады галереи подчеркивают грубоватый замковый нео-романский стиль. В качестве декора использованы металлические детали, такие как флюгер, перила балкона и верхней балюстрады над правым входом.

Иллюстрация 4. Вилла «Ксения» В. А. Чуйкевич в Симеизе. 1906 г. Арх. Н. П. Краснов.

Одним из знаменитых архитектурных памятников эпохи модерна является доходный дом городского головы Евпатории, знаменитого мецената, много сделавшего для города, С. Э. Дувана (Рис. 5).

Семён Эзрович Дуван (1870–1957) – известный филантроп, городской голова, председатель земской управы и гласного муниципального собрания Евпатории, один из самых ярких представителей городского самоуправления Таврической губернии. По инициативе С. Э. Дувана при использовании городского бюджета и его собственных средств в г. Евпатории был развит международный курорт, построены школы, больницы, городской театр, городская библиотека, электростанция. С. Э. Дуван был караимом знатного происхождения, внуком Симхи Бабовича – первого крымского гахама (высшее духовное звание караимов).

Здание доходного дома С. Э. Дувана было построено в 1899 г. по проекту архитектора П. Я. Сеферова. Павел Яковлевич Сеферов (Богос Акопович Сеферьянц) (1872–1914) родился в г. Евпатории в семье купца 2-й гильдии Акопа (Якова) Сеферова, был выпускником архитектурного отделения Московского художественного училища живописи, ваяния и зодчества. По проекту архитектора по всему Крыму, и особенно в г. Евпатории были возведены ряд зданий, принадлежащих к узнаваемым архитектурным памятникам. К таким сооружениям относятся первая в городе электростанция, здание публичной библиотеки им. Александра II, спроектированный совместно с городским архитектором А. Л. Генрихом городской театр им. А.С. Пушкина, кафе и гостиница в центре Евпатории «Beau-Rivage» – «Прекрасный берег» и др.

Здание доходного дома представляет собой двухэтажное сооружение, прямоугольное в плане, разделенное по фасаду на три горизонтальных яруса и обильно украшенное декоративной лепниной. Центральным вход украшен балюстрадой с барочным фронтоном. Элементы стиля барокко, такие как образованный выкружками портик и балюстрада, были традиционны для внутреннего убранства караимских молитвенных домов-кенас, в частности, для гэхалов-алтарей, и были использованы архитектором в

знак принадлежности С. Э. Дувана к караимам [\[11\]](#).

В центре фронтона в круглом медальоне помещено гербовое изображение. В его центре находится изображение тамги – части караимского герба. Тамги – изначально родовые знаки для клеймения скота, встречавшегося как у караимов, так и у крымских татар и имеющие древнетюркские корни, а позднее используемые в качестве гербов. Караимская тамга имела вид двурогого копыя «сэнэк», подобие буквы «У». Рога тамги на медальоне дополнены верхним замыкающим элементом, образуя силуэт щита – еще одного караимского гербового символа. По обе стороны от тамги изображены виноградные побеги, Виноградарство – один из наиболее древних видов сельскохозяйственных промыслов в Крыму, поэтому этот мотив является сходным в орнаментике многих крымских этносов. Общая форма вензеля, возможно, также представляет собой стилизованную букву «Д», как символ семьи Дуванов. В верхней части фронтона размещен еще один медальон, овал на развернутом свитке. Изображение свитка Торы, как главной иудейской святыни, ассоциируется с мудростью и первостепенной важностью. По двум сторонам свитка помещены пальметты, символ славы и почета. Над карнизами окон пальметта напоминает полусоларный символ, характерный для караимов. Пилястры с узорными капителями также напоминают колонны, традиционные для декора гъэхалов: символы Иерусалимского Храма – колонны Яхин и Боаз [\[11\]](#). Между окнами боковых частей фасада размещены геральдические скульптурные картуши с изображением головы льва над скрещенными якорями, связанными канатами. Символ льва олицетворяет власть, а якоря подчеркивают региональный характер портового города.

Иллюстрация 5. Доходный дом С. Э. Дувана, г. Евпатория. 1899 г.

Арх. П. Я. Сэферов.

Другим известнейшим сооружением Евпатории является вилла караимского купца Юфуды Мордехаевича Гелеловича (1876–?), выстроенная в 1910–1912 г. в мавританском стиле нео-мудехар, благодаря чему вилла получила название «Мавританка» (Илл. 6). Начиная с 1921 г. в помещении виллы был размещен Евпаторийский краеведческий музей. С большой вероятностью можно утверждать, что архитектором виллы был А. Л. Генрих, автор многочисленных архитектурных проектов зданий Евпатории того времени.

Адам Людвигович Генрих (1869–1944) был выпускником ремесленного училища в г. Лодзь в Польше, а затем Санкт-Петербургского Института гражданских инженеров. С 1894 по 1918 г. он занимал пост главного архитектора г. Евпатории. А. Л. Генрих отличался прогрессивными взглядами и использовал в своих проектах смелые сочетания стилистики и новые достижения в строительстве, чему способствовала его инженерная специальность. Авторству А. Л. Генриха принадлежат такие известные здания Евпатории, как Свято-Ильинская церковь, Городская управа, отделения Санкт-Петербургского банка, гостиницы, виллы, многочисленные доходные дома.

Сложный объем виллы, основанный на мавританском стиле, представляет собой прямоугольную конструкцию с выступающей башней входа, с глубоким выносом карниза и плоской четырехскатной черепичной кровлей. Характерным элементом декора являются омегаобразные оконные проемы, а также оформление входа в виде ажурного архивольты, опирающегося на две тонкие колонны. На фронте над главным входом размещен характерный для мудахара восточный орнамент в виде паттерна. Второй вход, расположенный по тому же фасаду, справа от главного, перекрыт призмобразным куполом и декорирован по фронту михрабным орнаментальным навершием. Над карнизом здания в виде балюстрады размещены ступенчатые зубцы. Стены здания сочетают гладкие и рельефные полосы. Каменный рельеф фронтонов и филенок входа поддержан рельефом массивных резных дубовых дверей.

Иллюстрация 6. Особняк Ю. М. Гелеловича, г. Евпатория. 1910–1912 г.

Арх. А. Л. Генрих.

Севастополь, пострадавший больше других городов Крыма во время ВОВ, практически не сохранил дореволюционных зданий, однако на его Северной стороне существуют остатки усадьбы царского генерала Константина Дмитриевича Хлебникова (1838–1908) (Илл. 7). Время постройки и архитектор неизвестны, здание сильно пострадало от времени, а также от пожара. Однако сохранившийся торцовый фронтон очень интересен и представляет собой образец крымского нео-барокко, еще одного варианта стилистики модерна. Над каждым окном помещен «замок» украшенный листом аканфа, а на угловом портале, увенчанном полукруглым карнизом – пышный барочный вензель из растительных завитков.

Илл. 7. Усадьба генерала К. Д. Хлебникова, г. Севастополь. Кон. XIX–нач. XX в. Архитектор неизвестен.

Проанализировав ряд приморских архитектурных памятников Крыма периода модерна, можно сделать следующие заключения. Стиль модерн распространился в конце XIX–начале XX в. в архитектуре и декоре как Западной, так и Восточной Европы, в том числе и в России. Модерн представлял собой своеобразный синтез предшествующих ему исторически архитектурных стилей, новое воплощение которых получило приставку нео: (нео-Ренессанс, нео-мудехар, нео-барокко, нео-романский и т.д.). Большую роль в крымской архитектуре модерна играли также национальные элементы, характеризующие полиэтнический культурный ландшафт. Уникальность зданий периода модерна, как части культурного ландшафта Крыма, состояла в индивидуальном и узнаваемом почерке известных архитекторов того времени, таких, как Н. П. Краснов, А. Л. Генрих, П. Я. Сеферов и другие. В особняках и дворцах Крыма также отразился характер личностей знаменитых заказчиков вилл и дворцов, чья деятельность вошла в анналы истории Крыма на стыке XIX и XX в.

Библиография

1. Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: Сонат, 2001. 280 с.
2. Берестовская Д. С. Диалогичность праздника (на примере культуры народов Крыма). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. 148 с.
3. Берестовская Д. С. Культурные ландшафты Крыма: коллективная монография. Симферополь: ИТ «Ариал», 2016. 380 с.
4. Данилевский В. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 813 с.
5. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития. // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 126–138.
6. Каганский В. Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 160–169.
7. Кизилов М. Б. Крымская Готия: История и судьба. Симферополь: БФ «Наследие тысячелетий», 2015. 352 с.
8. Коваленко А. И. О некоторых стилевых особенностях архитектуры Крыма. // Культура народов Причерноморья. 1999. № 10. С. 51–54.

9. Кононенко Е. И. Еще раз о проблеме сельджукского искусства. // Вестник СПбГУ, 2015. Серия 15. Выпуск 3. С. 66–77.
10. Котляр Е. Р. Идентификация караимской пластики в декоре экстерьера усадьбы С. Крыма в г. Феодосия. // Сборник статей Международной научно-практической телеконференции «Российская наука в современном мире». Москва–Пенза: Научно-издательский центр «Актуальность РФ», 2015. С. 42–48.
11. Котляр Е. Р. Традиционные элементы народного искусства этносов Крыма в декоре эпохи модерна // Культура и цивилизация, 2016. № 4. С.361–372.
12. Лихачев Д. С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре М.: Российский Фонд культуры, 2006. 336 с.
13. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
14. Прохоров Д. А., Храпунов Н. И. Краткая история Крыма. Симферополь : Доля, 2013. 400 с.
15. Ремпель, Л. И., Вязниковцева, Т. В. Эпоха модерна в Москве // Архитектура СССР. 1935. № 10-11. С. 91.
16. Сарабьянов, Д. В. Стиль модерн. М.: Искусство, 1989. 294 с., ил.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет статьи «Модерн в архитектуре южнобережных вилл и дворцов как вклад выдающихся личностей их владельцев и архитекторов в культурный ландшафт Крыма» - архитектура ряда южнобережных вилл и дворцов Крыма, созданных в стиле модерн.

Методология исследования достаточно разнообразна и включает сравнительно-исторический, аналитический, описательный и др. методы.

Актуальность статьи чрезвычайно велика, поскольку в ней рассматривается творчество выдающихся архитекторов в Крыму, а в настоящее время огромный интерес научного сообщества вызывает все, что связано с развитием таких, как справедливо отмечает сам автор, «полилингвальных, полиэтнических, поликонфессиональных регионов».

Статья обладает ясно выраженной научной новизной и несомненной практической пользой.

Исследование характеризуется не только очевидной научностью изложения, но и глубиной, содержательностью, тщательностью, четкой структурой. Стиль автора также отличается оригинальностью, логичностью и доступностью.

Очевидны глубокие познания исследователя в области архитектуры и умение интересно представить информацию читателю: «Дворец был выстроен в традициях загородных летних дворцов Италии и Франции, и, несмотря на свой внушительный размер, производит впечатление легкости и нарядности благодаря своему белому цвету, за что и получил название Белый дворец. Для строительства был выбран местный белый инкерманский камень, пропитанный специальным составом во избежание порчи от плесени. Дворец был выстроен с использованием новых прогрессивных технологий: внутри него был использован железобетонный каркас, придавший зданию сейсмоустойчивость (благодаря чему дворец не пострадал во время землетрясения 1927 г.), также дворец был оснащен двумя видами отопления – каминным и центральным водяным, и электрифицирован от собственной электростанции. <...> В здании использованы характерные для Ренессанса простые прямоугольные объемы основного

здания и башен с плоской крышей, полуциркульные арки, которыми оформлен вход, полукруглые навешия «двойных» и «тройных» окон, а также балюстрады над карнизами». Или: «Здание выстроено в испано-мавританском стиле, нео-мудехар, и состоит из разновеликих асимметрично скомпонованных объемов простых прямоугольных форм. Роль главных акцентов, подчёркивающих центральный объём, играют пятичастные и трёхчастные окна с колонками-импостами ионического ордера. Для стиля модерн в целом характерна декоративная эклектика фасадов, поэтому использование традиционных национальных элементов органично вписывается в общий пластический строй нарядной декоративности».

Автор вообще приводит множество интересных сведений о жизни и творчестве Н. П. Краснова и др. архитекторов, С. Э. Дувана, семейства Крым и др. выдающихся деятелей изучаемого периода. Он также снабжает текст рядом рисунков, что является бесспорным достоинством этой работы.

Но, к сожалению, исследование имеет и ряд недостатков, о которых будет сказано далее.

По нашему глубокому убеждению, статья в самом начале перегружена сведениями, не имеющими непосредственного отношения к исследуемому предмету. Автор начинает «издалека»: «В число трех основных направлений в культурологическом познании входит определение многоаспектной сущности культуры, законов ее развития, ее форм и особенностей проявления [3, с. 6]. Известным советским и российским филологом, искусствоведом, культурологом Дмитрием Сергеевичем Лихачевым (1906–1999) в научный тезаурус был введен термин экология культуры, понимаемый им как идея сохранения социокультурного пространства путем утверждения самоценности всех типов культуры, его составляющих». Далее он рассуждает о работах Н. Я. Данилевского, В. И. Вернадского, В. Л. Каганского, Д. Н. Замятина, Ю. М. Лотмана и др., уделяя излишнее, по нашему мнению, внимание как понятиям, не имеющим отношения к архитектуре, так и обзору источников.

«Важным аспектом нашего исследования является выделение отдельных текстов и кодов культур среди полилингвального пространства крымской ойкумены, а также фиксация их содержательной и визуальной трансформации в результате неизбежного взаимовлияния в процессе длительного сосуществования в непосредственной близости. К такому полистилистическому явлению безусловно относится архитектурный стиль модерн, представляющий собой образец программной эклектики», - вот, на наш взгляд, тот абзац, с которого можно было бы начинать текст. Сокращение статьи только пойдет ей на пользу и придаст дополнительную глубину.

Также встречаются опечатки, вызванные торопливостью при написании текста, например: «Одним из наиболее ярких примеров являются Алушкинский Воронцовский дворец, возведенный в восточном мавританском стиле, виллу «Виктория» С. С. Крыма в г. Феодосия, изобилующую караимской символикой, и др.» Рекомендуем автору тщательно вычитать текст на предмет их устранения.

Самым главным недостатком этого интересного и в целом весьма добротного исследования является недостаточность выводов. Автор пишет: «Проанализировав ряд приморских архитектурных памятников Крыма периода модерна, можно сделать следующие заключения. Стиль модерн распространился в конце XIX–начале XX в. в архитектуре и декоре как Западной, так и Восточной Европы, в том числе и в России. Модерн представлял собой своеобразный синтез как предшествующих исторических архитектурных стилей (нео-Ренессанс, нео-мудехар, нео-барокко, нео-романский и т.д.), так и этнических составляющих, характеризующих уникальный полиэтнический крымский культурный ландшафт». Последнюю фразу мы рекомендуем и вовсе исключить или перефразировать, поскольку в настоящем виде она слишком тяжела для восприятия:

«Уникальность зданий периода модерна, как части культурного ландшафта Крыма, состояла как в индивидуальном почерке известных архитекторов того времени, таких, как Н. П. Краснов, А. Л. Генрих, П. Я. Сеферов и другие, так и в личностях знаменитых заказчиков вилл и дворцов, чья деятельность вошла в анналы истории Крыма на стыке XIX и XX вв». Может быть, уникальность была обусловлена почерком известных архитекторов и отразила черты заказчиков? Не сомневаемся, что автор сможет найти правильный ответ на этот вопрос и достойно завершить свое вполне, повторимся, качественное исследование.

Библиография статьи в целом достаточна, включает широкий круг источников по теме исследования, оформлена корректно.

Апелляция к оппонентам присутствует в широкой мере и выполнена на высокопрофессиональном уровне.

После исправления указанных недостатков статья будет иметь важное научно-практическое значение. Она будет интересна как целевой аудитории - архитекторам и художникам, историкам, искусствоведам, студентам и преподавателям, так и всем, интересующимся историей и архитектурой вообще.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Человек и культура» автор представил свою статью «Модерн в архитектуре южнобережных вилл и дворцов как вклад выдающихся личностей их владельцев и архитекторов в культурный ландшафт Крыма», в которой проведено культурологическое и философское осмысление роли личности в формировании культурного текста определенной территории.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что к одному из значимых паттернов культурного ландшафта в целом, и Крыма в частности, относится роль выдающихся персоналий, внесших свой вклад в культуру региона. Личности отдельных деятелей культуры имеют, с одной стороны, ярко выраженный индивидуальный характер, а с другой, их объединяет впечатление как от удивительной природы Крыма, так и от богатства его культурного наследия, которое они дополнили своей культурной и творческой деятельностью. К таким знаковым личностям автор относит как архитекторов, работавших в Крыму в период модерна, так и их знаменитых заказчиков, яркая индивидуальность которых осталась в истории.

Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что в период всеобщей глобализации и стирания граней идентичности, связанный с активным взаимодействием с помощью современных средств коммуникации, развитие этнических культур как в многонациональной России, так и в мире в целом сталкивается с рядом проблем. С одной стороны, это проблема сохранения идентичности и дальнейшего развития национальных традиций, касающихся религии, языка, народного искусства, а с другой – проблема толерантности, конструктивного диалога и взаимодействия между представителями разных народов, направленного не на разрушение общества вследствие межнациональных разногласий, а на созидание и развитие современного общества и государства, основанного на единстве принципов гуманистической морали. Теоретическим обоснованием исследования послужили труды таких всемирно известных исследователей как Д.С. Лихачев, Н.Я. Данилевский, В.Л. Каганский, Ю.М. Лотман, Д.С. Берестовская, Е.Р. Котляр и др. Методологическую базу исследования составил

комплексный подход, содержащий как общенаучные методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, так и исторический, социокультурный, биографический и художественный анализ. Эмпирическую базу составили архитектурные сооружения эпохи модерн, находящиеся в различных городах Крымского полуострова (императорский Ливадийский дворец, летняя резиденция Николая II, дворец «Дюльбер» великого князя Петра Николаевича Романова, вилла «Виктория» С. С. Крыма, вилла «Ксения» В. А. Чуйкевич в Симеизе и др.). Целью данного исследования является изучение творческого влияния архитекторов конца XIX – начала XX веков на формирование культурного ландшафта Крыма.

Анализируя степень научной проработанности проблематики, автор большое внимание уделяет освещению идеи единства социокультурного пространства и культурного единства, целостности, основанной не на синтезе, а на взаимодействии и интеграции уникальных субъектов культуры: этносов и цивилизаций, опираясь на труды Д.С. Лихачева и Н.Я. Данилевского. Взгляды Д.С. Лихачева и Н.Я. Данилевского автор проецирует на культуру многонациональной России и Крыма в частности, где культуры каждого из многочисленных этносов или групп близкородственных народов представляют собой уникальное целое, при этом не нарушая внутренних культурных границ этнической идентичности. Для рассмотрения диалога этнических культур Крыма автор обращается к концепту «культурный ландшафт». Взяв за основу труды Д.С. Лихачева и В.Л. Каганского, автор раскрывает сущность культурного ландшафта как архетипа, включающего в себя ряд аспектов, к которым помимо географических особенностей, взаимодействия и преобразования человеком окружающей среды, относятся образы и символы ландшафта (семиотический компонент), эстетический, этический и сакральный компоненты.

Заслуживает внимание и проанализированные автором представления Д.Н. Замятина о таком междисциплинарном направлении исследований, как гуманитарная география, первоначально развивавшемся в рамках антропогеографии, а позднее – в рамках экономической и социально-экономической географии. Данное направление науки включает в себя культурное ландшафтоведение, образную (имагинальную) географию, когнитивную географию, мифогеографию, сакральную географию. К понятийному аппарату имажинальной географии относятся такие термины, как локальный миф, региональная идентичность (региональное самосознание), культурный ландшафт, образно-географическое пространство, ментально-географическое пространство.

Изучая особенности образцов крымской архитектуры эпохи модерн, автор приходит к заключению, что несмотря на ряд общих черт, позволяющих идентифицировать принадлежность того или иного архитектурного сооружения к периоду модерна, все здания, принадлежащие к этому стилю, отличаются ярко выраженной индивидуальностью и эклектичностью элементов, заимствованных из предшествующих исторических стилей мировой архитектуры, а также зачастую и этнонациональным региональным колоритом. Объяснение данному феномену автор находит в том, что особняки, дворцы, а иногда и общественные здания возводились с учетом пожеланий заказчика, и соответственно, отражали в том числе их этнокультурные особенности.

Исходя из цели исследования, автор проводит детальный художественный анализ зданий южного побережья Крыма, возведенных под руководством знаменитых архитекторов рубежа XIX–XX веков Н.П. Краснова, А. Л. Генриха, П. Я. Сеферова для таких именитых и влиятельных заказчиков, как императорская семья, семейство Крым, представителей купеческого сословия. Автор отмечает, что уникальный архитектурный стиль изученных вилл и дворцов представлял собой своеобразный синтез предшествующих ему исторически архитектурных стилей, национальных элементов, характеризующих полиэтнический культурный ландшафт, индивидуального и

узнаваемого почерка известных архитекторов, характер личностей знаменитых заказчиков.

В завершении автором представлены выводы по проведенному исследованию, включающие все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье. Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение особенностей регионального воплощения определенного архитектурного стиля представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список состоит из 16 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике. Можно сказать, что автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, показал глубокие знания изучаемой проблематики. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Федорова А.Р., Гоголев А.И. — Трансформация зимнего костюма в Якутия в эпоху модернизации конца XIX – середины XX вв. // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 114 - 129. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69142
EDN: RPYDX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69142

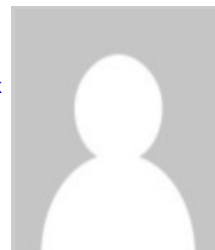
Трансформация зимнего костюма в Якутия в эпоху модернизации конца XIX – середины XX вв.

Федорова Айталиа Родиевна

младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1

✉ aytap@mail.ru

Гоголев Анатолий Игнатьевич

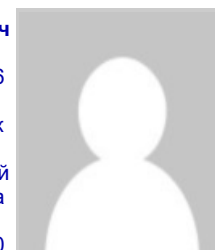
ORCID: 0000-0002-9694-7826

доктор исторических наук

профессор кафедры всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии; Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

677013, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58, оф. 610

✉ ai.gogolev@s-vfu.ru

[Статья из рубрики "Этнология и культурная антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.6.69142

EDN:

RPYDX

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2023

Дата публикации:

18-12-2023

Аннотация: В настоящей статье рассматривается процесс изменения повседневной одежды в Якутии конца XIX – середины XX вв. на примере зимнего костюма. Данный исторический период ознаменовывался активными модернизационными процессами в

регионе, что отразилось и на материальной культуре населения. Актуальным в этом ключе является вопрос адаптации жителей крайнего севера к новым экономическим условиям: как происходил переход от традиционного уклада к советской культуре. Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что культура и технологии традиционного пошива одежды из меха и кожи сохранились в изучаемый период именно из-за необходимости населения самообеспечивать себя зимней одеждой в условиях нехватки товаров и сырья. Хронологические рамки исследования охватывают период конца бытования традиционного якутского костюма и заканчиваются серединой XX века.

Для изучения зимнего костюма XX задействованы фотоматериалы, на которых запечатлены образцы повседневной одежды. Рассмотрены фотографии из фотофондов Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского, куда входят снимки как из государственных, так и частных коллекций. Кроме того, для дополнения данных проводились консультации с информантами. Настоящая тема еще не становилась предметом специального изучения, поскольку костюм этого периода уже не является этническим. Тем не менее на наш взгляд она является интересной в контексте изучения адаптации народных традиций к модернизационным процессам. С использованием визуальных и полевых источников рассмотрена трансформация повседневной одежды в Якутии изучаемого периода. Авторы статьи пришли к выводам, что в эпоху модернизации произошла резкая смена уклада жизни, которая отразилась и на материальной культуре жителей Якутии. Унификации в гардеробе граждан советского государства первой половины XX века не всегда могли покрывать потребности жителей специфических климатических зон, в том числе и жителей северных республик. Это способствовало сохранению традиционных технологий ручного производства зимней одежды.

Ключевые слова:

Традиционный костюм, трансформация костюма, модернизация костюма, Якутия, советизация, этнос, культура, зимняя одежда, ручное производство, СССР

Советская эпоха стала периодом повсеместной смены общественной жизни, труда и экономики жителей Республики Саха (Якутия). Все эти изменения несомненно влияли на материальную культуру и быт людей. Если в предыдущие эпохи трансформации костюма могли происходить неравномерно, то новое государство уравнивая все социальные прослойки населения меняет образ жизни и облик всех. Интересным в этом ключе является вопрос трансформации повседневной одежды: как она происходила, насколько качественно могла удовлетворять потребности жителей северных регионов и какую роль в этих процессах занимало домашнее производство.

Традиционный и архаичный якутский костюм регулярно становился предметом глубинных исследований в разные периоды [\[1\]](#), [\[2\]](#); [\[3\]](#). Хронологические рамки этих исследований как правило заканчиваются периодом бытования традиционного якутского костюма в начале XX века. Дальнейший интерес к этой теме вызывали вопросы возрождения якутского костюма в 1990-ые годы, новые интерпретации и взгляды на то, как якуты сегодня воспринимают традиции и как их воспроизводят. Например, отношение к национальному костюму и общественный диспут о его традиционности был предметом для изучения в статье Яковлевой К.М. и Прокопьевой А.Н. «Якутский национальный костюм: поиск идентичности» [\[4\]](#). При этом несколько за скобками остается вопрос модернизации повседневной одежды в советский период в Республике Саха (Якутия). Изменения в

облике по всей стране происходило в единой траектории, но имело и свои локальные особенности. Якутия в этом ключе является нестандартным регионом, поскольку климатические особенности и скотоводческая форма хозяйства диктовали особые потребности и опыт изготовления и ношения одежды.

Изучение советского костюма как части идеологической политики проводилось в работах Виниченко И.В. «Советская мода в контексте социально-экономической и культурной жизни СССР от «оттепели» до застоя: традиции и новые реалии» [\[5\]](#), Стриженова Т.К. «Из истории советского костюма» [\[6\]](#) и Шепель О.Н. «Зарождение советского костюма в условиях массовизации общества» [\[7\]](#). В этих трудах костюм и мода, вписанные в дискурс советской повседневности, рассмотрены как социокультурное явление, связанное с образом жизни общества и его основными ценностями, а процесс конструирования советского костюма как феномен идеологически детерминированной пролетарской эстетики. Также вопросы конструирования советской идентичности и участия в этом процессе костюма достаточно глубоко рассмотрены в трудах Зиновьевой Л. Е. [\[8\]](#) и Бобрихина А. А. [\[9\]](#). Согласно этим работам, предметы костюма никогда не являются просто «вещью», его форма способна преобразовывать тело, создать образ. Костюм непосредственно контактирует с биологическим телом человека, воспринимаемым во всех культурах не просто как биологический объект, а как нечто, связанное с человеческой личностью. Одежда представляет собой материальное выражение социальной нормы, знаковое содержание предметов гардероба, кодирует принадлежность к социальной группе [\[10\]](#). Регламентация внешнего вида с ног до головы решает задачу некоего телесного преобразования, превращения индивидуального тела в часть тела коллективного [\[9, с. 5\]](#).

Советскому костюму была отведена задача уравнивания, регламентации внешнего облика советских граждан и постройку нового единого образа современного человека. Примером исследования изменений национального костюма в годы советской власти является статья Керимовой А.Т. [\[11\]](#) где рассмотрена адаптация одежды крымских татар к новым условиям советского государства. Многие технологии и техники шитья в этот период были утрачены, меняются и материалы изготовления одежды. Но следовало бы отметить, что несмотря на усилия государственной политики в отношении конструирования внешнего облика своих граждан национальный костюм так или иначе абсолютно утрачен не был. Тем и интересна тема настоящего исследования, поскольку несмотря на переход к модернизму, традиционная одежда как метод борьбы с холодом и маркер идентичности сохраняется, пусть и на достаточно скромных условиях, об этом может свидетельствовать и опыт Республики Саха (Якутия). А.В. Головнев в своем труде «Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера)» пишет, что в зависимости от состояния элитных групп и внешних контактов этничность может нагнетаться, унифицироваться, рассеиваться, дробиться. Однако, будучи сколь угодно изменчивой, она остается устойчивым свойством социальной материи, и этно-инстинкт выявляется у людей всех эпох и культур [\[12, с. 11-12\]](#).

В настоящем исследовании будет рассматриваться то, как видоизменялась одежда в первой половине XX века на примере зимнего костюма. Фокус внимания был расставлен на зимней одежде поскольку именно он наиболее характерно демонстрирует региональные потребности людей в особых материалах и формах. Изучение трансформации костюма в предыдущие эпохи показывало, что верхняя одежда в якутском костюмном комплексе является наиболее устойчивой частью национального костюма.

Поскольку хронологические рамки исследования охватывают период активных модернизационных процессов в регионе, то все фиксируемые трансформации в формах, материалах и культурных заимствований повседневного костюма якутов связаны с экономическими, религиозными, социально-политическими и культурными изменениями общества. Для обоснования этих изменений мы используем материалы по истории Якутии. Для изучения зимнего костюма XX задействованы фотоматериалы, на которых запечатлены образцы повседневной одежды. Визуальные методы в антропологии имеют множество преимуществ – это достаточно точная привязка к личности, этносу и хронологии, а также доступность источников. Исследователи городского костюма называют фотоматериалы основным источником по изучению одежды с конца XIX века [\[14\]](#). Для анализа были рассмотрены фотографии из фотофондов Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского, куда входят снимки как из государственных, так и частных коллекций. При сортировке источников упор делался на такие признаки как: наличие хронологической привязки и изображение зимнего костюма. Именно эти два признака сильно сузили выборку используемых фотоматериалов, поскольку фотографироваться зимой, судя по всему, люди предпочитали в помещении. Большая часть отобранных снимков была совершена зимой – это уличные снимки, коллективные фото, фотографии из семейных архивов. Небольшая доля является постановочным портретным фото в зимней одежде, которые не обязательно были сделаны зимой. Собранная база снимков представляет из себя 90 фотографий, датируемых с конца XIX – начала XX века до конца 1950-х годов. Они в свою очередь для дальнейшей работы были отсортированы по периодам: дореволюционный (35 фото), довоенный (18 фото) и период 1940-1950-х годов (37 фото). Такое распределение групп исходит из того, что разделение по классической периодизации истории России представляется невозможным из-за нечеткой хронологической привязки некоторых фото, а разделение по десятилетиям сделало бы группы не пропорциональными. Кроме того, параллельно для дополнения данных проводились консультации с информантами.

Следовало бы начать с того, что представлял из себя якутский традиционный костюм накануне изменений XX века и из каких материалов его изготавливали. В этот период повседневная одежда якутов уже претерпела множественные изменения после вхождения в состав Российского государства в XVII веке. Межкультурные контакты, торговля и расширение спектра доступных материалов влияло на моду и культуру того времени. Меняются эстетические представления и форма костюма. Если в XVII-XVIII веке якутский костюм был более герметичным, был посажен по фигуре и шился из меха и кожи, то в конце XIX века в пошиве одежды активно используется текстиль, выделяется нательная одежда и в целом визуальный облик костюма приобретает черты европейского костюма. Этнографические данные того периода указывают, что: «Одежда якутов в старое время шилась соответственно климату и условиям их быта. Теперь этот костюм выродился и значительно обрусел, если говорить о фасоне и практическим значении одежды с гигиенической точки зрения» [\[15\]](#). Информант этнографа В.Л. Серошевского в 1890 году указал, что: «Теперь пошли ситцы, дабы, шелка, сукна да бейбереты (плис), а старинное якутское платье было: тарбаган, лисица, соболь, рысь, бобер... а еще раньше – кобылья и коровья шкура» [\[1, с. 316\]](#). Позже И.В. Константинов, уже сравнивая этнографические и археологические материалы отмечал, что «Сравнивая платья якутов XVIII и конца XIX веков, можно заметить большие изменения, которые делают их внешне почти непохожими» [\[16, с. 65\]](#). Таким образом к XIX - началу XX века одежда якутов трансформировалась в то, что мы сегодня называем традиционным якутским костюмом – самобытный комплекс предметов гардероба из натуральных и

фабричных материалов который одновременно имеет как национальные характерные особенности, так и перенимает черты европейского костюма. Полный комплекс якутского женского праздничного костюма по данным Петровой С.И. состоит из верхней одежды «кытыылаах сон», платье «халадаай», безрукавка «кэсиэччик», головного убора «дьабака», обувь (торбаза), комплекс серебряных украшений и обувь из саары (черненной кожи) с широкой окантовкой, оформленной вышивкой, бисером или металлическими бляшками. Обязательными компонентами мужского костюма являются рубашка (к нему шелковый пояс «кушат» или вышитые орнаментальным декором пояса), кафтан с кожаным поясом с нашитыми серебряными бляшками и с подвесными деталями, головной убор «чомпой», мужская шляпа или картуз из конского волоса и кожаная обувь с широкой окантовкой – «билэ» [\[17, с. 4\]](#).

Анализ дореволюционного костюмного комплекса по фотографиям может быть несколько затруднен поскольку многие снимки этого периода являются этнографическими. Тем не менее в собранном материале они являлись не превалирующими и по ним можно дополнить уже существующие данные о костюме конца XIX – начала XX вв. На имеющемся материале можно проследить, что даже к началу XX века в обиходе сохраняются традиционные фасоны. Мы можем наблюдать присутствие традиционных украшений, обуви, головных уборов. Некоторые фото демонстрируют трансформировавшийся облик зимнего костюма, который по своей форме тяготеет к европейскому (рис. 1), но идет в аккомпанементе с традиционными украшениями и обувью. На указанной фотографии запечатлены двое мужчин в камзолах, которые частично выглядят и одеты как традиционные (отложной воротник, длина до середины бедра, подпоясаны ремнем), но напоминают более европейский образец верхней одежды: буфы на плечах уменьшены или отсутствуют. При этом на мужчинах традиционная обувь. Таким образом на фото представлена более современная городская вариация якутского костюма начала XX века.

Рис. 1 Конец XIX века

Часть фотографий XIX – начала XX века относится к северным улусам Республики Саха (Якутия). На изображениях из Верхоянска, Среднеколымска и Нижнеколымска (8 фото) представлены чукотские, эвенские и эвенкийские традиционные костюмы. На примере

Рис 2 можно рассмотреть разнообразие видов традиционной чукотской одежды: головные уборы капоры, распашные шубы с передником, глухие меховые рубашки-кухлянки, штаны из шкуры оленя и унты.

Рис. 2 1913 г. Съезд чукчей на ярмарку. Нижнеколымск

С начала установления советской власти в республике активно проходит работа по становлению советской идентичности. Массово проходят программы ликвидации безграмотности, формируются советские политические институты, все это сказывалось на жизни гражданского населения, его труде, досуге и материальной культуре. Советское общество пропагандировало вторичность этнической идентичности, более того, искоренялись многие компоненты этнической культуры, как несоответствующие новому времени и идеалам советского государства [4, с. 64]. Важнейшей частью программы строительства социализма была провозглашена культурная революция с целью «избавления народов от средневековых пережитков», укрепления собственной власти и расширения ее социальной базы [18, с. 63]. Процесс этот естественно не мог происходить сиюминутно. Несомненно, после революции изделия роскоши были исключены из гардероба, но некоторые изделия традиционного кроя могли бытовать до середины XX века, пока не произошла смена поколений и не были утрачены технологии ручного пошива. На фотографии 1925 года (Рис 3) изображена женщина в традиционной зимней шубе и шапке «дыбака». Данное изображение скорее является исключением из правил. Большая часть фотографий постреволюционного-довоенного периода демонстрируют резкий модернизационный скачок в повседневном костюме.

Рис. 3 Якутка в зимней одежде и шапке «дьябака»

Первая мировая война, революция, гражданская смута привели к существенному ухудшению экономического положения населения [\[19, с. 114\]](#). Командированный в Якутию агент сырьевого отдела ГубСНХ П.В. Осипов в октябре 1920 года писал: «Везде люд голоден, не одет..., страшная нужда в наслеггах» [\[20\]](#). Параллельно с этим государством была определена политика социального уравнивания и строительства новой советской культуры. В ноябре 1924 г. было принято постановление Президиума ЯЦИК «О мерах борьбы с шаманизмом в ЯАССР» и инструкция Наркомата юстиции ЯАССР о порядке привлечения к судебной ответственности шаманов за совершение преступных деяний [\[21, с. 10-12\]](#). С целью вовлечения широких масс и проведения систематической антирелигиозной работы в 1925 г. был создан Союз воинствующих безбожников (СВБ) во главе с Е. М. Ярославским, который должен был стать «инструментом для практической борьбы с религией» [\[21, с. 43\]](#). Иванов В. Х. указывал, что резкие изменения уклада жизни якутов, разрушение традиционного хозяйства, борьба с «отжившими», архаичными обычаями, обрядами, верованиями, бурное изменение темпа жизни, информационный и демографические взрывы нанесли заметный ущерб развитию народного искусства. Все это привело к разрушению традиционной преемственности, к ускоренному, неорганичному введению новаций в прикладное искусство [\[22, с. 86\]](#).

С начала 1920 г. начала создаваться единая сеть потребительской кооперации Сибири. В марте того же года союз кооперативов «Холбос», организованный еще в 1918г., стал единственной организацией, входящей в состав Сибирского отделения Центросоюза. Главной задачей деятельности «Холбоса» являлся товарооборот в республике, организация занималась перераспределением товаров, производством и переработкой продуктов. В июне 1920 г. якутская кооперация заготовила пушнины приблизительно на один миллион долларов [\[23, с. 153\]](#). А по состоянию на 1927 г. снабжение Якутской республики товарами осуществляли на две трети – Якутгосторг и Якутский союз кооперативов «Холбос», на одну треть – торговые организации Центра и Сибири и только около 4% товаров ввозили частные торговые организации [\[24, с. 13\]](#). Таким образом заготовка, производство и распространение меховых изделий стало прерогативой

государственного потребсоюза, а население, приобщенное к труду, получала уже одежду фабричного происхождения.

Рис. 4 Групповой снимок. Ячейка ВЛКСМ прииска Незаметный Алданского округа. 1928 год.

По визуальным материалам можно наблюдать, что в период между революцией и Великой Отечественной войной зимняя одежда в Якутии претерпела значительные изменения. Если в начале XX века традиционная одежда все еще занимала значительную часть гардероба жителей Якутии, то к этому времени можно наблюдать вытеснение традиционных фасонов советскими изделиями. Важно отметить отсутствие разнообразия зимней одежды не только у людей разных социальных групп, но и у мужчин, женщин и детей. На фотографиях этого периода (Рис. 5) можно наблюдать достаточно ограниченное разнообразие видов плечевых изделий: стеганные ватные куртки, шерстяные пальто. Традиционные фасоны головных уборов по типу капоров и дьябака [\[2, с. 19\]](#) вытеснены меховыми ушанками и платками. Зимняя обувь представлена валенками и сохранившимися в обиходе «этэрбэс» (обувь из оленьих камусов). Таким образом в советской Якутии достаточно быстро традиционная одежда сменяется модернизированным общесоветским костюмом, имеющийся фотоматериал демонстрирует практически полное отсутствие меховых плечевых изделий (исключение составило одно фото председателя колхоза в Булунском районе), фасон головных уборов трансформировался, а обувь замещена частично. Затруднительной является оценка качества и теплоизоляционных характеристик перечисленных предметов зимнего гардероба, но следовало бы отметить, что в традиционной материальной культуре якутов и других коренных народов существовали выверенные веками технологии адаптации человека к условиям климата Крайнего Севера которые выражались в комплексе традиционных видов зимней одежды и технологий пошива.

Рис. 5 Групповой снимок. Стоят слева направо: Анастасия Лыткина, брат Василий, мама Вера Степановна, 7-ой - отец Петр Петрович Лыткин. Якутск. 1 марта 1937 г.

К середине XX века якуты широко пользовались одеждой и обувью фабричного изготовления, следуя моде тех лет [\[25, с. 86\]](#). Великая Отечественная война оказывает влияние и на гражданскую моду: в нее проникает милитаристский стиль. На внешнем облике одежды тех лет сказывались завершение коллективизации (в отдаленных улусах Якутской ААСР она завершилась только к 1940 [\[26, с. 209\]](#)), дефицит тканей и товаров, а также утрата массовой преемственной передачи технологий ручного пошива традиционной одежды. При этом некоторые предметы традиционного гардероба оставались достаточно устойчивыми. Не смотря на государственную политику раскулачивания и коллективизации население сохраняло традиции неформального природопользования (к примеру охоты) и самообеспечения зимней обувью и одеждой. Охотничьи традиции народов Якутии вкупе с навыками традиционного ручного домашнего производства одежды помогало преодолеть трудности в борьбе с холодом, когда государство не могло в полной мере обеспечить население зимней одеждой. По данным информанта Егоровой Е.Д. 1935 года рождения «Семьи в которых были охотники могли позволить себе изделия из белки, ондатры. Простые люди утеплялись зайцем, телячьими шкурами. Все носили вещи из зайца в то время. При постоянной носке эти изделия изнашивались за один год. В 1950-х годах шили мужские шубы из собак. Специально выращивали для этих целей. Они были прочные и теплые» [\[27\]](#). Практики ручного производства одежды все еще оставались очень важными и замещали отсутствие или низкое качество предоставляемых государством предметов гардероба. Проведенный нашей лабораторией этносоциологический опрос 2022 г. «Человек и животный мир на территории Республики Саха (Якутия): представления и практики взаимодействия» показывал, что среди людей, владеющих навыками ручного производства одежды и обуви из натуральных материалов преобладают женщины 1940-1970-х годов [\[28\]](#).

Рис. 6 1930-1940 Рыбаки с уловом

Фотографии 1940-1960-х годов показывают большее разнообразие верхней плечевой одежды: помимо стеганных телогреек и пальто появляются дубленки, пестрые лоскутные шубы, верхняя одежда активнее декорируется (Рис. 8). Детские изделия в основном представлены мутоновыми шубами и утепленными пальто. К сожалению, многие датировка многих фотографий военного и поствоенного периодов была дана не точно, поэтому в этом разделе была рассмотрена экономически разносторонняя эпоха, отсюда вытекает и разброс: сложные военные годы с одной стороны и послевоенное восстановление экономики с другой. Сохраняются и в этот период практики самообеспечения людей предметами зимнего гардероба. «Для утепления ног шили штаны из шкур зайца мехом внутрь. Ой, а детей одевали во что придется. Ватные куртки шили, изделия из зайца тоже. Платками укутывали. Шубы стали носить только с 1960-х годов повсеместно, ну до этого люди в достатке носили, наверное» [\[27\]](#).

Впрочем, в становлении советского костюма существовали и взаимовлияния. Государство также перенимало опыт технологий пошива зимней одежды у коренных народов Севера. В 1960-х годах в Советском Союзе началось массовое производство унтов. Модель разработал дизайнер Вячеслав Мясников. Они представляли из себя традиционные для многих народов циркуполярного мира чулки из оленьих камусов, но были дополнены войлочной подошвой. Климатические условия Севера способствуют тому, что они используются наиболее активно из всех названных выше элементов традиционной одежды [\[25, с. 88-89\]](#). Меховыми также остаются головные уборы. С 1969 года в Якутии начинает свою работу Фабрика художественных промыслов «Сардаана», посредством которой происходило фабричное производство и реализация меховых изделий в национальном стиле. Уже в 1970-х годах перечень изготавливаемых товаров народного потребления вырос до 20 наименований различных предметов одежды, среди которых: унты, шапки, ботинки, куртки, шубы, рукавицы и пр [\[29\]](#). Поставлялись эти товары как в потребсоюзы для продажи, так и в промышленные добывающие предприятия [\[30\]](#).

Рис. 7 Фотография мужчины и женщины. 1940-ые

Рис. 8 Групповое фото. 1950-1960-ые

Интересно было отметить, что даже внутри одного региона интенсивность использования меха и кожи даже в советский период могло отличаться. Фотографии северных улусов Республики Саха (Якутия) демонстрируют, что Север республики подвергалась трансформации зимней одежды в наименьшей степени. По собранным фотоматериалам одежда здесь меховой оставалась во все охватываемые периоды. Такой расклад может быть связан со сложностями транспортной логистики, дальности этих территорий, доступности натуральных материалов. Северные колхозы республики были ориентированы на заготовку и добычу пушнины и мяса. Жителям северных районов всегда «доставать» материал для зимней одежды было легче. Со слов информанта даже в относительно более стабильные 1970-ые ситуация обстояла так: «Я в детстве носила меховые унты и шапки из рыси и лис. Потому что мать родом из Верхоянского района и работала там в сельпо, оттуда доставали. Когда-то в школе мать сшила мне шапку из шкуры красной лисицы и не привыкшие к такому одноклассники (прим. из Центральной Якутии) обзывали меня «собакой» из-за пушистости шапки. Они сами носили шапки из меха зайца и мутона. После этого случая я дома эту шапку остригла ножницами» [\[31\]](#).

Рис. 9 Фотография 1940-1950-ые

Рис. 10 Групповое фото детей. 1959 г.

Таким образом, в течение всей первой половины XX века резко сменяется быт, экономический уклад, образ жизни, а с ним и повседневная одежда всех жителей советского государства. При этом эти унификации и изменения не всегда могли покрывать потребности жителей специфических климатических зон, в том числе и жителей северных республик.

Данные процессы интересны для научного изучения не только в плане истории быта и повседневности, но и для рассмотрения практик адаптации народных традиций в

сложных экономических условиях и модернизации жизни в целом. Галопирующая трансформация материальной культуры первой половины XX века происходила конструктивистскими методами и народ был вынужден использовать традиционный опыт и заместительные технологии чтоб спастись от холода. Большую роль в этих процессах сыграло ручное домашнее производство зимней одежды. В дальнейшем в послевоенный период традиционный стиль и некоторые виды традиционной одежды будут восстанавливаться, но уже на более скромных условиях и с совершенно другими фабричными технологиями пошива.

Тема настоящего исследования достаточно сложна для глубинного анализа из-за ограниченности источников и литературы поскольку, с одной стороны, советский костюм не совсем интересен в этнографических исследованиях, не попадает он и в фокус классических историков, информантов-свидетелей с каждым годом все меньше, а документы о советской одежде очень фрагментарны. Тем не менее, на наш взгляд, данный вопрос требует дальнейшей разработки и дискуссий.

Библиография

1. Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. 2-е изд. – Москва: [б. и.], 1993. – 713 с.
2. Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII вв. – Новосибирск: Наука, 1998. – 141 с.
3. Петрова С.И. Народный костюм якутов: историко- этнографическое и искусствоведческое исследование. – Новосибирск: Наука, 2013. – 207 с.
4. Яковлева К.М., Прокопьева А.Н. Якутский национальный костюм: поиск идентичности // Человек и культура. – 2019. – № 4. – С. 62 – 70. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.4.28738
5. Винниченко И.В. Советская мода в контексте социально-экономической и культурной жизни СССР от «оттепели» до «застоя»: традиции и новые реалии : монография / И.В. Винниченко ; Омский гос. техн. ун-т. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. – 111 с.
6. Стриженова Т.К. Из истории советского костюма. – М.: Советский художник, 1972.– 110 с.
7. Шепель О.Н. Зарождение советского костюма в условиях массовизации общества // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – №4. – Т.1. – С. 292-295.
8. Зиновьева Л. Е. Костюм и идентичность: представление о себе и представление себя // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 1. – С. 57-62.
9. Бобрихин, А. А. Одежда и мода как средство формирования советской идентичности / А. А. Бобрихин, С. И. Егорова // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2015. – № S18. – С. 21-25. – EDN TOAVRN.
10. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920-х – 1930-х годов. – СПб.: Журнал «Нева» – Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. – 320 с.
11. Керимова, А. Т. Одежда крымских татар в первые годы Советской власти / А. Т. Керимова // Крымское историческое обозрение. – 2021. – № 2. – С. 171-178. – DOI 10.22378/kio.2021.2.171-178. – EDN QYSPMW.
12. Головнев А.В. «Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера)» Этнографическое обозрение. – 2012. -№2. – С. 3-12.
13. Федорова, А. Р. Традиционная одежда якутов XIX – начала XX вв.: природное

- сырье и новые материалы (количественный подход и анализ) / А. Р. Федорова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2023. – № 3(44). – С. 31-46. – DOI 10.25693/SVGV.2023.44.3.003
14. Фефилова Л. Ю. Методика исторического анализа европейского костюма конца XIX – начала XX вв. по фотоматериалам Урала и Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Л. Ю. Фефилова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2007. – 21 с.
 15. Жилище, одежда и пища якутов. – Якутск : Типография Якутского областного управления, 1913. – 21 с.
 16. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века: (по материалам погребений). – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1971. – 210 с.
 17. Петрова С. И. Якутская национальная одежда: традиции, проблемы современной реконструкции и адаптации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – №4. С. 1-6.
 18. Соскин В. Л. Российская советская культура (1917 – 1927 гг.): Очерки социальной истории. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2004. – 455 с.
 19. История Якутии: в 3 томах. Новосибирск: Наука, 2021. – Т. 3. – 592 с.
 20. Национальный Архив Республики Саха (Якутия), Ф. Р-51, Оп. 1, Д. 55, Л. 128.
 21. Васильева Н.Д. Якутское шаманство 1920 – 1930-е гг. / Н.Д. Васильева; Акад. наук Респ. Саха (Якутия). Ин-т гуманитар. исслед. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2000. – 141 с.
 22. Иванов Х.В. Традиционное декоративно-прикладное и изобразительное искусство якутов: Русско-якутские связи: (к постановке вопроса) // Культурное взаимодействие народов Республики Саха (Якутия): История и современность: Сб. науч. Тр, – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 1995. С. 86.
 23. Гоголев А.И. История Якутии. – Якутск: Издательство Якутского государственного университета, 2005. – 296 с.
 24. Аммосов М.К. Строительство ЯАССР. (Отчет правительства ЯАССР пятому Всеякутскому съезду Советов). – Якутск: Изд. кооператива «Ленинец», 1927. – 42 с.
 25. Брагина Д.Г. Трансформация традиционной культуры якутов (конец XX – начало XXIв.). – Новосибирск: Наука, 2016. – 120 с.
 26. Коллективизация сельского хозяйства Якутской АССР (1928-1940 гг.). Документы и материалы. Ред. Коллегия: В.В. Николаева (гл. редактор), В.Н. Антипина, П.Х. Гуляев, С.Е. Ефремов, П.С. Софронеев, Д.С. Шепелев. – Якутск: Кн. Изд-во, 1978. – 268 с.
 27. Полевой материал автора: Информант Егорова Евдокия Захаровна 1935 года рождения, Якутск, ноябрь 2023.
 28. Полевой материал автора: Опрос «Человек и животный мир на территории Республики Саха (Якутия): представления и практики взаимодействия», Якутск 2022.
 29. Национальный Архив Республики Саха (Якутия) Ф. Р1463, Оп. 1, Д. 19 Л. 18-19 Отчеты о выполнении планов по продукции и труду за 1976-1977.
 30. Национальный Архив Республики Саха (Якутия) Ф. Р1463, Оп. 1, Д. 39, Л. 1 Отчеты о выполнении планов поставок товаров народного потребления фабрикой Сардаана.
 31. Полевой материал автора: Информант Федорова Туйара Ивановна 1968 года рождения, Якутск, август 2023.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

На статью «Трансформация зимнего костюма в Якутия в эпоху модернизации конца XIX – середины XX вв.»

Предмет исследования – стал традиционный якутский костюм и его изменение в конце XIX- середины XX века.

Методология исследования базируется на принципах системности, научности и историзма. В работе использованы этнографические методы, которые используются при изучении традиционной культуры народов, в том числе и материальной (одежда, пища и т.д.).

Актуальность темы обусловлена тем, что с конца XX века отмечается интерес к культуре якутов, в том числе и к костюмы, этот интерес происходил на волне роста национального самосознания якутов и их идентичности и как отмечает автор статьи, «вопросы возрождения национального костюма в 1990-ые годы, новые интерпретации и взгляды на то, как якуты сегодня воспринимают традиции и как их воспроизводят». Актуальность темы связана с тем, что советская модернизация быта и культуры народов, в том числе и вопрос модернизации повседневной одежды в советский период в Республике Саха (Якутия) не получил должного внимания. «Изменения в облике по всей стране происходило в единой траектории, но имело и свои локальные особенности. Якутия в этом ключе является нестандартным регионом, поскольку климатические особенности и скотоводческая форма хозяйства диктовали особые потребности и опыт изготовления и ношения одежды» и потому данный вопрос остается актуальным и недоработанным.

Научная новизна определяется постановкой темы и задач исследования. Научная новизна также обусловлена тем, что в статье на широком круге источников (в том числе и фотоматериалов), проведен фактически впервые всесторонний и глубокий анализ трансформации якутского зимнего костюма с конца XIX века до середины XX века.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный с элементами описательности. Структура работы направлена на достижение цели работы, в начале статьи автор раскрывает актуальность и представляет сжатый анализ работ по теме, выделяет вопросы, которые требуют изучения, разъясняет хронологические рамки работы. Он пишет, что « поскольку хронологические рамки исследования охватывают период активных модернизационных процессов в регионе, то все фиксируемые трансформации в формах, материалах и культурных заимствований повседневного костюма якутов связаны с экономическими, религиозными, социально-политическими и культурными изменениями общества». Далее автор отмечает, чтобы обосновать эти изменения были использованы различные материалы по истории Якутии, а для «изучения зимнего костюма XX задействованы фотоматериалы, на которых запечатлены образцы повседневной одежды». Текст статьи логично выстроен и в тексте много интересных материалов, касающихся материалов из которых изготавливался зимний костюм, автор отмечает, что с конца XIX в. при изготовлении костюма используется текстиль и покупные ткани. В работе показано какое влияние на трансформацию костюма оказывали социально-экономические и политические события. Текст хорошо иллюстрирован фотоматериалами, что повышает интерес к теме исследования и делает текст легким для восприятия.

Библиография работы состоит из 31 источника, в их числе работы советских и российских исследователей по костюму, а также статьи и монографии по истории и

культуре якутов и также работы по смежным темам. Библиография показывает, что исследователь к изучению темы подошел основательно.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации и проделанной работы. Библиография также является ответом оппонентам.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную и интересную тему, будет интересна специалистам и широкому кругу читателей, всем интересующимся традиционной одеждой народов нашей страны и ее трансформацией в различные исторические периоды.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Гоголев А.И., Федоров С.И. — «Дефицит холода» и деградация многолетнемерзлых грунтов как фактор трансформации охотничьей деятельности у якутов // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 130 - 136. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69081 EDN: RLNCPT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69081

«Дефицит холода» и деградация многолетнемерзлых грунтов как фактор трансформации охотничьей деятельности у якутов

Гоголев Анатолий Игнатьевич

ORCID: 0000-0002-9694-7826

доктор исторических наук

Профессор кафедры "Всемирная, Отечественная история, этнология и археология", Северо-Восточный Федеральный Университет им. М.К. Аммосова

677000, Россия, республика Саха (якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58, оф. 608

✉ cafvi1990@mail.ru

Федоров Святослав Игоревич

ORCID: 0000-0002-8610-3689

1. Младший научный сотрудник, лаборатория "Человек в Арктике", Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. 2. Старший преподаватель, кафедра Всемирной, отечественной истории, этнологии и археологии, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

677000, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1

✉ fedorov.si@mail.ru

[Статья из рубрики "Этнология и культурная антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.6.69081

EDN:

RLNCPT

Дата направления статьи в редакцию:

23-11-2023

Дата публикации:

18-12-2023

Аннотация: Одной из важнейших международных проблем XXI века является общепланетарное изменение климата. С каждым годом в одних частях света фиксируется снижение годового уровня осадков и температуры, в других, наоборот, повышение. Эти колебания могут вызвать засухи, наводнения и деградацию многолетнемерзлых грунтов. Дальнейшее изменение климата может нанести непоправимый ущерб традиционным способам ведения сельского хозяйства и отрицательно сказаться на жилищных условиях во многих регионах земного шара. Таким образом, изменение климата может осложнить и нарушить устоявшийся порядок жизни и деятельности населения Республики Саха (Якутия). В настоящей работе освещается проблема, которая ранее не была специально изучена, и которая касается всех охотников республики, а именно влияние климатических изменений на ведение охотничьей деятельности. Работа основана на полевых материалах, собранных Вилуйском и Таттинском районах. Полевые материалы были собраны путем аудио, фото и видео фиксации, глубинного интервьюирования и включенного наблюдения во время полевых работ в Вилуйском и Таттинском районах Республики Саха (Якутия). Ранее в научных трудах исследования проводились отдельно по теме влияния изменения климата на повседневную жизнь и хозяйственную деятельность якутов, в настоящей же работе была рассмотрена охотничья деятельность. Охотники, участвовавшие в исследованиях, различными способами адаптируются к меняющемуся климату: увеличивают ареал поиска дичи, снаряжают выезды на большие расстояния чем ранее, учатся заново считывать изменения погодных условий, изготавливать и применять различные приспособления для охоты и хранения. Основными выводами проделанной работы является то, что, климатические изменения прямо или косвенно влияют на охотничью деятельность в исследованных районах: рядовые охотники-любители отмечают, что меняется ареал обитания животных, разрушаются дороги, деградирует почва охотничьих угодий, появляется опасность распространения различных заболеваний.

Ключевые слова:

Якутия, охота, охотничья деятельность, традиционная культура, любительская охота, климатические изменения, таяние мерзлоты, деградация почвы, адаптация, трансформация

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10088, <https://rscf.ru/project/19-78-10088/>

На территории Республики Саха (Якутия), значительная часть населения, включая скотоводов и коневодов, активно вовлечена в охотничий промысел. На сегодняшний момент в республике зарегистрировано 94 465 владельцев гражданского оружия [16] при общем количестве совершеннолетних жителей в 703066 [15] человек, т.е. 13,5% от общего количества совершеннолетних жителей имеют зарегистрированное оружие. В пользовании у Якутян находится 164 733 единицы ружей, винтовок, карабинов, пистолетов и т.д., что является довольно большим арсеналом и делает Республику Саха (Якутия) одной из самых вооруженных регионов Дальнего Востока. Данный факт состоятелен благодаря особому отношению к охотничьей деятельности на территории Республики, о чем свидетельствует не только количество зарегистрированных стволов, но и большое количество специализированных охотничьих магазинов (более 70-ти в

одном городе Якутск), наличие узконаправленных периодических изданий, различных продуктов в медиапространстве и т.д. Всё вышеперечисленное говорит о том, что охота осталась важным звеном в цепочке жизнедеятельности у якутов, так же, как и в прошедшие века. Сейчас, с одной стороны, охота может служить дополнительным источником дохода, особенно для тех, кто живет в отдаленных и малонаселенных районах, где возможности для трудоустройства ограничены, с другой стороны, охота также позволяет получить доступ к свежим продуктам питания, что также особенно важно для сельских жителей, которые в основном зависят от местных ресурсов, и, наконец, охота является одним из популярных видов досуга в Якутии.

В первой половине XVIII столетия начинается активное изучение охоты и связанных с ней отраслей, включая торговлю мехом и рыболовство, что обусловлено экономическим развитием Сибири и формированием государственной политики в данной области. Исследователи того времени, такие как Р.К. Маак [10], В.Л. Серошевский [12], А.Ф. Миддендорф [11], В.И. Иохельсон [9], Ф.П. Врангель [7] и другие осветили многие аспекты организации и осуществления торговли мехом. Тема охоты рассматривается в работах, которые посвящены этнографической истории сибирских народов, и в коллективных трудах, где она является составной частью исследования более широкого круга вопросов.

Современные исследователи Якутии, такие как Анисимов О.А. [6], Егорова Л.П. [8], Спесивцева Н.А. [13] и др. активно изучают вопросы климата, его изменений и особенности криогенных ландшафтов в условиях вечной мерзлоты. В начале нынешнего столетия опыт адаптации аборигенного населения к изменениям климата и окружающей среды Арктики становится предметом активного изучения со стороны таких исследователей, как Сулейманов А.А., Лыткин В.М., Винокурова Л.И., Григорьев С.А. и др. В своих публикациях [5, 14] помимо исторического аспекта исследования, они также рассматривают климатические перемены и их воздействие на повседневную жизнь автохтонных этносов Арктики, включая и якутов. При проведении данных исследований они опираются на собственный эмпирический материал и масштабные полевые изыскания.

Кроме ученых, об изменениях климата обеспокоены практически все местные жители. Так, жители села Сыдыбыл обеспокоены происходящими изменениями и трансформациями в природе: «...когда я была моложе, весной, когда просыпалась природа, стоял терпкий и густой хвойный аромат, а сейчас даже если ты будешь нюхать хвою с руки, ничем не пахнет. Я думаю, что всё это результат увядания природы. К тому же, я заметила, что растения и деревья желтеют очень рано, такого в моем детстве не было. Так же, многие озера уменьшились, а то и вовсе высохли и пропали. Зима стала слишком теплой, это очень плохо для нас якутов, сейчас нет настоящих морозов под -50 градусов. Однако, лето наоборот холодное. Конечно же, огромного влияния климатических изменений лично в своей жизни мы не чувствуем, просто в целом изменения заметны, скорее всего изменения более заметны для тех, кто проводит больше времени в лесу...» [1]. Другой информант также подчеркивает заметные изменения климата, кроме того он отмечает о пагубном влиянии на хозяйство и на охотничью деятельность: «...изменений в климате очень много. Весна приходит слишком рано, осень наступает слишком поздно, а зимой не холодает от слова совсем, поэтому, можно сказать, что потепление идет. Лето совсем засушливое, жаркое, трава нормально не растет. Я думаю, что наступает засуха: озера потеряли очень много воды, некоторые совсем исчезли. Когда наступит засуха, повысится популяция зайцев, а популяция уток

уменьшится. Когда я был маленьким, да, были холода, помню, что была температура -62 градуса. Лет десять еще назад температура зимой неделю держалась ниже -50, а сейчас совсем тепло стало, даже не опускается ниже -50. Такое потепление, лично для меня, может пагубно влиять на моё хозяйство, может затопить пастбища, при засухе может произойти дефицит сена...» [\[2\]](#).

Действительно, в условиях современного климатического кризиса, наблюдается ряд последствий, одним из которых является изменение ареала обитания диких животных. В результате глобального потепления, многие виды животных вынуждены мигрировать в поисках новых мест обитания, где условия окружающей среды будут более благоприятными для их существования. Одним из последствий миграции животных является затруднение поиска подходящей дичи охотниками на большие расстояния. Это связано с тем, что животные перемещаются на новые территории, в некоторых случаях это может привести к полному исчезновению некоторых видов животных из определенной местности. Кроме того, повышение среднегодовой температуры влечет за собой деградацию почвы, что также негативно сказывается на среде обитания животных. Деградация почвы может привести к уменьшению количества растительности, которая является источником пищи для многих видов животных, а также к уменьшению доступности воды.

В связи с изменением ареала обитания животных участились случаи обнаружения хищных животных (медведи, волки) вблизи населенных пунктов. Животные в поисках пищи исследуют окрестности поселений, в качестве пропитания используют продукты человеческой жизнедеятельности, отходы и т.д. оставляемые в местах сбора бытового мусора. Так же фиксируются неоднократные эпизоды нападения на сельскохозяйственных и домашних животных.

Информанты сообщают о появлении случаев высыхания озёр и возникновении болот или озёр на ранее засушливых участках. Дополнительно они отмечают, что ранее передвигались на легковых автомобилях до места дислокации, но в настоящее время проезд до угодий возможен только на транспорте повышенной проходимости, а также лошадях. Кроме того, изменение ареала обитания животных так же накладывает необходимость выезжать всё дальше в поисках дичи. Интересным наблюдением является то, что сейчас опытные водители-охотники примерно знают, когда начинается оттайка почвы, и во время весенней охоты стараются выехать на удовлетворительную дорогу задолго до наступления оттепели так как после того как почва оттаёт, возможные пути проезда на транспорте резко снижаются [\[4\]](#).

Дальность выезда предполагает охоту на местах охотугодий в течении длительного времени, в связи с чем требуется место для хранения дичи для дальнейшей транспортировки в поселок. Для этого ранее активно использовались вырытые у охотничьих изб ледники – булус. В ходе полевых работ не удалось найти полностью функционирующий ледник в местах охоты, все имеющиеся булусы были затоплены либо обвалены в связи с проникновением талых вод. Одним из интересных примеров адаптации является хранилище, найденное в Вилюйском районе. В местности Кебйи местные охотники соорудили конструкцию для хранения водоплавающей дичи в период охотничьего сезона: было вырыто четырехугольное углубление внутри которого была закопана половина металлической бочки в вертикальном положении с самодельной крышкой, дно было застелено ПВХ-тентом, который выступает так же изоляционной прослойкой. Со слов информанта [\[3\]](#), данная конструкция сохраняет добычу до 10 дней в хорошей сохранности. Информант так же поведал о планах усовершенствовать своё

хранилище, в скором времени он планирует таким же образом закопать не функционирующий бытовой холодильник. Информант надеется на увеличение продолжительности срока хранения добычи.

Изменение климата играет значительную роль в распространении заболеваний среди животных и растений, что представляет серьезную угрозу для здоровья и благополучия человека. Одним из основных факторов, способствующих распространению заболеваний, является деградация многолетнемерзлых грунтов, которая приводит к появлению и размножению различных микроорганизмов, вызывающих болезни.

Среди наиболее опасных заболеваний, связанных с изменением климата, можно выделить сибирскую язву, бруцеллез и некробактериоз, которые могут передаваться от животных к человеку. Эти заболевания имеют прямое влияние на здоровье и качество жизни людей, а их распространение особенно опасно в тех местах, где имеются старые «падёжные места». Старые «падёжные места» представляют собой участки, где в прошлом были захоронены трупы животных, зараженных сибирской язвой. Эти места могут стать источниками заражения для других животных и, в конечном итоге, для человека. По данным исследователей, риск заражения может сохраняться на протяжении 50-75 лет после захоронения.

Существенный риск в контексте распространения заболевания представляют дикие животные, включая птиц, и также кровососущие насекомые, особенно слепни. Данный процесс возможен благодаря контакту с больными животными, зараженным мясом, камусом и шкурами. Дополнительно, весной прибывают, а осенью отбывают в теплые края миллионы мигрирующих птиц, в свете этого, охотничья активность также претерпевает изменения, направленные на уменьшение числа охотников, ввиду опасности заболевания добытых животных и мигрирующих птиц.

Библиография

1. ПМА 2017, Вилюйский район, женщина 1940 г.р., пенсионер
2. ПМА 2017, Вилюйский район, мужчина 1949 г.р., пенсионер
3. ПМА 2023, Вилюйский район, мужчина 1984 г.р., охотник
4. ПМА 2023, Таттинский район, мужчина 1994 г.р., охотник
5. Lytkin V., Suleymanov A., Vinokurova L., Grigorev S., Golomareva V., Fedorov S., Kuzmina A., Syromyatnikov I. Influence of permafrost landscapes degradation on livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) rural communities // Land. 2021. Vol. 10, No. 2. P. 1-22. DOI 10.3390/land10020101. EDN OGSXAB.
6. Анисимов О.А. Оценочный отчет. Основные природные и социально-экономические последствия изменения климата в районах распространения многолетнемерзлотных пород: прогноз на основе синтеза наблюдений и моделирования. М.: ОМННО «Совет Гринпис», 2010. 43 с.
7. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. Ч. I-II. СПб., 1841. 356 с.; 2-е издание. М.: Изд-во ГУСМП, 1948. 456 с.
8. Егорова Л.П. О влиянии Вилюйского водохранилища на климат окружающей среды// Влияние ГЭС на окружающую среду в условиях Крайнего Севера. Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1987. С. 78-82.
9. Иохельсон В.И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. СПб., 1898. С. 6-25.
10. Итоги Всероссийской переписи населения-2020. Том 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке URL:

https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake/ (Дата обращения: 23.11.2023)

11. Маак Р. К. Вилуйский округ. 2-е изд., М.: Яна, 1994. 592 с.
12. Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. ЧII. СПб.1878. 833 с.
13. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования, М.: Центрполиграф, 1993 г. 751 с.
14. Спесивцева Н.А. Микроклиматический режим Вилуйского водохранилища// Региональные и теплофизические исследования горных пород Сибири. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1976. С. 176-179.
15. Сулейманов А.А., Лыткин В.М., Винокурова Л.И., Григорьев С.А., Фёдоров С.И., Голомарева В.Ю., Башарин Н.И., Апросимов Д.А. Сельские сообщества Якутии в условиях деградации многолетнемерзлых пород: ключевые риски, социальные последствия, механизмы адаптации // Арктика и Север. 2023. № 52. С. 199-231. DOI 10.37482/issn2221-2698.2023.52.199. EDN ZWZDYL.
16. ЯСИА. Население Якутии-самое вооруженное на Дальнем Востоке URL: <https://ysia.ru/naselenie-yakutii-samoe-vooruzhennoe-na-dalnem-vostoke/> (Дата обращения: 11.02.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

на статью «Дефицит холода» и деградация многолетнемерзлых грунтов как фактор трансформации охотничьей деятельности у якутов

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен в тексте.

Методология исследования базируется на принципах научности, объективности и историзма. При исследовании темы использован историко-антропологический подход.

Актуальность темы определена тем, что охота и «охота осталась важным звеном в цепочке жизнедеятельности у якутов, так же, как и в прошедшие века», пишет автор рецензируемой статьи. Он отмечает, что она может служить как источником дохода для жителей отдаленных районов Якутии, где высок уровень безработицы и нет возможности трудоустроиться, так и служит средством добычи свежих продуктов, особенно для сельских жителей, «которые в основном зависят от местных ресурсов». Кроме того, охота для жителей Якутии являются одним из популярных видов досуга. В условиях изменения климата из-за глобального потепления в Якутии отмечается «изменение ареала обитания диких животных.», Они вынуждены мигрировать в поисках новых мест, обитания и это приводит к исчезновению дичи в местах прежней охоты, и многих иным последствиям для традиционного промысла жителей Якутии охоты. Изучение темы исследования без сомнения представляется актуальным и важным.

Научная новизна работы заключается в постановке проблемы и задач исследования. Научная новизна работы также определяется тем, что в данной работе на широком круге источников (в том числе на своих полевых материалах) исследуется «дефицит холода» (или потепление) и его влияние на трансформацию охотничьей деятельности якутов.

Стиль, структура, содержание. Стиль работы научный, язык ясный и четкий. В работе есть элементы описательности, что делает работу доступной для широкого круга читателей. Структура работы направлена на достижение цели и задач исследования. В

начале работы автор раскрывает актуальность работы, дает краткий и качественный анализ работ исследователей, которые занимались изучением охоты и связанных с ней отраслей, включая торговлю мехом и рыболовством. Автор отмечает и работы современных исследователей (Анисимов О.А., Егорова Л.П., Спесивцева Н.А. и др.), которые изучают вопросы климата и его изменений, а также работы Сулейманов А.А., Лыткин В.М., Винокурова Л.И., Григорьев С.А. и др, которые активно занимаются исследованием «опыт адаптации аборигенного населения к изменениям климата и окружающей среды». В работе автор показывает, как относятся местные жители к «дефициту холода» и приводит их высказывания о влиянии изменения климата на охотничью деятельность и на жизнь местного населения. В работе приведены интересные материалы и данные о изменении ареала обитания животных и их вынужденной миграции в более холодные места, о проблемах для охотников к поиску дичи и многих других проблем, в том числе о том, что хищные дикие животные из-за изменений климата стали в качестве пропитания использовать продукты человеческой жизнедеятельности, отходы и т.д. и участились случаи их нападения на людей. Автор также пишет о негативные последствия изменения климата в том числе отмечает, что деградации многолетних грунтов «ведет к появлению и размножению микроорганизмов, вызывающих болезни» и росту числа болезней среди животных, в том числе опасных для людей и о многом другом. Текст статьи читается легко и изложен интересно.

Библиография. Библиография работы состоит из разнообразных работ (это работы по теме и смежным темам, есть работы, написанные в конце XIX в, 1940-70-х годов, основная часть работ – работы последних двух десятилетий), а также материалы полевых исследований автора.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне работы над темой и полученных результатов.

Статья написана на актуальную тему и будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Качай И.С. — Онтологическое, гносеологическое и антропологическое измерения творчества в контексте классической европейской философии // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 137 - 152. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69277 EDN: DTEPPZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69277

Онтологическое, гносеологическое и антропологическое измерения творчества в контексте классической европейской философии

Качай Илья Сергеевич

ORCID: 0009-0009-7500-2493

старший преподаватель, кафедра философии, Сибирский федеральный университет; научный руководитель, Институт когнитивно-поведенческой психотерапии

660041, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Свободный, 82А, ауд. 428

✉ monaco-24-ilya@mail.ru

[Статья из рубрики "Художественная культура и творчество"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.6.69277

EDN:

DTEPPZ

Дата направления статьи в редакцию:

10-12-2023

Дата публикации:

22-12-2023

Аннотация: Объектом настоящего исследования выступает творчество как культурфилософский феномен. Предметом работы являются онтологический, гносеологический и антропологический аспекты творчества, раскрывающиеся в концептуальном пространстве классической европейской философии. Цель данного исследования заключается в выявлении способов осмысления творчества как культурфилософского феномена сквозь призму воззрений крупнейших представителей европейской философской мысли. При рассмотрении сущностных оснований творчества особое внимание уделяется онтологической, гносеологической и антропологической природе творчества, акцентирующей в концептуальных построениях Платона, Аристотеля, Августина Блаженного, Фомы Аквинского, Ф. Бэкона, Р. Декарта, Дж. Локка,

И. Канта и В.Ф.Й. Шеллинга. Помимо этого, в работе артикулируется тенденция дифференцирования подлинных и мнимых творческих интенций субъекта, в явном или имплицитном формате наличествующая в смысловом поле классической европейской философии. Актуальность исследования детерминируется современной тенденцией подмены творчества как свободного и вдохновенного процесса формирования нового бытия механистическими и алгоритмическими актами комбинаторного конструирования продукта с целью удовлетворения сугубых прагматических интересов. Теоретической основой данного исследования являются оригинальные работы представителей классической европейской философии, а также современные исследования в области философии творчества. Методологическим фундаментом работы выступают компаративистский анализ и метод контекстуального видения творчества. Основным результатом проведённого исследования является артикуляция понимания феномена творчества в контексте классического периода развёртывания европейской философской мысли с позиций онтологического, гносеологического и антропологического подходов. На основе выявленных аспектов искомого культурного феномена представлено исторически детерминированное понятие творчества. Научная новизна исследования также заключается в обнаружении и акцентировании как явных, так и имплицитных стремлений классиков европейской философии к сущностному размежеванию подлинных и мнимых интенций творческого субъекта. Выявленные интенции вкупе с концептуализированными онтологическими, гносеологическими и антропологическими воззрениями европейских мыслителей относительно природы творчества позволили разработать рабочую дефиницию мнимого творчества. В этом отношении онтологический, гносеологический и антропологический аспекты творчества в перспективе могут образовать систему критериев, позволяющих дифференцировать подлинные и мнимые творческие интенции.

Ключевые слова:

творческие интенции, подлинное творчество, мнимое творчество, онтология, гносеология, антропология, античная философия, средневековая философия, философия Нового времени, немецкая классическая философия

Введение

Историко-философская рефлексия творчества как культурного явления связана с утверждением различных аспектов искомого феномена. На разных стадиях развития мировой философской мысли творчество осмысливается с онтологических, гносеологических, антропологических и иных позиций. Такая многоаспектность творчества требует комплексного осмысления его природы с точки зрения различных разделов философского знания. Так, в онтологии творчества исследуются объективные закономерности процесса учреждения нового бытия, а само творчество обосновывается как атрибут человеческого, природного или божественного бытия. В этом отношении В. Блок замечает, что «хотя человечество не является субъектом творения мира, учреждение и укоренение в мире не обходится без участия человека, поскольку этот мир перформативно конституируется в акте изобретения, совместного развития, функционирования и эксплуатирования, в который вовлечен человек, живущий и действующий в мире» [\[1, с. 16\]](#).

Действительно, творческий субъект создаёт уникальное произведение, преобразуя формы существования различных уровней бытия, на что, в частности, указывает С.И.

Фиут: «Произведение является проявлением свободы художника, который в себе и в мире – в порядках бытия, подпадающих под многочисленные определения, – обнаружил благоприятные условия для своего существования» [2, с. 328]. В свою очередь, М.С. Невес-Перейра и М.А. Пинейру выявляют онтологическую структуру творческого процесса, обосновывая последний как «социальный, семиотический, диалогический и релятивистский феномен, развивающийся посредством процессов, пронизанных особой динамикой самой психической конституции человека» [3, с. 11]. Иллюстрируя онтологическую природу музыкального творчества, Л. Чжэн и Г. Маццола выделяют три онтологических измерения музыкального произведения: фактическое, отражающее физическую, психологическую и ментальную формы бытия музыки, семиотическое, указывающее на раскрытие смыслового содержания музыки посредством знаков и символов, и коммуникативное, которое «подчёркивает тот факт, что музыка существует также как совместное бытие между отправителем (обычно композитором или музыкантом), сообщением (обычно произведением) и получателем (публикой)» [4, с. 7].

В свою очередь, гносеология творчества ориентирована на анализ когнитивных процессов субъекта как своего рода источника творческого акта. Так, на нерасторжимое единство творчества и познания указывают М. Пешл и Т. Фунднейдер, обозначая познание как акт порождения новых знаний, ориентированный в будущее, ведь «то, чему необходимо появиться, более важно, чем рекомбинация уже существующих структур знания» [5, с. 17]. Гносеологическую детерминированность творчества подчёркивают И. Ликата и Г. Минати, определяя последнее как потенцию субъекта к формированию оригинальных познавательных механизмов: «Творчество начинается с чувственных отношений с внешним миром и продолжается когнитивными процессами, такими как продуцирование теоретического моделирования и репрезентаций» [6, с. 10]. В то же время У. Росс признаёт значимой определённую долю незнания при реализации творческого акта, поскольку «невежество... является одновременно творческим и необходимым условием и, более того, раскрывает суть творческого акта» [7, с. 10].

Наконец, антропология творчества интенцирована на исследование сущностных характеристик и внутриличностных детерминант субъекта, который в акте творчества не только создаёт и преобразует внешнюю реальность, но и актуализирует, проявляет и фундирует собственную сущность. Неспроста Р. Дж. Штернберг определяет творчество как «способность человека проявлять креативность вне культурных границ как в пространстве, так и во времени» [8, с. 363]. В качестве антропологических детерминант творчества Д. Эмброуз постулируют синтез интеллекта, креативности и мудрости [9, с. 363], а Н. Мышковский, Б. Барбо и Ф. Зенасни субъективным фундаментом творчества утверждают «набор ключевых интеллектуальных, личностных, мотивационных и эмоциональных аспектов», притом что «важность этих характеристик варьируется в зависимости от характера творческой работы и области приложения усилий» [10, с. 33]. Наконец, Дж. Кэрролл подчёркивает неразрывную взаимосвязь творчества и гибкости в процессе создания субъектом нового, ведь «как гибкость, так и творчество обуславливают энергию инноваций, которая характеризует поведение современных людей» [11, с. 34].

Актуальность исследования онтологической сущности творчества определяется наличествующей в современной культуре тенденцией механизации и алгоритмизации творческого процесса, приводящего к появлению искусственных продуктов, являющихся следствием эклектической комбинаторики разнородных фрагментов материала с целью

реализации прагматических интересов. В частности, Р. Дж. Штернберг дифференцирует трансформационное творчество, направленное на существенное и положительное преобразование бытия, и псевдотрансформационное творчество, нацеленное на получение вознаграждения и «полагающееся творцом как делающее мир лучше, но на самом деле его цель – улучшение положения человека, являющегося псевдотрансформационным творцом» [12, с. 1]. В свою очередь, изучение гносеологических оснований творчества приобретает особую значимость в контексте актуальной тенденции замещения процессов познания и самопознания творческого субъекта поверхностными и механистическими когнитивными актами, в то время как процессы формирования идей являются неотъемлемым атрибутом творческого мышления. Более того, как подчёркивают Р. Халил, Б. Годде и А. Карим, «обладание творческим складом ума является одним из ключей к достижению невероятного успеха и заметного прогресса в профессиональной, личной и социальной жизни» [13, с. 1]. Актуальность изучения творчества в антропологическом измерении детерминирована наблюдающейся тенденцией эскалации утилитаристских интенций, проникающих в сферу творчества, что потворствует редукции творческого потенциала субъекта до уровня условных гедонистических рефлексов. В результате, как пишет Э. Штайнер, «хотя творческий потенциал может быть присущ каждому отдельному человеку, инновации часто являются самоцелью» [14, с. 145]. В связи с этим исследование сущности творчества сквозь призму исканий представителей классической философии представляется актуальным и необходимым, поскольку позволяет выявить предельные основания и критериальные признаки подлинного творчества, тем более что, как замечает Н.А. Шергенг, «термин “классическая философия” так или иначе связан с выходом человеческого “Я” за границы эгоистических интересов своекорыстия, а значит – с проблемой существования системы надындивидуальных ценностей» [15, с. 714].

Вне всякого сомнения, комплексное исследование феномена творчества требует обращения и к другим его аспектам, в частности, аксиологическому, социокультурному, эстетическому и праксиологическому. Так, аксиологическая плоскость творчества раскрывает его нацеленность на создание и сохранение духовных и материальных ценностей, притом что «ценность в творческом процессе... выступает в качестве ориентира творческой деятельности» [16, с. 46]. Социокультурная грань творчества раскрывает его направленность на преемствование культурных традиций и преобразование общественных отношений. Выделение эстетического аспекта творчества позволяет изучать специфику возникновения произведений искусства и художественных творений. Наконец, праксиологический аспект искомого феномена раскрывает сущностные характеристики творчества как процесса преобразования природного и социокультурного бытия, притом что «наиболее важной целью праксиологии творчества представляется изучение процесса трансформации идей в творческие продукты» [17, с. 52]. Однако в рамках данного исследования внимание уделяется, главным образом, онтологической, гносеологической и антропологической граням творчества, обнаруживающихся и содержательно раскрывающихся в концептуальном поле классической европейской философии, берущей своё начало в античности и завершающейся немецкой классической философией.

Античная философия: творчество как переход из небытия в бытие и созерцательное подражание божественному творению

В смысловом пространстве античной философии творчество обосновывается, прежде всего, как онтологический феномен. О творческой природе самого космоса

свидетельствуют уже натурфилософские концепции, к числу которых относятся представления о вечной изменчивости бытия Гераклита, космогоническая концепция четырёхступенчатого развития мира Эмпедокла, учение о самодвижении атомов Демокрита, представления об управляющихся Нусом гомеомериях Анаксагора. В рамках эллинистическо-римского этапа творческая сущность космоса подчёркивается стоиками, полагающими, что природа есть «огонь-творец, который определённым путём устремляется к созиданию и который есть огнеподобная и творческая пневма» [\[18, с. 485\]](#). Цицерон также утверждает творческое начало природы, которая «будет создавать, создаёт и создала бесчисленные миры» [\[19, с. 77\]](#). Посему творчество человека как конечного существа, с точки зрения античных мыслителей, сводится к подражанию природе путём её созерцательного познания, превалирующего над автономным творчеством субъекта.

Наиболее явственно миметическая природа творчества субъекта раскрывается в учении Платона. Осмысливая творчество как «переход из небытия в бытие, создание любых произведений искусства и ремёсла» [\[20, с. 115\]](#), Платон онтологическим источником общемирового творения постулирует Единое как самотождественную субстанцию, являющуюся исходным творческим импульсом развёртывания сущего. Как отмечает В.А. Яковлев, творчество у Платона «носит универсальный характер, проявляясь всякий раз, когда любое нечто обретает своё бытие», в связи с чем смысл человеческого творчества «заключается в постоянном совершенствовании всего мироздания» [\[21, с. 146-147\]](#). Действительно, по Платону, природные процессы и явления обуславливаются божественным искусством, в результате чего образуется вещь и сопровождающий её образ, в то время как творчество субъекта, подражающее демиургическому акту творения, учреждает предмет и его изображение.

В этом отношении божественное творение онтологически превосходит человеческое творчество, которое, несмотря на свою миметическую природу, не является механическим подражательством и бездумным копированием, поскольку фундируется Эросом как своего рода одержимостью человека стремлением к созерцанию прекрасного в природе. Помимо этого, творчество субъекта в его платоновском понимании неотделимо от свободного энтузиастского начала, проявляющегося в следовании творца Даймону – внутреннему голосу гениальности и покровительствующему духу. Вместе с тем важнейшей детерминантой творчества человека, согласно воззрениям Платона, является творческое неистовство, которое Ч. Ломброзо описывает как то, что «вызывает в простой и непорочной душе человека способность выражать в прекрасной поэтической форме подвиги героев» [\[22, с. 18\]](#).

Таким образом, подлинное творчество субъекта обосновывается Платоном как обладающее энтузиастско-даймонической природой и вдохновенным неистовством, поскольку «творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых» [\[20, с. 154\]](#). Разграничивая истинные и мнимые творческие интенции человека с эстетических позиций, мыслитель дифференцирует творческое искусство, которое взывает к жизни ранее не существовавшее, и искусство приобретения, подчиняющее своему влиянию существующее и возникающее. Описывая субъекта искусства приобретения, мыслитель замечает, что «он, создавая... всевозможные подражания и одноимённые с существующими вещами предметы, сможет обмануть неразумных молодых людей, показывая им издали нарисованное и внушая, будто бы он вполне способен на деле исполнить всё, что они ни пожелают» [\[23, с. 298\]](#). Говоря иначе, если подлинное (подражательное по своей сути) творчество субъекта концептуализируется Платоном как

искусство творить образы (в соответствии с заданными характеристиками образца), то имитацией подлинного миметического творчества выступает искусство создавать призрачные подобию, которое исходит из непонимания субъектом прекрасного и соразмерного и представляет собой лицемерное подражание произведениям других творцов.

В отличие от преимущественно онтологического понимания творчества Платоном, творчество в учении Аристотеля трактуется в антропологическом и гносеологическом ракурсах. Так, мыслитель наделяет творческого субъекта большей автономностью, утверждая, что «творческое начало находится в творящем, будь то ум, искусство или некоторая способность» [\[24, с. 180\]](#). В этом отношении ключевой антропологической детерминантой творчества является способность субъекта порождать изменения во внешних объектах или в себе самом, ведь, по мысли Аристотеля, каков человек в возможности, таково его творение в действительности. Гносеологическая природа творчества выявляется в утверждении практических наук в качестве источника творчества, однако в качестве одного из структурных компонентов творчество наличествует и в теоретическом мышлении: «В знании о творчестве предмет – сущность, взятая без материи, и суть бытия, в знании умозрительном – определение и мышление» [\[24, с. 316\]](#).

Гносеологическая линия прослеживается также и в дифференцировании мыслителем истинных и мнимых творческих интенций субъекта. В частности, Аристотель различает искусность и неискусность, понимая под первой «причастный истинному суждению склад [души], предполагающий творчество», а вторую описывая как «склад [души], предполагающий творчество, но причастный ложному суждению» [\[25, с. 176\]](#). Помимо этого, Аристотель выдвигает тезис о возможном неудачном результате творчества человека в виде диссонирующих произведений искусства, которые называет ошибкой природы. Немаловажным аспектом в разграничении подлинных и мнимых творческих интенций в рамках перипатетической философии представляется противопоставление творчества и поступка. Если творчество, обуславливающееся относительной целью, трактуется философом как выбор иного, то поступок, характеризующийся безотносительной целью, определяется как выбор человеком самого себя.

Средневековая философия: творчество как создание и поддержание бытия Богом

Онтологическая ипостась творчества в концепции Августина Блаженного прослеживается в признании несотворённого и неизменного Бога как творца и промыслителя сущего, порождённого волей Отца через силу Сына в даре Духа Святого. Акт божественного творения осмысливается философом как установление видимого и невидимого бытия за счёт оформления бесформенной материи. Более того, творчество Бога теистически обосновывается Аврелием также и как поддержание бытия мира: «Творческая сила всё объемлет своим могуществом, не утомляющимся и не прекращающим своей деятельности, и даёт продолжать существование всему, что существует от неё и через неё» [\[26, с. 385\]](#). Гносеологическая и антропологическая детерминанты творчества выявляются в утверждении творчества субъекта как созерцательного постижения творений Бога, ведущее к вечной истине. В этом отношении творческое произведение, как пишет Г.Г. Майоров, трактуется Августином «как подражание идеалу, осуществляемое через посредство личности художника» [\[27, с. 304\]](#). Разграничение подлинных и мнимых творческих интенций прослеживается у философа в различении божественного и человеческого творчества, последнее из которых может превращаться в суетливую и безрассудную деятельность, ориентированную на

получение сугубых чувственных наслаждений: «Увлечённые внешним творением своим, оставляют в сердцах своих люди Того, Кто их создал, разрушают то, что Он создал в них» [\[28, с. 649-649\]](#). Посему истинное творчество определяется Августином Блаженным как движимое обращённостью человека к Богу, являющемуся источником созидательных способностей субъекта.

Онтологическая сущность творчества сквозь призму учения Фомы Аквинского также обнаруживается в признании Бога в качестве первоначала и предельной цели всего сущего, создаваемого посредством творческих интенций могущества, мудрости и благости. Непосредственный акт божественного творения осмысливается Аквином и как создание вещи из ничего, и как поддержание бытия сотворённой вещи, ведь «все творения, до того, как они начали быть, обладали возможностью быть... только благодаря божественной потенции-могуществу: постольку, поскольку Бог мог произвести их [т.е. творения] в бытие» [\[29, с. 91\]](#). Градуирование подлинных и мнимых интенций творчества прослеживается у мыслителя в различении разумного и неразумного творения: «Если разумное творение обладает свободой действий, достигает цели сообразно разуму и воле и постигает сущность Бога, то неразумное творение целиком зависит от провидения Бога, реализует сугубо естественные устремления и не обладает способностью познавать Бога» [\[30, с. 66\]](#). В связи с этим подлинное творчество обосновывается философом как разумение субъекта о путях создания рукотворных вещей. Неспроста Г.Г. Майоров указывает на то, что целью творца, с точки зрения средневековых мыслителей, является «передать современникам и потомству образ истины таким, каким он даётся в первообразе, не привнося ничего от себя и максимально исключая свою субъективность из творческого процесса» [\[27, с. 7\]](#).

Новоевропейская философия: творчество как комбинация наличных элементов сущего и практичное изобретательство

Бурное развитие науки, техники и производства в рамках новоевропейского этапа развёртывания философской мысли обусловило трактовку творчества, прежде всего, как синонима изобретательства, служащего научно-техническому и социальному прогрессу. В этой связи творчество утрачивает свой онтологический статус, трансформируясь из акта вызывания бытия из небытия в процесс комбинирования уже существующих элементов сущего с целью создания полезных в научно-техническом отношении предметов. Вместе с этим творчество обретает гносеологическую направленность. Так, Ф. Бэкон фактически отождествляет процессы познания и творчества, поскольку источником человеческого творчества постулирует созерцание плодов божественного творения, дарующее знание о божественных потенциях могущества и мудрости, которые выступают для субъекта образцами и мерилami его творчества. Для полновесного развития творческих способностей человеку, по мысли Бэкона, необходимо созерцать также и творческий характер природы, что позволяет субъекту осознавать источник разнообразия наличествующих вещей.

Помимо созерцания божественных и природных творений развитию человеческого творчества также способствует изучение произведений наук и искусств предшественников. Подражая этим творениям (и особенно тем из них, которые в наибольшей степени схожи с творениями природы), субъект в своём творчестве способен достигать действительных высот мастерства и искусности. Так или иначе, основным двигателем творчества субъекта выступает его познавательная активность. О важности творческого характера знания Бэкон упоминает и в отношении развития образования, основным недостатком которого философ считает разрыв «между упражнениями,

требующими запоминания, и упражнениями, предназначенными для того, чтобы развить творческие способности учащегося» [\[31, с. 152\]](#), что ведёт к стагнации творческого разума субъекта.

Более того, Ф. Бэкон обличает мнимые интенции творчества таких субъектов, в результате деятельности которых «случайно появляются несовершенные творения..., внушительные с виду, но слабые и ненадёжные в употреблении; однако обманщики выставляют это напоказ, выдумывают об этом всяческие небылицы и чувствуют себя триумфаторами» [\[32, с. 268\]](#). При этом такого рода «псевдотворцы» и «псевдоизобретатели», с точки зрения философа, ориентированы на достижение своей цели любой ценой, невзирая на возникающие на этом пути предрассудки. Иными словами, мнимые творческие интенции характеризуются нивелированием гносеологической природы творчества и раскрываются Ф. Бэконом в аспекте приверженности творческого субъекта различным идолам и догматам познания.

Утверждая Бога как бесконечного творца всех вещей и мировых движений, Р. Декарт онтологически превозносит божественное творчество над человеческим, поскольку, в отличие от созидательных потенций Бога, творческий разум ограничен в своих познавательных потенциях. В этой связи творчество субъекта сводится к способности видоизменять мировые движения, задаваемые Богом, в то время как в божественном творчестве органично соединяются акты воления, познания и созидания, осуществляющиеся единомоментно. Для сохранения вещи во времени необходима практически такая же сила, как и для её творения, в связи с чем понятия творения и сохранения в картезианской философии разнятся лишь в количественном аспекте. Разграничение подлинных и мнимых творческих интенций у Декарта осуществляется по критерию независимости субъекта от внешних влияний, поскольку творческая деятельность, имеющая своим источником приказ творить за вознаграждение, являет собой «случайные и отдалённые причины, ибо возможно, что, не получив приказа, мастер не стал бы ничего делать» [\[33, с. 474\]](#). Важно также отметить, что, по мысли Декарта, человек может считаться творцом того или иного изобретения лишь в том случае, если предварительно имеет в сознании идею совершенства творения искусства, дарованную ему Богом.

В своих философских исканиях Дж. Локк продолжает новоевропейскую традицию фактического отождествления способностей человека к творчеству и познанию, дарованных ему Богом, который, однако, ограничивает субъекта в его познавательных потенциях ровно в той мере, в какой это необходимо для постижения сущности божественных творений и для творческого выполнения практических задач. При этом сам познавательный процесс, по Локку, носит беспокойный характер, ведь именно воля человека заставляет его действовать и силой своего ума приводить в творческое движение другие вещи. В этом отношении мыслитель наделяет субъекта большей творческой самостоятельностью, поскольку полагает, что человек получил своё бытие с тем, чтобы свободно реализовывать свои творческие интенции познания. Тем не менее, пути развития творчества субъекта определяются его способностью созерцать божественные творения, в связи с чем конкретные идеи творений человека представляют собой ограниченные идеи Бога.

Имплицитное дифференцирование Локком подлинных и мнимых интенций творчества субъекта прослеживается в отделении мыслителем творчества как учреждения принципиально нового бытия от рождения и изготовления как комбинаторного преобразования элементов сущего, соответственно, по внутренней и внешней причинам.

При этом человек может считать себя полноправным творцом вещи, которая уже была представлена до него в бытии, если созидает посредством своих мыслей, полагая их новыми. В связи с этим философ разграничивает логику разумного человека и логику крючкотворства, первая из которых способствует борьбе субъекта за истину, а вторая исходит из заимствования чужих мыслей и идей. Таким образом, философ подчёркивает, что «определение того, является или не является та или иная вещь изобретением, заключается не в том, чтобы узнать, кто первым её сделал, а в том, чтобы узнать, заимствованы или не заимствованы... мысли у кого-нибудь другого» [\[34, с. 344\]](#).

Немецкая классическая философия: творчество как синтез теоретического и практического разума и единство сознательной и бессознательной деятельности

Гносеологическое обоснование человеческого творчества продолжается в немецкой классической философии и, в частности, в кантовской концепции, согласно которой субъект в процессе осуществления познавательной деятельности фактически творит объект своего познания. При этом источником деятельности субъекта является синтез теоретического и практического разума, в то время как познавательный процесс, осуществляющийся на основе единства чувственности и рассудка, невозможен без продуктивного воображения, которое синтезирует эти познавательные способности и является условием самого познания. Как отмечает И. Кант, «воображение действует при этом творчески и приводит в движение способность интеллектуальных идей (разум), а именно заставляет мыслить по поводу этого представления... больше, чем могло бы быть постигнуто и уяснено в нём» [\[35, с. 188\]](#).

Антропологическая природа творчества раскрывается в умопостроениях Канта в обосновании гения художественного творчества как субъекта, способного создавать произведения искусства в обход правил и, более того, задавать эти правила искусству. Ключевым качеством гения, согласно воззрениям мыслителя, предстаёт вкус как способность суждения о прекрасном. Вкус подрезает гению крылья и указывает границы его творческого развития, отсутствие которых превращает творчество в тщеславное занятие, не идущее дальше декламации благих намерений и составления плана действий. С точки зрения И. Канта, такого рода «творцы», примеряющие на себя роль творческого гения, требуют «того, чего сами не могут исполнить», порицают «то, что не умеют исправить» и предлагают «то, что сами не знают, где найти» [\[36, с. 77\]](#). В результате таких псевдотворческих интенций, по мысли философа, учреждаются неестественные, причудливые и карикатурные произведения, которые создаются субъектом на основе образов, не соотносящихся с реальным опытом.

В свою очередь, Ф.В.Й. Шеллинг обосновывает творчество, главным образом, с онтологических позиций, поскольку само бытие в концепции мыслителя раскрывается как художественное произведение Творца: «Универсум, как он пребывает в Боге, представляет собой абсолютное произведение искусства, в котором бесконечная преднамеренность и бесконечная необходимость находятся во взаимопроникновении» [\[37, с. 221\]](#). Представая высшей стадией диалектического развития природы, человек перенимает творческие потенции у самой природы и осуществляет творческий акт не посредством механического копирования действительности, а благодаря проявлению в нём духа природы. Шеллинг также подчёркивает противоречивый характер человеческого творчества, источником которого предстают одновременно и непреодолимое природное влечение, и безграничная свободная воля творческого субъекта. Подобного рода противоречие бессознательного и сознательного в творческом акте снимается лишь в завершённом художественном произведении, которое мыслитель

определяет как запечатление бесконечности в конечном, или как красоту. Также важно отметить, что, по мысли Шеллинга, подлинному творческому субъекту, обладающему достаточным художественным мастерством, противостоят «люди, обладающие достаточным умением и ловкостью, но лишённые подлинной творческой силы» [\[38, с. 528\]](#). Продукт деятельности таких субъектов не органичен и целостен, как у творцов, а надуман и несовершенен, притом это несовершенство не воспринимается «псевдотворцами» всерьёз.

Заключение

Подводя итог рассмотрения способов концептуализации феномена творчества в содержательном пространстве классической европейской философии сквозь призму онтологического, гносеологического и антропологического аспектов, необходимо обобщить центральные выводы работы в нижеследующих положениях:

1. В смысловом поле античной философии сущность творчества раскрывается в онтологическом, гносеологическом и антропологическом ракурсах. Онтологическая укоренённость творчества прослеживается в осмыслении бытия как процесса постоянных изменений, источником которых выступают как материальные первостихии, так и идеальные субстанции, а также в понимании творчества как перехода из небытия в бытие и вызывания изменений во внешнем объекте или в самом творце. Гносеологическая детерминанта творчества раскрывается в признании источниками творчества субъекта созерцательного познания эйдосов природы и причастности души истинным суждениям. Антропологический смысл творчества состоит не столько в учреждении субъектом оригинального бытия, сколько в подражании демиургическому творению и природному миру вещей, чему способствуют даймоническое и одержимостное начала субъекта, порождающие вдохновенное творческое неистовство.
2. Разграничение подлинных и мнимых интенций творчества в контексте воззрений античных мыслителей проявляется в размежевании творческого искусства и искусства приобретения, искусства творить образы и искусства создавать призрачные подобию, искусности и неискусности, а также творчества и поступка. Иными словами, древнегреческие философы призывают отличать вдохновенное и неистовое творчество как подражание природным творениям от механистического и лицемерного подражания произведениям других творцов, исходящее из непонимания субъектом природы прекрасного и причастности души ложным суждениям, что ведёт к появлению диссонирующих произведений.
3. В рамках средневековой философии творчество обосновывается в онтологическом, гносеологическом и антропологическом измерениях. Бытийная природа творчества прослеживается в постулировании Бога в качестве вечного творца, промыслителя и охранителя всего сущего, порождаемого и поддерживаемого за счёт божественных потенций мудрости и могущества. Гносеологическая ипостась творчества раскрывается в утверждении творчества человека как созерцательного познания божественных истин и подражания идеальному первообразу. Творчество в антропологической плоскости обосновывается как устремлённость субъекта к Богу как источнику его созидательных потенций.
4. Различение подлинных и мнимых творческих интенций в смысловом поле средневековой философии проявляется в разграничении божественного и человеческого творчества, а также разумного и неразумного творений. Посему средневековые мыслители отличают свободное и целенаправленное божественное

творение от творчества человека, которое нередко отрицает божественный первообраз и обрастает гедонистическими ориентациями, что ведёт к забвению Бога и угасанию дарованных им субъекту творческих потенций.

5. В контексте новоевропейской философской традиции сущность творчества также проявляется в триаде вышеуказанных аспектов. Онтологическая природа творчества раскрывается в признании Бога в качестве вечного творца материальных вещей и их движений и в понимании творения также и как постоянного поддержания Богом бытийного статуса вещей. Постулирование источником и условием человеческого творчества созерцания субъектом божественных, природных и человеческих творений отображает гносеологическую ипостась творчества, поскольку вне постижения этих образцов творчества человек не способен творить собственные произведения науки и искусства, а через творчество – реализовывать свои познавательные интенции. Антропологический аспект творчества раскрывается в понимании последнего как приведения в движение вещей субъектом с помощью воли и разумного начала души. Комбинируя различные элементы уже существующего бытия, субъект способствует появлению полезных в научном и социальном отношении изобретений.

6. Дифференцирование истинных и мнимых творческих интенций в рамках философии Нового времени проявляется в отделении творчества как процесса комбинирования наличных элементов сущего, приводящего к возникновению полезных изобретений, от процесса случайного порождения формально практического, но на практике бесполезного продукта, выставляющегося напоказ с целью получения вознаграждения. При этом если творчество исходит из самостоятельно сформулированной творцом идеи совершенного творения и не зависит от сторонних влияний, то носитель мнимых творческих интенций опирается на заимствованные идеи или собственные заблуждения и идола познания, с которыми не спешит расстаться.

7. В содержательном пространстве немецкой классической философии природа творчества также раскрывается в онтологическом, гносеологическом и антропологическом ракурсах. Онтологическая природа творчества проявляется в утверждении бытия как художественного произведения Бога, а также в осмыслении творчества как придания действительности произведению в процессе его становления. Гносеологическое измерение творчества обнаруживается в понимании познания как творческого акта субъекта, де-факто создающего мир из априорных принципов, а также в утверждении продуктивного воображения в качестве условия познания, осуществляющего на основе синтеза чувственности и рассудка. Антропологическая природа творчества проявляется в утверждении гения как субъекта, задающего правила искусству и располагающего вкусом, ограничивающим его эстетической целесообразностью. Будучи синтезом сознательной и бессознательной деятельности, творчество человека исходит из глубин его духа и непременно обладает свободой, позволяющей субъекту определять самого себя и запечатлевать бесконечность в конечном.

8. Разграничение подлинных и мнимых интенций творчества в контексте немецкой классической философии раскрывается в отделении творчества как свободного и духовного процесса порождения оригинального, органичного и мастерски исполненного произведения от тщеславной, произвольной и демонстративной деятельности, в результате которой учреждаются неестественные, надуманные и манерные произведения, при этом преподносящиеся в качестве оригинальных и даже гениальных творений.

9. На основании выявленных в смысловом поле классической европейской философии способов осмысления творчества, раскрывающихся в онтологическом, гносеологическом и антропологическом измерениях искомого культурного феномена, а также с учётом артикулированных стремлений античных, новоевропейских и немецких мыслителей разграничить подлинные и мнимые интенции творчества, следует представить детерминированные классической моделью философствования рабочие дефиниции подлинного и мнимого творчества. В этой связи творчество целесообразно обосновать как вдохновенный, не зависящий от внешних воздействий процесс создания оригинального, органичного и мастерски исполненного произведения (онтологический аспект) на основе созерцательного познания божественных и природных творений (гносеологический аспект) субъектом, самостоятельно устанавливающим правила деятельности, одержимым стремлением к прекрасному и обладающим вкусом (антропологический аспект). В свою очередь, мнимое творчество необходимо представить как механистический и зависимый от сторонних воздействий процесс возникновения неестественного манерного продукта (онтологический аспект) на основе заимствованных мыслей или собственных ложных суждений (гносеологический аспект) субъекта, обладающего слабым эстетическим вкусом и в своей деятельности исходящего из лицемерных, тщеславных, демонстративных и прагматических интенций. В этом отношении перспективы дальнейших исследований подлинных основ творчества могут быть связаны с уточнением обозначенных в данной работе аспектов творчества, единство которых может служить критериальным базисом творчества как полиаспектного культурного феномена.

Библиография

1. Blok V. The Ontology of Creation: Towards a Philosophical Account of the Creation of World in Innovation Processes // *Foundations of Science*. 2022. Pp. 1-18. doi: 10.1007/s10699-022-09848-y
2. Fiut I.S. The Ontology of the Creative Process // *The Creative Matrix of the Origins* / Ed. by A.-T. Tymieniecka. Dordrecht: Springer, 2002. P. 327-339. doi: 10.1007/978-94-010-0538-8_25
3. Neves-Pereira M.S., Pinheiro M.A. Creativity and Dialogism // *A Dialogical Approach to Creativity* / Ed. by M.S. Neves-Pereira, M.A. Pinheiro. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 11-32. doi: 10.1007/978-3-031-11760-2_2
4. Zheng L., Mazzola G. Ontology, Ontology, and Creativity // *Classification of Musical Objects for Analysis and Composition*. Cham: Springer, 2023. P. 7-12. doi: 10.1007/978-3-031-30183-4_2
5. Peschl M., Fundneider T. Emergent Innovation – a Socio-Epistemological Innovation Technology. Creating Profound Change and Radically New Knowledge as Core Challenges in Knowledge Management // *International Conference on Knowledge Management and New Media Technology*, 2008. Pp. 11-18.
6. Licata I., Minati G. Creativity as Cognitive design – The case of mesoscopic variables in Meta-Structures // *Creativity: Fostering, Measuring and Contexts*, 2010. Pp. 95-107.
7. Ross W. Creative Ignorance // *Embodied, Extended, Ignorant Minds* / Ed. by S. Arfini, L. Magnani. Cham: Springer, 2022. P. 37-57. doi: 10.1007/978-3-031-01922-7_3
8. Sternberg R.J. Cultural Creativity: A Componential Model // *Creativity, Innovation, and Change Across Cultures* / Ed. by D.D. Preiss, M. Singer, J.C. Kaufman. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 363-387. doi: 10.1007/978-3-031-28206-5_14
9. Ambrose D. An Interdisciplinary Exploration Revealing Phenomena That Facilitate or Prevent Interconnections Among Intelligence, Creativity, and Wisdom // *Intelligence*,

- Creativity, and Wisdom / Ed. by R.J. Sternberg, J.C. Kaufman, S. Karami. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 32-48. doi: 10.1007/978-3-031-26772-7_2
10. Myszkowski N., Barbot B., Zenasni, F. Cognitive and Conative Profiles of Creative People // *Homo Creativus. Creativity in the Twenty First Century* / Ed. by T. Lubart et. al. Cham: Springer, 2022. P. 33-48. doi: 10.1007/978-3-030-99674-1_1
 11. Carroll J. Imagination, the Brain's Default Mode Network, and Imaginative Verbal Artifacts // *Evolutionary Perspectives on Imaginative Culture* / Ed. by J. Carroll, M. Clasen, E. Jonsson. Cham: Springer, 2020. P. 31-52. doi: 10.1007/978-3-030-46190-4_2
 12. Sternberg R.J. Transformational Creativity: The Link between Creativity, Wisdom, and the Solution of Global Problems // *Philosophies*. 2021. Vol. 6, No. 3. Pp. 1-10. doi: 10.3390/PHILOSOPHIES6030075.
 13. Khalil R., Godde B., Karim A. The Link Between Creativity, Cognition, and Creative Drives and Underlying Neural Mechanisms // *Frontiers in Neural Circuits*. 2019, Vol. 13, No. 18. Pp. 1-16. doi: 10.3389/fncir.2019.00018
 14. Steiner E. Impuls – Creativity is me – innovation is we: Disruption, Innovation und der Einfluss der Informationsübermittlung // *Kreativität und Innovation in Organisationen* / Ed. by M. Landes, E. Steiner, T. Utz. Berlin: Springer Gabler, 2022. P. 145-155. doi: 10.1007/978-3-662-63117-1_8
 15. Шергенг Н.А. Классическая философия: этимологический и исторический смысл понятия «классический» // *Вестник Башкирского университета*. 2012. Т. 17 № 1. С. 714-717.
 16. Качай И.С. Гносеологическое и аксиологическое измерения творчества в смысловом контексте неклассической философии // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2022. Т. 11, № 4А. С. 44-51. doi 10.34670/AR.2022.40.20.006
 17. Качай И.С. Праксиология творчества: сущность творческого процесса как философско-психологическая проблема // XVI Международная научно-практическая конференция «Наука. Образование. Инновации: современное состояние актуальных проблем». Анапа: ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО, 2023. С. 50-56.
 18. Античная философия // *Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1969. Т. 1., Ч. 1. 576 с.*
 19. Цицерон. О природе богов // *Философские трактаты*. М.: Наука, 1985. 383 с.
 20. Платон. Пир // *Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.*
 21. Яковлев В.А. Философия творчества в диалогах Платона // *Вопросы философии*. 2003. № 6. С. 142-154.
 22. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство / пер. с ит. К. Тетюшиновой. М.: Рипол Классик, 2006. 400 с.
 23. Платон. Софист // *Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.*
 24. Аристотель. Метафизика // *Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.*
 25. Аристотель. Никомахова этика // *Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.*
 26. Августин Блаженный. О бессмертии души // *Творения: в 4 т. СПб.: Алетейя; К.: УЦИММ-Пресс, 2000. Т.1. 742 с.*
 27. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии (латинская патристика). М.: Мысль, 1979. 431 с.
 28. Августин Блаженный. Об истинной религии // *Творения: в 4 т. СПб.: Алетейя; К.: УЦИММ-Пресс, 2000. Т.1. 742 с.*

29. Фома Аквинский. Сумма теологии: в двух частях. Часть 1. Вопросы 1-64. М.: Издатель Савин С.А., 2006. 817 с.
30. Качай И.С. Соотношение подлинного и мнимого творчества в концептуальном пространстве средневековой философии // Евразийский Союз Учёных (ЕСУ). 2018. № 11 (56). С. 64-68. doi: 10.31618/ESU.2413-9335.2018.4.56
31. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 1. 590 с.
32. Бэкон Ф. О мудрости древних // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 2. 582 с.
33. Декарт Р. К М. Мерсенну (Из переписки 1619-1643 гг.) // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
34. Локк Дж. О рассуждении посредством идей (Отрывки из трёх писем Дж. Локка к Стиллингфлиту, епископу Вустерскому) // Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 2. 560 с.
35. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
36. Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4., Ч. 1. 544 с.
37. Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.
38. Шеллинг Ф.В.Й. К истории новой философии (Мюнхенские лекции) // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 2. 636 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена очень интересной проблеме, которая нечасто затрагивается в отечественных публикациях по философии, поэтому необходимо поддержать стремление автора исследовать осмысление феномена творчества в истории европейской философии и культуры. Статья носит обзорный характер, и это обстоятельство понятно с учётом недостаточности разработки указанной тематики. К сожалению, предложенный текст лишь отчасти удовлетворяет порожаемые названием ожидания читателей, по мере знакомства с ним возникает множество вопросов и критических замечаний. Так, автор часто злоупотребляет использованием неестественных, многословных формулировок, которые, если «распутать» их вычурный синтаксис, сводятся к банальным утверждениям. Так, уже первое предложение «гласит»: «Историко-философская рефлексия творчества как культурного явления связана с утверждением различных аспектов искомого феномена, отображающих особенности понимания творчества в ту или иную эпоху». Подобного рода формулировки требуются сокращать, как минимум, вдвое. Примерно то же самое можно сказать о «способе работы» автора с литературой. Много беспредметных ссылок, вследствие этого список литературы получает какие-то «циклопические» в сравнении с объёмом статьи размеры, ведь реально в тексте задействована лишь малая часть этой литературы, да и цитаты, там где они приводятся, редко приносят новое содержание. Так, уже в первом абзаце автор умудряется сослаться на 13 источников, причём единственная приводимая цитата вряд ли заслуживает внимания читателя, поскольку страдает явной тривиальностью. Далее, введение вообще не соответствует названию статьи, автор говорит в нём о необходимости комплексного изучения творчества, а вопроса о «подлинных» и «мнимых» его интенциях даже не касается, да и понятие классической философии не определяет (речь идёт не о хронологических границах, а о

концептуальном наполнении этого выражения); более того, автор почему-то в последнем предложении введения отделяет немецкую классическую философию от новоевропейской философии как целого, между тем, она её завершает (во всяком случае, таково общепринятое понимание соотношения этих понятий). Непонятно и то, почему автор бесцеремонно исключает из рассмотрения средневековую философию; то, что под покровом следования библейской и святоотеческой мысли жило подлинное творчество, да и о самом творчестве как проявлении сущности человека и в эту эпоху было сказано немало интересного, можно судить, например, по ставшей уже классической работе Г.Г. Майорова. Немецкая классическая философия в статье представлена также весьма убого. Скажем сразу главное: ключевым произведением, в котором рассматривается проблема творчества, является «Критика способности суждения», но она в тексте ... даже не упоминается. Хорошо известно, что именно этим трудом Канта вдохновлялись йенские романтики, у которых тема творчества и получила впервые в истории философии общеевропейское звучание, определив неизбежность интереса к романтизму, да и всей немецкой философии, во Франции, в России и многих других странах. А Гегеля в этом контексте (во всяком случае, в обзорной статье) вообще можно было не упоминать, понимание творчества этим мыслителем требует более глубокого погружения в систему философии, для чего необходимо отдельное исследование. В заключении автор, наконец, фиксирует внимание на «подлинных» и «мнимых» интенциях творчества в разные эпохи, и это отчасти компенсирует недоработанный характер вводной части статьи. Тем не менее, в представленном виде статья вряд ли заслуживает публикации, предлагаю отправить её на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Онтологическое, гносеологическое и антропологическое измерения творчества в контексте классической европейской философии» выступают философские концепции представителей классической философии, начиная с Античности до Немецкого романтизма.

Методология исследования базируется на сравнительно-историческом анализе с элементами герменевтической методологии анализа текстов.

Актуальность исследования обосновывается автором несколькими факторами. Во-первых, наличием в современной культуре тенденций к механизации и алгоритмизации творческого процесса, использования в нем искусственного интеллекта. Во-вторых, наблюдающейся тенденцией движения культуры в сторону обеспечения гедонистических установок «потребителя». В-третьих, замещением процессов познания и самопознания творческого субъекта поверхностными и механистическими когнитивными актами. Преодоление этих тенденций требует, по мысли автора, исследования сущности творчества сквозь призму исканий представителей классической философии, что позволит выявить предельные основания подлинного творчества.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов с логически последовательной их аргументацией. Автор активно использует цитаты, главным образом современных исследователей творчества, что делает текст более емким и интересным.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. Идя в хронологическом порядке, автор репрезентирует трактовку природы творчества в Античной философии, Гераклитом, Эмпедоклом, Цицероном, Платоном, Аристотелем и

заключает, что творчество видится этими авторами как переход из небытия в бытие. В Средневековье автор рассматривает трактовки творчества Августином Блаженным и Фомой Аквинским, видевшими в нем созерцательное подражание божественному творению и создание и поддержание бытия самим Творцом. Новоевропейская философия в лице Ф. Бэкона, Р. Декарта, Дж. Локка привносит в понимание творчества тему практического изобретательства и пользы. Вершиной же классической философии в рассмотрении природы творчества, автор по праву признает немецких философов - И. Канта и Ф.В.Й. Шеллинга, видящих в творческом процессе синтез теоретического и практического разума и единство сознательной и бессознательной деятельности.

Библиография статьи является ее сильным местом, она включает 38 наименований. В списке литературы присутствуют работы самих классических философов, чью трактовку творчества рассматривает автора, а также работы отечественных, и зарубежных исследователей, посвященных анализу творчества как философской проблемы.

Автор вписывает свое исследование в широкий контекст работ, посвящённых изучению онтологическим, гносеологическим, психологическим, антропологическим, семиотическим и другим аспектам творчества. В самом начале статьи он делает подробных экскурс в трактовки ключевого понятия исследования, обращаясь к опыту осмысления творчества В. Блоком, С.И. Фиуто, М.С. Невес-Перейра и М.А. Пинейру, Л. Чжэн и Г. Маццола, М. Пешл и Т. Фунднейдером, И. Ликата и Г. Минати, У. Россом, Р. Дж. Штернбергом, Д. Эмброузом, Н. Мышковский, Б. Барбо и Ф. Зенасни, Дж. Кэрроллом.

Работа выглядит своеобразным введением в рассмотрение глубокой проблемы понимания творчества, проблемы, обозначенные в начале статьи шире достаточно краткого обзора, представленного в работе, что свидетельствует о намерениях автора продолжать изучение темы творчества.

Статья и ее продолжение будет интересно как историкам философии, так и культурологам, философам и теоретикам культуры.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Абрамкин И.А. — Роль аксессуара в женском интерьерном портрете М.-Э. Виж-Лебрен // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 153 - 163. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69108 EDN: DVDBJM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69108

Роль аксессуара в женском интерьерном портрете М.-Э. Виж-Лебрен

Абрамкин Иван Александрович

кандидат искусствоведения

Доцент, Факультет истории искусства, кафедра теории и истории искусства, Российский государственный гуманитарный университет

125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6

✉ ivanabramkin@list.ru

[Статья из рубрики "Искусство и искусствознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.6.69108

EDN:

DVDBJM

Дата направления статьи в редакцию:

25-11-2023

Дата публикации:

23-12-2023

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению женских интерьерных портретов, созданных М.-Э. Виж-Лебрен (1755–1842) во время пребывания в России (1795–1801 годы). Целью исследования является выявление роли аксессуара в портретной концепции французской художницы, которая отличается пристальным вниманием к предметной составляющей живописи и разнообразным деталям. Актуальность работы обусловлена тем, что внимательное изучение данной группы произведений, представляющих модель в поясном срезе, способствует как сравнению с портретами, которые изображают фигуру в поколенном срезе или в полный рост и акцентируют объемно-пространственные аспекты в ее трактовке, так и выявлению специфики творческого подхода М.-Э. Виж-Лебрен при создании различных вариантов интерьерного портрета в России. Методология исследования основана на сочетании

формального, сравнительно-исторического и контекстуального анализа для определения характерных черт интерьерного портрета в творчестве мастера. Проведенное исследование позволяет прийти к выводам о том, что аксессуар в портретной концепции французской художницы не только показывает увлечения модели и ее семейные добродетели, но и усиливает выразительность произведения и индивидуальность портретируемой. При этом следует отметить, что трактовка аксессуаров демонстрирует скорее знаки некоторого действия, чем активную вовлеченность в него, и тем самым имеет условный характер, типологически соответствуя распространенному варианту полупарадного мужского портрета в виде государственного деятеля. Кроме того, подход М.-Э. Виже-Лебрен к данному типу интерьерного портрета обладает рядом характерных черт, к числу которых относятся убедительность и компактность позы, яркий колорит, интенсивное освещение, значительное внимание к написанию костюма и особая роль аксессуаров для индивидуализации облика модели.

Ключевые слова:

XVIII век, русское искусство, Виже-Лебрен, портрет, аксессуар, интерьер, живопись, женский образ, французская школа, руссика

Знаменитая французская художница Мари-Элизабет Виже-Лебрен (1755-1842) провела в России несколько лет (период 1795–1801 годов), но успела за это недолгое время создать целую галерею женских образов, которая занимает важное место в развитии портретного жанра на рубеже XVIII-XIX веков. Творческий подход М.-Э. Виже-Лебрен отличается пристальным вниманием к отображению материальной стороны живописи и стремлением к созданию произведений, обладающих парадным эффектом. В связи с этим представляется закономерным, что именно интерьерный портрет оказывается одним из излюбленных типов изображения как для самой художницы, так и для русских заказчиков, и воплощает главные особенности ее художественной манеры [\[1, с. 107\]](#).

Произведения, относящиеся к данной группе, представляют модель в поленном срезе и в полный рост, подчеркивая тем самым объемно-пространственные аспекты размещения фигуры в интерьере, или в поясном и погрудном срезе, акцентируя внимание на ее трактовке с помощью различных аксессуаров. Если первый вариант уже исследовался автором отдельно [\[2\]](#), то целью данной статьи является рассмотрение нескольких женских интерьерных образов М.-Э. Виже-Лебрен для выявления роли индивидуальных атрибутов в ее портретной концепции. Результатом изучения произведений также станет сопоставление подходов, используемых французской художницей для трактовки образа в двух разных вариантах интерьерного портрета, что и определяет актуальность исследования.

Интерьерный портрет, предполагающий изображение модели в обстановке своих занятий, активно развивался в европейском искусстве XVIII века и был достаточно редким в русской культуре того времени [\[3, с. 32\]](#). Немногочисленные примеры создавались представителями французской школы, которая стала оказывать еще более заметное влияние на отечественную портретную традицию в последней трети столетия. Значимой особенностью французского портрета являлось активное взаимодействие с близлежащими жанрами [\[4, с. 131\]](#), что усиливало сюжетное начало в представлении модели. Подобное положение дел вполне соответствовало эстетическим воззрениям главного французского теоретика искусства XVIII века – Дени Дидро (1713-1784),

который призывал художников при создании индивидуального облика отражать типические характеристики модели, проявляющиеся в поведении, костюме, занятиях и сословной принадлежности человека [\[5, с. 9\]](#). В этом отношении М.-Э. Виж-Лебрен может быть названа достойной представительницей французской школы живописи, обладавшей необходимым мастерством для изображения модели в уютной и привычной для нее обстановке [\[6, р. 103\]](#). Художница внимательно относилась к самым разнообразным деталям, воспринимая этот аспект неотъемлемой составляющей искусства с отсылками к великому Рафаэлю (1483-1520), который ничего не оставлял без внимания [\[7, р. 205\]](#). Еще до эмиграции М.-Э Виж-Лебрен зачастую включала в свои произведения дорогие аксессуары [\[8, р. 104\]](#), которые придавали композициям особую красоту, а моделям – элегантную индивидуальность.

Первым произведением в данном ряду, связанном с русским этапом творчества М.-Э. Виж-Лебрен, является «Портрет А.С. Строгановой» (1793; частная коллекция), который был написан в Вене еще до приезда французской художницы в Россию. Баронесса Анна Сергеевна Строганова (1765-1824), урожденная Трубецкая, была дочерью князя Сергея Алексеевича Трубецкого (1731-1777) [\[9, с. 305\]](#), родной сестрой графини Е.С. Самойловой (1763-1830), портрет которой с детьми был также написан М.-Э. Виж-Лебрен уже в России, и в 1791 году вышла замуж за дипломата Григория Александровича Строганова (1770-1857) [\[10, р. 268\]](#). В Петербурге художница создает еще один образ А.С. Строгановой, представляющий ее с сыном и рассмотренный автором в отдельном исследовании [\[11\]](#).

М.-Э. Виж-Лебрен изображает модель в поперечном срезе сидящей в пол-оборота к зрителю и обхватывающей руками вазу с цветами, расположенную на небольшом столике, покрытом тканью, в правой части произведения. Труднодоступность этого портрета и, следовательно, небольшое количество репродукций, отличающихся не самым высоким качеством, обуславливают существующие сложности его изучения, одной из которых является определение характера заднего плана произведения: ровный зеленоватый тон фона намекает на наличие природных мотивов, окружающих фигуру, что подтверждается изображением цветов в вазе и теплым фасоном платья модели, но особенности организации композиции и расположения А.С. Строгановой позволяют отнести этот портрет к группе произведений, представляющих модель в интерьере. М.-Э. Виж-Лебрен использует укрупненный масштаб изображения, при котором фигура А.С. Строгановой занимает практически все пространство картины. Убедительность в расположении модели получает дополнительную выразительность благодаря условному фону и акценту на передний план произведения, проявляющемуся в размещении маленького столика, на котором стоит ваза с цветами. Таким образом, укрупненность и предельная компактность изображения демонстрируют отсутствие пространственной градации в построении композиции и свидетельствуют об интерьерном характере «Портрета А.С. Строгановой».

Изображение самой модели отличается композиционной убедительностью и естественностью движений. Легкий разворот фигуры А.С. Строгановой в левую сторону артикулирован направлением складок ее платья, придающих образу приподнятость и некоторую подвижность, и положением ее правой руки, которая, несмотря на выступающий локоть, имеет плавные и расслабленные очертания и деликатно фиксирует композиционный центр произведения, соответствуя бордовому поясу, мягко обхватывающему талию модели, и выступающему углу небольшого столика, на котором стоит ваза с цветами. Изображение цветов играет важную роль для конкретизации

портретной характеристики.

Лицо А.С. Строгановой написано с использованием яркого источника освещения, с тщательным воспроизведением физиогномических черт и отражает задумчивое состояние модели, которое проявляется во внимательном написании рук: ладонью правой руки А.С. Строганова свободно обхватывает основание вазы, тогда как тонкими пальцами левой руки придерживает несколько лепестков, что акцентирует внутреннее спокойствие и утонченность портретируемой. Колористическое решение соответствует и расположению модели, и ее портретной характеристике, отличаясь лаконичностью и выдержанностью. М.-Э. Виже-Лебрэн выстраивает колорит на сочетании зеленых, бордовых и коричневых оттенков, продуманное распределение которых приводит к их выразительной переключке в пространстве картины: так, более светлый зеленый тон платья модели позволяет выделить фигуру на фоне заднего плана, тогда как бордовый оттенок пояса соответствует бутонам цветов, а коричневый оттенок кудрявых волос – бархатной ткани, покрывающей столик с вазой.

Таким образом, «Портрет А.С. Строгановой» отличается плоскостным построением произведения и компактностью в расположении фигуры, которая сочетает в себе естественность движений с убедительностью позы, достигнутой продуманными композиционными нюансами, и с утонченностью образного решения, которая проявляется в лаконичном и благородном колорите, в изображении вазы с цветами и в деликатной моделировке рук модели, что в совокупности усиливает интерьерный характер произведения, обладающий камерным эффектом.

Следующим произведением является «Портрет Н.И. Куракиной» (1797; музей изобразительных искусств Юты), которая может быть названа одной из самых интересных женщин той эпохи. Княгиня Наталья Ивановна Куракина (1768-1831), урождённая Головина, была дочерью коллежского советника Ивана Сергеевича Головина (1735-1802) и в 1783 году вышла замуж за генерал-прокурора и впоследствии министра внутренних дел Алексея Борисовича Куракина (1759-1829) [\[12, с. 34\]](#). После оставления мужем государственных дел и переезда в имение она под предлогом поправки здоровья уехала за границу на 3 года и повторила путешествие в 1820-х годах, где встречалась с видными деятелями политики, науки, литературы и искусств: Клеменс фон Меттерних (1773-1859), Шарль Морис де Талейран (1754-1838), Артур Уэлсли Веллингтон (1769-1852), Александр фон Гумбольдт (1769-1859), Стендаль (1783-1842), Проспер Мериме (1803-1870), Анджелика Каталани (1780-1849), Джоаккино Россини (1792-1868), Антонио Сальери (1750-1825), Ференц Лист (1811-1886) [\[10, с. 200\]](#). Н.И. Куракина обладала разнообразными творческими способностями, который воспел поэт Иван Иванович Дмитриев (1760-1837): она сочинила около 50 романсов на русские, французские и итальянские тексты, исполнявшихся на протяжении XIX века, славилась игрой на арфе, обладала прекрасным голосом. Её артистическая репутация была столь известна, что Александр I посылал ей на рассмотрение проекты памятника Минину и Пожарскому.

Впечатления от посещения европейских стран и общения с известными людьми, а также невероятное сочетание творческой одаренности и широкой эрудиции нашли отражение в ее воспоминаниях, которые демонстрируют в том числе особую связь с М.-Э. Виже-Лебрэн. Как известно, художница при создании мемуаров в конце жизни не только включила в издание свои письма княгине о жизни в дореволюционной Франции, но и оставила о ней крайне лестные отзывы: «Добрая и очаровательная княгиня Куракина принимала у себя редко, но сама каждый вечер выезжала в свет, чаще всего к княгине

Долгорукой. Хотя бы дважды поговорив с нею, невозможно было не полюбить ее. Ум, сама натура и добрый нрав ее имели нечто невыразимо простодушное, и я называла княгиню семилетним ребенком; она покоряла все сердца, и я сохраняю память о ней отнюдь не только из-за одних моих нежных чувств к ней» [\[13, с. 57\]](#).

М.-Э. Виж-Лебрен представляет Н.И. Куракину в поясном срезе на нейтральном фоне во фронтальном по отношению к зрителю развороте фигуры с изображением нотной книги в руках. В композиционном отношении произведение напоминает еще один известный портрет, созданный французской художницей в России годом ранее, – «Портрет Е.В. Скавронской». Этот образ занимает пограничное место в интерьерном типе изображения М.-Э. Виж-Лебрен, который, как было сказано выше, воплощается в двух разных вариантах. В данном случае модель, с одной стороны, представлена в незначительно разработанном пространстве, обладающем некоторой градацией переднего плана, что напоминает первую группу работ с акцентом на размещении фигуры в интерьере, а с другой – лишена дополнительных атрибутов, свойственных второй группе: роль эффектного аксессуара выполняет красная подушка, размещенная на переднем плане. Более подробному рассмотрению образа Е.В. Скавронской в творчестве М.-Э. Виж-Лебрен посвящена отдельная статья [\[14\]](#).

Поясной срез произведения определяет ограниченный диапазон художественных средств и некоторую простоту в расположении модели, не лишенную, тем не менее, композиционной продуманности. Художница изображает как задний фон, так и передний план, состоящий из круглой столешницы, на которой лежат книги, в левом нижнем углу и из спинки стула в правом нижнем углу, в общей цветовой гамме, имеющей бежевые и коричневатые оттенки и придающей произведению цельность. Более того, особенности трактовки предметов на переднем плане, написанных фрагментарно, подчеркивают не только колористическое единство, но и плоскостный характер композиции, основанной на сочетании поясного формата и укрупненного масштаба. Иными словами, М.-Э. Виж-Лебрен лишает данный портрет какой-либо разработки окружающего фигуру пространства и осознанно акцентирует передний план произведения, способствующий более убедительной репрезентации модели. В изображении Н.И. Куракиной художница уделяет значительное внимание тщательному написанию костюма, который состоит из огненно-оранжевого платья с длинными рукавами, гармонично дополненного по цвету глубокими синими оттенками в шали, поясе и головном уборе. Подобное сочетание укрупненного масштаба с акцентом на изображение костюма напоминает другую группу портретов, созданных на русском этапе творчества М.-Э. Виж-Лебрен, представляющих модель на фоне неба и обладающих парадными чертами.

Несмотря на некоторое сходство внешних признаков, «Портрет Н.И. Куракиной» имеет заметные расхождения с указанными выше работами, что проявляется в специфике портретной характеристики. Произведения с представлением фигуры на фоне неба отличаются некоторой статичностью и невыявленностью состояния модели, во многом обусловленными незначительной ролью изображения рук, которые, как известно, служат средством конкретизации настроения портретируемого. В данном портрете изначально интерьерная ситуация определяет более широкий диапазон художественных приемов для индивидуализации модели, осуществляемой включением в произведение предметов, демонстрирующих личные пристрастия и увлечения человека. Так, изображение нотной книги в момент ее перелистывания, которое сопровождается точными и выразительными движениями рук, придает образу некоторую оживленность, которая, тем не менее, оказывается незначительной по сравнению с лицом, которое моделировано с использованием яркого источника освещения и определяет статичность и

неубедительность портретной характеристики.

Таким образом, колористическое единство и общая невыявленность в написании фона и переднего плана определяют плоскостный характер «Портрета Н.И. Куракиной», который отличается убедительностью и монументальностью расположения фигуры. Эти особенности обусловлены сочетанием поясного среза с укрупненным масштабом изображения, тщательностью и подробностью в написании костюма и некоторой индивидуальностью образа, связанной с включением в произведение предметов, которые отражают личные увлечения модели и придают образу некоторую оживленность несмотря на общую статичность и парадный эффект произведения.

Следующим произведением является «Портрет А.Г. Белосельской-Белозерской» (1798; Национальный музей женщин в искусстве). Анна Григорьевна Белосельская-Белозерская (1773-1846), урожденная Козицкая, была дочерью екатерининского статс-секретаря Григория Васильевича Козицкого (1724—1775) и представительницы семьи богатейшего купца-горнопромышленника Екатерины Ивановны Мясниковой (1746—1833), в 1795 году вышла замуж за известного мецената и дипломата князя Александра Михайловича Белосельского (1752—1809), который смог с помощью брака поправить свое финансовое положение и вызвать общественное недовольство, распространившееся и на жену [\[9, с. 286\]](#). Анна Григорьевна была известна роскошными балами в построенном каменном доме у Аничкова моста и своими хозяйственными способностями, которые проявились в превращении заброшенного Крестовского острова в модное место для строительства дач, что принесло ей прозвище «Lady des Isles».

«Портрет А.Г. Белосельской-Белозерской» заметно выделяется по общему художественному решению. М.-Э. Вилле-Лебрен изображает модель в поясном срезе на нейтральном и неопределенном фоне, имеющем коричневатые оттенки, с легким разворотом фигуры в левую сторону и достигает камерного эффекта в трактовке портретной характеристики, несмотря на богатство, благородство колорита и пышность костюма. Важным художественным приемом, определившим подобное впечатление, стал выбор цвета для написания заднего плана: если глубокий темный фон отличается акцентированием лица модели и скрыванием окружающих предметов, а сероватый фон – общей нейтральностью и сдержанностью, то умеренная интенсивность коричневого тона придает образу, с одной стороны, мягкость и деликатность в написании элементов костюма, а с другой – определяет их яркость и вещественную убедительность.

Художница избирает для изображения одеяния такие оттенки, которые гармонично соответствуют заднему плану и в совокупности усиливают богатство колористического решения: белизна и тонкость платья подчеркивается теплым оттенком желтого жакета, который выступает в роли спокойного тона, оживленного оранжевыми и иссиня-черными оттенками в головном уборе, имеющем форму тюрбана, и в широких складках шали, созвучным по выразительности темным волосам модели. В данном случае костюм, отчасти соответствующий стилистике тюркери, придает облику модели индивидуальный характер. Увлечение турецкой тематикой было важной тенденцией развития французской художественной культуры XVIII века, воплощаемой и в творчестве М.-Э. Вилле-Лебрен и достигло невероятной популярности в середине столетия, особенно после демонстрации на Салоне 1742 года «Портрета Саида Паши, посла султана Махмуда I», который создал Жак Андре Жозеф Авед (1702-1766) [\[15, с. 76\]](#). Затем маркиза де Помпадур (1721-1764) заказала три портрета в образе султанши известному художнику Шарлю Андре ван Лоо (1705-1765), а императрица Мария-Тереза Австрийская захотела быть изображенной в турецком костюме кистью Жан-Этьен Лиотара (1702-1789) [\[16, с. 61\]](#). Стремление к

костюмизации возникло в русском искусстве несколько позднее и стало модным вариантом для создания портрета ближе к концу XVIII века ^[17]. Все это позволяет сказать, что костюм тюркери выполняет роль аксессуара, усиливая исключительность ситуации и определяя неоднозначность образа, который отличается и праздничностью, и некоторой хрупкостью.

Ощущение хрупкости во многом связано с особенностями расположения модели. Легкий разворот фигуры в левую сторону акцентирован развевающимися складками шали, которые скрывают от зрителя руки А.Г. Белосельской-Белозерской, но при этом композиционно не выявлен в организации произведения, что было свойственно многим поясным портретам на фоне природы, обладающими некоторым сходством с этой картиной. Отсутствие композиционных нюансов, отвечающих за убедительность и выразительность расположения фигуры, приводит к статичной позе и определяет неустойчивость и как будто случайность нахождения модели в пределах портрета. Подобная невыявленность художественных средств в расположении А.Г. Белосельской-Белозерской соответствует портретной характеристике, демонстрирующей сдержанность и закрытость от зрителя: лицо написано в естественной манере, отличающейся мягким освещением и умеренным выявлением физиогномических черт, а взгляд, направленный чуть в сторону и сочетающий задумчивость с фокусировкой на каком-то предмете, отражает едва заметную внутреннюю жизнь, как будто остановленную из-за присутствия зрителя.

Таким образом, «Портрет А.Г. Белосельской-Белозерской» производит неоднозначное впечатление: нейтральный коричневый фон, богатство и благородство избранных художницей оттенков, подробное написание пышного костюма, казалось бы, свидетельствуют о репрезентативном характере произведения, тогда как другие особенности (композиционная невыявленность разворота фигуры, статичность позы, закрытость модели от зрителя, сдержанность портретной характеристики, задумчивость и конкретность взгляда) создают ситуацию уединения модели с самой собой, прерванного появлением зрителя, что придает образу камерные черты.

Последним произведением в данном ряду является «Портрет Н.З. Колычевой» (1799; частная коллекция). Наталья Захаровна Колычева (1774-1803), урожденная Хитрово, была дочерью действительного статского советника и тульского губернского предводителя дворянства Захара Алексеевича Хитрово (1734-1798) и Александры Николаевны (1754-1829), урожденной Масловой, стала фрейлиной императрицы Марии Фёдоровны и в 1799 году, в год написания портрета, вышла замуж за дипломата, действительного тайного советника Степана Алексеевича Колычёва (1746-1805), который страстно любил жену и крайне тяжело перенес ее скорую смерть в 1803 году, пережив ее всего на полтора года.

«Портрет Н.З. Колычевой» в целом напоминает «Портрет Н.И. Куракиной» по общим типологическим признакам (нейтральный фон, поясной срез), но имеет ряд существенных отличий. М.-Э. Виже-Лебрен изображает модель в чуть меньшем масштабе и с активным разворотом фигуры в правую сторону, что меняет композиционное решение и специфику расположения фигуры. Неопределенный фон, написанный в размытых сине-бежевых оттенках, равномерно заполняет пространство, тем самым выделяя передний план произведения, который имеет некоторые пространственные характеристики. Если быть точнее, сильный разворот Н.З. Колычевой позволяет добиться эффекта протяженности в изображении предметов, которые занимают значительное место в композиции и оформляют расположение модели: так, объемная зеленая подушка, на

которой лежит книга, занимает всю левую половину переднего плана, точно соответствуя позе портретируемой, а спинка зеленого стула, изображенная в правом нижнем углу в небольшом отдалении от фигуры, не только создает легкое диагональное движение, определяющее некоторую пространственную градацию переднего плана, но и вызывает ощущение приближения модели к зрителю.

Само расположение Н.З. Колычевой отличается внешней убедительностью: фигура занимает самый центр произведения, тем самым ограничивая диагональный импульс, в меру обогащающий композиционное решение, и имеет тонкие грациозные очертания, проявляющиеся в жесте руки и в гибких складках шали в правой части картины. Ощущение элегантности во многом обусловлено тем, что по сравнению с предыдущим произведением М.-Э. Виже-Лебрен использует уменьшенный масштаб изображения и уделяет значительное внимание подробному написанию переднего плана интерьера, что визуально расширяет пространство портрета и подчеркивает стройность и утонченность модели. Портретная характеристика в целом соответствует убедительности расположения модели, усиливая композиционную продуманность: пальцами левой руки, имеющими несколько манерный вид, Н.З. Колычева придерживает медальон, который висит на тонкой золотой цепочке и располагается над книгой, тем самым акцентируя разворот фигуры правую сторону, тогда как ее лицо написано с использованием яркого источника освещения и светотеневой моделировки, придающими образу ослепительную эффектность [\[8, р. 39\]](#), которая свойственна и колористическому решению, отличающемуся яркостью и светоносным характером красок. Иными словами, аксессуары, используемые в данном случае (книга и медальон), позволяют не только подчеркнуть утонченность изображенной модели, но и усилить парадный эффект портрета.

Таким образом, «Портрет Н.З. Колычевой» по сравнению с предыдущими произведениями выделяется уменьшенным масштабом изображения и активным разворотом фигуры, обуславливающими привнесение в композицию легкого диагонального движения, пространственной градацией переднего плана и грациозностью модели, убедительное расположение которой в пространстве портрета, тем не менее, свидетельствует о ее явной репрезентации, проявляющейся в демонстративном характере позы и движений, в яркой трактовке колорита и светотени, и определяет парадные черты образа.

Итак, рассмотрение женских интерьерных образов, созданных М.-Э. Виже-Лебрен в России и представляющих модель в поясном срезе, позволяет сделать вывод о том, что особым значением в ее портретной концепции обладает включение жанровых мотивов [\[3, с. 63\]](#), выполняющих роль аксессуара (ваза с цветами, ноты, книга, медальон, костюм). Эти предметы не только показывают увлечения модели, свидетельствуя о ее семейных добродетелях [\[18, с. 224\]](#), но и придают произведению выразительность, подчеркивая индивидуальность портретируемой. Также необходимо отметить важный нюанс в трактовке аксессуаров, которые скорее показывают знаки некоторой деятельности, чем активное погружение модели в сам процесс, и тем самым обладают условным характером, рассчитанным на внешнюю эффектность. Очевидная ориентация произведений на выраженную демонстрацию фигуры и ее увлечений вызывают аналогию с наиболее популярным полупарадным вариантом представления мужской модели в виде государственного деятеля [\[3, с. 56\]](#). К числу общих черт могут быть отнесены изображение фигуры в интерьере, конкретизация роли с помощью предметов, подчеркнутое позирование, важная роль костюма.

Кроме того, внимательное изучение произведений позволяет теперь сравнить их с другой группой интерьерных портретов М.-Э. Виже-Лебрен, представляющих модель в более разработанном пространстве и в поколенном срезе или в полный рост. Различия, существующие между двумя вариантами интерьерного портрета в творчестве французского мастера, проявляются в акцентах при использовании живописных приемов, что определяет художественные особенности произведений. Так, портреты, написанные в поколенном срезе или в полный рост, отличаются включением в интерьер вертикальной опоры для усложнения пространства диагональным импульсом, сдержанным колоритом и некоторой отстраненностью модели от зрителя. Портреты, созданные в поясном срезе, демонстрируют убедительность и компактность позы, яркий колорит и интенсивное освещение, большее внимание к написанию костюма и особую роль аксессуаров в индивидуализации облика. Иными словами, первая группа работ свидетельствует о естественном характере репрезентации, придающем произведениям некоторую сдержанность, а вторая – отличается убедительностью расположения модели и эффектностью ее изображения моделей, что усиливает парадный эффект образов.

Библиография

1. *Абрамкин И.А.* Портретная концепция русского сентиментализма: принципы изображения модели в творчестве ведущих мастеров 1790-х годов // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2020. № 3, ч. 1. С. 96–112.
2. *Абрамкин И.А.* Интерьер в женских портретах М.-Э. Виже-Лебрен, созданных в России // Русское искусство. Избранные исследования памятников и художественных явлений XV–XX вв. Сб. статей. М.: ТОНЧУ, 2023. С. 36-45.
3. *Яблонская Т.В.* Классификация портретного жанра в России XVIII века (к проблеме национальной специфики): дисс. канд. иск. М., 1978.
4. *Евангулова О.С.* Русское художественное сознание XVIII века и искусство западноевропейских школ. М.: Памятники исторической мысли, 2007.
5. *Алексеева Т.В.* Некоторые проблемы изучения русского искусства XVIII в. // Русское искусство XVIII века. М.: Наука, 1973. С. 7-19.
6. *Helm W.H.* Vigée-Lebrun 1755-1842: Her Life, Works and Friendships, with a catalogue raisonné of the artist's pictures. London: Hutchinson & Co., 1915.
7. *Pitt-Rivers F.* Madame Vigée Le Brun. Paris: Gallimard, 2001.
8. *Hautecoeur L.* Madame Vigée-Lebrun: étude critique. Paris: Laurens, 1914.
9. Окуренкова Н.В. Историко-художественная выставка русских портретов, устраиваемая в Таврическом дворце, в пользу вдов и сирот павших в боях воинов. Иллюстрированный каталог-реконструкция. Выпуск I. М.: Минувшее, 2016.
10. *Elisabeth-Louise Vigée Le Brun.* Catalogue de l'Exposition / Eds. J. Baillio, X. Salmon. Paris, Grand Palais: Editions de la Réunion des musées nationaux, 2015.
11. *Абрамкин И.А.* Образ матери с ребенком в творчестве М.-Э. Виже-Лебрен во время пребывания в России // Вестник РГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 131–147.
12. «...Красоту ее Боровиковский спас». К 250-летию со дня рождения В.Л. Боровиковского. Каталог выставки / Отв. ред. Л.А. Иовлева. М.: ГТГ, 2008.
13. Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве. 1795-1801 / Пер. и сост. Д.В. Соловьев. СПб.: Искусство-СПБ, 2004.
14. *Абрамкин И.А.* Портреты Е.В. Савронской кисти М.-Э. Виже-Лебрен: особенности изображения одной модели в Неаполе и Санкт-Петербурге // Новое

искусствознание. 2022. № 1. С. 42-47.

15. Золотов Ю.К. Французский портрет XVIII века. М.: Искусство, 1968.

16. Goodden A. The Sweetness of Life, A biography of Elisabeth Vigée Le Brun. London: André Deutsch, 1997.

17. Чежина Ю.И. Костюмированный портрет в русском искусстве XVIII века как отражение духа эпохи: дисс. канд. иск. СПб., 2006.

18. Карев А.А. Классицизм в русской живописи. М.: Белый город, 2003.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Прежде чем дать оценку представленной для публикации в журнале «Человек и культура» статье под заголовком «Роль аксессуара в женском интерьерном портрете М.-Э. Виже-Лебрен», следует отметить, что её автор, доцент кафедры теории и истории искусства РГГУ, кандидат искусствоведения Иван Александрович Абрамкин не скрывает своего имени («первый вариант уже исследовался автором отдельно [2]»), что, с одной стороны, вынуждает рецензента дополнительно заявить об отсутствии конфликта интересов, а с другой — позволяет установить в общем количестве указанных в библиографии источников 22 %-ное самоцитирование. Впрочем, поскольку одной из задач исследования является, как указал автор, «сопоставление подходов, используемых французской художницей для трактовки образа в двух разных вариантах интерьерного портрета», один из которых рассмотрен в предшествующей публикации, уровень самоцитирования оправдан логикой систематизации результатов исследования. Предметом исследования в представленной статье, как исчерпывающе обозначено в заголовке, является роль аксессуара (в объекте) в женском интерьерном портрете М.-Э. Виже-Лебрен (1755-1842), а именно в совокупности работ российского периода творчества художницы, изображающих модель в поясном, поколенном срезе и в полный рост, что автор пояснил в тексте. Предмет исследования рассмотрен автором на примере репрезентативной выборки из четырех портретов, изображающих модель в поясном срезе: «Портрет А.С. Строгановой» (1793; частная коллекция), «Портрет Н.И. Куракиной» (1797; музей изобразительных искусств Юты), «Портрет А.Г. Белосельской-Белозерской» (1798; Национальный музей женщин в искусстве), «Портрет Н.З. Колычевой» (1799; частная коллекция). Наталья Захаровна Колычева (1774-1803). Целью работы, как обозначил автор, «является рассмотрение ... женских интерьерных образов М.-Э. Виже-Лебрен для выявления роли индивидуальных атрибутов в ее портретной концепции. ... сопоставление подходов, используемых французской художницей для трактовки образа в двух разных вариантах интерьерного портрета...». Двойное целеполагание обусловлено стремлением автора обобщить прежде полученные и опубликованные результаты с результатами описанного в данной статье исследования. Двойная цель повлекла за собой и два вывода: первый обобщает итоги анализа представленной в статье выборки портретов, второй — итоги сравнения различных вариантов изображения модели (в поясном, поколенном срезе и в полный рост). Выводы логично вытекают из представленных и ранее опубликованных результатов исследования.

Предмет исследования, таким образом, раскрыт автором на достаточно высоком теоретическом уровне.

Методология исследования складывается из гармоничного синтеза иконографических,

биографических и компаративистских приемов. Несмотря на то, что автор максимально кратко описал во введении программу исследования (хотя отсылку к прежде опубликованным авторским работам было бы уместно разъяснить читателю), она легко просматривается в логике изложения результатов. Сформулированные выводы логично вытекают из проанализированного эмпирического материала, представленного как в данной статье, так и в предшествующих публикациях автора.

Актуальность темы статьи автор поясняет необходимостью сравнения текущих и более ранних исследований. Этого вполне достаточно с чисто технической стороны систематизации исследований автора. Рецензент же отмечает ценность заявленной темы в более широком контексте современных искусствоведческих и культурологических дискуссий, посвященных взаимообогащению российской и европейской культур на примере портретной живописи.

Научная новизна, состоящая в авторской интерпретации содержания портретной живописи французской художницы М.-Э. Виже-Лебрен (1755-1842), не вызывает сомнений.

Стиль текста выдержан научный. Структура статьи в полной мере соответствует логике изложения результатов научного исследования.

Библиография в достаточной степени отражает проблемную область исследования, хотя на будущее рецензент рекомендовал бы автору помещать результаты своего исследования в более широкий контекст текущих искусствоведческих и культурологических дискуссий (литература за последние 3-5 лет представлена исключительно публикациями автора). Оформление списка литературы в полной мере соответствует требованиям редакции и ГОСТа.

Апелляция к оппонентам вполне корректна и достаточна, учитывая опору исследования, прежде всего, на результаты анализа эмпирического материала.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Человек и культура» и может быть рекомендована к публикации.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Шашнева Е.Н., Валькевич С.И., Маслов В.Г., Михайлов А.А., Ершова Л.В., Астахов О.Ю., Романова К.Е., Океанская Ж.Л. — Восточные мотивы и образы в творчестве К.Д. Бальмонта: культурологический аспект // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 164 - 176. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69360 EDN: GDNETP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69360

Восточные мотивы и образы в творчестве К.Д. Бальмонта: культурологический аспект

Шашнева Екатерина Николаевна

ORCID: 0000-0002-2896-9863

кандидат культурологии

старший преподаватель кафедры русского языка и методики обучения Шуйского филиала ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

155900, Россия, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, 24

✉ liliya0601@mail.ru**Валькевич Светлана Ивановна**

доктор культурологии

доцент кафедры культурологии и изобразительного искусства ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

155900, Россия, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, 24

✉ svalkevich@yandex.ru**Маслов Виктор Георгиевич**

доктор филологических наук

профессор кафедры русского языка и методики обучения Шуйского филиала ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

155900, Россия, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, 24

✉ vgmas@mail.ru**Михайлов Алексей Александрович**

ORCID: 0000-0002-2222-5708

доктор педагогических наук

профессор, директор Шуйского филиала ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»
Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Почетный работник образования Ивановской области

155900, Россия, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, 24

✉ fairytail@mail.ru**Ершова Людмила Викторовна**

доктор педагогических наук

профессор кафедры культурологии и изобразительного искусства Шуйского филиала ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

155900, Россия, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, 24

✉ ershova_l@bk.ru**Астахов Олег Юрьевич**

ORCID: 0000-0002-2764-7686

доктор культурологии

профессор, заведующий кафедрой культурологии, философии и искусствоведения Кемеровского государственного института культуры

650056, Россия, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17

✉ Astahov_oleg@mail.ru

Романова Карине Евгеньевна

доктор педагогических наук

профессор кафедры технологии, экономики и сервиса, Шуйского филиала ГОУ ВО "Ивановский государственный университет"

155900, Россия, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, 24

✉ rectorat@mail.ru

Океанская Жанна Леонидовна

доктор культурологии

профессор, кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций, «Ивановская пожарно- спасательная академия ГПС МЧС России»

153040, Россия, Ивановская область, г. Иваново, ул. Строителей, 33

✉ ocean_2004@mail.ru

[Статья из рубрики "О поэзии и прозе"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8744.2023.6.69360

EDN:

GDNETP

Дата направления статьи в редакцию:

17-12-2023

Дата публикации:

28-12-2023

Аннотация: В статье рассматриваются восточные мотивы и образы в творчестве поэта серебряного века К.Д. Бальмонта. Культурное значение творчества К.Д. Бальмонта несомненно для идей серебряного века. Целью исследования является анализ творчества поэта и выявление восточных образов и мотивов: Просветленный Будда, пустыня, сфинкс, Коран, Аллах, милосердный. Объектом и материалом исследования стали стихотворные тексты К. Бальмонта: «Боро-Будур» из сборника «Горящие здания», «Сфинкс» из сборника «Тишина», «Милосердный» из сборника «Жемчужный коврик».

Научная новизна нашего исследования заключается в рассмотрении мотивов и образов в качестве важной составляющей образной картины мира и поэтического мировосприятия К.Д. Бальмонта. Выявлен и обоснован культурологический аспект восточной тематики в творчестве поэта. Методологией исследования явилась компаративная методика сравнения и сопоставления текстов К. Бальмонта с определенным корпусом литературы Востока. Сделан вывод о том, что культура Востока вдохновила К.Д. Бальмонта на написание стихотворений, путевых записок, писем, эссе. Сформированы такие восточные идеи и мотивы, новые образы в его творчестве, как: просветленный Будда, нирвана, пирамиды, пустыня, сфинкс, мотивы Корана, Аллах, милосердный и др. В 1909 – 1912 годах К.Д. Бальмонт совершил кругосветное путешествие. Египет, Индонезия, Индия совершенно покорили поэта. Бальмонт изучил огромное количество научных работ по религии, философии и мифологии Востока. К.Д. Бальмонт написал множество писем, стихотворений, путевых записок, эссе, очерков о культуре Востока. Переводческая деятельность поэта занимает особую нишу в его творчестве. Он перевел с санскрита Ашвагоша «Жизнь Будды», драму Калидасы «Сакунтала», «Малявика и Агнимитра» и «Мужеством добытая Урваши», а с арабского он перевел «Коран». Фольклор и мифология Индии, Китая, Японии, Ирана собраны в сборнике «Зовы древности». Материалы исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении творчества К.Д. Бальмонта, в преподавании культурологии и русской литературы XX века, семинарских и практических занятиях в средних специальных и высших учебных заведениях.

Ключевые слова:

Константин Дмитриевич Бальмонт, культура Востока, Просветленный Будда, пустыня, сфинкс, Коран, поэт-символист, русская литература, серебряный век, философские учения

Введение. Представление о Востоке связано с цивилизациями и культурами Азии: например Египет, Междуречье, Индия и Китай, зороастрийская Персия, мусульманские страны. Писатели и поэты, которые увлекались культурой Востока, религиозными текстами и переводами создали направление ориентализм. Поэт, путешественник, переводчик, искусствовед, яркий представитель серебряного века К.Д. Бальмонт также явился почитателем Восточной культуры и не случайно. Он совершил кругосветное путешествие по странам Востока, посетив Египет, Индию, Японию, Китай, Азию. Глубоко изучая религию этих стран и их язык, поэт проникся красотой храмов, культурных памятников, саркофагов и пирамид. Впоследствии его очерки, стихотворения и путевые заметки будут наполнены восточными мотивами и образами. Изучив религию и культуру стран Востока, поэт пишет сборник очерков о путешествии в Египет «Край Озириса». Также после посещения им Индии поэт делает перевод с санскрита «Ашвагоша. Жизнь Будды», драму Калидасы «Сакунтала», «Малявика и Агнимитра» и «Мужеством добытая Урваши» и другие переводы. Фольклор и мифология Индии, Китая, Японии, Ирана собраны в сборнике «Зовы древности». Такие сборники как «Горящие здания», «Тишина», «Жемчужный коврик» явились стихотворными произведениями К. Бальмонта, навеянные изучением культуры Востока.

Исследователи биографии Бальмонта П.В. Куприяновский и Н.А. Молчанова подробно описывают путешествие К.Д. Бальмонта на Восток. 24 ноября 1909 года Бальмонт отплыл из Марселя в Египет на пароходе. Там он изучал египетский язык, знакомился с

египетскими переводчиками и учеными, работал с некоторыми материалами Национального музея, изучал папирусы и культурные памятники, пирамиды, саркофаги, мумии. После посещения Египта, поэт пишет очерки «Край Озириса». «Первые 12 очерков посвящены различным сторонам жизни и религии Древнего Египта. В очерке есть такие метафизические образы как: солнце, боги, мировые стихии, культ мумии, поклонение мертвым, пирамиды, Озирис, Нил и Нильская долина, в которой особую роль играет вода. Остальные очерки содержат переводы песен с египетского языка, предания: «Забытые сокровища» и «Египетская горлица» содержат любовную лирику, «Слово египетского Старца» состоит из 42 наставления отца сыну из книги «Книга мертвых» древнего Египта, которая была написана на папирусе, также «Славословие Солнца и Луны»»^[1].

Нами проанализировано стихотворение Бальмонта «Сфинкс» из сборника «Тишина»:

«Среди песков пустыни вековой,
Безмолвный Сфинкс царит на фоне ночи,
В лучах Луны гигантской головой
Встает, растет, — глядят, не видя, очи.
С отчаяньем живого мертвеца,
Воскресшего в безвременной могиле,
Здесь бился раб, томился без конца, —
Рабы кошмар в граните воплотили.
И замысел чудовищной мечты,
Средь Вечности, всегда однообразной,
Восстал как враг обычной красоты,
Как сон, слепой, немой, и безобразный»^[2].

Восточные образы бесплотной пустыни, пирамиды, сфинкса – мотивы египетских сочинений Бальмонта. Пустыня у Бальмонта символизирует смерть. По мнению С.А.М. Абдельхамида: «Пустыня, представляющая собой обширную область суши, обладает особым символическим контекстом. Она ассоциируется с тюрьмой, тогда как море вызывает ощущение свободы. Созданный К. Д. Бальмонтом языковой образ безмолвного Сфинкса представляется властелином тайн, хранителем египетских загадок, безмолвствующим о чем-то несказанном, сверхъестественном: как «замысел чудовищной мечты»; «с отчаяньем живого мертвеца, воскресшего в безвременной могиле», как «враг обычной красоты, как сон». С другой стороны молчание это еще и мудрость. Со своим устремленным вдаль взглядом Сфинкс – страж Пирамид»^[3].

Уникальностью восточной культуры стало то, что она является устойчивой к внешним потрясениям, также прослеживается связь с природой. «Бережное отношение к традициям предполагает бережное отношение и уважение к старине, старикам, родителям, семейным традициям. Такое отношение испокон веков имеет место в странах Востока, Культура Востока – это культура сердца»^[4]. На это обращал внимание Е.А. Торчинов, российский учёный-религиовед, синолог, буддолог, историк философии и культуры Китая. Он отмечал, что «сефира Тиферет (Красота), будучи центральной сефирой древа в микрокосме тела соответствует сердцу. В тантрическом буддизме сердечная чакра (парафизиологический центр) тоже считается центральной и соотносится с абсолютным телом Будды (дхармакая). В китайской традиции сердце (синь) как орган не только и не столько чувствования, сколько сознания и мышления также связывается с центром тела и локализуется в центральной точке грудной клетки»^{[4, с.}

[3351](#).

Исследователь творчества К.Д. Бальмонта Г.М. Бонгард-Левин пишет про индийские мотивы в его творчестве. По словам автора, Индия занимала видное место в творчестве Бальмонта. Те переводы с санскрита на русский язык, которые сделал поэт, являют собой несомненную культурологическую ценность. Поэма Ашвагхоши «Жизнь Будды», переводы из Ригведы, Упанишад, гимнов Атхарваведы, Бхагаватгиты знакомят читателей с религиозной культурой и философией Индии [\[5\]](#). В нашем исследовании мы писали, что в сборнике «Горящие здания» есть такие стихотворения: «Майя», «Индийский мотив», «Индийский мудрец», «Как паук», «Жизнь», «Молитва вечерняя» и т. д. Большинство из них вошло в цикл под названием «Индийские травы». «Бальмонт также обратился к драме Шудраки, индусского поэта, «Глиняная повозка», помимо этого, начал изучать творчество Калидасы, известного драматурга и поэта Древней Индии, и занялся переводом текстов Ашвагхоши «Жизнь Будды». Поэт считал, что индийская культура ближе к русской, чем к западноевропейской. Еще в ранних сборниках стихов Бальмонт сравнивал индийскую культуру со славянской. В жизни Бальмонта индийская тематика была очень важна, он даже писал о своем «индийском мышлении»» [\[6\]](#).

Е.В. Фисковец в своем исследовании сделала небольшой словарь индийских слов, которые встречаются в творчестве Бальмонта: «Словарь поэта включает множество индийских названий, имён и топонимов: йог, майя, мантра, йони, лингам, Агни, Индра, Брама, Вишну, Сива, Упанишад, Бенарес, чампака и многие другие. Помимо отдельных стихотворений, таких как «Три страны», «Гимн Солнцу», «Розы», «Трицвет», «Одинокому», «Йонилингам», «Сарасвати», «Огонь» и другие, где Индия, так или иначе, упоминается, Бальмонт посвятил индийской тематике целый цикл стихотворений «Индийские травы» (сборник «Горящие здания» 1900 г.). Эпиграфом к нему служит высказывание индийского философа Шанкарачарьи «Познавший сущность стал выше печали» [\[7\]](#). Но все же главными образами становятся «нирвана» и «просветленный Будда».

К.Д. Бальмонт в 1911 г. из Британии написал редактору газеты «Русское слово» Благому Ф.И., что в конце ноября или в декабре этого же года он уезжает в кругосветное путешествие. Маршрут уже спланирован, и он хочет побывать в Индии - Индо-Китае - Индийском архипелаге - Австралии - Океании - Калифорнии - Мексике. Также в письме поэт информирует, что его путевые очерки не будут похожи на египетские, они меньше будут обременены эрудицией и там будет больше художественного слова [\[8\]](#).

Следующие месяцы Бальмонт проводит время на Цейлоне в Индии. Он проехал путь от Тутикорина до Агры, и Дели. Там он заехал на Яву, проезжал остров Целебас, затем был на Цейлоне, а затем в Суматру в Индии. Поэт объездил всю Индию от Бенареса и Агры до Бомбея. Ему очень понравились древние индусские храмы. Еще до поездки К.Д. Бальмонт изучал санскрит. Когда он переводил поэму Ашвагхоши «Жизнь Будды», то консультировался с ученым С. Леви специалистом в области древней индийской литературы. Фотографии, которые сделал поэт в поездках органично вошли в издание поэмы «Жизнь Будды» 1913 год. Здесь были снимки храмов, архитектурных памятников, городов, скульптур. Среди снимков Бальмонта был и самый большой буддийский храм в мире Боробудур, который находится на острове Ява в Индонезии. Храмовый комплекс тысячи Будд восхитил читателей своей колоколообразной формой. Храм имеет и духовное значение. Имея восемь ярусов, как ступени к просветлению от желаний телесных до духовного просветления - нирваны. Приведем стихотворение Бальмонта о храме Будды «Боро-Будур», написанное им в сборнике «Белый зодчий»:

«В камне тлеющем хмуρο
Лики – тысячи-хоры.
Еще смотрят их взоры.
Возле Боро-Будура
Серо-бурые горы»
Вон оттуда досюда
Протянулись вершины,
Как огромные спины
Исполина-верблюда,
Горбуна – чуда-юда.
Но в выси распаленной
Над Природой и Храмом,
Над ликующим гамом,
Многokrатно-внесенный,
Жив навек- Просветленный»^[9].

Видное место в его переводческой деятельности занимает перевод памятников индийской культуры. Он перевел с санскрита индийскую драму Калидасы «Сакунтала», «Малавика и Агнимитра» и «Мужеством добытая Урваши».

«Обращаясь к «восточной мудрости», К.Д. Бальмонт акцентирует внимание на интуитивных моментах познания, с которыми связаны мотивы: ослепления, озарения, избранничества, что, в свою очередь, лежит в основе символистской модели «художник – творчество – искусство»^[10, С.89]. «Красота ему видится и целью, и смыслом, и пафосом его жизни. Обратим внимание на то обстоятельство, что красота и мечта являются сущностной рифмой для Бальмонта. И преданность мечте, даже самой далекой от реальности, были наиболее устойчивыми в поэте»^[11, С. 127]. В заметке, напечатанной в журнале «Вокруг света», говорилось: «Из всего путешествия Бальмонт вынес убеждение, что человечество в своей истории переходит от ошибки к ошибке, и что теперешняя его ошибка – «порывание связи с землей и союза с солнцем – есть самая прискорбная и некрасивая из всех его ошибок»^[12]. Для поэта было важным иметь корни, где можно было черпать силу для будущих путешествий и творений. «Мировидение поэта немыслимо без зримого или незримого присутствия образа родного дома, но оно меняется с духовным взрослением. Смысл жизненного пути для Бальмонта всегда был связан с идеей дома, и единый образ дома вырастал, прежде всего, из воспоминаний детства» ^[13, С. 122].

Мусульманские мотивы также присущи творчеству Бальмонта. Исследователь Ю.А. Гаврилов сообщает, что К.Д. Бальмонт в своем кругосветном путешествии через Египет познакомился с Кораном в 1909 г. В журнале «Московская мысль» были напечатаны стихотворения цикла «Коран», являющиеся переложением 12 сур из Корана. Ю.А.

Гаврилов и А.Г. Шевченко в работе «Мусульманство в истории и культуре народов России» отмечают: «Для своих поэтических интерпретаций Бальмонт выбирает преимущественно суры мекканского периода. Это пророческое возвешение Божьего величия: стихотворения “Клянусь” (сура 100 “Мчашиеся”), “Милосердный” (сура 55 “Милосердный”), “Великая весть” (сура 78 “Весть”); обличение нечестивых и провозвестие Божьего суда: “Удар” (сура 101 “Поражающие”), “О, Пророк” (сура 73 “Завернувшийся”), “Богачи” (сура 83 “Обвешивающие”); эсхатологические пророчества: “Трубный звук”, “Тогда”, “Дым” (сура 44 “Дым”); посмертное воздаяние грешникам и праведникам: “Аль-Хотама”, “Событие”, “Не позабудь”»^[14].

Ранее в нашем исследовании мы уже затрагивали тему конца света, которая в Коране очень важна. «Эсхатологическая тема в Коране затрагивает культурологически важную тему конца света и жизни после смерти. В стихотворении «Не позабудь» К.Д. Бальмонта истина Корана – это путь, направление, в котором нужно двигаться верующему человеку. Коран написан писцами, и ангелы на небесах его читали, и люди должны следовать писаниям Корана, молиться и собирать плоды, которые вырастут из зерна молитвы и чтения Корана»^[15]. В стихотворении «Великая весть» К.Д. Бальмонт описывает рай и ад. В раю предположительно есть цветущий сад и девы – гурии, которые невинны, чисты и улаждают взоры верующих. Сад в исламе символичен: зеленый цвет, обилие цветов и растений, много воды, бегут ручьи, прохлада – в жарких странах Востока всего этого мало. В мусульманстве существует запрет на изображение человека, поэтому мусульманское искусство состоит из надписей на арабском языке (арабески) и изображений зелени и цветов»^[15].

Однако главной идеей Корана является монотеизм: «Вероучение ислама выражено краткой формулой “Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его”, это первый из его пяти столпов, остальные касаются преимущественно обрядовых предписаний: ежедневная пятикратная молитва – намаз, пост в месяц рамадан, налог в пользу бедных – закят, паломничество в Мекку – хадж».

«Коран повторяет основные религиозные догматы этих вероисповеданий: о бессмертии души, о рае и аде, о конце света, о Страшном суде и др. Совпадают в основных чертах коранические и библейские сюжеты о сотворении мира и человека, грехопадении первых людей – Адама и Евы (у арабов – Адама и Хаввы), о всемирном потопе, о наказании за грехи городов Содомы и Гоморры и т. п. Лишь при тщательном сравнении соответствующих текстов Корана и Библии обнаруживаются отдельные расхождения в этих рассказах»^[16].

В сборнике «Жемчужный коврик» есть стихотворение «Милосердный»:

«Он, Милосердный, научил

Путеводящему Корану,

Лазурь наполнил блеском сил,

Дал к тучам восходить туману.

Идет и солнце и луна,

Размерным числам сообразно,

В двойной короне вышина

Красна зарей, в звездах алмазна.

В земле сокрытое зерно

Возносит изумруд из тленья,

Везде к звену идет звено,

Цветут душистые растенья.

Он создал духов из огня,

Их создал из огня без дыма,

Он создал звезды и меня,

Моя душа огнем хранима.....»[\[17\]](#).

В стихотворении «Милосердный» К.Д. Бальмонт пишет о сотворении мира, милосердии Аллаха, о том, что им сотворены солнце, луна, звезды, душистые растения, море, суша, духи, созданные из огня, и человек как венец творения. Творение всего сущего вдохновило К.Д. Бальмонта. Мотив огня как созидающего начала и отголоски огня из сборника «Горящие здания» пленят воображение читателя. Поэт играет смыслами и полифоническими образами Корана. Путеводящий Коран приводит к милосердному, произрастают растения и все живое на земле. Это стихотворение является хвалой и благодарением Аллаху.

«Восток Бальмонта воплощен в образах «чарующего» востока (связан с древними цивилизациями), идиллической первобытности и отталкивающих поэта современных ему восточных реалий (описание которых обычно дано как контрастное к образу их легендарного прошлого). Это Иное, которое он часто описывал через сравнения с явлениями европейской культуры, помогало Бальмонту почувствовать и определить свою идентичность. В нем, как в зеркале, он видел себя европейцем и христианином, видел свою культуру и ее место в мире. Бальмонт искал свои корни в явлениях древних восточных цивилизаций, стремился понять, почувствовать дух древнего Востока, найти в нем нечто близкое, то, из чего произрастали современные ему явления русской культуры, русского сознания»[\[18, С. 170\]](#).

Заключение. Сформированы такие восточные идеи и мотивы, новые образы в его творчестве, как: просветленный Будда, нирвана, пирамиды, пустыня, сфинкс, мотивы Корана, Аллах, милосердный и др. В 1909 – 1912 годах К.Д. Бальмонт совершил кругосветное путешествие. Египет, Индонезия, Индия совершенно покорили поэта. Бальмонт изучил огромное количество научных работ по религии, философии и мифологии Востока. К.Д. Бальмонт написал множество писем, стихотворений, путевых записок, эссе, очерков о культуре Востока. Переводческая деятельность поэта занимает особую нишу в его творчестве. Он перевел с санскрита Ашвагоша «Жизнь Будды», драму Калидасы «Сакунтала», «Малявика и Агнимитра» и «Мужеством добытая Урваши», а с арабского он перевел «Коран». Фольклор и мифология Индии, Китая, Японии, Ирана собраны в сборнике «Зовы древности».

Материалы исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении творчества К.Д. Бальмонта, в преподавании культурологии и русской литературы XX века, семинарских и практических занятиях в средних специальных и высших учебных заведениях.

Библиография

1. Куприяновский П.В. Молчанова Н.А. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново: Издательство «Иваново», 2001. 468 с.
2. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6: Край Озириса; Где мой дом?: Очерки (1920 – 1923); Тишина; Горные вершины: Сборник статей; Белые зарницы: Мысли и впечатления. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010.
3. Абдельхамид С. А. М. Языковые образы Египта в лирике К. Д. Бальмонта / Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 158–170.
4. Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 384 с.
5. Бонгард-Левин Г.М. «Свет мой, Индия, святыня»/ Из «Русской мысли». СПб.: Алетейя, 2002. 228с. – (Серия «Русское зарубежье»).
6. Шашнева Е. Н. Индия в творчестве К.Д. Бальмонта: культурные парадигмы буддизма / Е. Н. Шашнева, А. А. Михайлов // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13, № 4. – EDN JLNNGV.
7. Фисковец Е. В. Индия в лирике Бальмонта (на материале стихотворения "Майя") / Е. В. Фисковец / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 6-2. – С. 116-120. – EDN KZBXXR.
8. Бальмонт К.Д. Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма / К.Д. Бальмонт. М.: Республика, 1992. – 447 с.
9. Бальмонт К.Д. Белый зодчий. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010 . Т. 3.
10. Спесивцева Л. В. Тема Востока в лирической поэме Серебряного века // Гуманитарные исследования. 2013. № 2(46). С. 87-93. EDN QJIIKX.13
11. Шашнева Е.Н., Серопян А.С. Евхаристический хронотоп в творчестве К.Д. Бальмонта // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Киров, 2011. № 2 (2). С. 127-130.
12. Цивелев А. А. Влияние Востока на культуру и поэзию России // Молодой ученый. 2010. № 9. С. 236-241. EDN NUECUF.
13. Шашнева Е.Н. Образ дома и родного мира в прозе К.Д. Бальмонта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». Н. Новгород, 2011. № 2 (22). С.121-123
14. Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Мусульманство в истории и культуре народов России: исламская составляющая российской цивилизации. М., 2007. 476 с.
15. Шашнева, Е.Н. К.Д. Бальмонт и культура ислама / Е. Н. Шашнева, А. А. Михайлов, С. И. Валькевич, В. Г. Маслов // Культура и искусство. – 2022. – № 12. – С. 1-10. – DOI 10.7256/2454-0625.2022.12.39408. – EDN ZBKIJW.
16. Шашнева Е. Н. Мотивы Корана и мусульманской культуры в цикле стихотворений К.Д. Бальмонта / Е. Н. Шашнева В. В. Урядова // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 12(104). – С. 279-284. – DOI 10.24158/fik.2022.12.45. – EDN CFKUNR.
17. Кусиков А., Бальмонт К., Случановский А. Жемчужный коврик : сб. стихотворений. М., 1921. 63 с.
18. Чач Е. А. Русский интеллект на Востоке в эпоху Серебряного века: опыт типологизации // История и культура. 2012. № 9. С. 163-203. EDN PVFGST.
19. Концова Е. В. Восточная тема в творчестве К.Д. Бальмонта // Молодой ученый. 2009.

№ 3. С. 118-124. EDN MUAGNN.

20. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6: Край Озириса; Где мой дом?: Очерки (1920 – 1923); Тишина; Горные вершины: Сборник статей; Белые зарницы: Мысли и впечатления. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010.
21. Кириченко Ю. С. Индийские мотивы в творчестве К.Д. Бальмонта / Ю. С. Кириченко, Е. Н. Семькина // В.В. Верещагин и Восток: В предчувствии евразийства : Материалы Международной научной конференции, Череповец, 26–28 октября 2016 года / Отв. ред. А.Н. Егоров, А.Е. Новиков, О.Ю. Солодянкина. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2016. – С. 168-172. – EDN XFYIOZ.
22. Радж В. Индия и буддизм в творчестве К.Д. Бальмонта // StudNet. – 2021. – Т. 4, № 3. – С. 76. – EDN LJZGON.
23. Дьяченко Т. А. Ориентализм в стихотворении К.Д. Бальмонта «Оазис» / Т. А. Дьяченко // Художественная картина мира в фольклоре и литературе : материалы всероссийской научной конференции, Астрахань, 23–24 апреля 2021 года. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2021. – С. 47-50. – EDN WOAHCK.
24. Бартольд В.В. Ислам. Культура мусульманства. М., 2018. 221 с.
25. Abdullaev N. B. (2021). Indian themes in the works of K. D. Balmont. //Epra, International Journal of Multidisciplinary Research (IJMR) – Peer Reviewed Journal, https://eprajournals.com/jpanel/upload/1234am_2.DOI: 10.36713/epra2013 (pp.8-9)
26. Makhmudova Y. A. (2023). The Place and Role of Oriental Themes in the Works of Poets of the "Silver Age" Late 19th – Early 20th Centuries. // Vital Annex: International Journal of Novel Research in Advanced Sciences (IJNRAS), ISSN: 2751-756X <http://innosci.org> (pp.136-140)
27. Kovalenko A. The recertion of China's image in the poem "the Great Nothing" by K. Balmont / A. Kovalenko, P. V. Porol // 2nd International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology : (ICPCS 2020), Bangkok, Thailand, 06–07 января 2020 года. – Bangkok, Thailand: DEStech Publications, Inc., 2020. – P. 392-396. – EDN BEMTQW.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленном на рецензирование материале для научного журнала «Человек и культура» под заголовком «К.Д. Бальмонт и культура Востока», как следует из подзаголовка к основной части повествования, является культура Востока (в объекте) в творчестве К.Д. Бальмонта. Тема, надо отметить, хорошо освещенная в российской научной литературе, но еще располагающая мало изученными аспектами. К сожалению, несмотря на множество написанных автором слов, предмет исследования остался не раскрыт, а отдельные заслуживающие внимания элементы новизны в результатах исследования автора сложно считать научными. Вывод автора о том, что образы культуры Востока представлены определенным перечнем категорий, используемых Бальмонтом (Абсолют, Единое, духовное Солнце, человек луч Солнца, жемчужина, ожерелье души, дымные блески, жертва Будды, отречение, священное дерево Бодхи, мертвенный покой, спокойная мудрость Будды, забвение в беспредельности), не вытекает логически из аргументации и остается спорным: либо это

результат авторской интуиции, либо имплицитное обобщение результатов уже опубликованных исследований, на которые автор не посчитал нужным сослаться.

Причиной отсутствия научного результата является целый комплекс методических ошибок автора. Не имея возможности уделить методике научного поиска достаточно времени, рецензент ограничивается комментарием основных недочетов.

Методология исследования представлена автором формальным упоминанием некоторых приемов («В исследовании были использованы следующие методы: синхронический, структурно-функциональный, биографический, историко-культурный»). Вполне понятно отсутствие логической взаимосвязи перечисленных приемов с конкретными исследовательскими задачами (а ведь конкретные научные методы предназначены для решения конкретных задач, и их логическая взаимосвязь позволяет судить насколько полученный результат расширяет область научных знаний). Причиной тому является несоразмерная масштабность поставленных задач, их несоответствие предмету и цели исследования. К примеру, автор обозначил задачу: «Рассмотреть культуру Востока и выявить религиозные и философские учения» (какие учения не уточняется, но видимо восточные, с которыми мог бы быть знаком Бальмонт), — многие научно-исследовательские институты в разных странах из поколение в поколение решают эту задачу (например, Институт востоковедения РАН), а автор даже не удосужился четко обозначить, что до него в этой области уже изучено, а в чем состоит его авторский вклад применительно непосредственно к предмету исследования. Эта ошибка повлекла за собой в тексте целый ряд необоснованных обобщений, граничащих с заблуждениями, и пустых банальных констатаций. В то время как итоговый вывод предполагает компаративную методику сравнения и сопоставления текстов Бальмонта с определенным корпусом литературы Востока. Но даже этот корпус автором конкретно не определен: нет ссылок ни на источники, ни на результаты исследований, которые позволили бы приведенный автором перечень категорий отнести исключительно к культуре Востока (к примеру, категории «Абсолют» и «Единое» в равной мере присутствуют в культуре Запада, хотя и имеют там специфические коннотации).

Причиной путаницы в задачах, вероятнее всего, стала неясная для самого автора цель исследования («целью исследования является культура Востока в связи с духовными, религиозными, философскими исканиями К.Д. Бальмонта»). Рецензент обращает внимание, что, если формулировка цели не предполагает её достижения (как, к примеру, можно достичь культуру Востока?), то она и не может быть достигнута. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что автор намерено или непреднамеренно вводит читателя в заблуждение, выдавая полученный им результат за достижение поставленной цели.

Актуальность выбранной темы автор конкретно не обозначил, но вероятнее всего, в многосложных выражениях он попытался высказать мысль о том, что путешествия К.Д. Бальмонта по миру оказали влияние на содержание его творчества и было бы уместно в нем выделить отдельно тему Востока. Достаточно банально, но, как было отмечено выше, есть и в этой теме не до конца изученные лакуны.

Научная новизна, которую автор попытался закрепить в выводах, остается спорной. Рецензент рекомендует автору ограничить область своего научного интереса предложенной им же самой выборкой категорий восточной культуры, которая, по всей вероятности, почерпнута из текстов Бальмонта, и попытаться дать каждой из них трактовку на основе аутентичного источника (какого-нибудь восточного текста) и непосредственно в интерпретации Бальмонта.

Стиль текста сложно считать научным. Он содержит очень много логических и стилистических ошибок, затрудняющих прочтение авторской мысли. К примеру, второе предложение введения («Эти цивилизации неразрывно связаны с религиозными и

философскими учениями, составляющими весь их культурный и исторический пласт») является ложным банальным суждением: безусловно, любая цивилизация так или иначе связана с религиозными и философскими учениями, влияющими на культуру и историю, но «весь их культурный и исторический пласт» лишь метафорически может быть ограничен философией и религией (а как же порох и бумага Китая или боевые слоны Индии?). Рецензент рекомендует автору после финальной доработки статьи обратиться за помощью к профессиональному редактору с целью вычитки и корректуры текста согласно нормам научного стиля и русского языка.

Структура статьи, в силу логических ошибок целеполагания, не отражает логики изложения результатов научного исследования.

Библиография не в достаточной степени раскрывает проблемное поле исследования (нет литературы за последние 3-5 лет, нет зарубежной литературы).

Апелляция автора к оппонентам не всегда корректна («Индуистская проблематика сквозит в работе Г.М. Бонгард-Левина» — мысль автора).

В представленном варианте интерес читательской аудитории журнала «Человек и культура» к материалу не очевиден. Автору следует существенно доработать (или даже переработать) статью, чтобы научная новизна авторской мысли стала бесспорной.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Человек и культура» автор представил свою статью «Восточные мотивы и образы в творчестве К.Д. Бальмонта: культурологический аспект», в которой проведено исследование становления уникального стиля поэта под влиянием культуры стран Востока.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что.

Актуальность исследования определяется как популярностью творчества К.Д. Бальмонта, так и неподдельным интересом научного сообщества и широкой публики к восточной культуре в целом.

Целью исследования является анализ творчества К.Д. Бальмонта через призму влияния культуры Востока. Методологической основой исследования явился комплексный подход, включающий биографический, историко-культурный методы, а также художественный и семиотический анализ текста.

Научная новизна заключается в комплексном анализе влияния восточной культуры на становление индивидуального поэтического стиля К.Д. Бальмонта. Практическая значимость исследования определяется тем, что материалы исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении творчества К.Д. Бальмонта, в преподавании культурологии и русской литературы XX века, семинарских и практических занятиях в средних специальных и высших учебных заведениях.

На основе развернутого библиографического анализа автор приходит к заключению, что биография и творческий путь известного русского поэта многократно становились предметом изучения таких российских искусствоведов, как Куприяновский П.В., Молчанова Н.А., Шашнева Е.Н., Серопян А.С., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. и др.

Для достижения цели автором проведен детальный художественный анализ произведений К.Д. Бальмонта. По мнению автора, путешествие, по странам Востока, совершенное К.Д. Бальмонтом в 1909-1912 годах, произвело неизгладимое впечатление на поэта и повлияло на все его дальнейшее творчество. Так, влияние египетской культуры прослеживается им в частности в стихотворении «Сфинкс» из сборника

«Тишина». По словам автора, Индия занимала видное место в творчестве Бальмонта. Бальмонт не только посвятил свои произведения восточной экзотической стране (стихотворение «Боро-Будур»), но и занимался переводами памятников индийской культуры. Он перевел с санскрита индийскую драму Калидасы «Сакунтала», «Малявика и Агнимитра» и «Мужеством добытая Урваши».

Основываясь на трудах искусствоведов А.Г. Шевченко, А.Ю. Гаврилова, автор анализирует степень влияния ислама и его образов на творчество К.Д. Бальмонта. Как отмечает автор, основы его творчества следует искать не только в русской литературе, но и в литературе многих народов. В той или иной форме Бальмонт вводил в свою поэзию традиции культур. В этом ряду и литературные традиции мусульманских народов – арабов, иранцев, тюрков. История и философия ислама были чрезвычайно притягательны для поэта, отдельные положения его доктрины он сделал элементами своего мироощущения.

Проведя исследование, автор приводит ключевые положения своего исследования. Однако стиль и построение предложений в заключении отличается от основного текста. Предложения отрывочны и примитивны по своей структуре. Автору следует доработать данный аспект.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение динамики творчества художника, становления его стиля, влияния определенных факторов на его творческий путь представляет несомненный научный и практический культурологический интерес и заслуживает дальнейшего изучения.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует также адекватный выбор соответствующей методологической базы. Библиография исследования составила 27 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании после устранения указанного недостатка.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Гоголев А.И., Егоров А.Ф., Руфов Д.Е. — Хомус в исторической памяти Якутии // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 177 - 183. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69313 EDN: BAIHKA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69313

Хомус в исторической памяти Якутии**Гоголев Анатолий Игнатьевич**

ORCID: 0000-0002-9694-7826

доктор исторических наук

профессор; кафедра Всемирной, Отечественной истории, этнологии, археологии; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58, оф. 612

✉ cafvi1990@mail.ru**Егоров Александр Федорович**

ORCID: 0000-0001-8644-0602

старший преподаватель; кафедра Всемирной, Отечественной истории, этнологии, археологии; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58, оф. 612

✉ alfegor1@gmail.com**Руфов Дмитрий Евгеньевич**

аспирант; кафедра Всемирной, Отечественной истории, этнологии, археологии; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58, оф. 612

✉ dmitriy_rufov@mail.ru[Статья из рубрики "Memory studies"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8744.2023.6.69313

EDN:

BAIHKA

Дата направления статьи в редакцию:

13-12-2023

Дата публикации:

29-12-2023

Аннотация: Формированием новой исторической памяти с преобразованием коммеморативных практик в Республике Саха (Якутия) можно и назвать современным состоянием исторической памяти в регионе России, что в первую очередь направлено на переосмысление старых практик и введение новых механизмов памяти. Данный процесс начался в конце XX века повсеместно на всей территории Российской Федерации. Отметим, что помимо начала формирования новой общероссийской исторической памяти, формируются местные проявления памяти, связанные с местными народами и их культурой. В данной статье мы попытаемся рассмотреть данный процесс изменения исторической памяти, используя методы концепции мест памяти, с одним из ярких примеров коммеморации – якутским хомусом, который можно считать одним из национальных символов Якутии. Основным методом в данной работе выступают методы исследования исторической памяти, а именно методы изучения мест памяти. В данной работе впервые дается попытка объяснить через концепцию мест памяти Пьера Нору, какое место в исторической памяти Республики Саха (Якутия) занимает хомус, который является одним из основных музыкальных инструментов народа Саха. У якутов музыкальный инструментарий не такой обширный, по сравнению с народами Алтая, Центральной Азии, якуты богаты устным народным и песенным творчеством, что делает хомус одним из главных музыкальных инструментов народа. Хомус являясь варганным инструментом, один из древнейших видов музыкальных инструментов, прошел через века и практически не изменил свой внешний вид, будут изменены только технологии и методы производства. Коммеморативные процессы которые происходят с хомусом весьма интересны для изучения и рассмотрения учеными.

Ключевые слова:

Хомус, Историческая память, Коммеморация, Якутия, современность, места памяти, варган, Якуты, Культурная память, культура

Формированием новой исторической памяти с преобразованием коммеморативных практик в Республике Саха (Якутия) можно и назвать современными изменениями в исторической памяти регионов России, что в первую очередь направлено на переосмысление старых практик и введение новых механизмов памяти. Данный процесс начался в конце XX века повсеместно на всей территории Российской Федерации. Отметим, что помимо начала формирования новой общероссийской исторической памяти, формируется местные проявления памяти, связанная с местными народами и их культурой. Первый из них это фактор государственный, то как государство и его представители стараются сохранить память о прошлом, будь то нормативные документы, реестры культурного наследия или мероприятия, посвященные юбилейным датам. Второй фактор – частный, характерен в формировании так называемой культурной памяти, когда общество само в отрыве от государства пытается сохранить прошлое в памяти села, города, республики или страны. В данной статье мы попытаемся рассмотреть данный процесс изменения исторической памяти с одним из ярких примеров коммеморации – якутским хомусом, который можно считать одним из национальных символов Якутии.

У якутов музыкальный инструментарий не такой обширный, по сравнению с народами Алтая, Центральной Азии, якуты богаты устным народным и песенным творчеством, что

делает хомус одним из главных музыкальных инструментов народа. Хомус являясь варганным инструментом, один из древнейших видов музыкальных инструментов, прошел через века и практически не изменил свой внешний вид. Состоит данный инструмент из закругленного корпуса с двумя прямыми концами и язычка, кольцо корпуса называется *тиэрбэс*, два прямых конца *сынаахтар*, имеющие грани внутренние щечки - *ис издэстэр* и внешние щечки - *тас издэстэр*, язычок - *тыл*, имеет колено - *хохуора* и закругленный кончик *чыычаах*.

В культурной и исторической памяти мы можем проследить сохранение хомуса как места памяти с древнейших времен, так архаический прототип хомуса было дерево, расщепленное молнией, которое вибрировало от дуновения ветра, что воспринималось людьми прошлого явление духа-хозяина дерева и тут прослеживается связь магии с деревом, у тюркских народов молния обладала очистительным свойством изгонять злых духов. В сказках, эпосах говорится об особой любви духов – хозяев охоты к варганной музыке. Например, по обычаю якутов во время охоты: по вечерам было принято рассказывать сказки и играть на музыкальных инструментах, на удачу в промысле: духи – хозяйева тайги или их дочери, заслушавшись, натацевавшись, одаривали добычей или упускали свой «скот» – зверей. И этот инструмент нередко сопровождал и любовные признания, когда через него высказывались самые сокровенные чувства. Особенно популярен был якутский хомус у женщин – существовал даже особый жанр хомусных песен. Якутский хомус служил в некотором роде своеобразным методом коммуникации, люди через него рассказывали о произошедших событиях, передавали мысли и секреты.

[1] Данные традиции и ритуалы говорят о закреплении хомуса в культурной и исторической памяти региона, представляют хомус в трех ипостасях материальной, символической, функциональной [2]

В старину у якутов бытовали различные виды варгана, вплоть до XIX в., такие как *кулуһун хомус* (камышовый хомус), *мас хомус* (деревянный хомус), *унуох хомус* (костяной хомус), *тимир хомус* (железный хомус), но постепенно железный хомус вытесняет остальные виды, это объясняется ролью хомуса в жизни якутов, так как сперва этот инструмент выполнял функцию аккомпанирующего инструмента и возможно заменял шаманский бубен, тем самым в исторической памяти региона плотно сохранился образ хомуса именно как инструмента сделанного из железа.

Стоит отметить что одной из важных форм сохранения памяти о хомусах, являются заметки исследователей XVIII-XX веков, так А.Ф.Миддендорф, составивший наиболее полное естественно-историческое описание территории, свидетельствует о бытовании у якутов хомуса и струнно-смычкового инструмента кырымпы и высказывает мнение об их происхождении: «... единственные музыкальные инструменты, которые я встречал у них, были ... скрипка и варган. Оба, очевидно, заимствованы у русских» [3] Наиболее подробные сведения о варгане – хомусе и шаманском бубне оставил в XIX в. исследователь материальной и духовной культуры якутов и других жителей Верхоянского округа, политссылный И. А. Худяков пишет о наличии у якутов деревянных и костяных хомусов, о групповом исполнении на хомусе. «...Якуты напевают и наигрывают свои песни еще помощью своего любимого музыкального инструмента хамыса, который они и берут в зубы...» [4] Также упоминания о таком инструменте были у В.Л.Серошевского и Э.К. Пекарского.

Начиная с советского периода изучения музыкальных инструментов в национальных республиках начинаются собственные исследования, в том числе и о хомусе, среди них можно выделить работы М. Н. Жиркова «Якутская народная музыка» и А. И. Чахова

«Саха былыргы музыкальной инструменнара». В своем труде, написанном еще в 50-е годы XX в., композитор М. Н. Жирков проводит первую классификацию якутских народных музыкальных инструментов. Начиная с 50-ых годов происходят частичные изменения в коммеморативных практиках, А. И. Чахов и Г.А. Григорян начинают эксперименты по усилению звуковых качеств хомуса, что приводит к созданию так называемого хомуса с кольцом, но сильного распространения он не получит. В конце 1960-х — начале 1970-х годов интерес к варганной музыке вновь стал расти, что было связано с начавшимся процессом возрождения этнических культур и развития коммеморативных практик, с новыми увлечениями эзотеризмом. В Якутии в 1970-х годах варган-хомус стал популярным благодаря усилиям якутского исполнителя Ивана Алексеева – *Хомус Уйбаан*. Крупным шагом в сохранении исторической памяти хомуса стало проведение I Всесоюзной конференции «Проблемы варганной музыки в СССР» (1988) и II Международного Конгресса «Варган (хомус): традиции и современность» (1991) в Якутске. ^[5] Отдельно отметим инициативы по сохранению памяти, которые выработали концепцию и создание музея хомуса в г. Якутске (Постановление Совета Министров Якутской-Саха ССР № 612 «О создании Международного центра варганной музыки»). и по рекомендации II Международного конгресса варгана в конце XX века в республике открылся Музей и Центр хомуса народов мира.

На современном этапе в Якутии проходят международные и республиканские мероприятия, посвященные варганной музыки и якутскому хомусу, был выпущен указ главы республики Егора Афанасьевича Борисова №769 от 27 июня 2011 года об учреждении Дня хомуса 30 ноября в Республике Саха(Якутия) (Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 27 июня 2011 г. N 769 "Об объявлении Дня Хомуса в Республике Саха (Якутия)") – этот праздник был принят для сохранения древних культурных традиций и знак мирового признания национального инструмента и является проявлением именно государственного начала в коммеморативных практиках современной Якутии. Примерами частной коммеморации выделим что в ноябре ко Дню хомуса проводят акции как "Хомусный диктант", конференции, конкурсы между музыкальными исполнителями и коллективами, конкурсы для мастеров-изготовителей хомуса.

Также важными примерами взаимодействия частных и государственных инициатив в варганной музыки считается факт одновременной игры на хомусе во время празднования "Ысыах-Туймаады" в Якутске 24 июня 2011 года, в котором приняли участие 1344 исполнителя из разных районов Якутии и гостей из разных стран, вошедший в Книгу рекордов Гиннесса как самое массовое синхронное исполнение музыки на варгане.

Остановимся на таком моменте, что на современном этапе происходит борьба памяти в методах производства хомуса, выделим два противоположных мнения по способам изготовления хомуса. Первый из них традиционный метод ковки хомуса, но все равно даже в традиционный метод ковки используются ряд современных инструментов или материалов. так например в селе Верхневилуйск кузнецы сохраняют метод ковки вручную, но как сказал мастер-изготовитель Борисов Пантелеймон Михайлович сейчас варган изготавливают не из руды, а из металлических толстых проволок или других железных изделий оставленные после СССР, при этом отметил важно правильно подобрать металл так например из нержавеющей и легированных металлов хомус не получается. ^[7] Вторая группа, отмечает что в данный момент претерпевают изменения и способы изготовления якутских хомусов, с связи распространением новых технологий. Так, например, Захаров И.Ф. - *Кылыады* уус развил идеи и творческий опыт своих предшественников. Он привнес инновационные методы по изготовлении хомуса заменив

ручную ковку из металла на технологию литья корпуса инструмента из других металлов (латуни, серебра и железа) и в конце, он остановился на оптимальном варианте корпуса хомуса из латуни с примесями железа. *Кылыадыы* уус является мастером-изготовителем сувенирных хомусов посвященных памятным датам таких как 40-летие Победы, 350-летию г.Виллюйску, присоединению Якутии в состав Российского государства. А в 1997 г. уже другой кузнец Готовцев И.Н. разработал авторскую станочную технологию изготовления корпуса хомуса из листовой стали. Его технология заключается в работе на металлорежущих станках: нарезание прямоугольных пластин из листовой стали на гильотине, сверление и рассверливание на токарных станках кольца корпуса хомуса, нарезание на фрезерном станке центрального канала под язычок. А придание окончательной формы корпуса хомуса производится на электроточиле или с помощью ножовки. При этом каждая поверхность реза требует дополнительной обработки: опилование, шлифование, полирование. В связи с этим доводка чистоты поверхности производится вручную с помощью напильников и абразивных шкурочек различной зернистости. ^[8]

Но все равно отметим что данная борьба имеет по своей сути чисто технологический характер и современные якутские кузнецы используют инновационные материалы и овладеют новыми технологиями металлообработки. Но не забывают древние каноныковки и обработки металла и мастера соблюдают их при изготовлении якутских ножей и хомусов. В наши дни якутские мастера кузнечного дела участвуют в выставках и принимают участие в конкурсах различного уровня.

В настоящее время достигнуты определенные результаты в деле упорядочения и систематизации множества разновидностей варганов народов мира. Более четко обрисовываются локальные особенности бытования и функционирования варганов и за последние годы якутский хомус претерпел серьезные изменения, как в отношении внешних конструктивных элементов, так и в части музыкальных качеств. Этому способствовали различные обстоятельства, во-первых, виртуозы-исполнители за сравнительно короткий промежуток времени резко расширили диапазон исполнительского мастерства, во-вторых, кузнецы-изготовители начали приоткрывать технологические секреты старых ремесленников, в-третьих, хомусное искусство возрождается в атмосфере повышенного интереса к народной фольклорной музыке.

Все это приводит к тому что мы можем говорить о том, что представления о хомусе как место памяти сохраняются в обществе Якутии и развиваются. Идет одновременный процесс сохранения традиционного представления о хомусе и противоположное ему осовременивание хомуса в памяти, внедрение новых технологий производства, методов игры на хомусе.

Библиография

1. Решетникова А. П. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. Якутск: Бичик, 2005. – 408 с.
2. Нора П. Проблематика мест памяти //Франция-память. – СПб.: СПбГУ, 1999. С. 40.
3. Миддендорф А.Ф. Путешествие по Сибири и Востоку. Ч. 2. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отдел VI. Коренные жители Сибири. – СПб., 1878. – С. 807.
4. Худяков, И. А. Краткое описание Верхоянского округа / Под редакцией В. Г. Базанова. – Л: Наука, 1969. – 439 с.
5. Сузукей В.Ю. Хомусы (варганы) народов мира. // Хомус в традиционной культуре

тувинцев. Кызыл «Тываполиграф», 2010. С. 18-35.

6. ПМА. Беседа с мастером по изготовлению музыкальных инструментов П. М. Борисовым (январь 2020). Материалы: интервью.

7. Готовцев И.Н. Саха хомуһугар сананы... Якутск: Сахаполиграфиздат, 2003. – 64 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

На статью «Хомус в исторической памяти Якутии»

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен в тексте статьи.

Методология исследования базируется на методологии исследования, базирующейся на принципах системности, объективности, научности и историзма. В работе использованы этнографические методы, которые используются при изучении традиционной культуры народов, в том числе и материальной (одежда, пища, музыкальные инструменты, орудия труда и т.д., и т.д.). Также работа задумана в русле подхода исторической памяти, под которой поднимается специфический фрагмент сознания — представления индивидов и групп о собственном прошлом с учетом ее мифологического изм

Актуальность. Автор отмечает, что с конца XX вв. в Республике Саха-Якутии, как в целом по стране идет формирование новой исторической памяти с преобразованием коммеморативных практик, когда общество пытается сохранить прошлое. Это явление наблюдается и в отношении якутского хомуса. На примере хомуса, пишет автор, попытаемся рассмотреть процесс формирования исторической памяти. Автор также подчеркивает, что если формирование новой общероссийской исторической памяти есть фактор государственный, государство и его представители стараются сохранить память о прошлом, будь то нормативные документы, реестры культурного наследия или мероприятия, то коммеморативная память порой происходит в отрыве от государства, к примеру, такова память о хомусе.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи академический с элементами описательности. Структура работы в целом направлена на достижение цели исследования и его задач. В начале статьи автор пишет о том, что в Якутии возрос интерес к древнему музыкальному инструменту хомусу, который можно считать одним из национальных символов якутов. Далее дает описание хомуса и отмечает, что хомус варганный «прошел через века и практически не изменил свой внешний вид. Состоит данный инструмент из закругленного корпуса с двумя прямыми концами и язычка, кольцо корпуса называется тизербэс, два прямых конца сынаахтар, имеющие грани внутренние щечки - ис издэстэр и внешние щечки - тас издэстэр, язычок - тыл, имеет колено - хоуора и закругленный кончик чыычаах». Инструмент играл важную роль в жизни якута, игрой на инструменте якут просил удачи на охоте, сопровождал любовные признания и т.д., особенно он был популярен у женщин. «Якутский хомус служил в некотором роде своеобразным методом коммуникации, люди через него рассказывали о произошедших событиях, передавали мысли и секреты. Данные традиции и ритуалы говорят о закреплении хомуса в культурной и исторической памяти региона, представляют хомус в трех ипостасях материальной, символической, функциональной», подчеркивается в статье. Далее разбираются разные виды варгана, которые были у якутов. Автор пишет о работах исследователей XIX века, оставивших

заметки о хомусах и их видах (в том числе о шаманских хомусах), а также о работах советского периода, в который посвящены изучению хомуса, а также о работах второй половины XX века, посвященные экспериментам по усилению звука хомуса. На современном этапе наблюдается значительный интерес к хомусу и сохранению исторической памяти о нем. В Республике Якутия (Саха) апроходят международные и республиканские мероприятия, посвященные варганной музыки и якутскому хомусу. По Указу Главы республики №769 от 27 июня 2011 года учрежден День хомуса 30 ноября в Республике Саха(Якутия) (Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 27 июня 2011 г. N 769 "Об объявлении Дня Хомуса в Республике Саха (Якутия)"). Данный праздник был принят для сохранения древних культурных традиций и знак мирового признания национального инструмента и является проявлением именно государственного начала в коммеморативных практиках современной Якутии. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен.

Библиография работы количественно невелика и состоит из 7 источников, посвященных хомусам мира, сюжетных мотивов и музыка олонхо в этно-графическом контексте, вопросам исторической памяти и т.д. Библиография дала возможность автору раскрыть исследуемую тему и данная статья вносит определенный вклад в сохранение исторической памяти о хомусе якутов и активизирует эту память.

Апелляция к оппонентам. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи и в библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Работа подготовлена на интересную и актуальную тему, будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Добрынин О.В. — Трансформация режиссерского замысла применительно к построению структуры виртуального пространства в кинематографе // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 184 - 198. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.68916 EDN: INXDPS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68916

Трансформация режиссерского замысла применительно к построению структуры виртуального пространства в кинематографе

Добрынин Олег Витальевич

ORCID: 0009-0005-4303-7457

старший преподаватель, кафедра анимации и компьютерной графики, Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК)

129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 3

✉ oleg.dobrynin.70@list.ru

[Статья из рубрики "Экранная культура и экранные искусства"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.6.68916

EDN:

INXDPS

Дата направления статьи в редакцию:

08-11-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является процесс творческого замысла режиссёра, который претерпевает изменения при переходе от традиционного кинематографического пространства к миру виртуальной реальности. Особая роль отведена технической составляющей VR-кинматографа. Важность этой темы несомненна, так как она затрагивает основы кинематографического искусства, а также представляет интерес для широкого круга специалистов в области кино и виртуальной реальности. Она актуализирует вопросы творческой свободы, технологических возможностей и новых форм взаимодействия автора с аудиторией. Целью работы является рассмотрение того, как изменяется роль режиссера в контексте создания виртуальных миров, и как новые возможности, которые предоставляют авторам

технические инновации, влияют на структуру и восприятие кинематографических произведений. Основываясь на методах сравнительного анализа, в работе проведена попытка понять трансформацию режиссерского замысла в контексте виртуального пространства. Новизна работы определяется тем, что в ней выявлены различия традиционного и виртуального подходов в кинематографе, а также дан предположительный прогноз развития VR-кинематографа, описана роль искусственного интеллекта и машинного обучения в сюжетной составляющей кинематографа. Поскольку виртуальная реальность несет в себе потенциал кардинальных изменений в режиссуре, в работе затронуты такие аспекты как повествование и стилистика в классическом и VR-кинематографе, роль зрителя, контроль зрительского восприятия со стороны режиссера, эмоциональное влияние VR и классического кинематографа, особенности визуализации, а также психологические аспекты, отличающие классический и инновационный подходы. Будущее виртуального кинематографа обещает расширение границ возможного в киноповествовании. Режиссерам предстоит стать не просто рассказчиками, но и инженерами человеческого опыта, способными создавать и управлять сложными эмоциональными и сенсорными ландшафтами. С ростом технологических возможностей режиссеры будут исследовать новые формы повествования, где виртуальные среды предоставят неограниченные пространства для творчества. Однако, вместе с новыми возможностями приходят и новые вызовы, включая необходимость учитывать этические аспекты и психологическое воздействие виртуальных сценариев на зрителей. Режиссеры будущего виртуального кинематографа будут стоять на переднем крае этих перемен, направляя развитие искусства в новые, еще неизведанные регионы человеческого опыта.

Ключевые слова:

режиссерский замысел, виртуальная реальность, авторский кинематограф, VR-кинематограф, технологии виртуальной реальности, новые технологии, язык мультимедиа, пространство кинематографа, искусство кино, интерактивная реальность

В основе любого кинопроизведения лежит режиссерский замысел, который, в общем виде, может представлять собой интуитивные наброски будущей картины. Это может быть как ощущение, предчувствие, так и особое видение «кадрами». Режиссер внутренне визуализирует свой замысел, который впоследствии может видоизмениться, дополниться, или даже совсем поменяться по сравнению с первоначальным мысленным образом. В эпоху кинематографической классики режиссерский замысел представляет собой комплексную концептуальную структуру, интегрирующую в себя аспекты сценарного плана, актерской интерпретации и визуальной реализации. Сформировавшись в умах кинематографистов, замысел обретает жизнь на стыке артистической воли и объективных технических ограничений, обусловленных как материально-пространственными, так и временными параметрами кинопроцесса.

В настоящее время человечество стоит на пороге вливания технологий виртуальной реальности в классический кинематограф, и данный процесс весьма интересен и непредсказуем. Мы видим отдельные попытки создания виртуальных сред в кинематографе на примере некоторых авторских проектов, таких как, например фильм «Предел» Роберта Родригеса (2018 г.). На фестивале документального кино FIPADOC в Биаррице (2020 г.) было представлено несколько студий, которые продемонстрировали свои VR-проекты. Современный мир кинематографа и виртуальной реальности

переживает эпоху трансформации, где границы между реальностью и виртуальностью становятся всё более размытыми. В такой динамично развивающейся среде роль режиссёра обретает новые грани, особенно это проявляется в контексте создания и взаимодействия с виртуальным пространством.

Данная статья затрагивает основополагающий вопрос: *как процесс творческого замысла режиссёра претерпевает изменения при переходе от традиционного кинематографического пространства к миру виртуальной реальности.* Анализ, представленный в данной статье, поможет читателям глубже понять те незримые нити, которые связывают традиционное искусство кино с активно развивающейся сферой виртуальной реальности.

В попытке понять трансформацию режиссерского замысла в контексте виртуального пространства, необходимо сначала обратить внимание на уникальную эволюцию взаимодействия между технологией и кинематографией. Не столько история развития технологий, сколько история изменения самой концепции рассказывания историй стоит в центре нашего внимания.

В начале XX века кинематограф был воспринят как чудо техники, способное захватывать реальность. Но со временем он превратился в мощный инструмент рассказывания историй, где режиссеры начали играть с элементами кадра, монтажа и сюжета, создавая сложные и многогранные произведения. Этот переход от простого «захвата реальности» к творческому «созданию миров» представляет собой фундаментальный сдвиг в режиссерском замысле.

С развитием компьютерных технологий в конце XX века возникла концепция виртуальной реальности (VR), которая предложила ещё один скачок в возможностях рассказывания.

VR не просто расширяет границы кинематографического пространства, но и предлагает новую парадигму взаимодействия со зрителем. Если традиционное кино предполагало наблюдение, то виртуальная реальность приглашает зрителя стать участником истории. В этом контексте *история режиссуры в виртуальной реальности оказывается историей переосмысления и расширения границ повествования.* Режиссеры начинают экспериментировать не только с визуальными и звуковыми эффектами, но и с психологией восприятия, создавая сложные пространства. Таким образом, виртуальная реальность открывает новую страницу в истории кинематографа, где границы между реальным и воображаемым, зрителем и создателем стираются, предлагая беспрецедентные возможности для режиссерского замысла.

Важно отметить, что влияние технологий на режиссерский замысел не ограничивается одной лишь технической стороной. Это также вопрос культурных и эстетических трансформаций, которые происходят в обществе. В каждую эпоху кинематограф отражал дух времени, его надежды, страхи и мечты. С появлением виртуальной реальности эта способность отражения и воздействия достигла нового уровня.

В 20-м веке кинематограф был своего рода «окном в мир», позволяющим зрителям переживать истории, которые они никогда бы не испытали в реальной жизни. С развитием спецэффектов, цветного изображения и звука, кинематограф стал более погружающим и визуально насыщенным. Но даже с этими технологическими достижениями существовала явная граница между зрителем и экраном. Переход к виртуальной реальности стирает эту границу. Теперь зрители не просто наблюдатели, но и активные участники в истории. Это изменение радикально влияет на режиссерский замысел. Режиссёры вынуждены учитывать не только то, что зрители видят и слышат, но

и то, как они физически перемещаются и взаимодействуют в виртуальном пространстве. Таким образом, режиссура в виртуальной реальности требует нового подхода к созданию сюжета, где динамика пространства и времени играет ключевую роль. В данном контексте эволюция режиссуры неизбежно связана с развитием технологий и социокультурных тенденций. В эпоху цифровизации и глобализации возникают новые формы искусства и новые способы взаимодействия с аудиторией. Виртуальная реальность как технология не просто открывает новые возможности для режиссёров, но и выступает как зеркало, отражающее изменения в нашем восприятии мира и искусства.

Таким образом, исторический контекст развития кинематографа и виртуальной реальности представляет собой не просто последовательность технологических достижений, но и отражение глубоких социальных и культурных изменений. Рассмотрение этих изменений через призму режиссерского замысла позволяет нам глубже понять не только искусство кино, но и самих нас как участников этого взаимодействия. В контексте этой исторической эволюции, важно осознавать, что каждая новая технология вносит свой вклад в метаморфозу рассказывания историй. Это не просто сдвиг в способах визуализации, но и в основных принципах повествования. Если кинематограф начинался как линейное повествование, то виртуальная реальность предлагает *многомерный подход*, где повествование может разветвляться и изменяться в зависимости от действий и выборов зрителя. Такое изменение подхода к рассказыванию историй вызывает кардинальные изменения в режиссерском замысле. Режиссеры теперь должны *не только рассказывать историю, но и создавать мир*, который реагирует на зрителя и изменяется вместе с ним. Это создает уникальные вызовы, такие как разработка сценариев, которые могут адаптироваться к различным вариантам развития событий, и создание визуальных и звуковых эффектов, которые поддерживают динамику повествования.

Формирование режиссерского замысла в классическом кинематографе

В основе классического режиссерского замысла лежит сценарий — первичный текст, который, однако, не является догмой, а скорее партитурой, предполагающей интерпретацию и вариации. Процесс реализации замысла напоминает палимпсест, где первоначальные идеи покрываются слоями реализации, каждый из которых обогащает и одновременно модифицирует исходное творческое видение. Режиссер, взаимодействуя с актерами и пространством, не просто направляет, но и поддается влиянию их уникальных свойств и возможностей.

В кинематографическом искусстве режиссер выступает в роли метарежиссера, синтезирующего множество элементов в единое целое. Он сталкивается с необходимостью учесть театральность актерской игры, пластичность пространства и времени, а также специфику кинематографического языка с его уникальными средствами выразительности, такими как монтаж, кадрирование, светотеневая гамма и звуковая дорожка.

Влияние физических ограничений пространства на творческий процесс

Физическое пространство кинопроизводства, будь то студия или натурные условия, оказывает детерминирующее воздействие на художественную практику. Пространственные ограничения, такие как размеры павильона, расположение декораций и точки доступа для камеры, требуют от режиссера не только логистической изобретательности, но и эстетической адаптивности. Ограниченность пространства зачастую становится катализатором креативного поиска новых изобразительных

решений, способствующих генерации оригинальных кинематографических образов.

Эти ограничения, взятые в копилку кинематографического опыта, превращаются в творческие задачи, решение которых обуславливает развитие визуального языка кино. Режиссеры, подобно художникам эпохи Возрождения, работающим с законами перспективы, учатся манипулировать пространственными иллюзиями, создавая на экране убедительные миры, не подвластные ограничениям реального пространства.

Таким образом, физические ограничения пространства, встроенные в контекст традиционного кино, не только формируют особенности режиссерского замысла, но и обеспечивают почву для его кинематографического воплощения, способствуя тем самым эволюции кинематографического языка и расширению границ искусства кино.

Трансформация режиссерского замысла в виртуальной реальности

Вступление в эру виртуальной реальности обозначает кардинальный перелом в истории режиссуры, сопоставимый с переходом от немого кино к звуковому. Виртуальная реальность, как технологически и художественно инновационная платформа, позволяет режиссерам реализовать замысел с невиданным доселе масштабом иммерсивности и интерактивности.

Построение режиссерского замысла в виртуальной реальности представляет собой процесс, в котором классические нарративные структуры подвергаются трансгрессии. Виртуальные пространства не просто пассивные декорации, но активные агенты повествования, способные варьировать свои характеристики и влиять на траекторию сюжета. Режиссер VR-пространства работает не столько с кадром, сколько с полем возможных действий, предоставляя зрителю автономию выбора и в то же время направляя его опыт с помощью сложной сети причинно-следственных связей.

Технологические инструменты и их влияние на структуру виртуального пространства

Современные технологии, такие как трехмерное сканирование, Motion Capture, улучшенные алгоритмы искусственного интеллекта и компьютерная графика, позволяют создавать многомерные, глубоко иммерсивные виртуальные миры. Применение данных технологий в режиссуре VR предоставляет возможность для органической интеграции интерактивных элементов, которые реагируют на действия и выбор пользователя в реальном времени.

Системы виртуального освещения, такие как ray tracing и global illumination, создают уровень реалистичности, необходимый для полного погружения, в то время как воксельные технологии позволяют режиссеру манипулировать и трансформировать пространство динамически, в ответ на действия пользователя. Интеграция аудиовизуальных технологий с трекингом движений и взгляда пользователя позволяет создавать сложные сенсорные среды, где каждый элемент является частью режиссерской концепции.

Применение современных редакторов виртуальной реальности, таких как Unreal Engine и Unity, позволяет режиссерам виртуальной реальности создавать сложные сценарии и среды, в которых каждый объект может нести в себе сценарное значение и взаимодействовать с пользователем по заранее определенным или алгоритмически генерируемым паттернам. Системы, основанные на искусственном интеллекте, такие как нейронные сети и машинное обучение, открывают возможности для создания адаптивных

повествований, которые могут изменяться и развиваться в ответ на вводимые данные.

Возможность использования технологий виртуальной реальности в сфере режиссуры предполагает переход от линейного повествования к нелинейным, гипертекстуальным формам сюжета, где зритель становится соавтором искусства, а режиссер — проводником в мире возможностей. Такая многомерность и многовекторность в режиссуре VR представляют собой новую эстетику, вызывающую к жизни исследования в области феноменологии восприятия и психологии погружения.

Трансформация режиссерского замысла в виртуальной реальности — это процесс, пронизанный технологическими инновациями и требующий от режиссеров нового уровня мастерства и взаимодействия с аудиторией. В эпоху, когда границы между физическим и цифровым мирами становятся все более размытыми, режиссура VR превращается в пограничное искусство, осмысливающее новые формы человеческого опыта и творческого самовыражения. Одним из краеугольных камней трансформации режиссерского замысла в виртуальной реальности является интерактивность, которая кардинально отличается от пассивного восприятия традиционного кинематографа. Режиссер виртуальной реальности становится создателем мультивариативных сценариев, где каждый выбор пользователя может привести к разветвлению нарратива и изменению сюжетного развития. Это требует от режиссера не только написания различных сценарных линий, но и глубокого понимания психологии выбора и принятия решений.

Продвинутые инструменты VR, такие как адаптивный искусственный интеллект, виртуальные реактивные среды и программируемые нейросети, позволяют режиссерам создавать сложные, реагирующие на пользователя миры, которые ранее были недостижимы. Использование технологий виртуальной реальности, таких как Oculus Rift, HTC Vive и Sony PlayStation VR, предоставляет пользователю ощущение полного погружения за счет трекинга движений, стереоскопического видео и 3D-аудио.

Прогресс в области программирования визуальных эффектов и алгоритмов виртуального моделирования позволяет режиссерам создавать гиперреалистичные текстуры и модели, воспроизводящие сложные физические взаимодействия и феномены в детализированных виртуальных пространствах. Технологии, такие как photogrammetry и lidar scanning, дают возможность захвата и воссоздания реальных локаций с высокой степенью точности, перенеся их в виртуальное пространство.

VR-режиссура требует развития новой кинематографической грамматики. Такие элементы, как монтаж, кадрирование и композиция, приобретают новые значения в контексте VR. Например, монтаж уже не сводится к соединению кадров в последовательность, но становится инструментом для управления вниманием пользователя и его навигацией в трехмерном пространстве. Кинематографическая композиция в VR может быть обогащена за счет использования 360-градусной съемки, предоставляя пользователю свободу обзора и выбора точки фокусировки.

Таким образом, виртуальная реальность предлагает режиссерам возможность переопределения роли зрителя, который уже не является статичным наблюдателем, а становится активным участником виртуального повествования. В этой новой эре, режиссеры исследуют глубины человеческого сознания и психологии, используя технологии VR для создания экспериенциального искусства, которое переплетает реальность и виртуальность, предлагая беспрецедентные формы эмоционального и сенсорного взаимодействия. Виртуальная реальность становится не просто новым средством для выражения режиссерского замысла, но и мощным инструментом для

исследования новых форм кинематографического языка и искусства.

Примеры использования визуальных эффектов из современных кинопроектов

Фильм **«Доктор Стрэндж»** представляет собой отличный пример использования визуальных эффектов для расширения возможностей повествования. Режиссер Скотт Дерриксон манипулирует визуальным пространством таким образом, что законы физики подчиняются воле главного героя, что позволяет зрителю переосмыслить свои представления о реальности.

«Интерстеллар» Кристофера Нолана — еще один пример фильма, в котором режиссер использует как современные, так и традиционные технологии для создания захватывающего и научно-обоснованного изображения космических путешествий. Нолан совмещает физически построенные декорации с компьютерной графикой, чтобы создать уникальное визуальное представление черных дыр и пятимерного пространства.

Продолжая тему инноваций в режиссуре, обратим внимание на VR-эксперименты, которые не только переопределяют роль режиссера, но и предлагают новый взгляд на структуру повествования и восприятия кинематографического произведения. Фильм **«Ready Player One»** режиссера Стивена Спилберга является одной из заметных попыток перенести зрителя в многослойный виртуальный мир. Спилберг использует VR не только как элемент сюжета, но и как средство для развития персонажей и эксплорации темы реальности против виртуальности. Технологии визуализации и компьютерного моделирования позволяют создать впечатляющие и запоминающиеся визуальные образы, которые усиливают динамизм и напряженность нарратива.

Примеры для изучения из VR-проектов

«Notes on Blindness» — VR-адаптация одноименного документального фильма, которая погружает пользователя в мир человека, потерявшего зрение, через иммерсивный звуковой дизайн и минималистичную визуализацию. Этот проект демонстрирует, как VR может использоваться для создания глубоко личного и эмоционального опыта, исследуя новые границы сопереживания и понимания.

«VRChat» — платформа, которая, хотя и не является режиссерским проектом в традиционном смысле, представляет собой виртуальное пространство, где пользователи могут создавать свои миры и сценарии. Это пример социального виртуального пространства, предоставляющего пользователям инструменты для реализации собственного режиссерского замысла в среде VR.

Проект **«Spheres»** от Элизы Макнитт представляет собой серию интерактивных VR-опытов, которые позволяют зрителям исследовать космос на новом уровне взаимодействия, перенося их в миры, где они могут «прикоснуться» к звездам и планетам. Здесь режиссерская работа ориентирована на создание синестетического опыта, где зрение, слух и даже осязание сплетаются в единую текстуру восприятия.

VR-проект **«The Tempest»** от компании Magic Leap представляет собой интерактивное театральное представление, где зрители становятся соучастниками спектакля, перемещаясь по сцене и взаимодействуя с актерами и окружающим пространством. Этот проект иллюстрирует, как VR может трансформировать традиционные формы искусства, предоставляя режиссерам новые средства для создания иммерсивного опыта.

С развитием технологий машинного зрения и аугментированной реальности, режиссеры начинают экспериментировать с новыми формами визуального повествования, которые

привносят элементы VR в физический мир. Проекты, такие как **«Magic Leap One»**, открывают новые перспективы для создания слоев дополненной реальности, которые обогащают традиционный просмотр фильмов или театральных постановок.

Иммерсивное кинематографическое искусство как новая фронтiera режиссуры

Растущая популярность иммерсивного театра и кинематографа привносит в дискурс о режиссуре новые концепции, где границы между реальностью и искусством становятся практически неразличимыми. Проекты, такие как **«Sleep No More»**, хотя и не являются VR-проектами в строгом смысле, вдохновляют режиссеров VR на создание непрерывных, многоплановых сюжетных линий, где каждый зритель становится уникальным участником истории.

Современные кинематографические и VR-проекты показывают, что режиссеры находят новые способы для воплощения своих замыслов, используя технологические инновации для углубления иммерсивности и интерактивности повествования. Создание виртуальных миров, разработка мультиперспективных нарративов и использование интерактивного сторителлинга открывают перед режиссурой новые горизонты, где зрители становятся активными участниками истории, а технологии — кистью в руках режиссера.

Инновационные подходы в режиссуре, особенно в области VR, открывают режиссерам возможности для создания новых форм повествования, которые значительно отличаются от традиционного кино. От сложных научно-фантастических эпопей до интимных персональных исследований, от дополненной реальности до полного погружения в интерактивные среды — современные режиссеры продолжают исследовать и расширять возможности кинематографа и VR, предлагая аудитории не просто новый контент, но и новые способы взаимодействия с искусством. Эти подходы не только укрепляют роль режиссера как новатора и исследователя, но и подчеркивают неизбежность интеграции технологического прогресса в кинематографический язык будущего.

Сравнительный анализ традиционного и VR-подходов в кинематографе

Сравнительный анализ традиционных и виртуальных подходов в режиссуре раскрывает коренные различия в интерпретации режиссерского замысла, применении технологий и вовлечении аудитории. Традиционный кинематограф и виртуальная реальность предлагают разные парадигмы создания и восприятия кинематографических произведений, каждая из которых имеет свои уникальные возможности и ограничения.

Как было описано выше, в традиционном кинематографе режиссер выступает как главный рассказчик, который контролирует визуальную и нарративную структуру фильма. Это линейное повествование, где зритель принимает пассивную роль наблюдателя, следующего за predetermined историей. Режиссер использует камеру как инструмент для направления взгляда зрителя, выбирая ракурсы, композицию и монтаж для формирования впечатления и передачи эмоций. Виртуальная реальность, напротив, предоставляет зрителю активную роль участника. Режиссер здесь — скорее куратор опыта, создающий мир и определяющий возможные взаимодействия, но не полностью контролирующий точку зрения зрителя. В VR пространственное восприятие и возможность физического взаимодействия среды приносят новую степень погружения и требуют от режиссера более сложного подхода к сюжету и мироустройству.

В таблице представлен сравнительный анализ этих двух подходов:

	Традиционный	
--	---------------------	--

Аспект	кинематограф	Виртуальная реальность
Повествование и стилистика	Повествование линейное, с фокусом на единственный сюжет. Визуальное повествование строго контролируется режиссером: каждый кадр, каждый переход и каждый визуальный эффект подбираются для достижения определенного воздействия на зрителя.	Нелинейное, с возможностью выбора и множественных исходов. повествование становится более гибким и многогранным. Здесь режиссеру приходится работать с пространством, в котором зритель может свободно осматриваться, выбирая, на что обратить внимание.
Роль зрителя	Пассивный наблюдатель. Традиционное кино предполагает одностороннее взаимодействие, где зритель полностью погружается в историю, созданную режиссером.	Активный участник и соавтор опыта. зритель получает возможность взаимодействовать с окружением, что делает его соучастником событий. Это меняет роль режиссера с диктатора нарратива на посредника опыта, где зритель сам выбирает, какие аспекты мира изучать.
Контроль режиссера	Полный контроль над сценарием, ракурсами и монтажом.	Создание условий для взаимодействия, меньший контроль над перспективой пользователя.
Технологические инструменты	Камеры, свет, монтажные столы. Производство традиционного фильма зависит от множества факторов, включая локацию, декорации, костюмы и множество других элементов, что делает процесс дорогим и сложным.	Трекинг движений, VR-гарнитуры, интерактивные среды. VR-производство также требует значительных вложений в технологии и оборудование, но оно предлагает более широкие возможности для масштабирования и изменения среды без необходимости физических изменений.
Эмоциональное влияние	Передача эмоций через актерскую игру, музыку и визуальные эффекты.	Пространственный звук, "ощущение присутствия".
Визуализация	Ограничена рамкой экрана.	360-градусное панорамное восприятие.

При сравнении традиционного и виртуального подходов к режиссуре, мы видим сдвиг от стандартизированного рассказа к персонализированному опыту. В то время как

традиционный кинематограф призван транслировать единую историю широкой аудитории, виртуальная реальность предлагает индивидуальный опыт, расширяющий границы взаимодействия и восприятия. Режиссеры обоих направлений искусства продолжают исследовать и адаптировать свои техники для достижения наиболее мощного эмоционального воздействия, учитывая технологические возможности и ожидания зрителей.

Эстетика традиционного кино формируется через кинематографические приемы, такие как свет, тень, цвет и композиция, которые влияют на психологическое восприятие зрителя. VR эстетика также включает в себя ощущение пространства, перспективы и масштаба, что может вызвать более интенсивные физиологические и психологические реакции, такие как головокружение или чувство присутствия.

Традиционный и виртуальный подходы к режиссуре представляют собой две разные эстетические и философские парадигмы, каждая из которых предлагает уникальные возможности для создания и восприятия искусства. С одной стороны, традиционное кино продолжает впечатлять своей визуальной красотой и нарративной глубиной. С другой стороны, VR предлагает новый уровень взаимодействия и погружения, который может переопределить наше понимание рассказывания историй. Режиссеры и кинематографисты продолжают исследовать эти различия, создавая произведения, которые остаются верными основам искусства, в то же время открывая новые горизонты для творчества и выражения.

Анализ влияния виртуального пространства на зрительское восприятие раскрывает сложные процессы психологического взаимодействия между человеком и виртуальной средой. Виртуальная реальность, представляя собой синтетическую среду, созданную программным путем, оказывает многогранное воздействие на восприятие и психологию пользователя.

Психологическое восприятие виртуальной реальности охватывает широкий спектр эмоциональных и когнитивных реакций. Присутствие, или ощущение нахождения внутри виртуального мира, является ключевым фактором VR-опыта. Сенсорная иммерсия и интерактивность VR могут вызывать чувство поглощенности и эмпатии, значительно превосходящие те, что испытываются при просмотре традиционного кино. С другой стороны, VR может вызвать и негативные реакции, такие как киберболезнь, возникающая из-за несоответствия между визуальным восприятием и физическим ощущением движения. Кроме того, интенсивность виртуального опыта может повлиять на чувствительность и восприимчивость зрителей к контенту, что требует более ответственного подхода к дизайну виртуального пространства. Виртуальное пространство предоставляет зрителям уникальные возможности для взаимодействия и погружения в сюжет, значительно расширяя границы их опыта. Это, в свою очередь, влияет на психологическое восприятие реальности и требует от создателей VR-контента глубокого понимания как возможностей, так и ограничений человеческой психики. Развитие технологий виртуальной реальности продолжит обогащать визуальный и сенсорный опыт, предлагая новые вызовы и возможности для исследования человеческого восприятия и взаимодействия.

Виртуальная реальность, обладая возможностью манипулировать пространством и временем, предоставляет режиссерам инструменты для создания более сложных и глубоких психологических опытов. Погружение в виртуальный мир может вызывать у зрителей состояния повышенной эмоциональной реактивности, включая интенсивный страх, радость или удивление. Такой уровень вовлеченности открывает новые

перспективы для терапевтического использования VR, например, в лечении фобий или посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), где виртуальные сценарии используются для безопасного воссоздания и обработки травмирующих ситуаций.

Взаимодействие в виртуальном пространстве не ограничивается только взаимодействием с виртуальной средой; оно также включает социальное взаимодействие с другими пользователями. VR-платформы, такие как **VRChat** или **AltspaceVR**, предоставляют пользователям возможность встречаться и общаться в виртуальных пространствах, создавая новые формы социального взаимодействия и сообщества. Это принципиально меняет понимание социальных связей и предоставляет режиссерам возможность исследовать социальную динамику в контролируемых виртуальных средах.

Зрители в виртуальной реальности могут испытывать перцептивную адаптацию, процесс, при котором мозг привыкает к новым условиям восприятия, что может повлиять на физическое ощущение движения и пространства даже после выхода из виртуального пространства. Иммерсивная адаптация — это способность психики интегрировать виртуальные опыты, делая их частью когнитивного и эмоционального опыта человека, что может иметь долгосрочные последствия для восприятия и психологии.

Этические соображения в режиссуре VR

При работе с виртуальной реальностью возникают новые этические вопросы, касающиеся контента и воздействия на зрителя. Важно, чтобы режиссеры VR-контента были осведомлены о потенциальной силе воздействия их работ и стремились создавать ответственный и осмысленный контент, который учитывает психологическое благополучие и личные границы зрителей. Виртуальное пространство предоставляет уникальные возможности для взаимодействия и психологического воздействия, открывая новые исследовательские пути в области человеческого восприятия и социальной психологии. Режиссеры, работающие в этой среде, несут ответственность за создание опыта, который не только погружает зрителя, но и сознательно учитывает влияние виртуального пространства на человека.

По мере того как мы вступаем в новую эпоху цифровых инноваций, будущее режиссуры в виртуальном пространстве обещает радикальные трансформации, как в технологических аспектах, так и в самом искусстве рассказывания историй.

Прогнозы развития VR-технологий и их влияния на режиссуру

Скорость развития VR-технологий указывает на то, что в ближайшем будущем мы увидим значительное улучшение качества виртуальной графики, достигнув уровня, близкого к реальности. Разработки в области голографического дисплея и тактильных обратных связей откроют новые горизонты для иммерсивной режиссуры, где зрители смогут не только видеть, но и ощущать виртуальные объекты.

Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение будут играть ключевую роль в создании динамичных сюжетов, которые могут адаптироваться и изменяться в зависимости от взаимодействия пользователя с виртуальным пространством. Такие системы позволят режиссерам VR создавать более сложные и персонализированные истории.

Одной из наиболее значимых инноваций может стать полная интеграция виртуальной и дополненной реальности (AR) в повседневную жизнь, что позволит кинематографу выйти за рамки экранов и стать частью физического мира зрителей. Это может привести к

созданию нового жанра «живого кино», где зрители будут взаимодействовать с персонажами и событиями в реальном времени и пространстве. Дальнейшее развитие технологий виртуального освещения и рендеринга в реальном времени позволит режиссерам с неограниченной свободой экспериментировать с визуальными эффектами и освещением, усиливая эмоциональный отклик зрителей и создавая более выразительные и эмоционально насыщенные сцены.

Будущее режиссуры в виртуальном пространстве обещает переосмысление традиционных подходов к созданию фильмов. Возможности, предоставляемые развитием технологий, обещают не только улучшение визуальных и сенсорных аспектов кинематографа, но и развитие новых форм повествования, в которых зрители станут активными участниками в создании сюжета. Режиссура в виртуальном пространстве будет требовать от создателей не только технических навыков, но и глубокого понимания человеческого опыта, чтобы создавать работы, которые воздействуют на зрителей новыми и неожиданными способами.

Впереди нас ожидает не просто эволюция технологий, но и революция в самом подходе к режиссуре, где границы между реальностью и искусственным виртуальным миром будут становиться все более размытыми.

С развитием технологий расширенной реальности (XR) ожидается, что будущее режиссуры принесет элементы виртуального взаимодействия в повседневную жизнь. Режиссеры смогут создавать произведения, в которых виртуальные объекты и персонажи существуют в реальном мире, предоставляя зрителям новый уровень взаимодействия и погружения.

В будущем могут появиться новые роли и специализации в сфере режиссуры, такие как VR-сценаристы, специалисты по интерактивному повествованию и дизайнеры виртуальных взаимодействий. Эти специалисты будут работать на стыке технологий и креатива, создавая сложные виртуальные миры и сценарии, которые реагируют на действия и эмоции пользователя.

Биометрические технологии и нейроинтерфейсы могут позволить режиссерам виртуального пространства адаптировать опыт пользователя в реальном времени, реагируя на физиологические показатели, такие как частота сердцебиения, взгляд и даже мозговую активность. Это создаст возможность для более глубокого психологического воздействия и персонализированного опыта.

Будущее режиссуры также повлечет за собой обсуждение этических и социальных аспектов виртуальной реальности. Важно будет учитывать воздействие виртуального контента на личность и психологию, а также на социальные отношения и представления о приватности. По мере того, как виртуальная реальность становится все более интегрированной в повседневную жизнь, режиссура будет продолжать адаптироваться, предлагая новые формы для развития искусства и расширения границ традиционного кинематографа.

В завершение данного исследования подведем итоги изучения трансформации режиссерского замысла в эру цифровых технологий и виртуальной реальности. Виртуальная реальность несет в себе потенциал кардинальных изменений в режиссуре. От традиционного кинематографа, где режиссер является властелином нарратива и визуального ряда, мы переходим к новому взаимодействию зрителя и виртуального пространства, где зритель становится активным участником и соавтором истории. Режиссура в виртуальной реальности предполагает более глубокое понимание

психологии восприятия и готовность экспериментировать с новыми средствами технологического и художественного воздействия. В итоге, будущее виртуального кинематографа и роль режиссера в нем будут определяться не только технологическими достижениями, но и способностью индустрии адаптироваться к изменениям в культурных и социальных нормах, новым способам восприятия и интерпретации контента, а также к изменениям в ожиданиях и потребностях аудитории.

Библиография

1. Базен А. Что такое кино? М.: Искусство, 1972. С. 50.
2. Бычков В.В. Художественный образ // Бычков В.В. Эстетика: Учебник для вузов. М.: Академический Проект, Фонд «Мир», 2011. – С. 265.
3. Виртуальная и дополненная реальность: основы, технологии и применение. Под редакцией Иванова А.В. и Петровой А.С. – М., 2021.
4. Габрилович, Е. Вопросы кинодраматургии: учеб. пособие. – М.: ВГИК, 1984. – 68 с.
5. Кинематографический опыт: история, теория, практика. Коллективная монография. / О. С. Давыдова, С. Б. Никонова, Д. А. Поликарпова и др.; под ред. А. Е. Радеева, Н. М. Савченко – СПб.: Порядок слов, 2020. 360 с.
6. Кривцун О.А. Эволюция художественных форм. Культурологический анализ. М.: Наука, 1992. – 300 с.
7. Лиманская Л.Ю. Оптические миры: эстетика зрения и язык искусства. М.: РГГУ, 2008. – 351 с.
8. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. М.: Изд-во "Ээсти раамат", 1973. – 92 с.
9. Маньковская Н.Б., Бычков В.В. Современное искусство как феномен техногенной цивилизации / Н.Б. Маньковская, В.В. Бычков. – М.: ВГИК, 2011. – 210 с.
10. Медиа: между магией и технологией / под ред. Н. Сосна и К. Фёдоровой. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014. 330 с.
11. Экранная культура в XXI веке: сборник научных трудов / рук. проекта В. В. Виноградов; отв. за вып. Н. И. Емельянова; ред. К. К. Огнев. – М. : ФГОУ ДПО ИПК раб. ТВ и РВ, 2010. – 416 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет статьи «Трансформация режиссерского замысла применительно к построению структуры виртуального пространства в кинематографе» определил сам автор: «Данная статья затрагивает основополагающий вопрос: как процесс творческого замысла режиссёра претерпевает изменения при переходе от традиционного кинематографического пространства к миру виртуальной реальности».

Методология автора довольно разнообразна и включает анализ ряда источников. Автором используются сравнительно-исторический, описательный, аналитический и др. методы во всем их многообразии.

Подчеркнем бесспорную актуальность этого исследования и его практическую важность для научного сообщества и разноплановой читательской аудитории. Его научная новизна также не вызывает сомнений.

Статья представляет собой вполне достойное научное исследование, в котором стиль, структура и содержание полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к сочинениям такого рода. Оно отличается обилием интересных практических и исторических сведений, свидетельствует о глубоком знании исследуемого предмета и доскональном изучении литературных источников.

Статья четко и логично выстроена. Она содержит краткий экскурс в историю развития концепции виртуальной реальности (VR), делится на несколько подглав:

"Формирование режиссерского замысла в классическом кинематографе

Влияние физических ограничений пространства на творческий процесс

Трансформация режиссерского замысла в виртуальной реальности

Технологические инструменты и их влияние на структуру виртуального пространства

Примеры использования визуальных эффектов из современных кинопроектов

Примеры для изучения из VR-проектов

Иммерсивное кинематографическое искусство как новая фронтiera режиссуры

Сравнительный анализ традиционного и VR-подходов в кинематографе

Этические соображения в режиссуре VR

Прогнозы развития VR-технологий и их влияния на режиссуру"

Исследование содержит доскональный анализ исследуемой проблемы, ряд важных и интересных сведений и множество глубоких выводов и прогнозов. Автор отмечает: «По мере того как мы вступаем в новую эпоху цифровых инноваций, будущее режиссуры в виртуальном пространстве обещает радикальные трансформации, как в технологических аспектах, так и в самом искусстве рассказывания историй».

Автор пишет: «Вступление в эру виртуальной реальности обозначает кардинальный перелом в истории режиссуры, сопоставимый с переходом от немого кино к звуковому. Виртуальная реальность, как технологически и художественно инновационная платформа, позволяет режиссерам реализовать замысел с невиданным доселе масштабом иммерсивности и интерактивности.

Построение режиссерского замысла в виртуальной реальности представляет собой процесс, в котором классические нарративные структуры подвергаются трансгрессии. Виртуальные пространства не просто пассивные декорации, но активные агенты повествования, способные варьировать свои характеристики и влиять на траекторию сюжета. Режиссер VR-пространства работает не столько с кадром, сколько с полем возможных действий, предоставляя зрителю автономию выбора и в то же время направляя его опыт с помощью сложной сети причинно-следственных связей». В главе «Сравнительный анализ традиционного и VR-подходов в кинематографе» автор приводит таблицу, сравнивая два подхода по ряду параметров, что также является серьезным достоинством исследования.

ОН также отмечает: "Таким образом, исторический контекст развития кинематографа и виртуальной реальности представляет собой не просто последовательность технологических достижений, но и отражение глубоких социальных и культурных изменений. Рассмотрение этих изменений через призму режиссерского замысла позволяет нам глубже понять не только искусство кино, но и самих нас как участников этого взаимодействия".

Библиография данного исследования является более чем достаточной и разносторонней, включает основные источники по теме, оформлена корректно. Апелляция к оппонентам представлена в достойной мере и выполнена на должном научном уровне.

Исследователь сделал глубокие и важные выводы, вот лишь часть из них: «В завершение данного исследования подведем итоги изучения трансформации режиссерского замысла в эру цифровых технологий и виртуальной реальности.

Виртуальная реальность несет в себе потенциал кардинальных изменений в режиссуре. От традиционного кинематографа, где режиссер является властелином нарратива и визуального ряда, мы переходим к новому взаимодействию зрителя и виртуального пространства, где зритель становится активным участником и соавтором истории. Режиссура в виртуальной реальности предполагает более глубокое понимание психологии восприятия и готовность экспериментировать с новыми средствами технологического и художественного воздействия. В итоге, будущее виртуального кинематографа и роль режиссера в нем будут определяться не только технологическими достижениями, но и способностью индустрии адаптироваться к изменениям в культурных и социальных нормах, новым способам восприятия и интерпретации контента, а также к изменениям в ожиданиях и потребностях аудитории».

На наш взгляд, статья будет представлять большой интерес и практическую пользу для разнообразной читательской аудитории - режиссеров, сценаристов, студентов и педагогов, историков, различных исследователей, искусствоведов и т. д., а также всех тех, кого интересуют вопросы развития искусства кино.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

У Ц. — Изобразительное искусство как фактор развития современной художественной анимации

Великобритании // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 199 - 209. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69307

EDN: IOZMBO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69307

Изобразительное искусство как фактор развития современной художественной анимации Великобритании

У Цзыцзянь

соискатель; кафедра архитектуры, дизайна и экологии; Сочинский государственный университет

354003, Россия, г. Сочи, ул. Пластунская, 94

✉ wuzijian@rambler.ru

[Статья из рубрики "Экранная культура и экранные искусства"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.6.69307

EDN:

IOZMBO

Дата направления статьи в редакцию:

12-12-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является специфика художественно-изобразительных приемов, которые используют британские создатели мультипликационных фильмов на современном этапе на примере картин «Барашек Шон» и «Ван Гог. С любовью, Винсент». Объект исследования –художественная анимация Великобритании начала XXI века. В статье посредством анализа элементов визуального ряда мультфильмов, созданных с использованием выразительных средств классического искусства, выявляются тенденции британской анимации последних лет. Рассматриваемые в статье работы демонстрируют авторские подходы современных режиссеров Великобритании в отношении художественного-образного решения мультфильмов, связанных с разными видами изобразительного искусства, например, со скульптурой в пластилиновой анимации и масляной живописью. Цель состоит в

выявлении и характеристике изобразительных приемов в британских мультфильмах начала XXI века. Методология исследования представляет наибольшую трудность, так как она не разработана в полной мере в отношении характеристики художественно-изобразительной специфики анимационных фильмов, но при этом открывает возможности для междисциплинарного анализа. В ходе исследования используется искусствоведческий анализ, в частности структурное изучение сюжетных и композиционных особенностей анимации. Новизна исследования обуславливается тем, что в российской науке заявленная проблематика остается практически не изученной. Впервые картины «Барашек Шон» и «Ван Гог. С любовью, Винсент» рассматриваются с точки зрения средств художественной выразительности и в плане смыслообразования. По результатам анализа делается вывод о том, что современная британская анимация идет путем создания фильмов, в которых активно задействованы средства изобразительного искусства. Это задает высокий уровень исполнения картин, т.к. требует от авторов безупречного владения изобразительной грамотностью, позволяющей достичь максимальной выразительности образов. Вероятно, что в дальнейшем опора на художественный язык классического искусства и ручной труд мультипликаторов продолжит формироваться в качестве специфической черты британской анимации.

Ключевые слова:

анимация, школа анимационного кино, Великобритания, современное искусство, экранные искусства, кинематограф, анализ, мультипликационный фильм, история развития, изобразительное искусство

Настоящее исследование дает возможность на примере обращения к двум наиболее известным мультфильмам начала нового века – «Барашек Шон» и «Ван Гог. С любовью, Винсент» – выявить художественную специфику данных произведений, определить особенности и тенденции развития современной британской анимации. Исследование позволяет выявить характеристики изобразительных приемов, которые применяются британскими художниками при создании мультфильмов в начале XXI века. Актуальность исследования связана с тем, что в начале XXI века в российской науке, в частности в искусствоведении и киноведении, возрастает интерес к историческим, социальным, психологическим, философско-эстетическим и художественно-изобразительным аспектам создания фильмов, в том числе мультипликационным. Это внимание усиливается на фоне поисков новых художественно-образных приемов, которые демонстрируют создатели мультфильмов, а также в контексте развития национальных школ мультипликации. Художественная анимация Великобритании является неотъемлемой частью мирового кинематографа. Это неудивительно, принимая во внимание то, что производство мультфильмов получило поддержку на государственном уровне, кроме того, большую роль играет тесное сотрудничество британских режиссеров с зарубежными киностудиями. Произведения художественной анимации Великобритании обладают высоким творческим потенциалом, в связи с чем представляют большой научный интерес. Необходимость раскрытия темы исследования определяется систематизацией мультфильмов и определением основных тенденций развития и формирования анимации в Великобритании на современном этапе.

Анализ историографии показывает, что произведения современной английской анимации не освещаются в научной литературе России в призме искусствоведческой

проблематики. Исключение составляют изыскания, связанные с теорией и историей анимации, например, работы Н.Г. Кривуля [1] или Ф.С. Хитрука [2], спецификой создания мультфильмов в рамках определенной стилистики, как у Е.А. Харловой [3], развитием национальных дизайн-школ [4]. Российские исследователи проявляют внимание к отдельным темам и жанрам анимационного искусства Великобритании, в частности Е.А. Щекотова [5], В.А. Гут [6], И.В. Драчук [7] и некоторые другие.

Зарождение специфических свойств британской анимации с преобладанием короткометражных произведений началось около 1930-х годов. Первая полнометражная картина «Скотный двор» была выпущена в 1954 году. Благодаря усиленной работе на протяжении нескольких десятков лет анимационное кино Великобритании превратилось в лидера европейской анимации. Непосредственно по инициативе и при содействии Тони Блэра, занявшего в 1997 году кресло премьер-министра, правительство активно поддерживало развитие креативных индустрий; благоприятная обстановка и политика способствовали тому, что сфера культуры, включающая анимацию, телевидение и кинематограф, превратилась во вторую крупнейшую отрасль Великобритании после финансовой сферы [8]. При усиленной поддержке правительства и телевизионных каналов мир анимации продолжал развиваться, придавать значение креативности и совершенствованию технологий, уделять особое внимание образованию и повышению квалификации кадров, в полной мере раскрывая роль профессионалов и креативных замыслов, брать за основу и адаптировать иностранные сюжеты. Для британской анимации характерно транснациональное сотрудничество, активное партнёрство с зарубежными странами: совместно с США были созданы такие мультфильмы, как «Побег из курятника», «Труп невесты», «Вэлиант: пернатый спецназ» и «Тинга-тинга: Страна африканских мифов»; совместно с Францией – «Волшебное приключение» и «Большая семья» («The Large Family»). Результатом трёхстороннего сотрудничества Великобритании, Германии и Франции стал фильм «Настройщик землетрясений». Кроме того, в ходе совместной работы с коллегами из России, Нидерландов и Канады были созданы «Манипуляция», «Отец и дочь», «День рождения Боба»; появляются всё новые и новые шедевры анимации, получающие награды и обретающие популярность.

«Барашек Шон», пользующийся всемирной популярностью в течение уже 20 лет, сразу узнается по изображениям персонажей. Главный герой анимационного фильма – маленький черноголовый барашек Шон родом из Шотландии (рис. 1) – впервые появился в 30-минутном мультфильме 1995 года производства студии Aardman Animations, снятом методом покадровой анимации, и получил самый теплый прием в Великобритании, а впоследствии стал главным героем одноименного мультсериала, снятого Aardman Animations совместно с BBC – на сегодняшний день снято и выпущено в эфир уже четыре сезона с более чем 120 эпизодами. Созданный в 2011 году сериал «Время барашка Тимми» представляет собой ответвление от основного произведения, нацеленное на более юную аудиторию [9].

В 2012 году в честь Тридцатых Олимпийских игр, проходивших в Лондоне, студия Aardman Animations выпустила серию «Барашек Шон: Овцечемпионат», где продолжительность каждой отдельной серии, которая в увлекательной форме раскрывает сущность определённого вида спорта, составляет около минуты. Поскольку серия мультфильмов про «Барашка Шона» относится к категории пластилиновой анимации [1], движения героев могут показаться несколько неловкими, однако именно благодаря тому, что Шон и его приятели вылеплены из пластилина, они попадают в разряд «неуклюжих, но милых». На самом деле, в сериале «Барашек Шон» используется множество приёмов

гиперболизации, однако благодаря достаточному контролю за её степенью, анимация отличается от ранних фильмов Warner и Disney, производивших комический эффект за счёт безграничного преувеличения в изображении персонажей и их движений.

Режиссеры «Барашка Шона» Ричард Голезовски и Кристофер Сейдлер, в совершенстве владевшие художественным языком объектива, уникальным методом резких переходов между кадрами, способствовали успеху мультсериала. Например, в серии «Приключения Тимми» («Big Top Timmy») сначала появляется картина мирно спящих в ночной темноте овец, а следующий кадр после исчезновения с фермы самого маленького барашка Тимми уже рисует картину яркого солнечного утра на ферме, где земля покрыта зеленой травой. Обнаружив пропавшего малыша, идущим по канату под куполом приехавшего цирка шапито, Шон пытается спустить Тимми вниз. Сначала крупным планом показаны дрожащие ноги «спасателя», а затем то, как барашек хватается за перекладину и раскачивается на ней, пытаясь поймать Тимми в полете. Данное изображение мгновенно заменяется на кадр, в котором толпа овец на арене цирка наблюдает за происходящим наверху, и преувеличенное отражение их эмоций выглядит выразительно.

Причина, по которой «Барашек Шон» может стать классикой анимационного кино, тесно связана с выразительностью текстуры материалов. Сочетание и использование в «Барашке Шоне» различных материалов создает ощущение реалистичности персонажей и всех сцен, происходящих как в помещениях, так и на улице. В двойных каркасах применяются шарниры, обеспечивающие высокую пластичность и амортизацию. В фигурках овец (рис. 2) ощущение реалистичности материала главным образом проявляется в изображении кожи и шерсти. Для кожи используются пластилин, силикон и смола, позволяющие добиться особой текстуры и иногда проявляющие отпечатки пальцев, оставшиеся после лепки. Овечья шерсть изготовлена из синтетического волокна, поэтому выглядит мягкой, легкой и в высшей степени реалистичной. Такие детали создают в пластилиновой анимации «Барашек Шон» ощущение простоты. Формы, которые воплощают авторы, достаточно обобщенные, незамысловатые и геометризованные, хотя и с преобладанием округлых линий и поверхностей. Художники не стремятся к натуралистичному изображению животных, людей, объектов окружающего мира, что подчеркивает то, что он отличается от реальности, потому что сделан руками. Можно сказать, что мультипликаторы выработали индивидуальную манеру интерпретации и воплощения образов, которую развивали в рамках сериала и выразили в полнометражном формате.

Прорывом в использовании выразительных особенностей языка живописного искусства стала анимационная картина «Ван Гог. С любовью, Винсент», появившаяся на широких экранах в 2017 году (рис. 3). Данная работа привлекла к себе большое внимание. В отличие от картины «Барашек Шон», упоминание о которой в англоязычной научной литературе не было найдено, «Ван Гог. С любовью, Винсент» стал предметом исследования ученых и кинокритиков по всему миру ([\[10\]](#), [\[11\]](#), [\[12\]](#), [\[13\]](#), [\[14\]](#), [\[15\]](#)). Фильм «Ван Гог. С любовью, Винсент» снят о реальных героях в технике масляной живописи, но с использованием анимационных форм. В основу его сюжета легли как письма художника, так и сто двадцать его живописных полотен. Важным моментом явилось то, что авторы не стремятся достоверно воспроизвести жизнь живописца. Они хотели показать собственную осовремененную интерпретацию отдельных событий. В итоге весь визуальный ряд – это «оживление» картин, что является прецедентом в истории анимационного искусства. Один кадр вмещал двенадцать живописных полотен, написанных маслом. В итоге их общее количество составило шестьдесят пять тысяч работ. Каждый кадр может считаться произведением искусства. Для обеспечения

стабильности и согласованности картины весь процесс создания происходил посредством специальных рабочих анимационных станций (PAW S – параллельная оценка оконного интерфейса). Благодаря профессиональным актерам, в точности отразившим телодвижения персонажей произведений Ван Гога, натурной фото и видеосъемке, воплощению реальных персонажей в технике масляной живописи удалось воплотить оригинальность живописных полотен, придать динамичность персонажам картин, вдохнуть в произведения масляной живописи новую жизненную энергию [\[16\]](#) (рис. 4).

Ван Гог относится к самым выдающимся представителям постимпрессионизма, его картины не ограничиваются лишь односторонней погоней за мимолетным впечатлением от света и цвета. Они выражают чувства и эмоции автора, резко отличаясь от работ многих художников в плане цвета и формы. Импрессионисты делают акцент на свете и цвете, отводя форме второстепенную роль. Ван Гог искал новые средства для придания выразительности картине в духе постимпрессионизма. Его творчество показало, что искусство берет начало в жизни, после чего выходит далеко за ее пределы. Больше всего в жизни художника было горьких воспоминаний, а собственные картины виделись ему как «чуждые», «инородные». Он являлся попытками Ван Гога обрести новую жизнь, хотя она оказалась совсем непродолжительной. Под влиянием импрессионистов Эдуарда Мане и Клода Моне Ван Гог создал картины с характерными особенностями, присущими импрессионизму, однако в способах выражения сфокусировался на изображении мощнейших чувств, что определило использование более ярких цветов как средств выражения. Это является одной из причин, почему художники снова и снова пытаются подражать особенностям техники масляной живописи Ван Гога, а также одной из сложнейших задач, поставленных перед написанным масляными красками на холсте фильмом «Ван Гог. С любовью, Винсент».

Таким образом, художественная специфика двух анализируемых мультфильмов построена на сочетании выразительного языка видов изобразительного искусства и приемов анимации, делающих образы яркими и изменяющимися во времени. Картина «Ван Гог. С любовью, Винсент» стала доказательством того, что анимационное искусство позволяет изначально статичной форме масляной живописи ожить и стать динамичной. В информационную эру и век интернета традиционному искусству необходимо преодолеть два препятствия, прежде чем начать более эффективно распространять свою художественную ценность и влияние. Во-первых, необходимо выходить за формальные рамки процесса создания картины: в творчестве зачастую на первый план выходит авторское субъективное понимание искусства и художественное воспитание мастера, а затем рождается объективно законченная работа. Во-вторых, необходимо использовать разнообразные современные методы распространения информации для более эффективного продвижения произведений. Неважно, будут ли это выставки в музеях или видеоклипы, фотографии и аудио, транслируемые в сети Интернет. «Барашек Шон» представляет собой произведение студии Aardman Animations, пионера пластилиновой анимации; здесь успешным можно назвать и изображение персонажей, и художественный язык съемки, текстуру материалов и образовательное значение. «Барашек Шон» – комплексный анимационный фильм, олицетворяющий синтез гуманистической направленности, изобразительного искусства, сочетания техник и новаторского мышления.

Анализируя особенности синтеза изобразительного искусства и анимации, можно сказать, что первое – это материальная, объективно существующая форма, в то время как анимация, наоборот, в восприятии зрителей существует в виртуальном, цифровом мире. Несмотря на отличия в форме выражения и особенностях передачи информации,

между ними сформировались предпосылки для интеграции. Так, взяв за основу восемьсот писем и сто двадцать масляных картин представителя постимпрессионизма Ван Гога, соединив их с динамическим анимационным искусством, создателям мультфильма удалось оживить статичные произведения на холсте в формате анимационного фильма. Несмотря на то, что, в конце концов, именно анимация стала способом выражения, ее «задача» в «Ван Гог. С любовью, Винсент» связана с популяризацией творчества художника. Другими словами, зрителям теперь не нужно было специально отправляться на выставку картин художника, поскольку они могли прийти в ближайший кинотеатр, включить компьютер или даже телефон, чтобы насладиться ожившей живописью. Отметим, что фильм «Ван Гог. С любовью, Винсент» не показал зрителям, что стиль Ван Гога отличался от стиля всех художников XX века. Возможно, недостаток знаний в области истории масляной живописи или отсутствие объективной оценки творчества художника обуславливают то, что постимпрессионизм остаётся загадкой для подавляющего большинства зрителей. Значительное число изображений в духе постимпрессионизма дают возможность насладиться внешней стороной произведений, но не позволяют понять внутренний смысл формы и цвета, в которые Ван Гог вложил собственное понимание этого течения. Однако справедливо то, что в век развлекательного кино данное требование может показаться чрезмерным.

Анализ указанных мультипликационных фильмов позволил выявить тенденцию обращения британских мультипликаторов к выразительным особенностям разных видов изобразительного искусства, их имитации и интерпретации в соответствии с потребностями современной анимации Великобритании [\[17\]](#). На примере фильма «Барашек Шон» видно стремление художников синтезировать особенности пластилиновой анимации и приёмы скульптурного искусства. Во многом это связано с тем, что в фильме взаимодействие между персонажами строится на мимике, звуках, жестах и движениях, которые должны быть максимально выразительными. При рассмотрении фильма «Ван Гог. С любовью, Винсент» в контексте масляной живописи обращает на себя внимание его оригинальность и новизна, так как масляная живопись является основным элементом фильма. Можно заметить, что с момента выхода фильма до сегодняшнего дня ожившие знаменитые картины обладают большей привлекательностью для публики. Такая оценка, безусловно, является положительной, однако в то же время она отражает тот факт, что всё очарование масляной живописи раскрывается лишь в таком «движении». Неужели статичная масляная живопись в современном мире потеряла свою эстетическую ценность? Ответ, конечно же, отрицательный, что можно заключить в результате анализа картины «Ван Гог. С любовью, Винсент». Время на создание картины в технике масляной живописи значительно превышает время на создание современного анимационного фильма. Потребовалась команда из ста двадцати пяти художников, которые создали шестьдесят пять тысяч кадров масляными красками на холсте в той же технике, в которой работал сам Ван Гог, и четыре года, чтобы завершить картину.

Резюмируя вышесказанное, следует заключить, что современная британская анимация идет путем создания фильмов, в которых герои и кадры выполняются средствами изобразительного искусства, например, скульптуры и живописи. Безусловно, это требует от авторов значительных усилий, времени, а также безупречного владения изобразительной грамотностью, позволяющей достичь максимальной выразительности образов. Вероятно, что дальнейшая поддержка государства подобных проектов определит в качестве специфической черты британской анимации опору на художественный язык классического искусства и ручной труд мультипликаторов.

Рис. 1. Марк Бертон, Ричард Старзак. Барашек Шон. 2007.

Барашек Шон. 2007.

Рис. 2. Марк Бертон, Ричард Старзак. Барашек Шон. 2007.

Барашек Шон. 2007.

Рис. 3. Дорота Кобела, Хью Уэлшман. Ван Гог. С любовью, Винсент. 2017.

Рис. 4. Дорота Кобела, Хью Уэлшман. Ван Гог. С любовью, Винсент. 2017.

[1] Пластилиновая мультипликация – разновидность стоп-моушен анимации, создаваемая путем покадровой съемки. Пластилиновая мультипликация также входит в сферу анимационного искусства. Поскольку пластилиновая анимация в значительной степени зависит от ручной работы, то именно ручной метод определяет ее художественные характеристики: простоту, примитивность, красочность, естественность, трехмерность и фантазийность.

Библиография

1. Кривуля, Н. Г. История анимации : Учебно-методическое пособие. – Москва : Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК), 2011. – 34 с.
2. Хитрук Ф.С. Профессия-аниматор: В 2 т. – М: Livebook, 2008. – 304 с.
3. Харлова, Е. А. Технологическая и эстетическая специфика пластилиновой анимации / Е. А. Харлова, М. В. Коновалов // Инновационные материалы и технологии в дизайне : Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (с участием молодых ученых), Санкт-Петербург, 22–23 марта 2018 года / Ответственный редактор О.Э. Бабкин. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2018. – С. 95-99.
4. Зверевич, В. В. Приключения британского дизайна в России. Организация

- информационного обеспечения учебного процесса в Британской высшей Школе дизайна / В. В. Зверевич // Научные и технические библиотеки, 2008. – № 3. – С. 22-28.
5. Щекотова, Е. А. Образ Севера в современной британской мультипликации // История и культура Русского Севера и Арктики : сборник научных статей студентов, аспирантов и молодых ученых, Архангельск, 15–17 ноября 2017 года / Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова, Высш. шк. социал.-гуманитар. наук и междунар. коммуникации, каф. всеобщ. истории; сост. О.В. Зарецкая. Том Выпуск 1. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2018. – С. 93-97.
 6. Гут, В. А. Реализация комического эффекта в мультфильмах // 76-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета : Материалы конференции. В 3-х частях, Минск, 13–24 мая 2019 года / Редколлегия: В.Г. Сафонов [и др.]. Том Часть 3. – Минск: Белорусский государственный университет, 2019. – С. 255-259.
 7. Драчук, И. В. Лингвистические особенности речи персонажей английских мультипликационных фильмов (на материале мультфильма "Peppa pig") / И. В. Драчук, Е. В. Симонова // Вопросы филологии и переводоведения в контексте современных исследований : Сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 26 апреля 2019 года / Ответственные редакторы: Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2019. – С. 33-37.
 8. Чу, Ж. Анализ современного положения анимационной индустрии Англии // Современная анимация, 2020. – № 2. – С. 47-53.
 9. Дун, Ц. Презентация символики региональных элементов в английских анимационных фильмах / Цзиньпин Дун // Кино и литература, 2015. – № 18. – С. 100-102.
 10. Christophini, M. "Loving Vincent" and 'I'm OK': two approaches to documenting the life of an artist // Edinburgh College of Art research publications, 2020. – URL: <https://era.ed.ac.uk/handle/1842/37671> (accessed on: 09.11.2023).
 11. Hwang, I.A. Loving Vincent: the audiovisual perception of intermediality. Bachelor Thesis. Utrecht University, 2014. – 28 p. URL: [https://studenttheses.uu.nl/bitstream/handle/20.500.12932/40202/BAThesis Hwang 6063322.pdf?sequence=1](https://studenttheses.uu.nl/bitstream/handle/20.500.12932/40202/BAThesis%20Hwang%206063322.pdf?sequence=1) (accessed on: 19.11.2023).
 12. Ruiz, P. A. The Van Gogh Enigma: Re-Mythifications of the Artist's Genius in "Loving Vincent" and "At Eternity's Gate" // Comparative Cinema, 2021. – Vol 9. – No 16. – Pp. 93-110, 148-162.
 13. Mottram, J. Loving Vincent: How the first fully-painted feature film took six years to make // The Independent, 2017. URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/films/features/loving-vincent-van-gogh-douglasbooth-armand-roulin-hugh-welchman-dorota-kobiela-a7994186.html> (accessed on: 09.11.2023).
 14. Van Nimwegen, I. Painting the Past: An Analysis of the Soundtrack in Animated Feature Film Loving Vincent. Bachelor Thesis. Utrecht University, 2017. 22 p. URL: [https://studenttheses.uu.nl/bitstream/handle/20.500.12932/29997/Van%20Nimwegen %20%284066510%29%20-%20Painting%20the%20Past.pdf?sequence=2](https://studenttheses.uu.nl/bitstream/handle/20.500.12932/29997/Van%20Nimwegen%20%284066510%29%20-%20Painting%20the%20Past.pdf?sequence=2) (accessed on: 20.11.2023).
 15. Vollenbroek, T. 'Loving Vincent': 6 Facts About the First Oil Painted Animated Feature // Cartoon Brew, 2017. URL: <https://www.cartoonbrew.com/feature-film/loving-vincent->

- 6-facts-first-oil-painted-animated-feature-150443.html (accessed on: 09.11.2023).
16. Сун, Ц. Подробный анализ визуальных элементов и культурных функций мультипликации. Нанкин / Цзиньлинь Сун // Вестник Нанкинского педагогического университета, 2005. – № 2. – С. 4-13.
17. Пэн, Ж., Ло, Т. Изменение эстетики и функций анимации в мультимедийной среде / Жань Пэн, Тянь Ло // Современное кино, 2018. – № 7. – С. 173-176.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование направлена статья «Изобразительное искусство как фактор развития современной художественной анимации Великобритании».

Как справедливо отмечает сам автор, в настоящей работе «на примере обращения к двум наиболее известным мультфильмам начала нового века – “Барашек Шон” и “Ван Гог. С любовью, Винсент”» выявляется художественная специфика данных произведений и определяются тенденции развития современной британской анимации. Так, определив объект и предмет исследования, автор заявляет своей целью «выявить характеристики изобразительных приемов, которые применяются британскими художниками при создании мультфильмов в начале XXI века». Далее автор емко формулирует актуальность своей работы: «Актуальность исследования связана с тем, что в начале XXI века в российской науке, в частности в искусствоведении и киноведении, возрастает интерес к историческим, социальным, психологическим, философско-эстетическим и художественно-изобразительным аспектам создания фильмов, в том числе мультипликационным. Это внимание усиливается на фоне поисков новых художественно-образных приемов, которые демонстрируют создатели мультфильмов, а также в контексте развития национальных школ мультипликации». Вышесказанное определяет научную новизну представленной статьи.

Структура работы выстроена четко и логично, что способствует раскрытию заявленной темы на необходимом для аналитической статьи уровне. При очевидной заинтересованности автора в предмете исследования и безусловном владении материалом, анализ проводится детально, вдумчиво, скрупулёзно. Автору удается выявить множество художественных особенностей изучаемых произведений, что он резюмирует в конструктивных тезисах, завершающих каждый из двух фрагментов основной части работы: «Формы, которые воплощают авторы, достаточно обобщенные, незамысловатые и геометризованные, хотя и с преобладанием округлых линий и поверхностей...Можно сказать, что мультипликаторы выработали индивидуальную манеру интерпретации и воплощения образов, которую развивали в рамках сериала и выразили в полнометражном формате». В качестве замечания необходимо высказать соображение, что следующее утверждение автора звучит не вполне корректно: «Ван Гог относится к самым выдающимся представителям постимпрессионизма, его картины не ограничиваются лишь односторонней погоней за мимолетным впечатлением от света и цвета».

Стиль работы, в целом грамотный и соответствующий аналитической статье, иногда нарушается неоправданно длинными, не совсем академично построенными предложениями: «Главный герой анимационного фильма – маленький черноголовый барашек Шон родом из Шотландии (рис. 1) – впервые появился в 30-минутном

мультфильме 1995 года производства студии Aardman Animations, снятом методом покадровой анимации, и получил самый теплый прием в Великобритании, а впоследствии стал главным героем одноименного мультсериала, снятого Aardman Animations совместно с BBC – на сегодняшний день снято и выпущено в эфир уже четыре сезона с более чем 120 эпизодами».

Библиография исследования, состоящая из семнадцати источников, полностью соответствует теме статьи, содержит иностранные источники, а также новейшие источники, опубликованные за последние пять лет.

Автор завершает работу достаточно весомыми (возможно, местами излишне пространными) выводами, подводящими конструктивный итог проведённого исследования.

Безусловно, работа вызовет интерес среди профессионалов, студентов и аспирантов в области искусствоведения (в частности, занимающихся изучением анимационных фильмов), а также самой широкой аудитории.

Англоязычные метаданные

Speech and sexual dimorphism: the history of the issue in the light of modern theories of the origin of speech and experimental data**Semenova Olga Vladimirovna**

Doctor of History

Institute of Ethnology and Anthropology(RAS).

117556, Russia, Moscow, Leninsky Prospekt, 32 a, office 1902

✉ m4248296@yandex.ru

Adam Yuliya Igorevna

PhD in History

Independent researcher

32a Leninsky Prospekt str., Moscow, 119334, Russia

✉ julia.apalkova@gmail.com

Abstract. In this theoretical article, the authors turn to the analysis of studies explaining the origin and revealing the functions and meaning of human oral speech within the framework of an evolutionary approach. First of all, the authors are interested in the influence of sexual selection on the development of verbal skills in different age and gender groups. In this regard, the data of the history of the human life cycle are of particular interest, which indicate that the mastery of language as a tool for influencing and manipulating the opinions of others approaches an advanced level of proficiency only at the time of puberty, and speech, thus, begins to play an important role in intersex competition. Rapidly developing with the onset of puberty, the ability to performative vivid performances, to defend their position, as well as to conduct debates in public, apparently, can be guided by the forces of sexual selection, and therefore, they should manifest themselves more clearly in men than in women. It is assumed that verbal mastery can serve as a means of actively attracting attention for the purpose of self-promotion and improving the social status of the speaker. The methodological basis of our work was largely the analysis of ethnographic sources. In the article, the authors cite extensive ethnographic material confirming the connection of high social status with oratorical abilities. The authors also turn to the latest research that analyzes the differences in performative speech between men and women. Experimental work shows that in a conversation with an attractive woman, men tend to be more creative in choosing words and expressions. Some researches consider the connection of various aspects of speech with the attractiveness of the speaker, his masculinity and adaptability. Of great interest are studies studying the relationship between musical abilities and attractiveness, as well as works analyzing the articulatory features of oral speech and their connection with belonging to a certain social environment or social class. All the features of speech given in the review could most likely have been formed by the pressure of the forces of sexual selection. In this regard, the study of sexual dimorphism seems to be one of the most important directions in the research of performative speech.

Keywords: voice pitch, masculinity, maturation, sexual selection, speech, language, life history, human evolution, leadership, eloquence

References (transliterated)

1. Locke, J. L. The de-voicing of society: Why we don't talk to each other anymore. New York: Simon & Schuster, 19982.
2. Mehl, M. R., Vazire, S., Ramírez-Esparza, N., Slatcher, R. B., & Pennebaker, J. W. Are women really more talkative than men? // *Science*. 2007. No. 317(5834). Pp. 82-82.
3. Miller, G. F. The mating mind: How sexual choice shaped the evolution of human nature. New York: Random House, 2000.
4. Reece, A., Cooney, G., Bull, P., Chung, C., Dawson, B., Fitzpatrick, C., ... & Marin, S. The CANDOR corpus: Insights from a large multimodal dataset of naturalistic conversation // *Science Advances*. 2023. No. 9(13). Pp. 3197.
5. Wallentin, M. Gender differences in language are small but matter for disorders // *Handbook of clinical neurology*. 2020. No. 175. Pp. 81-102.
6. Dunbar, R. I. M. Structure and function in human and primate social networks: Implications for diffusion, network stability and health // *Proceedings of the Royal Society A*. 2020. No. 476(2240). Pp. 20200446.
7. Girrard-Buttoz, C., Surbeck, M., Samuni, L., Boesch, C., Fruth, B., Crockford, C., et al. Variable use of polyadic grooming and its effect on access to social partners in wild chimpanzees and bonobos // *Animal Behavior*. 2020. No. 168. Pp. 211-224.
8. Arlet, M., Jubin, R., Masataka, N., & Lemasson, A. Grooming-at-a-distance by exchanging calls in non-human primates. *Biology letters*. 2015. No. 11(10). Pp. 20150711.
9. Chafe, W. Toward a thought-based linguistics // *Functional Approaches to Language. Trends in Linguistics*. 2013. No. 248. Pp. 107-130.
10. Pinker, S., Nowak, M. A., & Lee, J. J. The logic of indirect speech // *Proceedings of the National Academy of sciences*. 2008. No. 105(3). Pp. 833-838.
11. Burlak, S. *Proiskhozhdenie yazyka: Fakty, issledovaniya, gipotezy* [Origin of language: Facts, research, hypotheses]. M.: Al'pina Publisher, 2018.
12. Khomskii, N. Izbrannoe. Noam Khomskii / per. z angl. S. Aleksandrovskii, V. Glushakov. M.: Entsiklopediya-ry, 2016.
13. Dawkins, M. S., & Beardsley, T. Reinforcing properties of access to litter in hens // *Applied Animal Behaviour Science*. 1986. No. 15(4). Pp. 351-364.
14. Maynard Smith, J. The status of neo-Darwinism // *Towards a theoretical biology*. 1969. No. 2. Pp. 82-89.
15. Pinker, S., & Bloom, P. Natural language and natural selection // *Behavioral and Brain Sciences*. 1990. No. 13. Pp. 707-784.
16. Fisher, R. A. *The Genetical Theory of Natural Selection*. Oxford University Press, 1930.
17. Karamihalev, S. Why Creativity is Sexy: A Review of the Evidence of Sexual Selection for Creative Abilities in Humans // *Journal of European Psychology Students*. 2013. No. 4(1). Pp. 78-86.
18. Locke, J. L. Emancipation of the voice: Vocal complexity as a fitness indicator // *Psychonomic bulletin & review*. 2017. No. 24(1). Pp. 232-237.
19. Locke, J. L., & Bogin, B. Language and life history: A new perspective on the development and evolution of human language // *Behavioral and Brain Sciences*. 2006. No. 29(3). Pp. 259-280.
20. Nippold, M. A., & Taylor, C. L. Judgments of idiom familiarity and transparency // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2002. No. 45. Pp. 384-391.

21. Cook, C. D., & Hamann, J. F. Relation of lung volumes to height in healthy persons between the ages of 5 and 38 years // *The Journal of pediatrics*. 1961. No. 59(5). Pp. 710-714.
22. Gottman, J. M., & Mettetal, G. Speculations about social and affective development: Friendship and acquaintanceship through adolescence / Ed. by J. M. Gottman & J. G. Parker. Cambridge University Press, 1987.
23. Raffaelli, M., & Duckett, E. "We were just talking...": Conversations in early adolescence // *Journal of Youth and Adolescence*. 1989. No. 18(6). Pp. 567-582.
24. Mey, J. L. Whose language?: a study in linguistic pragmatics. Philadelphia : J. Benjamins Pub. Co., 1985.
25. Nippold, M. A. Later language development: The school-age and adolescent years / Ed. by A. Nippold. Shoal Creek Blvd., Austin, 1998.
26. Gavin, M. P. Teacher-Student Relationships and the Effects on Academic Achievement with a Focus on High School Students as They Prepare for College and Career. Doctoral dissertation, San Diego State University, 2020.
27. Eckert P. Variation and the indexical field // *Journal of sociolinguistics*. 2008. No. 12(4). Pp. 453-476.
28. Eckert, P. (1988). Adolescent social structure and the spread of linguistic change. *Language in society*, 17(2), 183-207.
29. Labov, W. Principles of linguistic change, volume 3: Cognitive and cultural factors. John Wiley & Sons, 2011.
30. Schleef, E., Meyerhoff, M., & Clark, L. Teenagers' acquisition of variation: A comparison of locally-born and migrant teens' realisation of English (ing) in Edinburgh and London // *English world-wide*. 2011. No. 32(2). Pp. 206-236.
31. Adamson, H. D., & Regan, V. M. The acquisition of community speech norms by Asian immigrants learning English as a second language: A preliminary study // *Studies in Second Language Acquisition*. 1991. No. 13(1), Pp. 1-22.
32. Gass, S. M., Behney, J., & Plonsky, L. Second language acquisition: An introductory course. New York: Routledge, 2020.
33. Kennedy, K. M. At the intersection of SLA and sociolinguistics: The predictive power of social networks during study abroad. *The Modern Language Journal*. 2022. No. 106(1). Pp. 245-266.
34. Polinsky, M. Incomplete Acquisition: American Russian // *Journal of Slavic Linguistics*. 2006. No. 14 (2). Pp. 191-262.
35. Perotto, M. Dvuyazychie russkikh detei v Italii: novye perspektivy issledovaniya / Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. N.I. Stepykin (otv. red.) [i dr.]. Kur. : Yugo-Zap. gos. un-t., 2019.
36. Fitch, U.T. Evolyutsiya yazyka. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013.
37. Deacon, T. W. The symbolic species: The co-evolution of language and the brain. New York : W.W. Norton, 1997.
38. Butovskaya, M. Tainy pola. Muzhchina i zhenshchina v zerkale evolyutsii. M. : DMK-Press, 2022.
39. Tambiah S. J. The magical power of words // *Ritual*. 2017. Pp. 323-343.
40. Abrahams, R. D. (1964). *Deep down in the jungle: Black American folklore from the streets of Philadelphia*. Transaction Publishers.
41. Garrett, M. M. Wit, power, and oppositional groups: A case study of "pure talk" // *Quarterly Journal of Speech*. 1993. No. 79(3). Pp. 303-318.

42. Strathern, A. The rope of Moka: Big-men and ceremonial exchange in Mount Hagen New Guinea. Aberdeen University Press, 1971.
43. Bauman, R. Verbal art as performance // *American Anthropologist*. 1975. No 77. Pp. 290-311.
44. Comaroff, J. Talking politics: Oratory and authority in a Tswana chiefdom / Political language and oratory in traditional society. Ed. by M. Bloch. Academic Press, 1975.
45. Malinowski, B. Coral gardens and their magic. Indiana University Press, 1965.
46. Salmond, A. Mana makes the man: A look at Maori oratory and politics / Political language and oratory in traditional society. Ed. by M. Bloch. Academic Press, 1975.
47. Santos-Granero, F. The power of love: The moral use of knowledge amongst the Amuesha of Central Peru. Routledge, 2020.
48. Turton, D. The relationship between oratory and the emergence of influence among the Mursi / Political language and oratory in traditional society. Ed. by M. Bloch. Academic Press, 1975.
49. Seeger, A. Nature and society in Central Brazil: The Suyu Indians of Mato Grosso. Harvard University Press, 1981.
50. Rey, M. The Kuma: Freedom and conformity in the New Guinea Highlands. Melbourne University Press. 1959, 260.
51. Comaroff, J., & Comaroff, J. Ethnography and the historical imagination. Routledge, 2019.
52. Castres, P. (1987) Society against the state: Essays in political anthropology. Zone Books.
53. Finnegan, R. Limba stories and storytelling. Oxford University Press, 1967.
54. Hobart, M. Orators and patrons: Two types of political leader in Balinese village society / Political language and oratory in traditional society, ed. M. Bloch. Academic Press, 1975.
55. Abrahams, R. D. *Talking Black*. Rowley, Mass. : Newbury House Publishers, 1976.
56. Grebe, N. M., Del Giudice, M., Thompson, M. E., Nickels, N., Ponzi, D., Zilioli, S., ... & Gangestad, S. W. Testosterone, cortisol, and status-striving personality features: A review and empirical evaluation of the Dual Hormone hypothesis // *Hormones and behavior*. 2019. No. 109. Pp. 25-37.
57. Bashir, S., Alexander, V., Jiao, P., Johnson, C., Nadler, A., & Zak, P. J. Supraphysiologic testosterone increases proactive aggression in the power-to-take game // *Journal of neuroscience, psychology, and economics*. 2022. No. 15(4). Pp. 179-194.
58. Benítez-Burraco, A., & Progovac, L. A four-stage model for language evolution under the effects of human self-domestication. *Language & Communication*. 2020. No. 73. Pp. 1-17.
59. Raviv, L., & Kirby, S. Self-domestication and the Cultural Evolution of Language / Ed. by Tehrani, J., Kendal, J., & Kendal, R. Oxford University Press, 2023.
60. Hawkins, P. R. Social class, the nominal group and verbal strategies. Boston: Routledge & Kegan Paul, 2022.
61. Björkqvist, K. Gender differences in aggression // *Current opinion in psychology*. 2018. No. 19. Pp. 39-42.
62. Fahlgren, M. K., Cheung, J. C., Ciesinski, N. K., McCloskey, M. S., & Coccaro, E. F. Gender differences in the relationship between anger and aggressive behavior // *Journal of interpersonal violence*. 2022. No. 37. Pp. 13-14.

63. McKeown, A., Kennedy, P. J., & McGrath, J. Female Perpetrators of Intimate Partner Violence /The Wiley Handbook on What Works with Girls and Women in Conflict with the Law: A Critical Review of Theory, Practice, and Policy. Ed. by S. L. Brown. Wiley-Blackwell, 2022.
64. Gossen, G. H. Chamulas in the World of the Sun. Cambridge, Mass, 1974.
65. Classen, C. Worlds of sense: Exploring the senses in history and across cultures. London, England: Taylor & Francis, 2023.
66. Nikiforovskii N. Ya. Ocherki Vitebskoi Belorussii. VI. Igry i igroki //Etnograficheskoe obozrenie. 1897. No 3. Pp. 21-66.
67. Dabbs Jr, J. M., de La Rue, D., & Williams, P. M. Testosterone and occupational choice: actors, ministers, and other men // *Journal of personality and social psychology*. 1990. No. 59(6). Pp. 1261.
68. Dabbs Jr, J. M., Alford, E. C., & Fielden, J. A. Trial Lawyers and Testosterone: Blue Collar Talent in a White Collar World 1// *Journal of Applied Social Psychology*. 1998. No. 28(1). Pp. 84-94.
69. Malkin, A., & Sharma, P. Are Lawyers Really That Bad? A Qualitative Assessment of Psychological "Lawyer Traits". *Journal of Student Research*. 2022. No. 11(3). Pp. 1-18.
70. Aung, T., & Puts, D. Voice pitch: a window into the communication of social power // *Current opinion in psychology*. 2020. No. 33. Pp. 154-161.
71. Sorokowski, P., Puts, D., Johnson, J., Żółkiewicz, O., Oleszkiewicz, A., Sorokowska, A., ... & Pisanski, K. Voice of authority: professionals lower their vocal frequencies when giving expert advice // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2019. No. 43. Pp. 257-269.
72. Suire, A., Raymond, M., & Barkat-Defradas, M. Voice, sexual selection, and reproductive success / Voice Attractiveness, Prosody, Phonology and Phonetics. Ed. by B. Weiss et al. Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2021.
73. Barkat-Defradas, M., Raymond, M., & Suire, A. Vocal preferences in humans: A systematic review. Voice, sexual selection, and reproductive success / Voice Attractiveness, Prosody, Phonology and Phonetics. Ed. by B. Weiss et al. Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2021.
74. Feinberg, D. R., Jones, B. C., Smith, M. L., Moore, F. R., DeBruine, L. M., Cornwell, R. E., ... & Perrett, D. I. Menstrual cycle, trait estrogen level, and masculinity preferences in the human voice // *Hormones and behavior*. 2006. No. 49(2). Pp. 215-222.
75. Rosenfield, K. A., Sorokowska, A., Sorokowski, P., & Puts, D. A. Sexual selection for low male voice pitch among Amazonian forager-horticulturists // *Evolution and Human Behavior*. 2020. No. 41(1). Pp. 3-11.
76. Suire, A., Raymond, M., & Barkat-Defradas, M. Male vocal quality and its relation to females' preferences. *Evolutionary Psychology*. 2019. No. 17(3). Pp. 1474704919874675.
77. Pisanski, K., & Bryant, G. A. The evolution of voice perception. *The Oxford handbook of voice studies*, 2019.
78. Tiolina, S. The influence of male voice tone on women's perception of attractiveness // *Acta Psychologica*. 2022. No. 1(2). Pp. 54-62.
79. Locke, J. L. The indexical voice: communication of personal states and traits in humans and other primates // *Frontiers in Psychology*. 2021. No.12. Pp. 651108.
80. Puts, D. A., Hill, A. K., Bailey, D. H., Walker, R. S., Rendall, D., Wheatley, J. R., ... & Ramos-Fernandez, G. Sexual selection on male vocal fundamental frequency in humans and other anthropoids // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2016.

- No. 283(1829). Pp. 20152830.
81. Valentova, J. V., Tureček, P., Varella, M. A. C., Šebesta, P., Mendes, F. D. C., Pereira, K. J., ... & Havlíček, J. Vocal parameters of speech and singing covary and are related to vocal attractiveness, body measures, and sociosexuality: a cross-cultural study // *Frontiers in psychology*. 2019. No. 10. Pp. 2029.
 82. Hughes, S. M., Dispenza, F., & Gallup Jr, G. G. Ratings of voice attractiveness predict sexual behavior and body configuration // *Evolution and Human Behavior*. 2004. No. 25(5). Pp. 295-304.
 83. Wolff, S. E., & Puts, D. A. Vocal masculinity is a robust dominance signal in men // *Behavioral Ecology and Sociobiology*. 2010. No. 64. Pp. 1673-1683.
 84. Franks, B., & Rigby, K. Deception and mate selection: some implications for relevance and the evolution of language / *Language origins: Perspectives on evolution*. Ed. by M. Tallerman. Oxford University Press, 2005.
 85. Benítez-Burraco, A., & Progovac, L. The role of early expressive uses of language in brain and language evolution / Ed. by F. Ferretti and Ines Adornetti. London: Routledge, 2023.
 86. Rosenberg, J., & Tunney, R. J. Human vocabulary use as display// *Evolutionary Psychology*. 2008. No. 6(3). Pp. 147-149.
 87. Lange, B. P., Zaretsky, E., Schwarz, S., & Euler, H. A. Words won't fail: Experimental evidence on the role of verbal proficiency in mate choice // *Journal of Language and Social Psychology*. 2014. No. 33(5). Pp. 482-499.
 88. Novaes, F. C., & Natividade, J. C. The sexual selection of creativity: A nomological approach // *Frontiers in Psychology*. 2023. No. 13. Pp. 874261.
 89. Bressler, E. R., Martin, R. A., & Balshine, S. Production and appreciation of humor as sexually selected traits // *Evolution and Human Behavior*. 2006. No. 27(2). Pp. 121-130.
 90. Kaufman, S. B., Kozbelt, A., Bromley, M. L., & Miller, G. F. The role of creativity and humor ability in human mating / Ed. By G. Geher & G. Miller. New York : Lawrence Erlbaum, 2008.
 91. Greengross, G., & Miller, G. Humor ability reveals intelligence, predicts mating success, and is higher in males // *Intelligence*. 2011. No. 39(4). Pp. 188-192.
 92. Patel, A. D. Music, Language, and the Brain. NY: Oxford University Press, 2008.
 93. Sluming, V. A., & Manning, J. T. Second to fourth digit ratio in elite musicians: Evidence for musical ability as an honest signal of male fitness // *Evolution and Human behavior*. 2000. No. 21(1). Pp. 1-9.
 94. Charlton, B. D. Menstrual cycle phase alters women's sexual preferences for composers of more complex music // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2014. No. 281(1784). Pp. 20140403.
 95. Block, D. Social class in applied linguistics // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2015. No. 35. Pp. 1-19.
 96. Hart and Risley Hart B, Risley TR. Meaningful Differences in the Everyday Experience of Young American Children. Baltimore MD: Brooks Publishing CO, 1995.
 97. Adams K, Marchman V, Loi E, Ashland M, Fernald A, Feldman H. Caregiver Talk and Medical Risk as Predictors of Language Outcomes in Full Term and Preterm Toddlers // *Child development*. 2017. No. 89(5). Pp. 1674-1690.
 98. Marchman, V. A., Weisleder, A., Hurtado, N., & Fernald, A. Accuracy of the Language Environment Analyses system for estimating child and adult speech in laboratory

- settings // *Journal of child language*. 2021. No. 48(3). Pp. 605-620.
99. Rowe, M. L., & Weisleder, A. Language development in context. *Annual Review of Developmental Psychology*. 2020. No. 2. Pp. 201-223.
100. Zubanova, S. G. O povyshenii yazykovoi kul'tury i ritoricheskikh kompetentsii studentchestva: analiz ritoricheskogo naslediya proshlogo i zadachi sovremennoi praktiki obucheniya // *Rol' i mesto inostrannykh yazykov i svyazei s obshchestvennost'yu v razvitii aerokosmicheskoi sfery Rossiiskoi Federatsii*. 2015. Pp. 191-200.
101. Abrashina, E. N. Ritoricheskaya podgotovka studentov pedagogicheskogo vuza v usloviyakh distantsionnogo obucheniya [Rhetorical training of pedagogical university students in distance learning conditions] / *Pedagogicheskaya ritorika i rechevedenie v tsifrovuyu epokhu: Materialy XXIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (11-12 fevralya 2021 g.)* / Pod obshch. red. E. L. Erokhinoy, Z. I. Kurtsevoi, Yu. V. Shcherbininoy. – M.: Yazyki Narodov Mira ; NVI, 2021.
102. Karthikeyan, S., Puts, D. A., Aung, T., Link, J. K., Rosenfield, K., Mackiel, A., ... & Geher, G. Articulatory effects on perceptions of men's status and attractiveness // *Scientific reports*. 2023. No.13(1). Pp. 2647.
103. Zhang, Qing. A Chinese yuppie in Beijing: Phonological variation and the construction of a new professional identity // *Language in Society*. 2005. No. 34. Pp. 431-466.
104. Markov, A. V. Proiskhozhdenie cheloveka i polovoi otbor // *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2011. No. 4(2). Pp. 30-55.

Syncretism of Paganism and Orthodoxy in the Mari and Udmurt Cultures: Confessional markers in the natural landscape

Odegova Kseniya Igorevna

Laboratory Assistant, Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy, Vятka State University

610000, Russia, Kirov region, Kirov, Mskovskaya str., 36

✉ NakatsuSobi@yandex.ru

Bykova Ekaterina Vasilievna

PhD in Art History

Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy, Vятka State University

610000, Russia, Kirov region, Kirov, Mskovskaya str., 36

✉ ev2_74@mail.ru

Abstract. For Russia as a multinational country, with a rich history and traditions, as well as a specific way of life, the topic of double faith is still relevant to this day. The subject of the study is the confessional markers of dual faith in the Mari and Udmurt cultures in modern settlements of the southern districts of the Kirov region. The aim of the work is to analyze the representation and visualization of the syncretism of paganism and Orthodoxy in the Mari and Udmurt cultures through confessional markers in the natural landscape of the southern districts of the Kirov region. The empirical basis of the research is the materials of the 2017-2023 expeditions to the Kizmez and Malmyzhsky districts of the Kirov region, where Mari and Udmurts live, who are third and fourth most numerous population of the Kirov region. Based

on the methods of analyzing the features of religious and ethno-cultural interactions of these peoples and analyzing sacred objects inscribed in the natural landscape, the authors used methods of historical and cultural comparison and analysis of textual materials. New objects of the sacred natural landscape have been identified among the Mari and Udmurts, in which there is a deification of nature. It manifests itself in such confessional markers as sacred groves and fields where pagan deities, spirits of the forest were worshipped. In addition, the sacred meaning was carried by the sanctuaries of heroes and places associated with the souls of the dead, inscribed in the natural landscape of the area. The novelty of the research consists in clarifying the specifics of some rituals, supplementing information about the beliefs of the Udmurts and Mari, introducing new objects of the sacred cultural landscape into scientific circulation, which is designated as the intangible cultural heritage of the peoples of the Vyatka Region. The authors come to the conclusion that some fragments of pagan beliefs and rituals among the Mari and Udmurts still exist and are closely connected with the natural landscape and memories of places of worship, the historical memory of the people. At the same time, Orthodoxy has taken deep roots and strong roots in the hearts of these peoples. But the historical and comparative study of religious beliefs and rituals shows that the original syncretism of Orthodoxy and paganism of the Mari and Udmurts of the southern districts of the Kirov region serve as a means of ethnic identification in the formation of the sacred cultural and natural landscape.

Keywords: sanctuaries, sacred groves, natural landscape, Udmurts, Mari, syncretism, dual faith, Christianity, paganism, Kirov region

References (transliterated)

1. Luppov P. N. Khristianstvo u votyakov v pervoi polovine XIX veka: issledovanie. Vyatka: Gub.tip, 1911. 318 s.
2. Ostrovskaya, M. D. Iz istorii vyatskikh inorodtsev. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta, 1912. 31 s.
3. Viskalin A. V. Ob etnokul'turnykh protsessakh na Srednei Volge i v Prikam'e v mezolite – neolite // Rossiiskaya arkheologiya. 2011. №3. S. 25-32.
4. Vladykin V. E., Khristolyubova L. S. Istoriya etnografii udmurtov: krat.istoriogr. ocherk s bibliogr. Izhevsk: Udmurtiya, 1984. 142 s.
5. Vladykin V. E. Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov. Izhevsk: Udmurtiya, 1994. 383 s.
6. Kudryavtseva I. K. Problemy etnicheskogo sosedstva i konfessional'noi identichnosti nizhnechepetskikh udmurtov (po materialam polevykh issledovaniy) // Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy. 2017. T. 11, № 2. S. 121-132
7. Kutsaeva, M. V. Pravoslavno-yazycheskii sinkretizm v religioznoi zhizni mariiskoi diaspory moskovskogo regiona // Zhivaya starina. 2023. № 1(117). S. 46-50.
8. Mariiskaya Traditsionnaya Religiya: istoriya i sovremennost': Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi Godu kul'turnogo naslediya narodov Rossii, Ioshkar-Ola, 09-10 iyunya 2022 goda. Ioshkar-Ola: gosudarstvennoe byudzhethnoe nauchnoe uchrezhdenie pri Pravitel'stve Respubliki Marii El "Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii im. V.M. Vasil'eva", 2022. 504 s.
9. Permlovskaya A. B. Russkii Sever kak osobaya territoriya naslediya. Arkhangel'sk; Ekaterinburg: Pravda Severa: UrO RAN, 2010. 549, [2] s.: tsv.il.
10. Popova E. V. Udmurty v etnicheski smeshannykh seleniyakh Uralo-Povolzh'ya:

- tendentsii i mekhanizmy etnokul'turnogo vzaimodeistviya // *My i kak udmurty, i kak chuvashi... Vzaimnaya sotsial'no-kul'turnaya adaptatsiya v etnicheski smeshannykh seleniyakh* / Otvetstvennyi redaktor A. D. Korostelev. M.: Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2007. S. 112-144.
11. Sadikov R. R. Na perekrestke trekh religii: keremet, mechet' i tserkov' v etnokonfessional'nom prostranstve udmurtskogo seleniya // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 2016. T. 10, № 4. S. 109-121.
 12. Stepanov A. F. Sotvorenie mira: o mariiskoi narodnoi vere (yazychestve) v kontekste vozniknoveniya i evolyutsii chelovecheskogo obshchestva. Ioshkar-Ola: Tsentr-muzei im. Valentina Kolumba, 2008. 160 s.
 13. Shutova N. I. Obryady i verovaniya udmurtov-kalmezov Uninskogo raiona Kirovskoi oblasti // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 2020. T. 14, № 3. S. 491-504. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-491-504.
 14. Etnokul'turnoe nasledie Vyatsko-Kamskogo regiona: problemy, poiski, resheniya: sbornik materialov regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 120-letiyu D. K. Zelenina / Kirov.obl. in-t usovershenstvovaniya uchitelei; Kirov. obl. kraevedch. muzei; Redkol.: V. A. Korshunkov, I. Yu. Trushkova, A. G. Shurygina. Kirov: KOGUPKirovskayaoblastnayatipografiya, 1998. 128 s.
 15. Werth W. P. Tsarist Categories, Orthodox Intervention, and Islamic Conversion in a Pagan Udmurt Village, 1870s-1890s // *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations*. Berlin, 1998. P. 385-415.
 16. Desyatkov O. V. Svyashchennye roshchi: granitsa zemnogo i potustoronnego v etnokul'turnom landshafte vyatskikh mariitsev // *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept"*. 2016. T. 15. S. 346-350.
 17. Kapitonov V. I., Popova E. V., Shutova N. I. Pochitaemye ob"ekty mariitsev Udmurtii // *Mariitsy Udmurtii: istoriya, traditsii i sovremennost'*. Izhevsk, 2015. S. 37-49.
 18. Mikhailova, M. A. Derevo v sakral'nom prostranstve udmurtov i ego okhrana // *Arkheologiya Evraziiskikh stepei*. 2023. № 4. S. 136-141. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.4.136.141.
 19. Mikheeva A. I., Perevozchikov Yu. A. Svyashchennye roshchi mariitsev kak ob"ekty kul'turnogo naslediya // *Finno-ugorskii mir v polietnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy: sbornik statei po materialam VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov, Izhevsk, 04-07 iyunya 2019 goda*. Izhevsk: Anny Zeleninoy, 2019. S. 514-517.
 20. Perevozchikov Yu. A. K probleme gosudarstvennoi okhrany svyashchennykh roshch finno-ugorskikh narodov v Udmurtii: etnologicheskie aspekty // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 2018. T. 12. № 1. S. 141-153.
 21. Popov N. S. Mariiskie kul'tovye pamyatniki Respubliki Marii El. Ioshkar-Ola, 1994. 64 s.
 22. Prikazchikova Yu. V. Svyashchennye derev'ya i stolby-chasovni v kul'turnom landshafte yuga Vyatskogo kraya // *Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: Materialy i issledovaniya: Sb.st. / Otv. red., avt. predisl. N. I. Shutova*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 2004. S. 178-191.
 23. Ivonin Yu. M. Khristianizatsiya v Udmurtii. Istoriya i sovremennost'. Izhevsk, 1987. 112 s.
 24. Shumilov E. F. Khristianstvo Udmurtii. Izhevsk, 2001. 430 s.
 25. Popov N. S. Pravoslavie v Mariiskom krae. Ioshkar Ola: Mariiskoe kn. izd-vo, 1987. 111 s.

26. Polevye materialy avtora, 2017-2023 g. Kil'mezskii i Malmyzhskii raiony Kirovskoi oblasti, Malaya Kil'mez'.

The intertextuality of visual and verbal works by naive artist Nadezhda Spirina

Sholicheva Anastasiya

Graduate student of the Department of Cultural Studies, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, North-Eastern Federal University

677013, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 226

✉ dpi_okmckt@mail.ru

Abstract. In modern humanities, it is customary to consider naive art and naive literature as two separate phenomena. Based on this approach, the study of naive fine art is given over to art criticism, and the study of naive literature remains within the framework of philology and linguistics. Culturology explores culture as the historical and social experience of people, which can manifest itself in their work and is interpreted in the "cultural texts" of art. This article actualizes the need to move from narrowly focused research to a comprehensive approach: contextual study of visual and verbal works of naive artists. The objects of this study are paintings and poems by the naive artist Nadezhda Spirina (Ivanovo region, the city of Yuzha). The subject of the research is the aesthetics and poetics of the intertextuality of the works of a naive artist. The aim of the work is to analyze the stylistics and composition of paintings in combination with the poetic texts of the author. Tasks – search for intertextual references and reminiscences in the works of N. Spirina, the disclosure in her works of various practices of the author's self-reflection, testing the hypothesis of expanding the status of the work of a naive artist as a cultural text, taking into account the semantic features of verbal utterance for the perception and reading of the visual text, that is, the intertextuality of works of naive art. Synchronistic, comparative, biographical, psychological, semiotic, cultural and historical analysis are used. The scientific novelty of the research lies in the analysis of the stylistics and composition of the paintings of a naive artist in combination with the poetic texts of the author, which makes it possible to more accurately interpret the artist's mission, which forms his naive utterance.

Keywords: intertextuality, visual texts, verbal texts, narrative, naive author, naive literature, naive artist, Nadezhda Spirina, naive art, Ignatyi Chapkin

References (transliterated)

1. Bozhenko R. «Lyudi privykli k gotovomu produktu». Chto takoe ural'skoe naivnoe iskusstvo (interv'yū s zaveduyushchim sektorom naivnogo iskusstva Ekaterinburgskogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv, kuratorom Muzeya naivnogo iskusstva, kandidatом философских наук Andreem Bobrikhinym) // «Argumenty i Fakty» № 3. «AiF-Ural» 19/01/2022.
https://ural.aif.ru/culture/lyudi_privykli_k_gotovomu_produktu_chno_takoe_uralskoe_naivnoe_iskusstvo (data obrashcheniya – 29.10.2023)
2. Vypusk programmy «Pis'ma iz provintsii». Avtor stsenariya N. Sabel'nikova. Rezh. M. Katushkin. GTRK Sankt-Peterburg, 2006. https://www.youtube.com/watch?v=yP_79LAdgO0 (data obrashcheniya – 15.10.2023)
3. Katalog sovetskikh plastinok. <https://records.su> (data obrashcheniya – 09.11.2023)

4. Leksikon nonklassiki. Khudozhestvenno-esteticheskaya kul'tura XX veka. / Pod red. V. V. Bychkova. – M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2003. – 607 s. (Seriya «Summa culturologiae»).
https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/844/INTERTEKST (data obrashcheniya – 18.10.2023)
5. Leksikon nonklassiki. Khudozhestvenno-esteticheskaya kul'tura XX veka / Pod red. V. V. Bychkova. – M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2003. – 607 s. (Seriya «Summa culturologiae»).
https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1064/Naivnoe (data obrashcheniya – 18.10.2023)
6. Rabochaya s'emka dokumental'nogo fil'ma «Skazka» o naivnoi khudozhnitse Nadezhde Ivanovne Spirinoi v gorode Yuzha. Kinorezhisser V. Chuprikov (akter teatra i kino, 1964–2020), E. i O. Galaktionovy, avtor s'emki – S. Fomina.
https://www.youtube.com/watch?v=mc8aAd_EEfc&list=PLIt1hGisUy0FuHgGnM5F2hkkR8aHAsPpM&index=4 (data obrashcheniya – 14.10.2023)
7. Sait «Istoriya Drevnego Rima». <https://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=6558> (data obrashcheniya – 20.10.2023)
8. Simbirtseva N. A. Vizual'nyi tekst kak yavlenie sovremennoi kul'tury // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2013. № 7 (33): v 2-kh ch. Ch. I.
<http://www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/48.html> (data obrashcheniya – 19.10.2023)
9. Syuzhet V. Bykova «Neizvestnaya Nadezhda» ot 30.07.2021.
<https://www.youtube.com/watch?v=Z4mz7Feb0Hg&list=PLIt1hGisUy0FuHgGnM5F2hkkR8aHAsPpM&index=11> (data obrashcheniya – 11.11.2023)
10. Fal'kov A. Ptitsa Mater' Sva. // Utro bogov / Pod red. V. Shcherbakova – M.: Molodaya gvardiya, 1992. – 560 s. <https://pub.wikireading.ru/993> (data obrashcheniya – 26.10.2023)
11. Fedotov O. I. Intertekstual'nost'. // Literatura. №23, 2005.
<https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200502313> (data obrashcheniya – 14.10.2023)
12. Shveitser A. Iogann Sebast'yan Bakh. Per. s nem. Ya. S. Druskina. – M.: Izdatel'stvo «Muzyka», 1965. – 726 s. <https://djvu.online/file/1vQxcTbG1Y2nb> (data obrashcheniya – 11.11.2023)
13. Polevye issledovaniya: Sholicheva A. G. Interv'yu s E. B. Generalovoi ob N. I. Spirinoi. Ivanovskaya obl., p. Kholui, 06.03.2023. Ispol'zovannaya literatura:
14. Averintsev S. S. Iisus Khristos. // Mifologicheskii slovar'. – M.: 1991.
15. Alpatov M. V. Neposredstvenno i chistoserdechno // Tvorchestvo. – 1966. – № 10. – S. 14–15.
16. Baldina O. D. Istoriko-kul'turnye aspekty vzaimodeistviya professional'nogo i samodeyatel'nogo khudozhestvennogo tvorchestva // Problemy vzaimodeistviya samodeyatel'nogo i professional'nogo khudozhestvennogo tvorchestva: Sb. nauch. trudov NII kul'tury. Vyp. 11. M., 1982.
17. Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. M.: Progress, 1989. 616 s.
18. Bart R. S/Z. Per. s fr. 2-e izd., ispr. Pod red. G. K. Kosikova. – M.: Editorial URSS, 2001. – 232 s.
19. Belyakova G. S. Slavyanskaya mifologiya. – M.: Prosveshchenie, 1995 g. – 168 s.

20. Bobrikhin A. A., Gramatchikova N. B. Verbal'nye i vizual'nye narrativy naivnykh khudozhnikov. // Shagi. Steps. T. 5, №2, 2019. – S. 211–239.
21. Bogemskaya K. G. Samodeyatel'noe izobrazitel'noe tvorchestvo i dekorativno-prikladnoe iskusstvo. – M., 1988.
22. Bychkov V. V. Aesthetica Partum. Estetika Ottsov Tserkvi. – M.: Lodomir, 1995. – 593 s.
23. Do i posle literatury: teksty naivnoi slovesnosti. – M.: RGGU, 2009. – 488 s.
24. D'yakonitsyna O. V. Master syuzhetnoi kartiny Pavel Leonov i sotsial'naya utopiya XX veka. // Filosofiya naivnosti. / Sost. A. S. Migunov – M.: Izd-vo MGU, 2001. – S. 236–242.
25. Kirillin V. M. Simvolika chisel v literature Drevnei Rusi (XI–XVI veka). – SPb: Aleteiya, 2000. – 320 s.
26. Kirpichiki: Kul'turnaya antropologiya i fol'kloristika segodnya. – M.: RGGU. – 2008 g. – 278 s.
27. Kozlova H. H., Sandomirskaya I. I. «Ya tak khochu nazvat' kino». Naivnoe pis'mo»: Opyt lingvosotsiologicheskogo chteniya. – M.: Gnozis, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996 g. – 256 s.
28. Kornilov P. Arzamasskaya shkola zhivopisi pervoi poloviny XIX veka. – Leningrad-Moskva, Iskusstvo, 1947. – 218 s.
29. Lebedev A. V. Khudozhestvennyi primitiv v kontekste kul'tury russkoi provintsii. Vtoraya polovina KhUSH pervaya polovina XIX veka. Avtoref. dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora iskusstvovedeniya. – M., 1995.
30. «Naivnaya literatura»: issledovaniya i teksty / Sost. S. Yu. Neklyudov. M., 2001 (Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond. Nauchnye doklady, 129 r.). S. 16–28.
31. Musyankova N. A. Khudozhniki i institutsii: samodeyatel'noe tvorchestvo v SSSR 1920–1930-kh gg. – Diss. kand. iskusstvovedeniya: 17.00.04: Moskva, 2008. – 269 s.
32. Ostrovskii G. S. O prirode gorodskogo izobrazitel'nogo fol'klora // Sovetskaya etnografiya. – 1974. – № 1. – S. 92–124.
33. Povelikhina A. V. Vozvrat k prirode. Organicheskoe napravlenie v russkom avangarde XX veka // ORGANICA I. – Studia Slavica Finlandensia, 1999. – S. 11–29.
34. Pospelov G. G. Iskusstvo gorodskikh nizov // Dekorativnoe iskusstvo SSSR. – 1990. – № 11. – S. 30–31.
35. Sarab'yanov D. V. Istoriya russkogo iskusstva kontsa XIX – nachala XX veka. – M.: AST-Press, 2001. – 284 s.
36. Sinel'nikova T. A. Pravo na tvorchestvo // Akademicheskii vestnik UralNIIProekt RAASN. – №4, 2022. – S. 89–94.
37. Smirnov S. G. Bednyi genii. Dokumental'naya povest' / Red. T. N. Bavykina – Ivanovo: Izdatel'stvo «Ivanovo», 1999. – 224 s.
38. Tarabarov S. D. K voprosu o termine «naivnoe iskusstvo» // Filosofiya naivnosti / Sost. A. S. Migunov. M.: Izd-vo MGU, 2001. S. 203–206.
39. Utro bogov. – M.: Mol. gvardiya, 1992. – 560 s. – (Antologiya «Fantastika, chudesa i tainy»).
40. Florenskii P. A. Ikonostas: Izbr. tr. po iskusstvu / Pavel Florenskii; [Sost., predisl. i bibliogr. spravka A. G. Naslednikova]. – SPb: TOO «Mifril»: Rus. kn., 1993. – 365 s.
41. Chernevich E. Yazyk graficheskogo dizaina: materialy k metodike khudozhestvennogo konstruirovaniya / VNIITE. M., 1975. 437 s.

42. Shkarovskaya N. S. Vstupitel'naya stat'ya k al'bomu «Samodeyatel'noe narodnoe iskusstvo». – Len.: Avropa, 1975.

The influence of Shanghai Art societies on the development of fine arts in the early twentieth century

Hu Wenwen

PhD in Art History

Postgraduate student, Department of Art History, Siberian State Institute of Arts named after Dmitry Hvorostovsky

660049, Russia, Krasnoyarsk region, Krasnoyarsk, Lenin St., No. 22, sq. Siberian State Institute of Arts named after Dmitry Hvorostovsky

✉ 644533389@qq.com

Abstract. The object of the article is the artistic life of Shanghai at the beginning of the 20th century, in which the most attention is paid to the study of the activities of art societies in order to scientifically reconstruct the creative process of Shanghai of the last century. The topic of the research is the contribution of the artistic associations to the cultural life of the city. Their activities are aimed at introducing European painting techniques and modernist trends into the visual culture of the country. The article attaches particular importance to the unique character of the city, tolerant and open to experiments in the field of visual culture. The paper describes three vectors of art development through the activities of art societies: upholding the foundations of traditional Chinese painting, the active inclusion of the European visual language and the synthesis of these two seemingly mutually exclusive streams. Using the historical method, the author analyzes the activities of art societies that significantly influenced the formation of a new scenario for the development of the visual culture of Shanghai in the first third of the 20th century. Firstly, at the beginning of the last century, this metropolis became the largest economic and cultural center of China. Secondly, most of the local artists who joined public organizations received Western education. Thirdly, the activities of art societies have significantly enriched and expanded the creative possibilities of the masters, attracted the attention of the population to the fine arts, and modernized the painting traditions of China. The author of the article comprehends the influence of Russian artists on the cultural life of Shanghai, and also focuses on the emergence and development of "female" art in Chinese culture during the period under study. This research has not only theoretical value, but also practical significance, and allow to determine the scenario of the development of Chinese fine art at the present stage.

Keywords: migrant, western art, artist, art exhibitions, traditional painting, fine arts, Shanghai, art societies, China, XX century

References (transliterated)

1. Lu Pen. Istoriya kitaiskogo iskusstva v KhKh veke. M.: Novaya zvezdnaya pressa; Pekin.: 2013. C. 912.
2. Syui Pen. Khudozhestvennyi klub «Nebesnye loshadi» v period Kitaiskoi Respubliki. Mir Landai. 2014. № 4. C. 157-158.
3. Chzhu Boksiong, Chen Zhuilin'. Pyat'desyat let kitaiskoi zapadnoi zhivopisi(1898–1949). M.: Izdatel'stvo Narodnogo izobrazitel'nogo iskusstva; Pekin.: 1989. C. 64.
4. Pan Syun'tsin'. Vot kak ya popal v Shankhai. M.: Sovmestnoe izdatel'stvo; Shankhai.: 2005. C. 340.

5. Tao Yunbai, Li Shi. Utrachennaya istoriya – istoriya kitaiskoi zhenskoi zhivopisi. M.: Khunan'skoe izdatel'stvo izyashchnykh iskusstv; Chansha.: 2006. C. 129.
6. Syui Chzhikhao. Periodicheskii obzor kitaiskogo izobrazitel'nogo iskusstva. M.: Shankhaiskoe izdatel'stvo zhivopisi i kalligrafii; Shankhai: 1992. C. 297.
7. Avtor neizvesten. Vystavka zhenskoi zhivopisi i kalligrafii // Shen'bao. 1913. № 5 Iyun'. C. 18.
8. Van Zhen'. Noshenie kolets s bessmertnymi talantami – Assotsiatsiya kitaiskikh zhenshchin v oblasti zhivopisi i kalligrafii. Kitaiskaya zhivopis' i kalligrafiya. 2007. № 5. C. 52-56.
9. Van Chzhichen. Istoriya migrantov v Shankhae. M.: Shankhaiskoe sovместное izdatel'stvo; Shankhai: 1993. C. 832.
10. Gu Lyu, Pen Fei. Master Khun''i govorit ob iskusstve. M.: Khunan'skoe izdatel'stvo izyashchnykh iskusstv; Ukhan': 1998. C. 203.
11. Sin Khao. Issledovanie Shankhaiskogo obshchestva zhivopisi v Kitaiskoi Respublike (1912-1937). M.: Khebeiskii universitet; Shitszyachzhuan: 2020. C. 180.

Practical aspects of using chatbots for learning the Russian language in intercultural communication

He Yanli

Postgraduate student, Department of Area Studies, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Mendeleevskaya str., 1

✉ linda.he@yandex.ru

Abstract. Chatbot based on artificial intelligence is a comprehensive research and educational tool for Russian language teachers and Chinese students studying Russian language and culture. This article is devoted to the issue of integrating a chatbot into the educational process as part of the study of the Russian language by Chinese students. The possibilities of using a chatbot in the aspect of RFL in face-to-face and remote formats are considered, and its advantages and disadvantages in acquiring specific practical skills, in particular, when studying Russian numbers, are identified. The purpose of this research is to study the possibilities of using a chatbot to identify the meaning of language units and the correctness of grammatical structures, as well as cultural characteristics in the process of teaching Russian as a foreign language. The research method is to analyze the correctness and usefulness of the chatbot's (ChatGLM) responses to questions related to the Russian language and culture. The scientific novelty of the study lies in the consideration of practical aspects of using a chatbot for studying the Russian language and culture. The results of this study show that the chatbot is a useful tool and allows you to practice language, ask questions in Russian and Chinese and receive answers from the system. To a limited extent, the chatbot can correct errors, suggest correct phrases and help students improve their foreign language communication skills. Machine learning methods and technologies, such as the chatbot, can be used to improve foreign language skills in the context of cross-cultural communication if treated judiciously. The results can be used to create methodological developments in the field of Russian-Chinese intercultural communication, as well as in the process of learning relevant languages.

Keywords: language and communication, international education, Russian Chinese numbers,

practical aspects, intercultural communication, RFL, Chinese students, Learning Russian language, language model, chatbot

References (transliterated)

1. Artamonova M. V., Mambetov A. A., Tulina E.V. — Chat-bot kak instrument v rabote perevodchika // Litera. – 2023. – № 8. – S. 235 - 253. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43875 EDN: VMTZYT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43875
2. Golami Kh., Beigi M., Pulaki P. Trudnosti studentov-inostrantsev pri izuchenii russkogo yazyka // MNKO. 2018. №2 (69).
3. Ganina N. N. Obuchenie osnovam mezhkul'turnogo obshcheniya v protsesse prepodavaniya inostrannogo yazyka // Vestnik ChelGU. 2013. №33 (324).
4. Garkusha N. S., Gorodova Yu. S. Pedagogicheskie vozmozhnosti chat-bot dlya razvitiya kognitivnoi aktivnosti studentov // Professional'noe obrazovanie i rynek truda. 2023. №1 (52).
5. Dobrikova K. A. Yazyk kak bar'er k mezhkul'turnomu obshcheniyu // Vestnik ChelGU. 2015. №27 (382).
6. Lavrinenko I. Yu. Ispol'zovanie chat-botov GPT v protsesse obucheniya angliiskomu yazyku v neyazykovom vuze: teoreticheskii aspekt // Vestnik SIBITa. 2023. №2.
7. Lipatova M. E., Bogatyreva A. A. Aktualizatsiya mezhkul'turnogo dialoga v sovremennom internet-prostranstve // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2016. №1.
8. Miloserdova E. M., Samorodova T. V. «Russkii klub» kak metod lingvokul'turnoi adaptatsii inostrannykh studentov v usloviyakh yazykovoi sredy // Vestnik TGU. 2021. №192.
9. Pavlovskaya A. V. Mesto i rol' inostrannykh yazykov v russkoi kul'ture. // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2023. № 2. c.79–91
10. Safonova, V. V. Sotsiokul'turnyi podkhod: retrospektiva i perspektivy / V. V. Safonova // Uchenye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki. – 2013. – № 4(4). – S. 53-72. – EDN SEYAHV.
11. Ten Yu. P. Model' minimizatsii bar'erov v mezhkul'turnykh kommunikatsiyakh // Vestnik PAGS. 2022. №1.
12. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya // Vestnik kul'turologii. 2002. №2.
13. Totskaya I. V., Nedospasova L. A. Obrazovatel'nyi potentsial chat-botov v izuchenii inostrannykh yazykov: Sotsiolingvisticheskii, didakticheskii i kommunikativnyi aspekty // Kontsept. 2023. №6.
14. Khe Yan'li. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v Rossii: analiz istoricheskogo razvitiya (v sfere mezhdunarodnogo obrazovaniya) // Kul'tura i tsivilizatsiya. 2023. Tom 13. № 8A. S. 90-97. DOI: 10.34670/AR.2023.79.31.018
15. Khe Ya. Problema mezhkul'turnogo obshcheniya v obrazovanii: kul'turnyi shok i adaptatsiya k nemu // Chelovek i kul'tura. – 2023. – № 5. – S. 17 - 28. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.5.43838 EDN: XRVSUM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43838
16. Khe Ya. Semanticheskie osobennosti pristavochnykh glagolov s pristavkoi pere-v krylatykh vyrazheniyakh russkogo i kitaiskogo yazykov[J]. Slavyanskies chteniya, 2021, 22(16-17): 110-117.

17. Khrisanova E. G., Ma Isya Inoyazychnoe obrazovanie v srednikh shkolakh Kitaya // Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva. 2018. №2 (98).
18. Khodzhaeva S. S. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i obuchenie inostrannym yazykam // Nauka i obrazovanie segodnya. 2021. №6 (65).
19. Chernysheva A. I. , Leonova E. V. Formirovanie navykov mezhkul'turnoi kommunikatsii na urokakh inostrannogo yazyka // Inostrannye yazyki v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii. 2020. №XII.
20. Yan'li Kh, Shishkin A. N. Razlichiya v kontseptsiyakh i metodakh prepodavaniya i obucheniya yazyku mezhdru kitaem i rossiei v oblasti mezhkul'turnoi kommunikatsii1[M]//Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya. 2023: 231-235.
21. Yan'li Kh. Sravnenie kitaiskikh i rossiiskikh kontseptsii obrazovaniya s tochki zreniya teorii mezhkul'turnykh izmerenii Gert Khofstede[J]. Missiya konfessii, 2023, 12(69): 45-52.
22. Yan'li, Kh. Spetsifika perevoda russkikh slengizmov na kitaiskii yazyk1 / Kh. Yan'li // Kommunikativnye kody v mezhkul'turnom prostranstve kak sredstvo formirovaniya obshchegumanitarnykh kompetentsii cheloveka novogo pokoleniya : Materialy II Mezhdistsiplinarnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 31 maya 2022 goda. – Moskva: «KDU», «Dobrosvet», 2022. – S. 331-336. – EDN ZYYHJO.
23. Zhipu AI. (2023). ShatGLM (versiya ot 25 avgusta) [bol'shaya yazykovaya model']. <https://chatglm.cn/main/detail>

Expressive properties of embellishment in vocal music the first half of the 18th-century

Kruglova Elena

PhD in Art History

Professor, The State Musical Pedagogical Institute named after M. M. Ippolitov-Ivanov

109147, Russia, Moscow, 36 Marxistskaya str.

✉ elenakruglowa@mail.ru

Abstract. In the modern performance of ancient music, one of the central tasks of singers is the desire to decorate the melody independently. Taking into account the lack of knowledge and skills of Baroque improvisation among domestic performers, the decorations used often represent, in fact, only a technical element that needs to be dealt with. In this case, the ornaments have no artistic value, they sound faded, not corresponding to the main purpose – to emphasize the affect and enhance its expressiveness.

The proposed article is aimed at solving topical problems in the field of Baroque performance related to vocal ornamentation and the transmission of the affect of the composition. The author of the article provides historical data on the characteristics of melisms and their focus on the expression of certain affects, which determines the scientific novelty of the study. The research methodology is based on a historical approach. Methods of analysis and synthesis are also of particular importance, thanks to which, when studying disparate data, it was possible to recreate the history of ornamental art in connection with the opera traditions of the first half of the XVIII century. The author's position is that any kind of ornamentation in ancient arias should be used in the melodic line in order to emphasize and enhance the affect of the composition being performed. When performing compositions of the time in question, it is important for a singer to understand the importance of decorating a melody as one of the

main means of expression and, accordingly, be guided by the choice of jewelry. The author draws conclusions about the relationship and mutual influence of ornamentation and affect in the Baroque music.

The material of the article and the conclusions will be useful to singers performing ancient music for its stylistically correct interpretation.

Keywords: decorations in singing, affects in music, style, ornamentation and affect, melisms, passages, vocal ornamentation, expressiveness in singing, Italian opera tradition, XVIII century

References (transliterated)

1. Agrikola I. F. *Nastavlenie v iskusstve peniya: uchebnoe posobie* / D. E. Zubov (perevod s nemetskogo, predislovie). SPb.: Lan': Planeta muzyki, 2022. – 272 s.
2. Druskin M. S. *Klavirnaya muzyka*. L.: Muzgiz, 1960. – 284 s.
3. Kruglova E. V. *O teorii affektov v vokal'nom ispolnitel'stve epokhi barokko: uchebno-metodicheskoe posobie*. M.: Litera Skripta, 2017. – 51 s.
4. Lutsker P. V., Susidko I. P. *Ital'yanskaya opera XVIII veka. Ch.1: Pod znakom Arkadii*. M.: 1998. – 440 s.
5. Susidko I. P. *Opera seria: genezis i poetika zhanra: avtoreferat ... doktora iskusstvovedeniya: 17.00.02 / Ros. akad. muzyki im. Gnesinykh*. M., 2000. – 40 s.
6. Bach, C. Ph. E. *Versuch über die wahre Art das Ciavier zu spielen*. Berlin: Auctoris, 1753. – 504 s.
7. Brittain, K. A. G. *A Performer's Guide to Baroque Vocal Ornamentation As Applied To Selected Works of George Frideric Handel. A dissertation (PhD). The University of North Carolina at Greensboro, 1996. URL: <http://libres.uncg.edu/ir/uncg/listing.aspx?id=26996> (data obrashcheniya: 23.11.2023)*.
8. Donington, R. *Baroque Music: Style and performance*. New York, London: W.W. Norton & Company, 1982. – 206 p.
9. Geminiani, F. *The Art of Playing on the Violin, Op.9*. London: Self-published, 1751. – 61 p.
10. Glüxam, D. „Aus der Seele muss man spielen...“. *Über die Affekttheorie in der Musik des 17. und 18. Jahrhunderts und ihre Auswirkungen auf die Interpretation*. Wien: Hollitzer. 2020. – 950 s.
11. Lee J. *An understanding of style of baroque ornamentation in Handel's operatic arias: a study of selected recordings (1950s – 2010s). Dissertation (DMA). University of Kentucky, 2020. URL: https://uknowledge.uky.edu/music_etds/156 (data obrashcheniya: 23.11.2023)*
12. Mancini, G. *Pensieri, e riflessioni pratiche sopra il canto figurato*. Vienna: Ghelen, 1774. – 189 p.
13. Neumann, F. *Ornamentation in Baroque and Post-Baroque Music*. New Jersey: Princeton University Press, 1978. – 648 p.
14. Quantz, J. J. *Versuch einer Anweisung die Flöte traversiere zu spielen*. Berlin: Johann Friedrich Voß, 1752. – 384 s.
15. Tartini, G. *Traité des agréments de la musique*. Manuscript, n.d.(ca.1700s). Public Domain. Copyist G.F. Nicolai. – 43 p.
16. Tosi, P. F. *Opinioni de'cantori antichi e moderni, o sieno osservazioni, sopra il canto figurato*. Bologna: Forni, 1723. – 118 p.

17. Tromlitz, I. G. The virtuoso flute-player. Cambridge University Press, 1991. – 338 p.

The "domestication" of cold by the Russian population of Yakutia in the second half of the XIX – first half of the XX centuries.

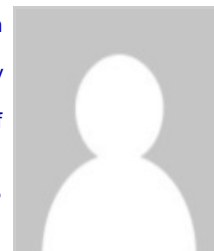
Suleymanov Aleksandr Albertovich

PhD in History

Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences

677027, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Petrovsky str., 1, room 403

✉ alexas1306@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to identify the main directions and reconstruct the practices of using cryogenic resources (cold, snow, ice, permafrost) and, in general, the "domestication" of cold by the Russian population of Yakutia during the mid XIX century and the twentieth century. The source base for writing the work was a set of disparate ethnographic information presented by published works and documents from the collections of the State Archive of the Irkutsk Region (Irkutsk), the Scientific Archive of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk), the Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow) and its St. Petersburg branch. In addition, a number of information was obtained during the author's empirical research in a number of rural settlements of Yakutia during 2017-2023. The methodological basis for the preparation of the article is the principles laid down in cryosophy, which involve the study of the cold matter of the Earth through the prism of their role as an active element of the universe, as well as in the Cryoanthropology. Within the framework of the Cryoanthropology, the formation of the traditional culture of the indigenous ethnic groups of the Arctic and Subarctic is considered through the prism of the dominance of natural cold in the region, cryogenic processes and phenomena as fundamental, environmental factors. In this regard, the article shows the practices of the exploitation of cryogenic resources by the Russian population of Yakutia in cattle and horse breeding, agriculture, in ensuring the functioning of residential and outbuildings, organization of storage and preparation of food, etc. It is noted that they had certain specifics within various groups of Russian settlers caused by specific natural and geographical features of their areas of residence, as well as characteristics of interethnic ties. In this regard, differences between, for example, the Prilensky and Arctic groups of the Russian old-timers have been recorded. The key vectors of the "domestication" of cold by the Russian population of Yakutia are highlighted.

Keywords: permafrost, ice, snow, everyday practices, economic activity, cryogenic resources, Russian population, Cryoanthropology, Yakutia, Arctic

References (transliterated)

1. Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk (ARAN). F. 1577. Op. 6. D. 25.
2. ARAN. F. 1577. Op. 6. D. 146.
3. Borkhval'dt O.V. Slovar' zolotogo promysla Rossiiskoi Imperii. – M.: Russkii put', 1998. – 240 s.
4. Boyakova S.I. Russkie starozhily Yakutii: kul'tura i landshaft // Arktika i Sever. – 2012. – № 9. – S. 73–80.

5. Vinokurova L.I. Zimnii trud zhenshchin v sel'skoi Yakutii 1920-kh – 1970-kh gg // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. – 2021. – № 4. – S. 46-53.
6. Vinokurova L.I. Rukopis' I. P. Soikkonena v aspekte izucheniya zimnei povsednevnosti yakutov pervoi treti KhKh v. // Oriental Studies. – 2022. – № 3. – S. 501-518.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. F. 293. Op. 1. D. 553.
8. Grigor'ev S.A. Dobycha ostankov mamontovoi fauny i lokal'nye soobshchestva arkticheskikh territorii Yakutii v kontse KhKh v. // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. – 2021. – №3. – S. 239-246.
9. Lazarev P.A., Boeskorov G.G., Savvinov D.D. i dr. Yakutskii fenomen: mir mamontov. V glub' tysyacheletii. Po zalam Muzeya mamonta Instituta prikladnoi ekologii Severa (g. Yakutsk). – Yakutsk: Yakutiya, 2004. – 126 s.
10. Mel'nikov V.P., Gennadinik V.B., Fedorov R.Yu. Gumanitarnye aspekty kriosofii // Kriosfera Zemli. – 2016. – № 2. – S. 112-117.
11. Mel'nikov V.P., Fedorov R.Yu. Rol' prirodnnykh kriogennykh resursov v traditsionnykh sistemakh zhizneobespecheniya narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 426. – S. 133-141.
12. Nauchnyi arkhiv Sibirskogo otdeleniya RAN. F. 10. Op. 8. D. 98.
13. Nikolaev D.A. Iz istorii trgovli mamontovoi kost'yu v Yakutii (XIX – nach. XX v.) // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. – 2019. – № 4. – S. 35-39.
14. Nogovitsyn V.P., Solomonov N.G., Savvinov A.S., Stepanov A.V. Estestvenno-nauchnyi vzglyad na yakutskii balagan // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. – 2015. – № 2. – S. 132-134.
15. Polevye materialy avtora, s. Isit, Khangalasskii ulus, Respublika Sakha (Yakutiya), avgust 2017 g.
16. Polevye materialy avtora, s. Kytyl-Dyura, Khangalasskii ulus, Respublika Sakha (Yakutiya), avgust 2017 g.
17. Polevye materialy avtora, s. Amga, Amginskii ulus (raiona), Respublika Sakha (Yakutiya), mart 2018 g.
18. Polevye materialy avtora, s. Yunkyr, Olekminskii raion, Respublika Sakha (Yakutiya), mart 2019g.
19. Polevye materialy avtora, s. Amga, Amginskii ulus (raiona), Respublika Sakha (Yakutiya), sentyabr' 2021 g.
20. Polevye materialy avtora, s. Yunkyr, Olekminskii raion, Respublika Sakha (Yakutiya), mart 2023 g.
21. Sankt-Peterburgskii filial ARAN. F. 47. Op 2. D. 171.
22. Safronov F.G. Russkie krest'yane v Yakutii: XVII – nachalo XX vv. – Yakutsk: Yak. kn. izd-vo, 1961. – 495 s.
23. Starkov V.F. Olenekskoe zimov'e Istoricheskii pamyatnik vostochnoi Sibiri // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2013. – № 3. – S. 289-298.
24. Strogova E.A. Etnograficheskie i arkheologicheskie issledovaniya russkikh arkticheskikh starozhilov Yakutii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. – 2017. – № 3. – S. 156-160.
25. Suleimanov A.A. Antropologiya kholoda: estestvennye nizkie temperatury v traditsionnoi sisteme zhizneobespecheniya yakutov (XIX v. – 30-e gg. KhKh v.) // Oriental Studies. – 2021. – № 1. – S. 115-133.
26. Suleimanov A.A. «Resursy kholoda» v sisteme pitaniya yakutov: traditsii i sovremennost' // Nauchnyi dialog. – 2018. – № 2. – S. 263-274.

27. Suleimanov A.A. Russkoe starozhil'cheskoe naselenie sel'skikh raionov Yakutii: mekhanizmy adaptatsii khozyaistva k usloviyam zimnego vremeni // *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2018. – № 2. – S. 35–42.
28. Fedorova E.N. Naselenie Yakutii: proshloe i nastoyashchee (geodemograficheskoe issledovanie). – Novosibirsk: Nauka, 1998. – 202 s.
29. Chikachev A.G. Russkie v Arktike: polyarnyi variant kul'tury: istoriko-etnograficheskie ocherki. – Novosibirsk: Nauka, 2007. – 303 s.
30. Fedorov R. Cryogenic resources: ice, snow, and permafrost in traditional subsistence systems in Russia // *Resources*. – 2019. – № 1. – P. 8–17.
31. Suleimanov A.A., Vinokurova L.I. Dialogues with the Cold: Natural Low Temperatures in the Everyday Life of Rural Residents of Yakutia (Sakha Republic) in the Nineteenth and Twentieth Centuries // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. – 2020. – Vol. 59, №. 3-4. – P. 267-290.

Art Nouveau in the architecture of South-coast villas and palaces as a contribution of outstanding personalities of their owners and architects to the cultural landscape of Crimea

Kotliar Elena Romanovna

PhD in Art History

Associate Professor, Department of Visual and Decorative Art, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295015, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, lane. Educational, 8, room 337

✉ allenkott@mail.ru

Khlevnoi Vladimir Aleksandrovich

Lecturer, Department of Fine and Decorative Arts, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295015, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, lane Educational, 8, office 337

✉ allenkott@mail.ru

Abstract. The Art Nouveau style in architecture of the late XIX-the first third of the twentieth century was distinguished by the synthesis of all previous styles and the free variability of the composition of both the main architectural volumes and their decor. Depending on the predominance of a particular style in a particular building, it is classified as a sub-style, for example, Neo-Gothic, Neo-Baroque, Neo-Renaissance, Neo-Russe, etc. A characteristic feature of modernity is also the use of various ethnic elements by architects. The subject of the article is the cultural characteristics of villas and palaces on the Southern coast of Crimea and the individual character reflected in them by architects in accordance with the requirements of customers, their national and professional affiliation, interests and hobbies. A special contribution of the authors is the analysis of the examples of architecture and its decoration, not abstractly, but in close connection with the personality of their owners and customers. The article uses the methods of historicism and the comparative method in the analysis of the belonging of an architectural object to a particular style; methods of analysis and synthesis in the characteristics of styles of both individual parts of architectural monuments and the entire building as a whole. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time the authors described the villas and palaces of the Southern coast of Crimea not only from a historical, architectural and historical-art historical point of view, but from the point of view of

matching the styles of buildings to the individual characteristics of the personalities of their owners.

Conclusions.

1. The Art Nouveau style spread in Western and Eastern Europe, including Crimea, from the end of the XIX century, and existed on the peninsula until the 1930s. The elegant character of country villas and palaces, mostly white, was especially relevant in Crimea, contrasting with the blue sky and sea and bright vegetation, creating a typical southern the color of the resort area.
2. The cultural landscape of Crimea is made up of a diverse variety of ethnic cultures, the heritage of state entities, as well as outstanding personalities who have contributed to it. In this sense, the unique buildings and their connection with the personalities of their owners represent one of the characteristic features of the historical and cultural landscape of Crimea.

Keywords: Ivan Konstantinovich Aivazovsky, Solomon Samuilovich Crimea, Nicholas II, Pavel Yakovlevich Saferov, Nikolai Petrovich Krasnov, modern, architecture, Crimea, cultural landscape, Semyon Ezrovich Duvan

References (transliterated)

1. Aibabina E. A. Dekorativnaya kamennaya rez'ba Kaffy XIV–XVIII vv. Simferopol': Sonat, 2001. 280 s.
2. Berestovskaya D. S. Dialogichnost' prazdnika (na primere kul'tury narodov Kryma). Simferopol': IT «ARIAL», 2015. 148 s.
3. Berestovskaya D. S. Kul'turnye landshafty Kryma: kollektivnaya monografiya. Simferopol': IT «Arial», 2016. 380 s.
4. Danilevskii V. Ya. Rossiya i Evropa. Vzgl'yad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. M. : Institut russkoi tsivilizatsii, 2011. 813 s.
5. Zamyatin D. N. Gumanitarnaya geografiya: predmet izucheniya i osnovnye napravleniya razvitiya. // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 4. S. 126–138.
6. Kaganskii V. L. Landshaft i kul'tura // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 1. S. 160–169.
7. Kizilov M. B. Krymskaya Gotiya: Istoriya i sud'ba. Simferopol': BF «Nasledie tysyacheletii», 2015. 352 s.
8. Kovalenko A. I. O nekotorykh stilevykh osobennostyakh arkhitektury Kryma. // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 1999. № 10. S. 51–54.
9. Kononenko E. I. Eshche raz o probleme sel'dzhukского iskusstva. // Vestnik SPbGU, 2015. Seriya 15. Vypusk 3. S. 66–77.
10. Kotlyar E. R. Identifikatsiya karaimskoi plastiki v dekore ekster'era usad'by S. Kryma v g. Feodosiya. // Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi telekonferentsii «Rossiiskaya nauka v sovremennom mire». Moskva–Penza: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Aktual'nost' RF», 2015. S. 42–48.
11. Kotlyar E. R. Traditsionnye elementy narodnogo iskusstva etnosov Kryma v dekore epokhi moderna // Kul'tura i tsivilizatsiya, 2016. № 4. S.361–372.
12. Likhachev D. S. Izbrannoe: Mysli o zhizni, istorii, kul'ture M.: Rossiiskii Fond kul'tury, 2006. 336 s.
13. Lotman Yu. M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2000. 704 s.

14. Prokhorov D. A., Khrapunov N. I. *Kratkaya istoriya Kryma. Simferopol' : Dolya*, 2013. 400 s.
15. Rempel', L. I., Vyaznikovtseva, T. V. *Epokha moderna v Moskve // Arkhitektura SSSR*. 1935. № 10-11. S. 91.
16. Sarab'yanov, D. V. *Stil' modern. M.: Iskusstvo*, 1989. 294 s., il.

Transformation of winter costume in Yakutia in the era of modernization of the late XIX – mid XX centuries.

Fedorova Aitalina Rodionovna

Junior Scientific Associate, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

677000, Russia, respublika Sakha (Yakutiya), g. Yakutsk, ul. Petrovskogo, 1

✉ aytap@mail.ru

Gogolev Anatolii Ignat'evich

Doctor of History

Professor of the Department of World, National History, Ethnology, Archeology, Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

677013, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, ul. Belinsky, 58, office 610

✉ ai.gogolev@s-vfu.ru

Abstract. This article examines the process of changing everyday clothes in Yakutia in the late XIX – mid XX centuries on the example of a winter suit. This historical period was marked by active modernization processes in the region, which also affected the material culture of the population. The issue of adaptation of residents of the Far North to new economic conditions is relevant in this regard: how the transition from the traditional way of life to Soviet culture took place. The hypothesis of the present study is that the culture and technologies of traditional tailoring of fur and leather have been preserved in the studied period precisely because of the need for the population to self-sustain themselves with winter clothing in conditions of shortage of goods and raw materials. The chronological framework of the study covers the period of the end of the existence of the traditional Yakut costume and ends in the middle of the twentieth century. To study the winter costume, photographic materials were used, which depicted samples of everyday clothes. Photos from the photo funds of the Yakut State United Museum of History and Culture of the Peoples of the North named after Em. Yaroslavsky, which includes images from both public and private collections, are considered. In addition, consultations with informants were held to supplement the data. This topic has not yet become the subject of special study, since the costume of this period is no longer ethnic. Nevertheless, in our opinion, it is interesting in the context of studying the adaptation of folk traditions to modernization processes. Using visual and field sources, the transformation of casual clothing in Yakutia of the studied period is considered. The authors of the article came to the conclusion that in the era of modernization there was a sharp change in the way of life, which affected the material culture of the inhabitants of Yakutia. Unification in the wardrobe of citizens of the Soviet state in the first half of the twentieth century could not always cover the needs of residents of specific climatic zones, including residents of the northern republics. This contributed to the preservation of traditional technologies of manual production of winter clothing.

Keywords: handmade production, winter clothes, culture, ethnos, sovietization, costume modernization, Yakutia, costume transformation, Traditional costume, USSR

References (transliterated)

1. Seroshevskii V.L. Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya. 2-e izd. – Moskva:[b. i.], 1993. – 713 s.
2. Gavril'eva R.S. Odezhda naroda sakha kontsa XVII – serediny XVIII vv. – Novosibirsk: Nauka, 1998. – 141 s.
3. Petrova S.I. Narodnyi kostyum yakutov: istoriko- etnograficheskoe i iskusstvovedcheskoe issledovanie. – Novosibirsk: Nauka, 2013. – 207 s.
4. Yakovleva K.M., Prokop'eva A.N. Yakutskii natsional'nyi kostyum: poisk identichnosti // Chelovek i kul'tura. – 2019. – № 4. – S. 62 – 70. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.4.28738
5. Vinichenko I.V. Sovetskaya moda v kontekste sotsial'no-ekonomicheskoi i kul'turnoi zhizni SSSR ot «ottepeli» do «zastoya»: traditsii i novye realii : monografiya / I.V. Vinnichenko ; Omskii gos. tekhn. un-t. – Omsk : Izd-vo OmGTU, 2017. – 111 s.
6. Strizhenova T.K. Iz istorii sovetskogo kostyuma. – M.: Sovetskii khudozhnik, 1972.– 110 s.
7. Shepel' O.N. Zarozhdenie sovetskogo kostyuma v usloviyakh massovizatsii obshchestva // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. – 2011. – №4. – T.1. – S. 292-295.
8. Zinov'eva L. E. Kostyum i identichnost': predstavlenie o sebe i predstavlenie sebya // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. – 2013. – № 1. – S. 57-62.
9. Bobrikhin, A. A. Odezhda i moda kak sredstvo formirovaniya sovetskoi identichnosti / A. A. Bobrikhin, S. I. Egorova // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept". – 2015. – № S18. – S. 21-25. – EDN TOAVRN.
10. Lebina N. B. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii 1920-kh – 1930-kh godov. – SPb.: Zhurnal «Neva» – Izdatel'sko-torgovyi dom «Letnii Sad», 1999. – 320 s.
11. Kerimova, A. T. Odezhda krymskikh tatar v pervye gody Sovetskoi vlasti / A. T. Kerimova // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. – 2021. – № 2. – S. 171-178. – DOI 10.22378/kio.2021.2.171-178. – EDN QYSPMW.
12. Golovnev A.V. «Etnichnost': ustoichivost' i izmenchivost' (opyt Severa)» Etnograficheskoe obozrenie. – 2012. -№2. – S. 3-12.
13. Fedorova, A. R. Traditsionnaya odezhda yakutov XIX – nachala KhKh vv.: prirodnoe syr'e i novye materialy (kolichestvennyi podkhod i analiz) / A. R. Fedorova // Severo-Vostochnyi humanitarnyi vestnik. – 2023. – № 3(44). – S. 31-46. – DOI 10.25693/SVGV.2023.44.3.003
14. Fefilova L. Yu. Metodika istoricheskogo analiza evropeiskogo kostyuma kontsa XIX – nachala XX vv. po fotomaterialam Urala i Sibiri : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.09 / L. Yu. Fefilova ; Ural. gos. un-t im. A. M. Gor'kogo. – Ekaterinburg : [b. i.], 2007. – 21 s.
15. Zhilishche, odezhda i pishcha yakutov. – Yakutsk : Tipografiya Yakutskogo oblastnogo upravleniya, 1913. – 21 s.
16. Konstantinov I.V. Material'naya kul'tura yakutov XVIII veka: (po materialam pogrebenii). – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo, 1971. – 210 s.

17. Petrova S. I. Yakutskaya natsional'naya odezhdа: traditsii, problemy sovremennoi rekonstruktsii i adaptatsii // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2010. – №4. S. 1-6.
18. Soskin V. L. Rossiiskaya sovetskaya kul'tura (1917 – 1927 gg.): Ocherki sotsial'noi istorii. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. 2004. – 455 s.
19. Istoriya Yakutii: v 3 tomakh. Novosibirsk: Nauka, 2021. – T. 3. – 592 s.
20. Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya), F. R-51, Op. 1, D. 55, L. 128.
21. Vasil'eva N.D. Yakutskoe shamanstvo 1920 – 1930-e gg. / N.D. Vasil'eva; Akad. nauk Resp. Sakha (Yakutiya). In-t gumanitar. issled. – Yakutsk: IGI AN RS(Ya), 2000. – 141 s.
22. Ivanov Kh.V. Traditsionnoe dekorativno-prikladnoe i izobrazitel'noe iskusstvo yakutov: Russko-yakutskie svyazi: (k postanovke voprosa) // Kul'turnoe vzaimodeistvie narodov Respubliki Sakha (Yakutiya): Istoriya i sovremennost': Sb. nauch. Tr, – Yakutsk: IGI AN RS(Ya), 1995. S. 86.
23. Gogolev A.I. Istoriya Yakutii. – Yakutsk: Izdatel'stvo Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. – 296 s.
24. Ammosov M.K. Stroitel'stvo YaASSR. (Otchet pravitel'stva YaASSR pyatomu Vseyakutskomu s"ezdu Sovetov). – Yakutsk: Izd. kooperativa «Leninets», 1927. – 42 s.
25. Bragina D.G. Transformatsiya traditsionnoi kul'tury yakutov (konets KhKh – nachalo XXIV.). – Novosibirsk: Nauka, 2016. – 120 s.
26. Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva Yakutskoi ASSR (1928-1940 gg.). Dokumenty i materialy. Red. Kollegiya: V.V. Nikolaeva (gl. redaktor), V.N. Antipina, P.Kh. Gulyaev, S.E. Efremov, P.S. Sofroneev, D.S. Shepelev. – Yakutsk: Kn. Izd-vo, 1978. – 268 s.
27. Polevoi material avtora: Informant Egorova Evdokiya Zakharovna 1935 goda rozhdeniya, Yakutsk, noyabr' 2023.
28. Polevoi material avtora: Opros «Chelovek i zhivotnyi mir na territorii Respubliki Sakha (Yakutiya): predstavleniya i praktiki vzaimodeistviya», Yakutsk 2022.
29. Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) F. R1463, Op. 1, D. 19 L. 18-19 Otchety o vypolnenii planov po produktsii i trudu za 1976-1977.
30. Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) F. R1463, Op. 1, D. 39, L. 1 Otchety o vypolnenii planov postavok tovarov narodnogo potrebleniya fabrikoi Sardaana.
31. Polevoi material avtora: Informant Fedorova Tuiara Ivanovna 1968 goda rozhdeniya, Yakutsk, avgust 2023.

"Cold deficiency" and degradation of permafrost soils as a factor of transformation of hunting activity among the Yakuts

Gogolev Anatolii Ignatevich

Doctor of History

Professor of the Department of "World, National History, Ethnology and Archeology", Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

677000, Russia, respublika Sakha (yakutiya), g. Yakutsk, ul. Belinskogo, 58, of. 608

✉ cafvi1990@mail.ru

Fedorov Sviatoslav Igorevich

Junior Scientific Associate, Department of History and Arctic Studies, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer, Department of World and Russian History, Ethnology and Archaeology, Ammosov North-Eastern Federal University

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Petrovskiy str., 1

✉ fedorov.si@mail.ru

Abstract. One of the most important global problems of the XXI century is climate change. Every year, in some parts of the world, a decrease in annual precipitation and temperature is recorded, in others, on the contrary, an increase. These fluctuations can cause droughts, floods and degradation of permafrost soils. Further climate change may cause irreparable damage to traditional farming methods and adversely affect housing conditions in many regions of the globe. Thus, climate change can complicate and disrupt the established order of life and activity of the population of the Republic of Sakha (Yakutia). This paper highlights a problem that has not been specifically studied before, and which concerns all hunters of the republic, the impact of climate change on hunting activities. The work is based on field materials collected by Vilyuysky and Tattinsky districts. Field materials were collected by audio, photo and video recording, in-depth interviewing and included observation during field work in the Vilyuysky and Tattinsky districts of the Republic of Sakha (Yakutia). In earlier scientific works research was conducted separately on the topic of the impact of climate change on the daily life and economic activities of the Yakuts, in this work hunting activity was considered. Hunters who participated in the research adapt to the changing climate in various ways: they increase the range of hunting area, equip trips over longer distances than before, learn to re-read changes in weather conditions, manufacture and use various devices for hunting and storage. The main conclusions of the research are that climatic changes directly or indirectly affect hunting activities in the studied areas: ordinary amateur hunters note that the habitat of animals is changing, roads are being destroyed, the soil of hunting grounds is degrading, there is a danger of the spread of various diseases.

Keywords: soil degradation, thawing of permafrost, climate change, amateur hunting, traditional culture, hunting activities, hunting, Yakutia, adaptation, transformation

References (transliterated)

1. PMA 2017, Vilyuiskii raion, zhenshchina 1940 g.r., pensioner
2. PMA 2017, Vilyuiskii raion, muzhchina 1949 g.r., pensioner
3. PMA 2023, Vilyuiskii raion, muzhchina 1984 g.r., okhotnik
4. PMA 2023, Tattinskii raion, muzhchina 1994 g.r., okhotnik
5. Lytkin V., Suleymanov A., Vinokurova L., Grigorev S., Golomareva V., Fedorov S., Kuzmina A., Syromyatnikov I. Influence of permafrost landscapes degradation on livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) rural communities // Land. 2021. Vol. 10, No. 2. P. 1-22. DOI 10.3390/land10020101. EDN OGSXAB.
6. Anisimov O.A. Otsenochnyi otchet. Osnovnye prirodnye i sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya izmeneniya klimata v raionakh rasprostraneniya mnogoletnemerzlotnykh porod: prognoz na osnove sinteza nablyudenii i modelirovaniya. M.: OMNNO «Sovet Grinpis», 2010. 43 s.
7. Vrangeli' F.P. Puteshestvie po severnym beregam Sibiri i Ledovitomu moryu. Ch. I-II. SPb., 1841. 356 s.; 2-e izdanie. M.: Izd-vo GUSMP, 1948. 456 s.
8. Egorova L.P. O vliyanii Vilyuiskogo vodokhranilishcha na klimat okruzhayushchei sredy// Vliyanie GES na okruzhayushchuyu sredu v usloviyakh Krainego Severa.

- Yakutsk: Yakutskii filial SO AN SSSR, 1987. S. 78-82.
9. Iokhel'son V.I. Ocherk zveropromyshlennosti i trgovli mekhami v Kolymskom okruge. SPb., 1898. S. 6-25.
 10. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya-2020. Tom 2 Vozrastno-polovoi sostav i sostoyanie v brake URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake/ (Data obrashcheniya: 23.11.2023)
 11. Maak R. K. Vilyuiskii okrug. 2-e izd., M.: Yana, 1994. 592 s.
 12. Middendorf A.F. Puteshestvie na Sever i Vostok Sibiri. ChII. SPb.1878. 833 s.
 13. Seroshevskii V.L. Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya, M.: Tsentrpoligraf, 1993 g. 751 s.
 14. Spesivtseva N.A. Mikroklimaticheskii rezhim Vilyuiskogo vodokhranilishcha// Regional'nye i teplofizicheskie issledovaniya gornykh porod Sibiri. – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. S. 176-179.
 15. Suleimanov A.A., Lytkin V.M., Vinokurova L.I., Grigor'ev S.A., Fedorov S.I., Golomareva V.Yu., Basharin N.I., Aprosimov D.A. Sel'skie soobshchestva Yakutii v usloviyakh degradatsii mnogoletnemerzlykh porod: klyuchevye riski, sotsial'nye posledstviya, mekhanizmy adaptatsii // Arktika i Sever. 2023. № 52. S. 199-231. DOI 10.37482/issn2221-2698.2023.52.199. EDN ZWZDYL.
 16. YaSIA. Naselenie Yakutii-samoe vooruzhennoe na Dal'nem Vostoke URL: <https://ysia.ru/naselenie-yakutii-samoe-vooruzhennoe-na-dalnem-vostoke/> (Data obrashcheniya: 11.02.2023)

Ontological, epistemological and anthropological dimensions of creativity in the context of classical European philosophy

Kachay Ilya Sergeevich

Senior Lecturer, Department of Philosophy, Siberian Federal University

660041, Russia, Krasnoyarskii krai, Krasnoyarsk, pr. Svobodnyi, 82A, aud. 428

✉ monaco-24-ilya@mail.ru

Abstract. The object of this research is creativity as a cultural and philosophical phenomenon. The subject of the research is the ontological, epistemological and anthropological aspects of creativity, revealed in the conceptual space of classical European philosophy. The aim of this research is to identify ways to understand creativity as a cultural and philosophical phenomenon through the prism of the views of the largest representatives of European philosophical thought. When considering the essential foundations of creativity, special attention is paid to the ontological, epistemological and anthropological nature of creativity, which is emphasized in the conceptual constructions of Plato, Aristotle, Augustine Blessed, Thomas Aquinas, F. Bacon, R. Descartes, J. Locke, I. Kant and F.W.J. Schelling. The theoretical basis of this research is the original works of representatives of classical European philosophy, as well as modern research in the field of philosophy of creativity. The methodological foundation of the research is the comparative analysis and the method of contextual vision of creativity. The main result of the conducted research is the articulation of the understanding of the phenomenon of creativity in the context of the classical period of the development of European philosophical thought from the standpoint of ontological, gnoseological and anthropological approaches. Based on the identified aspects of the desired cultural phenomenon, a historically determined concept of creativity is presented. The

scientific novelty of the research also lies in the discovery and accentuation of both explicit and implicit aspirations of the classics of European philosophy to the essential understanding of the genuine and false intentions of the creative subject.

Keywords: false creativity, ontology, epistemology, anthropology, ancient philosophy, medieval philosophy, Philosophy of the New Time, German classical philosophy, genuine creativity, creative intentions

References (transliterated)

1. Blok V. The Ontology of Creation: Towards a Philosophical Account of the Creation of World in Innovation Processes // *Foundations of Science*. 2022. Pp. 1-18. doi: 10.1007/s10699-022-09848-y
2. Fiut I.S. The Ontology of the Creative Process // *The Creative Matrix of the Origins* / Ed. by A.-T. Tymieniecka. Dordrecht: Springer, 2002. P. 327-339. doi: 10.1007/978-94-010-0538-8_25
3. Neves-Pereira M.S., Pinheiro M.A. Creativity and Dialogism // *A Dialogical Approach to Creativity* / Ed. by M.S. Neves-Pereira, M.A. Pinheiro. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 11-32. doi: 10.1007/978-3-031-11760-2_2
4. Zheng L., Mazzola G. Ontology, Ontiontology, and Creativity // *Classification of Musical Objects for Analysis and Composition*. Cham: Springer, 2023. P. 7-12. doi: 10.1007/978-3-031-30183-4_2
5. Peschl M., Fundneider T. Emergent Innovation – a Socio-Epistemological Innovation Technology. Creating Profound Change and Radically New Knowledge as Core Challenges in Knowledge Management // *International Conference on Knowledge Management and New Media Technology*, 2008. Pp. 11-18.
6. Licata I., Minati G. Creativity as Cognitive design – The case of mesoscopic variables in Meta-Structures // *Creativity: Fostering, Measuring and Contexts*, 2010. Pp. 95-107.
7. Ross W. Creative Ignorance // *Embodied, Extended, Ignorant Minds* / Ed. by S. Arfini, L. Magnani. Cham: Springer, 2022. P. 37-57. doi: 10.1007/978-3-031-01922-7_3
8. Sternberg R.J. Cultural Creativity: A Componential Model // *Creativity, Innovation, and Change Across Cultures* / Ed. by D.D. Preiss, M. Singer, J.C. Kaufman. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 363-387. doi: 10.1007/978-3-031-28206-5_14
9. Ambrose D. An Interdisciplinary Exploration Revealing Phenomena That Facilitate or Prevent Interconnections Among Intelligence, Creativity, and Wisdom // *Intelligence, Creativity, and Wisdom* / Ed. by R.J. Sternberg, J.C. Kaufman, S. Karami. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 32-48. doi: 10.1007/978-3-031-26772-7_2
10. Myszkowski N., Barbot B., Zenasni, F. Cognitive and Conative Profiles of Creative People // *Homo Creativus. Creativity in the Twenty First Century* / Ed. by T. Lubart et. al. Cham: Springer, 2022. P. 33-48. doi: 10.1007/978-3-030-99674-1_1
11. Carroll J. Imagination, the Brain's Default Mode Network, and Imaginative Verbal Artifacts // *Evolutionary Perspectives on Imaginative Culture* / Ed. by J. Carroll, M. Clasen, E. Jonsson. Cham: Springer, 2020. P. 31-52. doi: 10.1007/978-3-030-46190-4_2
12. Sternberg R.J. Transformational Creativity: The Link between Creativity, Wisdom, and the Solution of Global Problems // *Philosophies*. 2021. Vol. 6, No. 3. Pp. 1-10. doi: 10.3390/PHILOSOPHIES6030075.
13. Khalil R., Godde B., Karim A. The Link Between Creativity, Cognition, and Creative

- Drives and Underlying Neural Mechanisms // *Frontiers in Neural Circuits*. 2019, Vol. 13, No. 18. Pp. 1-16. doi: 10.3389/fncir.2019.00018
14. Steiner E. Impuls – Creativity is me – innovation is we: Disruption, Innovation und der Einfluss der Informationsübermittlung // *Kreativität und Innovation in Organisationen* / Ed. by M. Landes, E. Steiner, T. Utz. Berlin: Springer Gabler, 2022. P. 145-155. doi: 10.1007/978-3-662-63117-1_8
 15. Shergeng N.A. Klassicheskaya filosofiya: etimologicheskii i istoricheskii smysl ponyatiya «klassicheskii» // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2012. T. 17 № 1. S. 714-717.
 16. Kachai I.S. Gnoseologicheskoe i aksiologicheskoe izmereniya tvorchestva v smyslovom kontekste neklassicheskoi filosofii // *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2022. T. 11, № 4A. S. 44-51. doi 10.34670/AR.2022.40.20.006
 17. Kachai I.S. Praksiologiya tvorchestva: sushchnost' tvorcheskogo protsessa kak filosofsko-psikhologicheskaya problema // XVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Nauka. Obrazovanie. Innovatsii: sovremennoe sostoyanie aktual'nykh problem». Anapa: OOO «NITs ESP» v YuFO, 2023. S. 50-56.
 18. Antichnaya filosofiya // *Antologiya mirovoi filosofii: v 4 t. M.: Mysl', 1969. T. 1., Ch. 1. 576 s.*
 19. Tsitseron. O prirode bogov // *Filosofskie traktaty*. M.: Nauka, 1985. 383 s.
 20. Platon. Pir // *Sobr. soch.: v 4 t. M.: Mysl', 1993. T. 2. 528 s.*
 21. Yakovlev V.A. Filosofiya tvorchestva v dialogakh Platona // *Voprosy filosofii*. 2003. № 6. S. 142-154.
 22. Lombrozo Ch. Genial'nost' i pomeshatel'stvo / per. s it. K. Tetyushinovi. M.: Ripol Klassik, 2006. 400 s.
 23. Platon. Sofist // *Sobr. soch.: v 4 t. M.: Mysl', 1993. T. 2. 528 s.*
 24. Aristotel'. Metafizika // *Soch.: v 4 t. M.: Mysl', 1976. T. 1. 550 s.*
 25. Aristotel'. Nikomakhova etika // *Soch.: v 4 t. M.: Mysl', 1983. T. 4. 830 s.*
 26. Avgustin Blazhennyi. O bessmertii dushi // *Tvoreniya: v 4 t. SPb.: Aleteiya; K.: UTsIMM-Press, 2000. T.1. 742 s.*
 27. Maiorov G.G. Formirovanie srednevekovoi filosofii (latinskaya patristika). M.: Mysl', 1979. 431 s.
 28. Avgustin Blazhennyi. Ob istinnoi religii // *Tvoreniya: v 4 t. SPb.: Aleteiya; K.: UTsIMM-Press, 2000. T.1. 742 s.*
 29. Foma Akvinskii. Summa teologii: v dvukh chastyakh. Chast' 1. Voprosy 1-64. M.: Izdatel' Savin S.A., 2006. 817 s.
 30. Kachai I.S. Sootnoshenie podlinnogo i mnimogo tvorchestva v kontseptual'nom prostranstve srednevekovoi filosofii // *Evraziiskii Soyuz Uchenykh (ESU)*. 2018. № 11 (56). S. 64-68. doi: 10.31618/ESU.2413-9335.2018.4.56
 31. Bekon F. O dostoinstve i priumnozhenii nauk // *Soch.: v 2 t. M.: Mysl', 1971. T. 1. 590 s.*
 32. Bekon F. O mudrosti drevnikh // *Soch.: v 2 t. M.: Mysl', 1972. T. 2. 582 s.*
 33. Dekart R. K M. Mersennu (Iz perepiski 1619-1643 gg.) // *Soch.: v 2 t. M.: Mysl', 1989. T. 1. 654 s.*
 34. Lokk Dzh. O rassuzhdenii posredstvom idei (Otryvki iz trekh pisem Dzh. Lokka k Stillingflitu, episkopu Vusterskomu) // *Soch.: v 3 t. M.: Mysl', 1985. T. 2. 560 s.*
 35. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya. M.: Iskusstvo, 1994. 367 s.
 36. Kant I. Prolegomeny ko vsyakoi budushchei metafizike, mogushchei poyavit'sya kak

nauka // Soch.: v 6 t. M.: Mysl', 1965. T. 4., Ch. 1. 544 s.

37. Shelling F.V.I. *Filosofiya iskusstva*. M.: Mysl', 1966. 496 s.

38. Shelling F.V.I. *K istorii novoi filosofii (Myunkhenskie lektsii)* // Soch.: v 2 t. M.: Mysl', 1989. T. 2. 636 s.

The role of the accessory in a female interior portrait by E. Vigée Le Brun

Abramkin Ivan Aleksandrovich

PhD in Art History

Associate Professor, School of Art History, Department of theory and history of art, Russian State University for the Humanities

125047, Russia, Moscow, Muskaya Square, 6

✉ ivanabramkin@list.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of female interior portraits created by E. Vigée Le Brun in Russia. The purpose of the study is to reveal the role of the accessory in the portrait concept of the French artist, which is characterized by close attention to the subject matter of painting. The relevance of the work is conditioned by the fact that a careful study of this group of works, which represent the model in a waist type, contributes both to the comparison with portraits that show the figure in a knee-high or full-length image and emphasize three-dimensional aspects in its interpretation, and to the identification of the specifics of E. Vigée Le Brun's creative approach in creating different variants of interior portraiture. The research methodology is based on a combination of formal, comparative-historical and contextual analysis to determine the characteristic features of interior portraiture in the master's work. This research allows author to come to the conclusion that the accessory in the portrait concept of the French artist not only shows the interests of the model and her family virtues, but also enhances the expressiveness of the work and the individuality of the person portrayed. At the same time, it should be noted that the treatment of accessories demonstrates signs of some action rather than active involvement in it, and thus has a conventional character, typologically corresponding to the widespread variant of the semi-ceremonial male portrait as a statesman. In addition, E. Vigée Le Brun's approach to this type of interior portrait has a number of characteristic features, which include convincing and compact posture, bright color, intense lighting, considerable attention to the painting of the costume and the special role of accessories for individualizing the model's look.

Keywords: rossica, French school, female image, painting, interior, portrait, accessory, Vigée Le Brun, Russian art, 18th Century

References (transliterated)

1. Abramkin I.A. Portretnaya kontseptsiya russkogo sentimentalizma: printsipy izobrazheniya modeli v tvorchestve vedushchikh masterov 1790-kh godov // *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda*. Vestnik MGKhPA. 2020. № 3, ch. 1. S. 96–112.
2. Abramkin I.A. Inter'er v zhenskikh portretakh M.-E. Vizhe-Lebren, sozdannykh v Rossii // *Russkoe iskusstvo. Izbrannye issledovaniya pamyatnikov i khudozhestvennykh yavlenii XV–XX vv.* Sb. statei. M.: TONChU, 2023. S. 36–45.

3. *Yablonskaya T.V.* Klassifikatsiya portretnogo zhanra v Rossii XVIII veka (k probleme natsional'noi spetsifiki): diss. kand. isk. M., 1978.
4. *Evangelova O.S.* Russkoe khudozhestvennoe soznanie XVIII veka i iskusstvo zapadnoevropeiskikh shkol. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2007.
5. *Alekseeva T.V.* Nekotorye problemy izucheniya russkogo iskusstva XVIII v. // Russkoe iskusstvo XVIII veka. M.: Nauka, 1973. S. 7-19.
6. *Helm W.H.* Vigée-Lebrun 1755-1842: Her Life, Works and Friendships, with a catalogue raisonné of the artist's pictures. London: Hutchinson & Co., 1915.
7. *Pitt-Rivers F.* Madame Vigée Le Brun. Paris: Gallimard, 2001.
8. *Hautecoeur L.* Madame Vigée-Lebrun: étude critique. Paris: Laurens, 1914.
9. *Okurenkova N.V.* Istoriko-khudozhestvennaya vystavka russkikh portretov, ustraivaemaya v Tavricheskom dvortse, v pol'zu vdov i sirot pavshikh v boyakh voynov. Illyustrirovannyi katalog-rekonstruktsiya. Vypusk I. M.: Minushee, 2016.
10. *Elisabeth-Louise Vigée Le Brun.* Catalogue de l'Exposition / Eds. J. Baillio, X. Salmon. Paris, Grand Palais: Editions de la Réunion des musées nationaux, 2015.
11. *Abramkin I.A.* Obraz materi s rebenkom v tvorchestve M.-E. Vizhe-Lebren vo vremya prebyvaniya v Rossii // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvedenie». 2021. № 3. S. 131-147.
12. «...Krasotu ee Borovikovskii spas». K 250-letiyu so dnya rozhdeniya V.L. Borovikovskogo. Katalog vystavki / Otv. red. L.A. Iovleva. M.: GTG, 2008.
13. *Vospominaniya g-zhi Vizhe-Lebren o prebyvanii ee v Sankt-Peterburge i Moskve. 1795-1801 / Per. i sost. D.V. Solov'ev.* SPb.: Iskuststvo-SPB, 2004.
14. *Abramkin I.A.* Portrety E.V. Skavronskoi kisti M.-E. Vizhe-Lebren: osobennosti izobrazheniya odnoi modeli v Neapole i Sankt-Peterburge // Novoe iskusstvoznanie. 2022. № 1. S. 42-47.
15. *Zolotov Yu.K.* Frantsuzskii portret KhVIII veka. M.: Iskuststvo, 1968.
16. *Gooden A.* The Sweetness of Life, A biography of Elisabeth Vigée Le Brun. London: André Deutsch, 1997.
17. *Chezhina Yu.I.* Kostyumirovannyi portret v russkom iskusstve XVIII veka kak otrazhenie dukha epokhi: diss. kand. isk. SPb., 2006.
18. *Karev A.A.* Klassitsizm v russkoi zhivopisi. M.: Belyi gorod, 2003.

Oriental motifs and images in the works of K.D. Balmont: a cultural aspect.

Shashneva Ekaterina Nikolaevna

PhD in Cultural Studies

Senior Lecturer of the Department of Russian Language and Teaching Methods of the Shuisky Branch of the Ivanovo State University

155900, Russia, Ivanovo region, Shuya, ul. Cooperative, 24

✉ liliya0601@mail.ru

Val'kevich Svetlana Ivanovna

Doctor of Cultural Studies

Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Fine Arts of the Ivanovo State University

155900, Russia, Ivanovo region, Shuya, ul. Cooperative, 24

✉ svalkevich@yandex.ru

Maslov Viktor Georgievich

Doctor of Philology

Professor of the Department of Russian Language and Teaching Methods of the Shuisky Branch of the Ivanovo State University

155900, Russia, Ivanovo region, Shuya, ul. Cooperative, 24

✉ vgmas@mail.ru

Mihailov Aleksei Aleksandrovich

Doctor of Pedagogy

Professor, Director of the Shuisky branch of the Ivanovo State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Education of the Ivanovo Region

24, Cooperativnaya str., Shuya, Ivanovo region, 155900, Russia

✉ fairytail@mail.ru

Ershova Lyudmila Viktorovna

Doctor of Pedagogy

Professor of the Department of Cultural Studies and Fine Arts of the Shuisky Branch of the Ivanovo State University

24, Cooperativnaya str., Shuya, Ivanovo region, 155900, Russia

✉ ershova_l@bk.ru

Astakhov Oleg Yur'evich

Doctor of Cultural Studies

Professor, Head of the Department of Cultural Studies, Philosophy and Art History of the Kemerovo State Institute of Culture

650056, Russia, Kemerovo region, Kemerovo, Voroshilova str., 17

✉ Astahov_oleg@mail.ru

Romanova Karine Evgen'evna

Doctor of Pedagogy

Professor of the Department of Technology, Economics and Service, Shuisky branch of the Ivanovo State University

24, Cooperativnaya str., Shuya, Ivanovo region, 155900, Russia

✉ rectorat@mail.ru

Okeanskaya Zhanna Leonidovna

Doctor of Cultural Studies

Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communications, Ivanovo Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia

33 Stroiteley str., Ivanovo, Ivanovo region, 153040, Russia

✉ ocean_2004@mail.ru

Abstract. The article examines oriental motifs and images in the work of the poet of the Silver Age K.D. Balmont. The cultural significance of K.D. Balmont's work is undoubtedly for the ideas of the Silver Age. The purpose of the study is to analyze the work of K.D. Balmont and identify oriental images and motifs such as: the Enlightened Buddha, the desert, the Sphinx, the Koran, Allah, the Merciful. The object and material of the study were the poetic texts of K. Balmont: "Boro-Budur" from the collection "Burning Buildings", "Sphinx" from the

collection "Silence", "Merciful" from the collection "Pearl Rug". The scientific novelty of our research lies in the consideration of motives and images as an important component of the figurative picture of the world and the poetic worldview of K.D. Balmont. The culturological aspect of oriental themes in the poet's work has been identified and substantiated. Such oriental ideas and motifs were formed, new images in his work as: the enlightened Buddha, Nirvana, pyramids, desert, Sphinx, motifs of the Koran, Allah, the Merciful, etc. In 1909-1912, K.D. Balmont traveled around the world. Egypt, Indonesia, and India completely conquered the poet. Balmont studied a huge number of scientific works on religion, philosophy and mythology of the East. K.D. Balmont wrote many letters, poems, travelogues, essays on the culture of the East. The poet's translation activity occupies a special niche in his work. He translated Ashwagosh's "The Life of the Buddha" from Sanskrit, Kalidasa's drama "Sakuntala", "Malyavika and Agnimitra" and "Urvashi Obtained by Courage", and he translated "The Koran" from Arabic. Folklore and mythology of India, China, Japan, and Iran are collected in the collection "Calls of Antiquity".

Keywords: philosophical teachings, The Silver Age, Russian literature, The symbolist poet, the Koran, the Sphinx, the desert, The Enlightened Buddha, culture of the East, Konstantin Dmitrievich Balmont

References (transliterated)

1. Kupriyanovskii P.V. Molchanova N.A. Poet Konstantin Bal'mont. Biografiya. Tvorchestvo. Sud'ba. Ivanovo: Izdatel'stvo «Ivanovo», 2001. 468 s.
2. Bal'mont K. D. Sobranie sochinenii: V 7 t. T. 6: Krai Ozirisa; Gde moi dom?: Ocherki (1920 – 1923); Tishina; Gornye vershiny: Sbornik statei; Belye zarnitsy: Mysli i vpechatleniya. M.: Knizhnyi Klub Knigovek, 2010.
3. Abdel'khamid S. A. M. Yazykovye obrazy Egipta v lirike K. D. Bal'monta / Filologicheskii klass. – 2023. – T. 28, № 3. – S. 158–170.
4. Topchinov E. A. Religii mira: Opyt zapredel'nogo: Psikhotehnika i tpsanspepersonal'nye sostoyaniya. SPb.: Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1998. 384 s.
5. Bongard-Levin G.M. «Svet moi, Indiya, svyatynya»/ Iz «Russkoi mysli». SPb.: Aleteiya, 2002. 228s. – (Seriya «Russkoe zarubezh'e»).
6. Shashneva E. N. Indiya v tvorchestve K.D. Bal'monta: kul'turnye paradigmy buddizma / E. N. Shashneva, A. A. Mikhailov // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. – 2022. – T. 13, № 4. – EDN JLNNGV.
7. Fiskovets E. V. Indiya v lirike Bal'monta (na materiale stikhotvoreniya "Maiya") / E. V. Fiskovets / Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2009. – № 6-2. – S. 116-120. – EDN KZBXXR.
8. Bal'mont K.D. Gde moi dom: Stikhotvoreniya, khudozhestvennaya proza, stat'i, ocherki, pis'ma / K.D. Bal'mont. M.: Respublika, 1992. – 447 s.
9. Bal'mont K.D. Belyi zodchii. Sobranie sochinenii v 7 tt. – M.: Knizhnyi Klub Knigovek, 2010 . T. 3.
10. Spesivtseva L. V. Tema Vostoka v liricheskoi poeme Serebryanogo veka // Gumanitarnye issledovaniya. 2013. № 2(46). S. 87-93. EDN QJIIX.13
11. Shashneva E.H., Seropyan A.C. Evkharisticheskii khronotop v tvorchestve K.D. Bal'monta // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Seriya «Filologiya i iskusstvovedenie». Kirov, 2011. № 2 (2). S. 127-130.
12. Tsivelev A. A. Vliyanie Vostoka na kul'turu i poeziyu Rossii // Molodoi uchenyi. 2010. № 9. S. 236-241. EDN NUECUF.

13. Shashneva E.H. Obraz doma i rodnogo mira v proze K.D. Bal'monta // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya «Sotsial'nye nauki». N. Novgorod, 2011. № 2 (22). S.121-123
14. Gavrilov Yu.A., Shevchenko A.G. Musul'manstvo v istorii i kul'ture narodov Rossii: islamskaya sostavlyayushchaya rossiiskoi tsivilizatsii. M., 2007. 476 s.
15. Shashneva, E.N. K.D. Bal'mont i kul'tura islama / E. N. Shashneva, A. A. Mikhailov, S. I. Val'kevich, V. G. Maslov // Kul'tura i iskusstvo. – 2022. – № 12. – S. 1-10. – DOI 10.7256/2454-0625.2022.12.39408. – EDN ZBKIJW.
16. Shashneva E. N. Motivy Korana i musul'manskoi kul'tury v tsikle stikhotvorenii K.D. Bal'monta / E. N. Shashneva V. V. Uryadova // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2022. – № 12(104). – S. 279-284. – DOI 10.24158/fik.2022.12.45. – EDN CFKUNR.
17. Kusikov A., Bal'mont K., Sluchanovskii A. Zhemchuzhnyi kovrik : sb. stikhotvorenii. M., 1921. 63 s.
18. Chach E. A. Russkii intellektual na Vostoke v epokhu Serebryanogo veka: opyt tipologizatsii // Istoriya i kul'tura. 2012. № 9. S. 163-203. EDN PVFGST.
19. Kontsova E. V.Vostochnaya tema v tvorchestve K.D. Bal'monta // Molodoi uchenyi. 2009. № 3. S. 118-124. EDN MUAGNN.
20. Bal'mont K. D. Sobranie sochinenii: V 7 t. T. 6: Krai Ozirisa; Gde moi dom?: Ocherki (1920 – 1923); Tishina; Gornye vershiny: Sbornik statei; Belye zarnitsy: Mysli i vpechatleniya. M.: Knizhnyi Klub Knigovek, 2010.
21. Kirichenko Yu. S. Indiiskie motivy v tvorchestve K.D. Bal'monta / Yu. S. Kirichenko, E. N. Semykina // V.V. Vereshchagin i Vostok: V predchuvstvii evraziistva : Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Cherepovets, 26–28 oktyabrya 2016 goda / Otv. red. A.N. Egorov, A.E. Novikov, O.Yu. Solodyankina. – Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, 2016. – S. 168-172. – EDN XFYIOZ.
22. Radzh V. Indiya i buddizm v tvorchestve K.D. Bal'monta // StudNet. – 2021. – T. 4, № 3. – S. 76. – EDN LJZGOH.
23. D'yachenko T. A. Orientalizm v stikhotvorenii K.D. Bal'monta «Oazis» / T. A. D'yachenko // Khudozhestvennaya kartina mira v fol'klore i literature : materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Astrakhan', 23–24 aprelya 2021 goda. – Astrakhan': Izdatel'skii dom «Astrakhanskii universitet», 2021. – S. 47-50. – EDN WOAHCX.
24. Bartol'd V.V. Islam. Kul'tura musul'manstva. M., 2018. 221 s.
25. Abdullaev N. B. (2021). Indian themes in the works of K. D. Balmont. //Epra, International Journal of Multidisciplinary Research (IJMR) – Peer Reviewed Journal, https://eprajournals.com/jpanel/upload/1234am_2.DOI: 10.36713/epra2013 (pp.8-9)
26. Makhmudova Y. A. (2023). The Place and Role of Oriental Themes in the Works of Poets of the "Silver Age" Late 19th – Early 20th Centuries. // Vital Annex: International Journal of Novel Research in Advanced Sciences (IJNRAS), ISSN: 2751-756X <http://innosci.org> (pp.136-140)
27. Kovalenko A. The recertion of China's image in the poem "the Great Nothing" by K. Balmont / A. Kovalenko, P. V. Porol // 2nd International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology : (ICPCS 2020), Bangkok, Thailand, 06–07 yanvary 2020 goda. – Bangkok, Thailand: DEStech Publications, Inc., 2020. – P. 392-396. – EDN BEMTQW.

Khomus in the historical memory of Yakutia

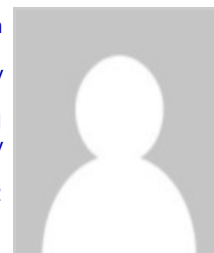
Gogolev Anatolii Ignatevich

Doctor of History

Professor; Department of World, Russian history, ethnology, archeology, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, ul. Belinsky, 58, office 612

✉ cafvi1990@mail.ru

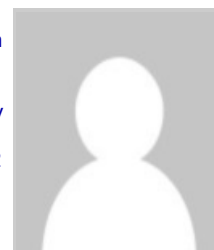

Egorov Aleksandr Fedorovich

Senior Lecturer; Department of World and National History, Ethnology, Archaeology, Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, ul. Belinsky, 58, office 612

✉ alfegor1@gmail.com

Rufov Dmitriy Evgenevich

Postgraduate student; Department of World, Russian history, ethnology, archeology, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, ul. Belinsky, 58, office 612

✉ dmitriy_rufov@mail.ru

Abstract. The formation of a new historical memory with the transformation of commemorative practices in the Republic of Sakha (Yakutia) is primarily aimed at rethinking old practices and introducing new memory mechanisms. This process began at the end of the twentieth century throughout the entire territory of the Russian Federation. It should be noted that in addition to the beginning of the formation of a new all-Russian historical memory, local manifestations of memory associated with local peoples and their culture are being formed. In this article, we will try to consider this process of changing historical memory, precisely using the methods of concentration of memory sites, with one of the clearest examples of commemoration – the Yakut khomus, which can be considered one of the national symbols of Yakutia. The main method in this work is the methods of historical memory research, namely the methods of studying places of memory. In this work, for the first time, an attempt is made to explain through the concept of places of memory of Pierre Nora, which place in the historical memory of the Republic of Sakha (Yakutia) is occupied by the khomus, which is one of the main musical instruments of the Sakha people. The Yakuts do not have such extensive musical instruments, compared with the peoples of Altai and Central Asia, the Yakuts are rich in oral folk and song creativity, which makes the khomus one of the main musical instruments of the people. The khomus, being a harp instrument, one of the oldest types of musical instruments, has passed through the centuries and has practically not changed its appearance, only technologies and production methods will be changed. The commemorative processes that occur with khomus are very interesting for scientists to study and consider.

Keywords: Culture, Cultural history, Yakut people, Vargan, side of memory, modern time, Yakutia, Commemoration, historical memory, Khomus

References (transliterated)

1. Reshetnikova A. P. Fond syuzhetnykh motivov i muzyka olonkho v etnograficheskom kontekste. Yakutsk: Bichik, 2005. – 408 s.

2. Nora P. Problematika mest pamyati //Frantsiya-pamyat'. – SPb.: SPbGU, 1999. S. 40.
3. Middendorf A.F. Puteshestvie po Sibiri i Vostoku. Ch. 2. Sever i Vostok Sibiri v estestvenno-istoricheskom otnoshenii. Otdel VI. Korennye zhiteli Sibiri. – SPb., 1878. – S. 807.
4. Khudyakov, I. A. Kratkoe opisanie Verkhoyanskogo okruga / Pod redaktsiei V. G. Bazanova. – L: Nauka, 1969. – 439 s.
5. Suzukei V.Yu. Khomusy (vargany) narodov mira. // Khomus v traditsionnoi kul'ture tuvintsev. Kyzyl «Tyvapoligraf», 2010. S. 18-35.
6. PMA. Beseda s masterom po izgotovleniyu muzykal'nykh instrumentov P. M. Borisovym (yanvar' 2020). Materialy: interv'yu.
7. Gotovtsev I.N. Sakham khomuhugar sanany... Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 2003. – 64 s.

The transformation of the director's vision in relation to the structure of virtual space in cinema

Dobrynin Oleg Vital'evich

Senior Educator, Department of Animation and Computer Graphics, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (VGIK)

3 Wilhelm Peak str., Moscow, 129226, Russia

✉ oleg.dobrynin.70@list.ru

Abstract. The subject of research in this article is the process of creative design by the director, which undergoes changes when transitioning from traditional cinematographic space to the world of virtual reality. A significant role is given to the technical component of VR cinema.

The importance of this topic is undeniable, as it touches the foundations of cinematographic art and is of interest to a wide range of specialists in the field of film and virtual reality. It raises issues of creative freedom, technological capabilities, and new forms of interaction between the author and the audience.

The aim of the work is to consider how the role of the director changes in the context of creating virtual worlds, and how new opportunities provided by technical innovations affect the structure and perception of cinematographic works. Based on comparative analysis methods, the work attempts to understand the transformation of the director's creative design in the context of virtual space. The novelty of the work is determined by the fact that it carries out a comparative analysis of traditional and virtual approaches in cinema, as well as provides a tentative forecast for the development of VR cinema, describes the role of artificial intelligence and machine learning in the narrative component of cinema.

Since virtual reality carries the potential for radical changes in direction, the work touches on aspects such as narrative and stylistics in classical and VR cinema, the role of the viewer, control of viewer perception by the director, the emotional impact of VR and classical cinema, visualization features, as well as psychological aspects that distinguish classical and innovative approaches.

The future of virtual cinema promises an expansion of the boundaries of what is possible in storytelling.

Keywords: interactive reality, the art of cinema, cinematographic space, multimedia language, new technologies, virtual reality technologies, VR cinema, auteur cinema, virtual reality,

director's idea

References (transliterated)

1. Bazen A. Chto takoe kino? M.: Iskusstvo, 1972. S. 50.
2. Bychkov V.V. Khudozhestvennyi obraz // Bychkov V.V. Estetika: Uchebnik dlya vuzov. M.: Akademicheskii Proekt, Fond «Mir», 2011. – S. 265.
3. Virtual'naya i dopolnennaya real'nost': osnovy, tekhnologii i primeneniye. Pod redaktsiei Ivanova A.V. i Petrovoi A.S. – M., 2021.
4. Gabrilovich, E. Voprosy kinodramaturgii: ucheb. posobie. – M.: VGIK, 1984. – 68 s.
5. Kinematograficheskii opyt: istoriya, teoriya, praktika. Kollektivnaya monografiya. / O. S. Davydova, S. B. Nikonova, D. A. Polikarpova i dr.; pod red. A. E. Radeeva, N. M. Savchenkovo – SPb.: Poryadok slov, 2020. 360 s.
6. Krivtsun O.A. Evolyutsiya khudozhestvennykh form. Kul'turologicheskii analiz. I M.: Nauka, 1992. – 300 s.
7. Limanskaya L.Yu. Opticheskie miry: estetika zreniya i yazyk iskusstva. I M.: RGGU, 2008. – 351 s.
8. Lotman Yu. M. Semiotika kino i problemy kinoestetiki. M.: Izd-vo "Eesti raamat", 1973. – 92 s.
9. Man'kovskaya N.B., Bychkov V.V. Sovremennoe iskusstvo kak fenomen tekhnogennoi tsivilizatsii / N.B. Man'kovskaya, V.V. Bychkov. – M.: VGIK, 2011. – 210 s.
10. Media: mezhdru magiei i tekhnologii / pod red. N. Sosna i K. Fedorovoi. – Moskva; Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2014. 330 s.
11. Ekrannaya kul'tura v XXI veke: sbornik nauchnykh trudov / ruk. proekta V. V. Vinogradov; otv. za vyp. N. I. Emel'yanova; red. K. K. Ognev. – M. : FGOU DPO IPK rab. TV i RV, 2010. – 416 s.

Fine art as a factor in the development of modern art animation in the UK

Wu Zijian

Postgraduate student; Department of Architecture, Design and Ecology, Sochi State University

354003, Russia, Sochi, ul. Plastunskaya, 94

✉ wuzijian@rambler.ru

Abstract. The subject of the study is the specificity of artistic and visual techniques used by the British creators of animated films, using the example of the paintings "Shaun the Sheep" and "Van Gogh. Love, Vincent." The object of research is the artistic animation of Great Britain at the beginning of the XXI century. The article reveals the trends of British animation in recent years by analyzing the elements of the visual series of cartoons created using the expressive means of classical art. The works considered in the article demonstrate the author's approaches of modern British directors in relation to the artistic and figurative solution of cartoons related to various types of fine art, for example, sculpture in plasticine animation and oil painting. The aim is to identify and characterize the visual techniques in British cartoons of the early 21st century. The research methodology presents the greatest difficulty, since it has not been fully developed in relation to the characteristics of the artistic and visual specifics of animated films, but at the same time opens up opportunities for

interdisciplinary analysis. The research uses an art historical analysis, in particular a structural study of the plot and compositional features of animation. The novelty of the research is due to the fact that in Russian science the stated problem remains practically unexplored. For the first time, the paintings "Shaun the Sheep" and "Van Gogh. With love, Vincent" are considered from the point of view of means of artistic expression and in terms of meaning formation. Based on the results of the analysis, it is concluded that modern British animation proceeds by creating films in which visual arts are actively involved. This sets a high level of performance of paintings, because it requires the authors to have impeccable command of visual literacy, which allows them to achieve maximum expressiveness of images. It is likely that in the future, reliance on the artistic language of classical art and the manual labor of animators will continue to form as a specific feature of British animation.

Keywords: history of development, animated film, analysis, cinema, screen arts, contemporary art, Great Britain, Animation Film School, animation, visual art

References (transliterated)

1. Krivulya, N. G. Istoriya animatsii : Uchebno-metodicheskoe posobie. – Moskva : Vserossiiskii gosudarstvennyi universitet kinematografii imeni S.A. Gerasimova (VGIK), 2011. – 34 s.
2. Khitruck F.S. Professiya-animator: V 2 t. – M: Livebook, 2008. – 304 s.
3. Kharlova, E. A. Tekhnologicheskaya i esteticheskaya spetsifika plastilinovoi animatsii / E. A. Kharlova, M. V. Konovalov // Innovatsionnye materialy i tekhnologii v dizaine : Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s uchastiem molodykh uchenykh), Sankt-Peterburg, 22–23 marta 2018 goda / Otvetstvennyi redaktor O.E. Babkin. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi institut kino i televideniya, 2018. – S. 95-99.
4. Zverevich, V. V. Prikluyeniya britanskogo dizaina v Rossii. Organizatsiya informatsionnogo obespecheniya uchebnogo protsessa v Britanskoi vysshei Shkole dizaina / V. V. Zverevich // Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki, 2008. – № 3. – S. 22-28.
5. Shchekotova, E. A. Obraz Severa v sovremennoi britanskoi mul'tiplikatsii // Istoriya i kul'tura Russkogo Severa i Arktiki : sbornik nauchnykh statei studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Arkhangel'sk, 15–17 noyabrya 2017 goda / Sev. (Arktich.) feder. un-t im. M.V. Lomonosova, Vyssh. shk. sotsial.-gumanitar. nauk i mezhdunar. kommunikatsii, kaf. vseobshch. istorii; sost. O.V. Zaretskaya. Tom Vypusk 1. – Arkhangel'sk: Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet imeni M.V. Lomonosova, 2018. – S. 93-97.
6. Gut, V. A. Realizatsiya komicheskogo effekta v mul'tfil'makh // 76-ya nauchnaya konferentsiya studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta : Materialy konferentsii. V 3-kh chastyakh, Minsk, 13–24 maya 2019 goda / Redkollegiya: V.G. Safonov [i dr.]. Tom Chast' 3. – Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet, 2019. – S. 255-259.
7. Drachuk, I. V. Lingvisticheskie osobennosti rechi personazhei angliiskikh mul'tiplikatsionnykh fil'mov (na materiale mul'tfil'ma "Peppa pig") / I. V. Drachuk, E. V. Simonova // Voprosy filologii i perevodovedeniya v kontekste sovremennykh issledovaniy : Sbornik nauchnykh statei XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Cheboksary, 26 aprelya 2019 goda / Otvetstvennye redaktory: N. V. Kormilina, N. Yu. Shugaeva. – Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi

- pedagogicheskii universitet im. I.Ya. Yakovleva, 2019. – S. 33-37.
8. Chu, Zh. Analiz sovremennogo polozheniya animatsionnoi industrii Anglii // *Sovremennaya animatsiya*, 2020. – № 2. – S. 47-53.
 9. Dun, Ts. Prezentatsiya simvoliki regional'nykh elementov v angliiskikh animatsionnykh fil'makh / Tszin'pin Dun // *Kino i literatura*, 2015. – № 18. – S. 100-102.
 10. Christophini, M. "Loving Vincent" and 'I'm OK': two approaches to documenting the life of an artist // *Edinburgh College of Art research publications*, 2020. – URL: <https://era.ed.ac.uk/handle/1842/37671> (accessed on: 09.11.2023).
 11. Hwang, I.A. Loving Vincent: the audiovisual perception of intermediality. Bachelor Thesis. Utrecht University, 2014. – 28 p. URL: [https://studenttheses.uu.nl/bitstream/handle/20.500.12932/40202/BAThesis Hwang 6063322.pdf?sequence=1](https://studenttheses.uu.nl/bitstream/handle/20.500.12932/40202/BAThesis%20Hwang%206063322.pdf?sequence=1) (accessed on: 19.11.2023).
 12. Ruiz, P. A. The Van Gogh Enigma: Re-Mythifications of the Artist's Genius in "Loving Vincent" and "At Eternity's Gate" // *Comparative Cinema*, 2021. – Vol 9. – No 16. – Rr. 93-110, 148-162.
 13. Mottram, J. Loving Vincent: How the first fully-painted feature film took six years to make // *The Independent*, 2017. URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/films/features/loving-vincent-van-gogh-douglasbooth-armand-roulin-hugh-welchman-dorota-kobiela-a7994186.html> (accessed on: 09.11.2023).
 14. Van Nimwegen, I. Painting the Past: An Analysis of the Soundtrack in Animated Feature Film Loving Vincent. Bachelor Thesis. Utrecht University, 2017. 22 p. URL: [https://studenttheses.uu.nl/bitstream/handle/20.500.12932/29997/Van%20Nimwegen %20%284066510%29%20-%20Painting%20the%20Past.pdf?sequence=2](https://studenttheses.uu.nl/bitstream/handle/20.500.12932/29997/Van%20Nimwegen%20%284066510%29%20-%20Painting%20the%20Past.pdf?sequence=2) (accessed on: 20.11.2023).
 15. Vollenbroek, T. 'Loving Vincent': 6 Facts About the First Oil Painted Animated Feature // *Cartoon Brew*, 2017. URL: <https://www.cartoonbrew.com/feature-film/loving-vincent-6-facts-first-oil-painted-animated-feature-150443.html> (accessed on: 09.11.2023).
 16. Cun, Ts. Podrobnyi analiz vizual'nykh elementov i kul'turnykh funktsii mul'tiplikatsii. Nankin / Tszin'lin' Sun // *Vestnik Nankinskogo pedagogicheskogo universiteta*, 2005. – № 2. – S. 4-13.
 17. Pen, Zh., Lo, T. Izmenenie estetiki i funktsii animatsii v mul'timediinoi srede / Zhan' Pen, Tyan' Lo // *Sovremennoe kino*, 2018. – № 7. – S. 173-176.